

ЧИСЛА

10

TCHISLA, CAHIERS TRIMESTRIELS, PARIS

СОДЕРЖАНИЕ :

Стихи	Стр.	5
Н. Оцупъ. — Отрывки изъ поэмы		27
М. Агъевъ. — Повѣсть съ кокаиномъ ..		31
А. Алферовъ. — Море		70
Е. Бакунина. — Штормъ		80
А. Буровъ. — Съ одинокими Господь ...		96
М. Горлинъ. — Нервы		126
Н. Татищевъ. — Кривой		150
Ю. Фельзенъ. — Возвращеніе		167
С. Шаршунъ. — Долголиковъ		187
П. Вицилли. — Гоголь и классическая ко- медія		198
Н. Оцупъ. — Изъ дневника		200
Б. Поплавскій. — Вокругъ «Чисель» ...		204
Ю. Терапіано. — Путешествіе въ глубь ночи		210
М. Цвѣтасва. — Два лѣсныхъ царя ...		212
Л. Червинская. — Мы		217
И. Чинновъ. — Отрывокъ изъ дневника..		222
С. Шаршунъ. — Хвалебное слово И. А. Бунину		224
В. Вейде. — «Надъ вымысломъ слезами обольюсь»		226
С. Лифарь. — Изъ записной книжки ...		231
Miscelanea		233
Перевозъ		270
Китайская поэзія		272
Дневникъ Апполона Безобразова		276
Рецензіи		282

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ :

Librairie « Sous la Lampe »
8, rue de l'Abbaye, Paris (VIe)

Ч И С Л А

СБОРНИКИ ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ
НИКОЛАЯ ОЦУПА

КНИГА ДЕСЯТАЯ

1 9 3 4

НАСТОЯЩИ СБОРНИКЪ НАБРАНЪ И
ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ЮНЪ ТЫСЯЧА
ДЕВЯТЬСОТЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО
ГОДА ВЪ КОЛИЧЕСТВЪ ТЫСЯЧИ ЭК-
ЗЕМПЛЯРОВЪ НА БУМАГЪ АЛЬФА.

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

Изъ голубого океана,
Котораго на свѣтѣ нѣтъ,
Изъ за глубокаго тумана
Обманчиво - глубокій свѣтъ.

Изъ голубого океана,
Изъ голубого корабля,
Изъ голубого обѣщанія,
Изъ голубого... la-la-la ...

Голубизна, исчезновенье,
И невозможный смыслъ вещей,
Которыя приносятъ въ пѣнье
Всю глубь безсмыслицы своей.

ЛЕОНИДЪ ГАНСКІИ

Веревка, стуль и крѣпкій крюкъ,
Друзьямъ послѣдняя записка.
Скажи, не будетъ больше мукъ?
Скажи, вѣдь ты теперь такъ близко

Потомъ придутъ враги, друзья,
Веревку перерѣжутъ, спрячутъ.
Онъ жилъ, какъ было жить нельзя
Онъ былъ отважный неудачникъ.

Положатъ въ гробъ и понесутъ
Впередъ недвижными ногами,
И тѣло смрадное сожгутъ
И дымъ сольется съ облаками.

И не узнаетъ даже другъ
Что слышать передъ смертью близкой
Веревка, стуль и крѣпкій крюкъ

.....

АЛЕКСАНДРЪ ГИНГЕРЪ

Я молюсь передъ Богомъ моимъ
И къ Нему ползу и къ Нему лечу въ непроницаемой мглѣ,
Какъ на конѣ бедуинъ стелется по землѣ,
Разсѣкаетъ вѣтры плащомъ своимъ.

Духу счастья и славы молюсь изъ юдоли земной,
Бьется сердце въ клѣткѣ грудной.

Словъ ищу простыхъ — съ отцомъ говорить,
Но такихъ найти не могу,
И хочу молчать, но умереть не могу,
И хочу не дышать, но не смѣю себя убить.

Вознесись къ отцу молитва, мой конь,
Подстрекаемый пятками моей любви,
Низойди на меня, отчій огонь,
Сильный потокъ любви.

Утро воскресенья.
Какъ ты бѣдно, воскресенье.
Вы скажите, кто воскресъ

Зеленѣютъ озими.
Тусклость взоровъ и небесъ.
Сожалѣніями поздними
Полонъ голый лѣсъ.

2.

Не моргая въ пространство глядитъ
Бѣлоглазая тупо чудь.
Хищная чайка кричитъ
Челнъ снаряжается въ путь.

Пишетъ поэтъ: стояль
Столпъ — и стоять привыкъ...
Онъ ничего не ждалъ,
Нищій духомъ старикъ.

Можетъ быть, дольше самихъ
Славы и смерти — онъ —
Выстоитъ, ветхъ и тихъ,
Въ смутный мигъ погружень.

И его растопить лишь
Предпоследняго дикій свѣтъ.
А последняго легкая тишь
Неожиданный дастъ отвѣтъ.

ДОВИДЪ КНУТЪ

1.

Пыльный запахъ листвы, черный стволъ надъ скамейкой зеленой,
Крѣпкимъ каменнымъ сномъ спяты уставшіе за день дома.
Наростающей массой печали — и грустью огромной —
Надвигается ночь, разливается сѣрая тьма.

Въ міръ ходитъ бѣда, бродитъ вѣтеръ и зрѣеть ненастье,
Скорбь витаетъ надъ міромъ и дышетъ на насъ горячо.
А въ дрожащихъ рукахъ бьется-бьется непрочное счастье,
А въ усталыхъ рукахъ непосильное счастье мое.

Какъ вчера, мы сегодня съ тобою разстанемся скоро,
И, слабѣя въ борьбѣ съ многоликой и темной судьбой,
Послѣ дней и ночей лжи, смиренья, труда и позора,
Мы въ назначенный вечеръ увидимся снова съ тобой.

А потомъ будетъ день (и, повѣрь, онъ придетъ, онъ настанетъ...)
День такой, какъ другіе (никто нашихъ слезъ не пойметъ...)
Когда я не приду, или ты не придешь на свиданье,
Когда кто-то уже никогда ни къ кому не придетъ.

И отъ нашей любви, и отъ радости нашей жестокой,
И отъ нашихъ ночей уцѣлѣютъ, быть можетъ, стихи —
Только горсточка словъ, старомодныя, стыдныя строки
О любви, о судьбѣ, о любви, о тебѣ, о любви.

2.

Другъ мой прекрасный, надежды слабѣютъ.
Другъ мой несчастный, признаться пора:
Насъ вовлекли въ шутовскую затѣю.
Другъ мой, нечисто ведется Игра.

Другъ, и до насъ были знатные умники,
Послѣ — такіе же будутъ глупцы,
Гробокапатели, воры, цырюльники,
Гордые дѣти, смѣшные отцы.

Тѣ же восторги, такія же жалобы
Людыамъ мѣшали работать и спать.
Тѣ же... такое же... такъ же... — и, стало быть,
Надо крѣпиться, побольше молчать.

...Стыдная жизнь, для романа пригодная,
Та, о которой цыганка поетъ:
Годы безплодные, боль безысходная,
Испепеленное счастье мое.

Все равно, всѣ умремъ, какъ нибудь! —
Чтобъ жалѣть — для себя говорю;
Потому что я смертью горю,
Потому что мнѣ хуже не будетъ.
Я нагъ, въ темницѣ, голодень,
Стыну стиснутый сонной зимою;
По утрамъ, я тоже, вою
Яснымъ звѣремъ въ умномъ городѣ.
Тамъ, за окномъ, за глубокими рвами
Въ розовый свѣтъ обреченные —
(Но только и только словами)
Всѣ мои пропасти черные.
А въ нихъ все со смертью схоже,
Тамъ разумъ въ отчаяннѣ бьется,
Тамъ разумъ — я знаю — сорвется,
Вѣдь иначе онъ не можетъ.

2.

Силится сердце жить!..
Такъ корабль въ ледовитый штормъ
Раздираетъ волненія шторы
Ужасомъ, навзничь, дрожить.
Неудачная воля: жить!
Повернуть бы хотѣлось назадъ;
Такъ мертвецъ бы хотѣлъ ожить,
Такъ слѣпому не нужны глаза.
Окрыляется тѣло на смерть
Сорвавшись въ любовную бездну,

И нужно силу надзвѣздную,
Чтобъ земное забыть, — посмѣть!
Какъ корабль въ ледяные валы, —
Разумъ и внизъ и вверхъ,
Разумъ, что душу извергъ
Добиваясь земной похвалы.
Чтобы счастье безъ риска, прижить —
Выдумывать завтрашній день;
Такъ смертью хоронять деньги,
Чтобъ на небѣ достойно жить.
Довольно и дня для меня,
Чтобы умъ загонять на этомъ,
И лучше не быть поэтомъ,
Если нужно такъ голосъ мѣнять.

1.

Надымила свѣча и погасла
И въ разсвѣтъ принесли невзрачный
На подносѣ янтарное масло
И яйцо въ скорлупѣ прозрачной.

Сквозь прямые мѣдные прутья
Занавѣской день улыбнулся,
И была постель на распутьи,
И серебрянный столбикъ ртути
До болѣзни не дотянулся.

2.

Простой обѣдъ и вина безъ излишка
И стукъ ѣзды трескуче-жестяной
И даже недостроенный домишко,
Такимъ же бывшій прошлою весной —

Безглазые, безлюдные поселки,
Ихъ ставленный, старушечій покой,
Потомъ мосты, большія треуголки
Надъ вздувшейся свинцовою рѣкой.

И такъ смѣшны старинные укоры
И такъ нестрашны призраки невзгодъ,
Когда вдали синѣеть шпиль Собора,
И видно небо въ трещины забора,
Что не чинили ужъ который годъ.

Такъ, голову на милое плечо, —
И грусть, и боль, и горе, и усталость, —
Все отойдетъ — и многое еще...
Такъ постепенно замѣняетъ жалость

Все, что когда-то страстью мы звали.
Во сколько разъ она благословеннѣй!..
Тому подняться легче отъ земли.
Кто можетъ опуститься на колѣни.

Какъ сердцемъ мы становимся мудрѣй,
Любимой спящей тихое дыханье
Какъ бережемъ, какъ благодарны ей
За самое ея существованье.

1.

Жизнью мужественной, настоящей
Каждый каждому поможетъ жить.
Въ бѣдствіяхъ, въ паденьяхъ предстоящихъ
Только бѣ вѣрному не измѣнить.

Вотъ мы расстаемся утромъ рано.
День начнется — все пойдетъ въ разладъ.
Сохранимъ же вѣрность безъ изъяна
Человѣческому слову: братъ.

2.

Что же я тебѣ отвѣчу, милый?
Скучно, по традиціи, соврать?
— Въ этотъ день холодный и унылый
Я пойду сосѣда провожать.

Жиль да былъ сапожникъ въ нашемъ домѣ.
Молоткомъ по кожѣ колотилъ.
За работой пѣлъ. За стойкой пилъ.
Жиль и жилъ себѣ — вдругъ, взялъ да померъ.

Омываютъ женщины его.
Заколотятъ гробъ. Сгніетъ покойникъ.
Милый мой, оставь меня въ покоѣ!
— Больше я не знаю ничего.

3.

Это было въ сентябрѣ, на хуторѣ.
(Боже мой, какіе были дни!)
Ты возилась съ глиняною утварью,
Были мы на хуторѣ одни.

Въ теплый полдень шли тропинкой узкою.
Огородами мы шли къ пруду.
И стояла осень южно-русская.
Это — въ девятнадцатомъ году.

Были мы тогда еще безпечные —
Даже улыбалась ты во снѣ.
Близкое, родное, человѣчное
Въ осени. Звѣриное — въ веснѣ.

И я помню, въ странномъ просвѣтлѣніи
Обернулась и сказала ты:
“Господи! Какъ я люблю осенніе
Грубые деревенскіе цвѣты!”

П. СТАВРОВЪ

1.

День не такой, какъ всѣ сошедшій гладко,
Но застрѣвающій — безъ сновъ.
Пустынная стѣна, крылатка
И слишкомъ четкій стукъ шаговъ.

И такъ шагать — и волосы по вѣтру
И мысли — врозь, и сердце — на-чеку
Безчувственнымъ отмѣривая метромъ
Пустынную и жгучую тоску.

А за угломъ, и въ судорогѣ и въ мукѣ
Разсвѣтъ — на день похожъ и не похожъ.
Какая ранняя предутренняя скука
Покорно голову укладывать подъ ножъ!

Изломъ угла — а за угломъ возочекъ,
Безмысленный предвѣстникъ пустоты —
И утренній, разсыпанный песочекъ
Послѣдніе заметывать слѣды.

2.

Такъ тяжкимъ накатомъ — надрывно и туго
Сорвались и лопнули обручи стали,
Гроза обложила насъ съ запада, юга
И далѣе.

Осада,
И натискъ по краю воскрылїй
И вздутаго неба огромныя лопасти
И треплются желтые флаги усилїй
Надъ пропастью.

А къ вечеру тише
И шепоть почти что не слышенъ
И ночь по краямъ, у ограды
Неслышнаго прочаго
Чернѣе отточена.

Ю. ТЕРАПИАНО

Помолимся о томъ, кто въ тьмѣ ночной
Клянетъ себя, клянетъ свой трудъ дневной,
Обиды вспоминаетъ, униженья
Въ постели смятой лежа безъ движенья,
И передъ нимъ — два призрачныхъ пятна —
Окно и дверь, холодная стѣна...
Больше нѣтъ обиды — униженья.

Помолимся о томъ, кто въ часъ забвенья
И отдыха, безъ отдыха, безъ сна
Всю ночь передъ бутылкою вина
Надъ грубой незапятнанной бумагой
Склоняется и дышетъ грустной влагой
Морей незримыхъ, слышитъ шумъ временъ:
Пусть къ небу темное лицо подниметъ онъ,
Пусть свѣтъ увидитъ онъ, пусть будетъ такъ, какъ надо.

Помолимся о томъ, кто у ограды
Иль въ опустѣвшемъ домѣ у окна
Заранѣ знаетъ — не придетъ она.
Еще помолимся мы о страданьи,
О радостяхъ, о горѣ, о желаньи,
О звѣздахъ, о Венерѣ, о лунѣ,
О грѣшникахъ, пылающихъ въ огнѣ,
Помолимся о подлыхъ и преступныхъ,
О нераскаянныхъ и недоступныхъ,
О самыхъ гордыхъ гордостью земной.

Но какъ молиться о душѣ такой,
Ни съ кѣмъ въ своемъ несчастьи несравнимой —
О томъ, кто знаетъ, что въ глазахъ любимой
Безвыходная скрыта пустота,
Кто раненъ совѣстью, въ комъ нищета,
Кто могъ бы все, и заградилъ уста —
Такое горе — неисповѣдимо.

А. ХОЛЧЕВЪ

Рукой протянутой почти касаясь двери,
Паденьемъ оголенная, лежитъ съ открытымъ ртомъ
Съ наивною стыдливостью, въ послѣдній мигъ потери
Сознанья, пальцы скрючились подъ голымъ животомъ.

Сквозь тьму рѣсницъ чуть-чуть бѣлки сквозятся
Предсмертной мукой заведенныхъ глазъ.
Будильникъ тикаетъ... И будто засмѣяться
Все силится посвистывая газъ.

Какъ память о вчера, въ изнеможеньи жалкомъ,
Двѣ папйотки свѣсились со лба...
Была живой — ходила все къ гадалкамъ
Узнать судьбу... И вотъ пришла судьба!

Свѣтлѣетъ въ комнатѣ. Вотъ въ солнечномъ сіяньи
Сверкнуло зеркало и синее ведро,
Сталъ видимымъ, потерянный случайно при свиданьи,
У ногъ покойницы билетикъ на метро.

Шумнѣй на улицѣ. Изъ трубъ дымокъ курится
Жизнь начинается! Вставай, вставать пора!
Жизнь начинается, жизнь продолжаетъ длиться
Для всѣхъ измученныхъ, дожившихъ до утра.

ЛИДЯ ЧЕРВИНСКАЯ

1.

Это похоже почти на сознание,
Это похоже почти на признание
Въ томъ, что обидой взволнована кровь...

Можетъ-быть, это измѣна случайная
Можетъ-быть радость, мучительно-тайная
Можетъ-быть это любовь.

Знаю — не зная, люблю — не любя,
Помню — не помня тебя —
Солнце холодное, счастье во снѣ
Бѣлое небо въ высококомъ окнѣ...

Можетъ-быть, то, что сегодня — рождение
Новаго горя во мнѣ.
Можетъ-быть, только опять отражение
Этой послѣдней, скучающей ясности,
Этой надменно-покорной безгласности
Вѣрности Вамъ въ тишинѣ.

2.

Какъ трудно пережить еще одну весну
Съ холоднымъ солнцемъ и печальнымъ счастьемъ,
Съ такой любовью и такимъ безстрастьемъ...
Въ немертвомъ сердцѣ слушать тишину.

И знать, что мѣръ незыблемъ и непрочень
И знать, что ты и свѣтель и порочень.

Какъ трудно жить безлюбое храня...

Но съ новымъ солнцемъ, измѣняютъ силы
И голось чудится — необъяснимо — милый,
Который могъ - бы погубить меня.

ИГОРЬ ЧИННОВЪ

1.

Такъ бываетъ — зарево Кремля
Въ полуснѣ увидишь, радуясь о снѣгѣ.
Точно въ книгѣ: русская земля,
Половцы и печенѣги.

Вотъ и я такъ. Молишься, дремля,
И, тоску и вѣру утоля надолго,
Долго смотришь: русскія поля,
Русскіе плоты на Волгѣ.

2.

Нарциссы, и голубоватый день, и трупъ,
И платья жалобная благодать.
Но Свидригайловъ зналъ, стрѣляясь поутру:
Не благодать въ личикѣ, а наглость.

Такъ въ комнатѣ зеленоватый свѣтъ луны
Стоялъ, и приближался августъ.
Раскольниковъ смотрѣлъ, дрожа отъ тишины,
На скорченной старухи наглость.

И видишь все, и, понимая все, коришь
Себя, и видишь смерти благодать,
На Петербургъ похожій бредовой Парижъ
И на Октябрь похожій августъ.

БАЛЛАДА О ГИМНАЗИСТЪ

На семнадцатый годъ
Показалось ему
Что такъ жить — не идетъ,
Что такъ жить — ни къ чему.

Оставался былымъ
Ихъ торжественный домъ.
“Сталъ онъ глупымъ и злымъ”,
Говорили о немъ.

Хоть бы слово въ отвѣтъ,
Молчаливый съ утра.
“Можетъ быть онъ поэтъ”,
Насмѣхалась сестра.

“Можетъ быть онъ влюбленъ,
Или тайный порокъ”.
Приближался сквозь сонъ
Имъ назначенный срокъ.

Онъ писалъ въ дневникѣ:
“Чуда нѣтъ. Я умру.
Не въ Твоей ли рукѣ
Кончу эту игру?”

“Если можешь — подай,
Если нѣтъ — откажи.
Лучше адъ, лучше рай
Ожиданья и лжи”.

Изъ багроваго сѣрѣ
Сталь огромный закатъ.
На столѣ револьверъ
Оставляяль его братъ.

Звукъ былъ ясенъ и чистъ
На весь домъ, на весь свѣтъ.
Былъ у насъ гимназистъ,
А теперь его нѣтъ.

К Р А С А В И Ц А

(О т р ы в о к ъ   и з ъ   п о э м ы)

1.

Женщины, которыя въ народъ
(И въ Сибирь) идутъ и погибають
И семнадцатый готовятъ годъ —
Насъ теперь не эти восхищаютъ.
Мнѣ бы легче было воспѣвать
Болѣе простую героиню,
Только женщину и только мать,
Мать съ ребенкомъ, кроткую богиню...
Но, увы, святая простота
Многихъ раздражаетъ не спроста.

2.

Утра я люблю оледѣнѣлость,
Первыхъ удлиненіе лучей
И побѣду свѣта... Мнѣ хотѣлось
Съ героини срисовать моей
Что-то отъ почти неженской доли,
Что-то, что какъ генію далось
И присутствіемъ добра и воли
И ума пронизано насквозь,
Что-то, что важнѣе оболочекъ
Не у всѣхъ, у женщинъ - одиночекъ.

3.

Что-то, что естественно какъ шипъ
И цвѣтокъ и стебель розы чайной,
Что-то, какъ литературный типъ,
Убѣдительности неслучайной.
Это не безплотный идеаль,
Сѣрыми и длинными лучами
Взглядъ ея кого не волноваль,
Но легко ли съ этими глазами
Съ дѣтства между славой и добромъ
Выбрать и поставить на своемъ.

4.

Ты не то что не хотѣла славы
(Тѣнь еяхватила бы другой),
Но за нею даже шагъ лукавый
Никогда не сдѣланъ былъ тобой.
Ты ее спокойно принимала
Безъ надменности и слѣпоты,
Даже безъ ироніи сначала,
И какая же загадка ты
Посейчасъ для многихъ, слишкомъ многихъ
Благодушныхъ и къ себѣ не строгихъ.

5.

Слава между прочимъ — просто такъ,
Да и что же можетъ быть другого,
Если есть избраничества знакъ.
Строго, чтобы не сказать сурово,
Судишь ты себя и жизнью всей
Что-то не обыденное, что-то
Независящее отъ людей
Выражаешь. Вся твоя забота —
Не обидѣть, не кривить душой
Ни съ другими, ни съ самой собой.

6.

Осенью улавливаетъ ухо
Желтыхъ листьевъ шелестъ на лету.
Лучше бы не помнить, что старухой
Будетъ и красавица въ цвѣту.
Что мучительнѣй и бесполезнѣй
Отъ судьбы отстаивать себя:
Въ черномъ окруженіи болѣзней,
Новой жертвы сразу не губя,
Понемногу въ нѣсколько приемовъ,
Вялая отъ морфія и бромовъ,

7.

Вырываетъ смерть послѣдній вздохъ
Изъ давно разрушеннаго тѣла.
Лучше бы не мѣшкавая, врасплохъ —
Бросилась она и одолѣла.
Что же... Покоряться и старѣть,
Никуда отъ этого не дѣться,
На лицо прелестное смотрѣть,
Любоваться и не наглядѣться
И грустить и думать: не одна
Свѣтлая у жизни сторона.

8.

Отчего же столько въ человѣкѣ
Нѣжности всему наперекоръ.
Въ этомъ увяданіи навѣки
Отъ всего, что было до сихъ поръ,
День за днемъ какая-то частица
Отдѣляется, одна другой
Черточка смѣняется, и длится
Разрушеніе и въ тѣневой
Жизни мы узнать уже не въ силахъ
Столько лицъ плѣнительныхъ и милыхъ

9.

Ты еще прекрасно молода,
 На вѣку твоёмъ, еще короткомъ,
 Лучше не бывали никогда:
 Этотъ уголь шеи съ подбородкомъ,
 Этихъ глазъ привычка не мигать,
 Ихъ необъяснимая огромность,
 И какъ будто птицей можешь стать,
 Легкія движенія, и скромность,
 Нехотя приѣмлющая власть,
 Ту, которой сладостно подпасть.

10.

Но когда и для тебя настанетъ
 Время съ зеркаломъ наединѣ
 Испытать, что и такую ранить
 Старость, отчего открыто мнѣ
 Въ томъ, что ждетъ тебя, въ перемѣщенѣ
 Линій совершеннаго лица —
 Какъ бы полное освобожденье
 Затаеннаго, не до конца
 Въ молодости видимаго свѣта.
 Имъ ты грѣшишь и сама согрѣта.

11.

Потому что для такихъ, какъ ты
 Смерть совсѣмъ не дорогая плата
 За непогрѣшимость чистоты,
 Каждому отпущенной когда-то,
 Но увы, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй
 Засоряемой... О самой ранней,
 Той, которая въ глазахъ дѣтей
 И еще въ небесномъ океанѣ, —
 Твоего существованья жестъ,
 Весь напоминанье и протестъ.

12.

То, что называли декадентствомъ,
 Врядъ ли ниже вѣка своего.
 Это — мiръ съ его несовершенствомъ
 И скучающее существо.
 Пусть оно не борется во имя
 Что-то общающихъ идей.
 Кто не различаетъ и за ними
 Тѣхъ же напряженіе страстей
 И за скрежетомъ борьбы желѣзной
 Жесты суетливые надъ бездной.

13.

Остальное: странныя слова,
 Стиль упадка, никогда не новый
 И свои имѣющій права,
 Даже будуары и альковы —
 Это несущественно. Сквозь дымъ
 Передъ начинавшимся пожаромъ
 Декадентство вижу я простымъ,
 Умнымъ и печальнымъ, и недаромъ
 Что-то есть и отъ его лучей
 Въ прелести и нервности твоей.

М. АГЪЕВЪ
ПОВѢСТЬ СЪ КОКАИНОМЪ
(По запискамъ больного)

ГИМНАЗІЯ

Буржевицъ отказалъ.

1.

Однажды, въ началѣ октября, я — Вадимъ Масленниковъ (мнѣ шелъ тогда шестнадцатый годъ), рано утромъ уходя въ гимназію, забылъ съ вечера еще положенный матерью въ столовой конвертъ съ деньгами, которые нужно было внести за первое полугодіе. Вспомнилъ я объ этомъ конвертѣ уже стоя въ трамваѣ, когда — отъ ускоряющагося хода — акаціи и пики бульварной ограды изъ игольчатаго мельканія вошли въ сплошную струю, и нависавшая мнѣ на плечи тяжесть все тѣснѣе прижимала спину къ никкелированной штангѣ. Забывчивость моя, однако, нисколько меня не обезпokoила. Деньги въ гимназію можно было внести и завтра, въ домѣ-же стащить ихъ было некому; кромѣ матери въ квартирѣ жила за прислугу лишь старая нянька моя Степанида, бывшая въ домѣ уже больше двадцати лѣтъ, и единственной слабостью, а можетъ быть даже страстью которой, были ея непрерывныя и звонкія, какъ щелканья подсолнуховъ, шушуканья, при помощи которыхъ, за неимѣніемъ собесѣдниковъ, вела она сама съ собой длиннѣйшіе разговоры, а подчасъ даже и споры, изрѣдка прерывая себя громкими, въ голосъ, восклицаніями, какъ-то: «ну-да»! или «еще бы»! или «открывай карманъ шире»! Въ гимназіи же я объ этомъ конвертѣ и вовсе забылъ. Въ этотъ день, что впрочемъ отнюдь не часто случалось, уроки были не выучены, готовить ихъ приходилось частью за время перемѣнъ, частью даже тогда, когда преподаватель находился въ классѣ, и это жаркое состояніе напряженности вниманія, въ которомъ все съ такой легкостью усваивалось (хоть и съ такой же легкостью, спустя день, забывалось), весьма способствовало вытряхиванію изъ памяти всего посторонняго. Только когда началась боль-

---

шая переменна, когда всѣхъ насъ по случаю холодной, но сухой и солнечной погоды, выпускали во дворъ и на нижней площадкѣ лѣстницы, я увидѣлъ мать, то тогда только вспомнилъ про конвертъ и про то, что видно она не стерпѣла и принесла его съ собой. Мать одиноко стояла въ сторонкѣ въ своей облысѣвшей шубенкѣ, въ смѣшномъ капорѣ, подъ которымъ висѣли сѣдые волосики (ей было тогда уже пятьдесятъ семь лѣтъ), и съ замѣтнымъ волненіемъ, какъ-то еще больше усиливавшимъ ея жалкую внѣшность, безпомощно вглядывалась въ бѣгущую мимо ораву гимназистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, смѣясь, на нее оглядывались и что-то другъ другу говорили. Приблизившись, я хотѣлъ было незамѣтно проскочить, но мать, завидя меня, и сразу засвѣтясь ласковой, но не веселой, а покорной улыбкой, позвала меня — и я, хоть мнѣ и было ужасъ какъ стыдно передъ товарищами, подошелъ къ ней. — Вадичка, мальчикъ, — старчески глухо заговорила она, протягивая мнѣ конвертъ и желтенькой ручкой боязливо, словно она жглась, касаясь пуговицы моей шинели; — ты забылъ деньги, мальчикъ, а я думаю испугается, такъ вотъ — принесла. Сказавъ это, она посмотрѣла на меня, будто просила милостыни, но въ ярости за причиненный мнѣ позоръ я ненавидящимъ шопотомъ возразилъ, что нѣжности телячьи эти намъ не ко двору, и что ужъ коли не стерпѣла и деньги принесла, такъ пусть сама и платитъ. Мать стояла тихо, слушала молча, виновато и горестно опустивъ старые свои ласковые глаза, — я же, сбѣжавъ по уже опустѣвшей лѣстницѣ и открывая тугую, шумно сосущую воздухъ дверь, хоть и оглянулся и посмотрѣлъ на мать, однако сдѣлалъ это не потому вовсе, что мнѣ стало ее сколько нибудь жаль, а всего лишь изъ боязни, что она въ столь неподходящемъ мѣстѣ расплачется. Мать все также стояла на верхней площадкѣ и, печально склонивъ свою уродливую голову, смотрѣла мнѣ вслѣдъ. Замѣтивъ, что я смотрю на нее, она помахала мнѣ рукой и конвертомъ такъ, какъ это дѣлаютъ на вокзалѣ, и это движеніе, такое молодое и бодрое, только еще больше показало, какая она старая, оборванная и жалкая.

На дворѣ, гдѣ ко мнѣ подошли нѣсколько товарищей и одинъ спросилъ, — что это за шутъ гороховый въ юбкѣ, съ которымъ я только что бесѣдовалъ, — я, весело смѣясь, отвѣтилъ, что это обнищавшая гувернантка, что пришла она ко мнѣ съ письменными рекомендаціями, и что если угодно, то я съ ней познакомлю: они смогутъ за ней не безъ успѣха поухаживать. Высказавъ все это, я, не столько по сказаннымъ мною словамъ, сколько по отвѣтному хохоту, который они вызвали, почувствовалъ, что *это* слишкомъ даже для меня, и что говорить этого не слѣдовало. Когда же запла-

---

тивъ деньги, мать вышла и ни на кого не глядя, сторбившись, словно стараясь стать еще меньше, быстро, какъ только могла, стучая стоптанными, со-всѣмъ кривыми каблучками, прошла по асфальтовой дорожкѣ къ воротамъ, — я почувствовалъ, что у меня болитъ за нее сердце.

Боль эта, которая столь горячо ожгла меня въ первое мгновеніе, длилась, однако, весьма недолго, при чемъ отчетливое ея изсяканіе, и значить полное исцѣленіе мое отъ этой боли произошло какъ-бы въ два приема: когда я, вернувшись изъ гимназіи домой, вошелъ въ переднюю и прошелъ по узкому коридорчику нашей бѣдной квартирки, гдѣ шибко пахло кухней, къ себѣ въ комнату — боль эта, хоть и переставъ уже болѣть, все еще какъ-го напоминала о томъ, какъ она часъ тому назадъ болѣла; и дальше, когда придя въ столовую я сѣлъ къ столу и передо мною сѣла мать разливая супъ, — боль эта меня уже не только не беспокоила, но мнѣ даже и представить себѣ было трудно, что она когда либо могла меня тревожить.

Но только я почувствовалъ себя облегченнымъ, какъ множество злобныхъ соображеній начали волновать меня. И то, что такой старой старухѣ надобно понимать, что она только срамить меня своей одеждой, — и то, что незачѣмъ ей было шляться въ гимназію съ конвертомъ — и то, что она заставила меня лгать, что лишила меня возможности пригласить къ себѣ товарищей. Я смотрѣлъ, какъ она ѣла супъ, какъ, поднимая ложку дрожащей рукой, проливала часть обратно въ тарелку, я смотрѣлъ на ея желтыя щеки, на морковный отъ горячаго супа носъ, видѣлъ какъ она послѣ каждаго глотка бѣловатымъ языкомъ слизываетъ жиръ, и остро и жарко ненавидѣлъ ее. Почувствовавъ, что я смотрю на нее, мать, какъ всегда, нѣжно взглянула на меня своими выпѣвѣвающими карими глазами, положила ложку и, будто этимъ своимъ взглядомъ понуждаемая хоть что нибудь сказать, — спросила: вкусно? Она сказала это слово съ подыгрываніемъ подъ ребенка, при этомъ съ вопрошающимъ утвержденіемъ мотнувъ мнѣ сѣдой головкой. — Фѣкюсснэ, — сказалъ и я, не подтверждая и не отрицая, а передразнивая ее. Я произнесъ это фѣкюсснэ съ отвращающей гримасой, словно меня сейчасъ вытошнить, и наши взгляды — мой холодный и ненавидящій, — ея, теплый, открытый внутрь и любящій, встрѣтились и слились. Это продолжалось долго, я отчетливо видѣлъ, какъ взглядъ ея добрыхъ глазъ тускнѣетъ, становится недоумѣвающимъ, потомъ горестнымъ, — но чѣмъ очевиднѣе становилась мнѣ моя побѣда, тѣмъ менѣе ощутимымъ и понятнымъ казалось то чувство ненависти къ этому любящему и старому человѣку, силой котораго эта побѣда достигалась. Вѣроятно поэтому - то я и не выдержалъ, первымъ опу-

---

стиль глаза и взялъ ложку и начал ѣсть. Но когда внутренне примиренный, желая сказать что-то ничего незначащее, я снова поднялъ голову, то уже ничего не сказалъ и невольно вскочилъ. Одна рука матери съ ложкой супа лежала прямо на скатерти. На ладонь другой, подпертой локтемъ о столъ, она положила голову. Узкя губы ея, перекосивъ лицо, взбирались на щеку. Изъ коричневыхъ впадинъ закрытыхъ глазъ, веерами тянувшихъ морщины, текли слезы. И столько беззащитности было въ этой желтой, старенькой головкѣ, столько незлобиваго горькаго горя, и столько безнадежности отъ этой никому ненужной теперь ея гадкой старости, — что я, все косясь на нее, уже подозрительно грубымъ тономъ сказалъ — ну, не надо, — ну, брось, — вѣдь не о чемъ, — и хотѣлъ было уже прибавить — мамочка — и можетъ быть даже подойти и поцѣловать ее, какъ въ этотъ самый моментъ съ внѣшней стороны, съ коридора, нянька, балансируя на одномъ валенкѣ, пхнула другимъ въ дверь и внесла блюдо. Не знаю для кого это ужъ и зачѣмъ, но только тутъ же я хватилъ кулакомъ по тарелкѣ, и болью пораненной руки и облитыми супомъ брюками окончательно увѣроанный въ своей правотѣ, справедливость которой какъ-то гуманно подкрѣплялась чрезвычайнымъ испугомъ няньки, — я, грозно выругавшись, пошелъ къ себѣ въ комнату.

Вскорѣ послѣ этого мать одѣлась, куда-то ушла и вернулась домой лишь подъ-вечеръ. Заслышавъ, какъ она прямо изъ передней простукала по коридору къ моей двери, постучала и спросила — можно, — я бросился къ письменному столу, послѣдно раскрылъ книгу и сѣвъ спиной къ двери скучно сказалъ — войди. Пройдя комнату и нерѣшительно подойдя ко мнѣ сбоку, при чемъ я, будто углубленный въ книгу, видѣлъ, что она еще въ шубкѣ и въ черномъ своемъ смѣшномъ капорѣ, мать, вынувъ руку изъ за пазухи положила мнѣ на столъ двѣ смятыхъ, словно желающихъ стыдливо уменьшиться, пятирублевыхъ бумажки. Погладивъ зачѣмъ своей скрюченной ручкой мою руку, она тихо сказала: Ты ужъ прости меня, мой мальчикъ. Ты вѣдь хорошій. Я знаю. И погладивъ меня по волосамъ и чуть призадумавшись, будто еще что-то хотѣла сказать, но не сказавъ ничего, мать на цыпочкахъ вышла, тихонько прицельнувъ за собою дверь.

2.

Вскорѣ послѣ этого я заболѣлъ. Первый мой немалый испугъ былъ однако тотчасъ пріутишенъ дѣловитой веселостью врача, адресъ котораго я наугадъ выискалъ среди объявленій венерологовъ, заполнявшихъ въ газетѣ

чуть ли не цѣлую страницу. Свидѣтельствуя меня, онъ совершенно также, какъ нашъ словесникъ, когда получалъ неожиданно хорошій отвѣтъ отъ сквернаго ученика, въ почтительномъ удивленіи расширилъ глаза. Похлопавъ затѣмъ меня по плечу, онъ тономъ не утѣшенія — это меня бы разстроило, — а спокойной увѣренности своей силы, добавилъ: — не горюйте, юноша, за одинъ мѣсяць все поправимъ.

Вымывъ руки, написавъ рецепты, сдѣлавъ мнѣ необходимыя указанія и не взглянувъ на рубль, положенный мною неловко косо и потому звенѣвшій все учащаясь и ужъ прямо переходя въ дробь, по мѣрѣ того, какъ онъ ложился на стеклянномъ столѣ, — врачъ, вкусно колупнувъ въ носу, отпустилъ меня, предупредивъ при этомъ со столь нешедшей къ нему хмурой озабоченностью, — что быстрота моего выздоровленія, какъ и мое выздоровленіе вообще, всецѣло зависятъ отъ точности моихъ посѣщеній, и что самое лучшее, если я буду приходить ежедневно.

Несмотря на то, что уже въ ближайшіе дни я убѣдился, что эти ежедневныя посѣщенія отнюдь не являются необходимостью, и что со стороны врача это обычный приемъ, чтобы участить звененіе моего рубля въ его кабинетѣ, я все же ходилъ къ нему ежедневно, ходилъ просто потому, что это доставляло мнѣ удовольствіе. Было въ этомъ коротконогомъ, толстомъ человѣчкѣ, въ его сочномъ баскѣ, словно съѣлъ онъ что-то вкусное, въ складкахъ его жирной шеи, напоминавшихъ велосипедныя, другъ на друга положенныя шины, въ его веселыхъ и хитрыхъ глазкахъ, вообще во всемъ его обращеніи со мной что-то шутливо похваляющее, одобряющее и еще что-то трудно уловимое, но такое, что мнѣ пріятно льстило. Это былъ первый уже въ лѣтахъ и слѣдственно «большой» человѣкъ, который видѣлъ и понималъ меня какъ разъ съ той стороны, съ которой я себя тогда хотѣлъ показывать. И я ходилъ къ нему ежедневно, не ради болѣзни, а ради него, не какъ къ врачу, а какъ къ пріятелю, первое время даже съ нетерпѣніемъ дожидаясь назначеннаго часа, надѣвая при этомъ, какъ на балъ, новую тужурку, брюки и лакированныя лодочки.

Въ эти дни, когда, желая установить за собою репутацію эротическаго вундеркинда, я рассказалъ въ классѣ, какой я болѣлъ болѣзнию (я сказала, что болѣзнь прошла, въ то время какъ она только начиналась), въ эти дни, когда я нисколько не сомнѣвался, что — рассказавъ подобное — я весьма выигрываю въ глазахъ окружающихъ, — въ эти-то дни и совершилъ я этотъ ужасный проступокъ, слѣдствіемъ котораго была искалѣченная человѣческая жизнь, а можетъ быть даже и смерть.

Недѣли черезъ двѣ, когда внѣшніе признаки болѣзни поослабли, но когда я очень хорошо зналъ, что все еще боленъ, — я вышелъ на улицу думая пройтись или пойти къ кинтошку. Былъ вечеръ, была середина ноября, — это изумительное время. Первый пушистый снѣгъ, словно осколки мрамора въ синей водѣ, медленно падалъ на Москву. Крыши домовъ и бульварныя клумбы вздуло голубыми парусами. Копыта не цокали, колеса не стучали и въ стихнувшемъ городѣ по весеннему волновали вымытые звоны трамваевъ. Въ переулкѣ, гдѣ я шелъ, я нагналъ шедшую впереди меня дѣвушку. Я нагналъ ее не потому, что хотѣлъ этого, а просто потому лишь, что шелъ быстрое ея. Но когда поровнявшись и обходя ее, я провалился въ глубокій снѣгъ, — то она оглянулась, и наши взгляды встрѣтились, а глаза улыбнулись. Въ такой жаркій московскій вечеръ, когда падаетъ первый снѣгъ, когда щеки въ брусничныхъ пятнахъ, а въ небѣ сѣдыми канатами стоятъ провода, въ такой вечеръ гдѣ-же взять эту силу и хмурость, чтобы уйти промолчавъ, чтобы никогда ужъ не встрѣтить другъ друга.

Я спросилъ, какъ ее зовутъ и куда она идетъ. Ее звали Зиночкой и шла она не «куда», а «просто такъ себѣ» На углу, куда мы подходили, стоялъ рысакъ; санки высокія — рюмочкой, громадная лошадь была прикрыта бѣлой попоной. Я предложилъ прокатиться и Зиночка, блестя на меня глазками, губы пуговкой, по дѣтски часто - часто закивала головой. Лихачъ сидѣлъ бокомъ къ намъ, нырнувъ въ выгнутый вопросительнымъ знакомъ передокъ саней. Но, когда мы подошли, чуть ожилъ, и ведя насъ глазами, словно цѣлился въ движущуюся мишень, — хрипло выстрѣлил: — пажа, пажа, я васъ катаю. И видя, что попалъ, и что нужно взять подстрѣленныхъ, вылѣзъ изъ саней и безногій, зеленый и громадно - величественный, въ бѣлыхъ перчаткахъ съ дѣтскую голову, въ усѣченномъ онѣгинскомъ цилиндрѣ съ пряжкой, подходя къ намъ, добавилъ, — прикажите прокатить на рѣзвой, ваше благородіе.

Теперь началось мучительное. Въ Петровскій паркъ и обратно въ городъ онъ запросилъ десять рублей, и хотя у «его благородія» въ карманѣ было всего пять съ полтиной, — я не задумываясь сѣлъ бы, полагая въ тѣ годы любое мошенничество меньшимъ позоромъ, чѣмъ необходимость торговаться съ извощикомъ въ присутствіи дамы. Но положеніе спасла Зиночка. Сдѣлавъ возмущенныя глазки, она рѣшительно заявила, что цѣна эта неслыханная и чтобы больше зелененькой я бы не смѣлъ ему давать. И при этомъ держа меня за руку тащила прочь. Она меня тащила прочь, — я же уходя слегка упирался, этимъ упираниемъ какъ бы снимая съ себя и перенося на

Зиночку всю стыдность положенія. Выходило такъ, будто я здѣсь не при чемъ, и ужь, конечно, готовъ заплатить любую цѣну.

Пройдя шаговъ съ двадцать, Зиночка черезъ мое плечо съ вороватой осторожностью оглянулась, и завидя, что попона спѣшно снимается съ лошади — она, чуть не визжа отъ восторга, заходя мнѣ навстрѣчу и становясь на цыпочки, восторженно шептала: — онъ согласенъ, онъ согласенъ, (она безшумно зааплодировала), — онъ сейчасъ подаетъ. Вы теперь видите, какая я умница (она все старалась заглянуть мнѣ въ глаза), видите, правда, ага!

Это «ага» очень для меня пріятно звучало. Выходило такъ, будто я эlegantный кутила, богачъ и мотъ, а она, бѣдная и нищая дѣвочка. сдерживаетъ меня въ моихъ тратахъ, и не потому, конечно, что траты эти мнѣ не по силамъ, а потому лишь, что въ тѣсномъ кругозорѣ своего нищенства, она бѣдненькая, не можетъ постигнуть допустимость такихъ тратъ.

У слѣдующаго перекрестка лихачъ нагналъ насъ, перегналъ и, сдерживая рвущаго рысака. какъ руль справа налѣво дергая возжи и ложась на сани спиной, отстегнулъ полость. Усаживая Зиночку и медленно, хотъ и хотѣлось спѣшить, переходя на другую сторону, я взобрался на высокое и узенькое сидѣнье, и заложивъ тугую бархатную петлю за металлическій палецъ, обнявъ Зиночку и крѣпко, словно собираясь драться, потянувъ за козырекъ, гордо сказалъ: — трогай.

Раздался лѣнивый поцѣлуйный звукъ. лошадь чуть дернула, сани медленно поползли, и я уже чувствовалъ, какъ во мнѣ все дрожитъ отъ извощающаго этого издѣвательства. Но когда черезъ два поворота выѣхали на Тверскую - Ямскую, лихачъ вдругъ подобралъ возжи и крикнулъ — ээээпъ, — гдѣ острое и стальное «э» пронзительно поднималось вверхъ. пока не ударилось въ мягкую заграду не пускающаго дальше «п». Сани страшно дернуло. насъ бросило назадъ съ поднятыми колѣнями и тотчасъ впередъ лицомъ въ ватную спину. А навстрѣчу уже мчалась вся улица, мокрые снѣжные канаты больно стегали по щекамъ, по глазамъ. — на мгновенья лишь встрѣчные зывали трамваи, и снова эпъ, эпъ, — но остро и отрывисто, какъ хлысть, и потомъ съ радостно злобнымъ бляеніемъ — балууууу. и черные вспышки встрѣчныхъ саней съ мучительнымъ ожиданіемъ оглобли въ морду, и чокъ. чокъ. чокъ. звенѣли броски снѣга съ копытъ о металлическій передокъ. и дрожали сани. и дрожали наши сердца. — Ахъ, какъ хорошо. — шепталь подлѣ меня въ мокромъ хлещущемъ дождѣ дѣтскій, восторженный голосокъ. — Ахъ. какъ чудно, какъ чудно. И мнѣ тоже было «чудно» Только. какъ

всегда, я всѣми силами упирался и противился этому разбушевавшемуся во мнѣ восторгу.

Когда промахнули Ярѣ и стала видна вышка трамвайной станціи и заколоченная кондитерская будка, у проѣзда къ кругу лихачъ прилежъ на насъ спиной и, туго осаживая лошадь, отрывисто припѣвалъ кроткимъ бабьимъ голоскомъ — пр..., пр..., пр... Шагомъ въѣхали въ проѣздъ, снѣгъ сразу пересталъ и только вокругъ одинокаго желтаго фонаря онъ вяло леталъ и не падалъ, словно тамъ вытряхали перину. За фонаремъ въ черномъ воздухѣ стояла вывѣска на столбахъ, а рядомъ съ ней кулакъ съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, въ манжетѣ и съ кусочкомъ рукава, косо приколоченный къ дереву. По пальцу ходила ворона, сыпая снѣгъ.

Я спросилъ Зиночку не холодно ли ей. — Мнѣ чудно, — сказала она, — вѣдь правда, это чудно, а? Вотъ возьмите погрѣйте мнѣ ручки. Я отклеилъ отъ ея талии шибко ноющую въ плечѣ руку. Съ козырька текло на щеку и за воротникъ, наши лица были мокры, подбородокъ и щеки такъ морозно стаяло, что говорить приходилось съ лицомъ неподвижнымъ, брови и рѣсницы клеились въ ледяныхъ сосулькахъ, плечи, рукава, грудь и полость pokrыла ледяная похрустывавшая корочка, паръ отъ насъ и отъ лошади шелъ, будто въ насъ кипѣло, а щеки у Зиночки стали ужъ такими, словно наклеили ей красную яблочную кожуру. На пустынномъ кругу было все бѣлое и голубое, и въ этомъ бѣломъ и голубомъ, въ ихъ нафталиновомъ блескѣ, въ этой неподвижной, точно комнатной тишинѣ, я увидѣлъ свою тоску. Мнѣ вспомнилось, что черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ городѣ, что надо вылѣзть изъ саней, идти домой, возиться съ грязной болѣзнью, а завтра въ темнотѣ вставать, и мнѣ перестало быть чудно.

Странно было въ моей жизни. Испытывая счастье, достаточно было только подумать о томъ, что счастье это ненадолго, какъ оно въ то - же мгновеніе кончалось. Кончалось опущеніе счастья не потому вовсе, что внѣшнія условія создавшія это счастье обрывались, а лишь отъ сознанія того, что внѣшнія условія эти весьма скоро и непремѣнно оборвутся. И какъ только являлось мнѣ это сознаніе, такъ въ то-же мгновеніе счастья уже больше не было, — а создавшія это счастье внѣшнія условія, которыя все еще обрывались, все еще продолжали существовать, — уже только раздражали. Когда въѣхали съ круга обратно на шоссе, мнѣ уже желалось только одного скорѣе быть въ городѣ, вылѣзть изъ саней и расплатиться.

Обратно ѣхать было холодно и скучно. Но, когда подѣхавъ къ Страстному, лихачъ, обернувшись, спросилъ — ѣхать - ли дальше и куда, — то,

---

вопросительно взглянувъ на Зиночку, я сразу почувствовалъ, какъ сердце мое привычно и сладко остановилось. Зиночка смотрѣла мнѣ не въ глаза, а на мои губы тѣмъ свирѣпо безмысленнымъ взглядомъ, смыслъ котораго мнѣ хорошо былъ извѣстенъ. Привставъ на счастливо затряспихся колѣняхъ, я на ухо сказалъ лихачу, чтобы везъ къ Виноградову.

Было бы совершенной неправдой сказать, что за эти нѣсколько минутъ, которыя потребовались, чтобы доѣхать до дома свиданій, меня нисколько не беспокоило, что я боленъ, и что собираюсь Зиночку заразить. Тѣсно прижимая ее къ себѣ, я даже непрестанно объ этомъ думалъ, но думая объ этомъ, — страшился не отвѣтственности передъ самимъ собой, а только тѣхъ неприятностей, которыя за такой проступокъ мнѣ могутъ нанести другіе. И какъ это почти всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, такая боязнь, нисколько не сдерживая отъ совершенія проступка, только побуждала свершить его такъ, чтобы никто не узналъ о виновникѣ.

Когда сани стали у этого рыжаго съ законопаченными окнами дома, я попросилъ лихача въѣхать внутрь. Чтобы въѣхать въ ворота нужно было подать сани назадъ къ бульварной оградѣ, — но когда мы были уже въ воротахъ, полозья шипнувъ врѣзались въ асфальтъ, сани стали поперекъ тротуара, и эти нѣсколько секундъ, пока вязла лошадь и рывкомъ внесла насъ во дворъ, случившіеся здѣсь прохожіе обходили сани и съ любопытствомъ разглядывали насъ. Двое даже остановились и это замѣтно повліяло на Зиночку. Она какъ-то сразу отстранилась, стала чужой и обиженно безпокойной.

Пока Зиночка, сойдя съ саней, отошла въ темный уголь двора, — я, расплачиваясь съ лихачемъ, который настоятельно требовалъ прибавки, съ неприятностью вспомнилъ, что у меня остается только два съ половиною рубля, и что возможно, если дешевыя комнаты будутъ заняты, мнѣ не хватитъ пятидесяти копѣекъ. Заплативъ лихачу и подойдя къ Зиночкѣ, я уже по одному тому, какъ она шибко теребила сумочку и возмущенно дергала плечикомъ — почувствовалъ, что такъ, сейчасъ, съ мѣста — она не пойдетъ. Лихачъ уже уѣхалъ и отъ круто повернутыхъ саней оставилъ проутюженный кругъ. Тѣ двое любопытныхъ, что остановились при нашемъ въѣздѣ, теперь зашли во дворъ, стояли поодаль и наблюдали. Ставъ къ нимъ спиной такъ, чтобы Зиночка ихъ не видѣла, обнявъ ее за плечики и обзывая ее и крошкой, и маленькой, и дѣвочкой, я говорилъ ей слова, которыя были бы лишены всякаго смысла, если бы не произносились елейнымъ голосомъ, звукъ котораго, какъ-то самъ по себѣ, сдѣлался сладокъ какъ патока. Почувствовавъ,

---

что она сдается, что становится прежней Зиночкой, хоть и не той, что так страшно (как мнѣ показалось) глянула на меня у Страстного, — а той, что въ паркѣ говорила «чудно, ахъ, какъ чудно», — я нескладно и сбивчиво началъ говорить ей о томъ, что у меня въ карманѣ цѣлыхъ сто рублей, что здѣсь ихъ не размѣняютъ, что мнѣ нужны пятьдесятъ копѣекъ, что черезъ нѣсколько минутъ верну ихъ, что... Но Зиночка, не давъ мнѣ договорить, съ пугливой поспѣшностью быстро - быстро раскрыла свою старенькую клеенчатую подъ крокодилъ сумочку, достала крохотный кошелечекъ и вывернула его надъ моей ладонью. Я увидѣлъ горсточку крошечныхъ серебряныхъ пятакочковъ, бывшихъ какъ бы нѣкоторой рѣдкостью, и вопросительно взглянулъ на Зиночку. — Ихъ какъ разъ десять, — успокаивающе сказала она, и потомъ жалко съежившись, какъ бы извиняясь, стыдливо добавила: — очень долго я ихъ все собирала; говорятъ, они къ счастью. — Но крошка, — возразилъ я въ благородномъ возмущеніи, — это право тогда жаль. Возьми ихъ, я обойдусь. Но Зиночка, уже по настоящему сердясь, морщилась отъ усилія замкнуть ручками мою ладонь. — Вы должны взять, — говорила она. — Вы должны. Вы меня обидите.

Пойдетъ или не пойдетъ, пойдетъ или откажетъ, — вотъ было то единственное, что волновало мои мысли, мои чувства, все мое существо, въ то время какъ я, какъ бы невзначай, подводилъ Зиночку къ гостиничному подъѣзду. Взойдя на первую ступень она, словно очнувшись, остановилась. Въ тоскѣ глянула на открытыя ворота, гдѣ все еще, точно непронускающіе стражи, стояли тѣ двое; потомъ, какъ передъ разставаніемъ, взглянула на меня, улыбнулась жалко, и, опустивъ голову, вся какъ-то сгорбившись, закрыла лицо руками. Высоко, у самой подмышки крѣпко схвативъ ее за руку, я втащилъ ее вверхъ по лѣстницѣ и протолкнулъ въ услужливо раскрытую швейцаромъ дверь.

Когда черезъ часъ, или сколько - то тамъ, мы снова вышли, то еще во дворѣ я спросилъ Зиночку, въ какую ей сторону надо идти, чтобы обозначивъ свой домъ въ направленіи противоположномъ, тутъ-же у воротъ навсегда съ ней распротиться. Такъ поступалось всегда по выходѣ отъ Виноградава.

Но если къ такимъ разставаніямъ навсегда меня обычно побуждала сытая скука, а подчасъ и гадливость, — чувства, которыя (хоть я и зналъ, что черезъ день пожалѣю) мѣшали повѣрить, что завтра эта дѣвочка снова сможетъ стать желанной, — то теперь, отсылая Зиночку, я испытывалъ только досаду.

Я испытывал досаду, потому что въ номерѣ, за перегородкой, зараженная мною Зиночка не оправдала надеждъ, продолжая оставаться все той-же восторженной и потому безполой, какъ и тогда, когда говорила — ахъ, какъ чудно. Раздѣтая, она гладила мои щеки, приговаривая — ахъ, ты моя любонька, ты моя лапочка, — голоскомъ, звенѣвшимъ дѣтской, ребяческой нѣжностью, — и нѣжность эта, не кокетливая, нѣтъ, а душевная, — совѣстила меня, не позволяя *цѣликомъ* выказать себя въ томъ, что принято называть безстыдствомъ, хоть это и ошибочно, ибо главная и жаркая прелесть человѣческой порочности — это преодоленіе стыда, а не его отсутствіе. Сама того не зная, Зиночка мѣшала скоту преодолѣть человѣка, и потому теперь, чувствуя неудовлетворенность и досаду, я все это происшествіе обозначалъ однимъ словомъ: зря. Зря я заразилъ дѣвченку — думалъ и чувствовалъ я, но это зря понималъ и чувствовалъ какъ, словно совершилъ дѣло не только не ужасное, а даже напротивъ, какъ бы принесъ какую-то жертву, ожидая взаменъ получить удовольствіе, котораго вотъ не получилъ.

И только, когда уже стоя въ воротахъ, Зиночка, чтобы не потерять, заботливо запрятала клочекъ бумажки, на которомъ я записалъ будто бы свое имя и первый взбредшій мнѣ номеръ телефона, — только, когда попрощавшись и поблагодаривъ меня, Зиночка стала отъ меня уходить, — да, только тогда внутренній голосъ. — но не тотъ самоувѣренный и нахальный, которымъ я въ своихъ воображеніяхъ, лежа на диванѣ, мысленно обращался ко внѣшнему міру, — а спокойный и незлобивый, который бесѣдовалъ и обращался только ко мнѣ самому, — заговорилъ во мнѣ. — Эхъ, ты, — горько говорилъ этотъ голосъ, — погубилъ дѣвченку. Вонъ смотри, вонъ она идетъ, этотъ малышъ. А помнишь, какъ она говорила — ахъ, ты моя любонька? И за что погубилъ? Что она тебѣ сдѣлала? Эхъ ты!

Удивительная это вещь — удаляющаяся спина, несправедливо обиженного и навсегда уходящаго человѣка. Есть въ ней какое-то безсиліе человѣческое, какая-то жалкая слабость, которая проситъ себя пожалѣть, которая зоветъ, которая тянетъ за собою. Есть въ спинѣ удаляющагося человѣка что-то такое, что напоминаетъ о несправедливостяхъ и обидахъ, о которыхъ нужно еще рассказать и еще разъ проститься, и сдѣлать это нужно скорѣе, сейчасъ, потому что уходить человѣкъ навсегда, и оставить по себѣ много боли, которая долго еще будетъ мучить, и можетъ быть въ старости не позволить ночами заснуть. Снова шель снѣгъ, но уже сухой и холодный, вѣтеръ моталъ фонарь и на бульварѣ тѣни отъ деревьевъ дружно виляли, какъ хвосты. Зиночка давно уже зашла за уголъ, Зиночки давно уже не было вид-

---

но, но все снова и снова воображениемъ я возвращалъ ее къ себѣ, отпускалъ до угла, смотрѣлъ на ея удаляющуюся спину, и опять, почему-то спиной, она прилетала ко мнѣ обратно. А когда, наконецъ, случайно промахнувъ по карману, я звякнулъ въ немъ ея неиспользованными десятью серебряными пятачками, и тутъ-же вспомнилъ ея губки и голосокъ ея, когда она сказала — долго я ихъ все собирала, говорятъ, они къ счастью, — то это было, какъ хлысть по моему подлому сердцу, хлысть, который заставилъ меня бѣжать, бѣжать вслѣдъ за Зиночкой, бѣжать по глубокому снѣгу въ той расслабленной слезливости, когда бѣжишь во слѣдъ двинувшемуся и послѣднему поѣзду. бѣжишь и знаешь и чувствуешь, что догнать его не сумѣешь.

Въ эту ночь я еще долго бродилъ по бульварамъ, въ эту ночь я далъ себѣ слово — на всю жизнь, на всю жизнь сохранить Зиночкины серебряные пятачки. Зиночку — же я такъ больше никогда и не встрѣтилъ. Велика Москва и много въ ней народу.

3.

Водительскую головку нашего класса составляли Штейнъ, Егоровъ и, какъ мнѣ тогда хотѣло казаться, — я самъ.

Со Штейномъ я былъ друженъ, съ постояннымъ беспокойствомъ чувствуя при этомъ, что какъ только я перестану напрягать въ себѣ эту дружбу къ нему, такъ тотчасъ возненавижу его. Бѣлобрысый, безбровый, съ уже намѣчавшейся плѣшью, — Штейнъ былъ сыномъ богатаго еврея — мѣховщика и лучшимъ ученикомъ въ классѣ. Преподаватели вызывали его весьма рѣдко, съ годами удостовѣрившись, что знанія его безукоризненны. Но когда преподаватель, заглянувъ въ журналъ, говорилъ — Шштейнъ, — весь классъ какъ-то по особенному затихалъ. Штейнъ, сорвавшись съ парты съ такимъ шумомъ, словно его тамъ кто держалъ, быстро выходилъ изъ ряда партъ и, чуть не опрокинувшись на тонкихъ и длинныхъ ножилахъ — далеко отъ кафедры становился такъ косо къ полу, что, если бы провели прямую линію отъ его носковъ вверхъ, она вышла бы изъ острія его узкаго и худого плеча, у котораго онъ молитвенно складывалъ громадные свои бѣлые руки. Стоя косо, всей тяжестью своей на одной ногѣ, другой лишь носкомъ ботинка (будто эта нога была короче) прикасаясь къ полу, — бабьеподобный, неуклюже изломанный, но никакъ не смѣшной, изображая голосомъ — при отвѣтахъ — рвущую его впередъ, словно отъ избытка знаній, торопливость, — а при выслушиваніи задаваемыхъ ему вопросовъ — небрежную снисхо-

---

дительность, онъ, блистательно пробарабанивъ свой отвѣтъ, въ ожиданіи благосклоннаго «садитесь», всегда старался смотрѣть мимо класса — въ окно, при этомъ словно что-то жуя или шепча губами. Когда же, также сорвавшись по скользкому паркету, онъ быстро шелъ на мѣсто, то шумно садился и, ни на кого не глядя, сейчасъ-же начиналъ что-то писать или ковыряться въ партѣ до тѣхъ поръ, пока общее вниманіе не отвлекалось слѣдующимъ вызовомъ.

Когда въ перемѣнахъ рассказывалось что либо смѣшное, и когда моментъ общаго смѣха заставлялъ Штейна сидящимъ за партой, то, откидывая голову назадъ, онъ закрывалъ глаза, морщилъ лицо, изображая свое страданіе отъ смѣха, и при этомъ быстро - быстро стучалъ ребромъ кулака о парту, стукомъ этимъ какъ бы стараясь отвлечь отъ себя душившій его смѣхъ. Но смѣхъ только душилъ его: губы были сжаты и не издавали ни звука. Потомъ, выждавъ когда другіе отсмѣялись, онъ открывалъ глаза, вытиралъ ихъ платкомъ и произносилъ — уффъ.

Его увлеченіями, о которыхъ онъ намъ рассказывалъ, были балетъ и «домъ» Марьи Ивановны въ Косомъ переулкѣ. Его любимой поговоркой было выраженіе: — надо быть европейцемъ. Выраженіе это онъ кстати и некстати употреблялъ постоянно. — Надо быть европейцемъ, — говорилъ онъ, являясь и показывая на часахъ, что пришелъ въ точности за одну минуту до чтенія молитвы. — Надо быть европейцемъ, — говорилъ онъ, рассказавъ о томъ, что былъ прошлымъ вечеромъ въ балетѣ и сидѣлъ въ литерной ложѣ. — Надо быть европейцемъ, — добавлялъ онъ, намекая на то, что послѣ балета поѣхалъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Только позднѣе, когда Егоровъ сталъ шибко допекать, Штейнъ поотвыкъ отъ этого своего любимаго выраженія.

Егоровъ былъ тоже богатъ. Онъ былъ сыномъ казанскаго лѣсопромышленника, очень холерный, надушенный съ бѣлымъ зубцомъ пробора до самой шеи, со склеенными и блестящими, какъ полированное дерево, желтыми волосами, которые, если отклеивались, такъ ужъ цѣлымъ пластомъ. Онъ былъ бы красивъ, если бы не глаза, водянистые и круглые, стеклянные глаза птицы. дѣлавшіеся пугливо изумленными, лишь только лицо становилось серьезнымъ. За первые мѣсяцы своего поступленія въ гимназію, когда Егоровъ былъ какъ то ужъ особенно народно простоватъ и даже называлъ себя Ягорушкой, онъ былъ кѣмъ то сокращенно прозванъ Ягъ, и прозвище это за нимъ осталось.

Яга привезли въ Москву уже четырнадцатилѣтнимъ парнемъ и потому онъ былъ опредѣленъ къ намъ въ гимназію сразу въ четвертый классъ.

Привелъ его къ намъ классный надзиратель утромъ. еще до занятій, и сразу предложилъ ему прочесть молитву, въ то время какъ двадцать пять паръ насторожившихся глазъ неотлучно смотрѣли, напряженно выискивая въ немъ все то, надъ чѣмъ можно было бы посмѣяться.

Обычно молитва читалась монотонной скороговоркой, отзываясь въ насъ привычною необходимостью встать, полминуты стоять и, грохнувъ партами, садиться. Ягъ же началъ читать молитву отчетливо и неестественно проникновенно, при этомъ крестился не такъ какъ всѣ, смахивая съ носа муху, а истово, закрывая глаза, при этомъ клалъ театральные поклоны, и снова закидывая голову, мутными глазами искалъ высоко подвѣшенную классную икону. И тотчасъ раздалась смѣшка, у всѣхъ явилось подозрѣніе, что это шуточка, — и подозрѣніе это перешло въ увѣренность, а разрозненные смѣшки въ хоровой хохоть, лишь только Ягъ, оборвавъ слова молитвы, обвелъ всѣхъ насъ цыплячьимъ своимъ, испуганно изумленнымъ взглядомъ. Классный же наставникъ разволновался весьма и кричалъ на Яга и на насъ всѣхъ, что если подобное случится еще и впредь, то онъ доведетъ дѣло до совѣта. И только черезъ недѣлю, когда уже всѣ знали, что Ягъ изъ очень религіозной, ранѣе старообрядческой, семьи, — то какъ-то разъ, уже послѣ занятій, этотъ же классный наставникъ, уже старый человѣкъ, покраснѣвъ какъ юноша, внезапно подошелъ къ Ягу и, взявъ его за руку и глядя въ сторону, отрывисто сказалъ: — вы, Егоровъ, меня пожалуйста простите. И не сказавъ больше ничего, рѣзко вырвавъ свою руку и весь сторбленный уже удаляясь по коридору, онъ дѣлалъ руками такія движенія, словно схватывалъ что-то съ потолка и рѣзко пхивалъ на полъ. А Ягъ отошелъ къ окну и стоя къ намъ спиной долго сморкался.

Но это было только въ началѣ. Въ старшихъ классахъ Ягъ, по выраженію начальства, сильно испортился, и сталъ часто и много пить. Приходя утромъ въ классъ, онъ нарочно дѣлалъ кругъ, подходилъ къ партѣ, гдѣ сидѣлъ Штейнъ, и грозно рыгнувъ гналъ все это, какъ дорогой сигарный дымъ, къ штейновскому носу. — Надо быть европейцемъ, — пояснялъ онъ окружающимъ. Хотя Ягъ жилъ въ Москвѣ совершенно одинъ, снималъ въ особнякѣ дорогія комнаты, получалъ изъ дому видимо много денегъ и часто появлялся на лихачахъ съ женщинами, — онъ все же учился ровно и очень хорошо, считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и только немногимъ было извѣстно, что онъ, чуть ли не по всѣмъ предметамъ, пользуется репетиторской подмогой.

Можно было бы сказать, что къ намъ троимъ, — Штейну, Ягу и мнѣ,

---

этой, какъ про насъ говорили, классной головкѣ, — весь остальной классъ примыкалъ такъ, какъ къ намагниченному бруску примыкаетъ двумя концами приставленное копыто. Однимъ своимъ концомъ копыто примыкало къ намъ своимъ лучшимъ ученикомъ и, удаляясь отъ насъ по копытному кругу, согласно понижающимся отмѣткамъ учениковъ, снова возвращаясь, соприкасалось съ нами другимъ своимъ концомъ, на которомъ былъ худшій ученикъ и бездѣльникъ. Мы-же, головка, какъ бы сопрягали въ себѣ основные признаки и того и другого: имѣя отмѣтки лучшаго, были у начальства на счету худшаго.

Со стороны лучшихъ учениковъ къ намъ примыкалъ Айзенбергъ. Со стороны бездѣльниковъ Такаджіевъ.

Айзенбергъ, или какъ его звали «типайшій», былъ скромный, очень прилежный и очень застѣнчивый еврейскій мальчикъ. У него была странная привычка: прежде чѣмъ что либо сказать или отвѣтить на вопросъ, — онъ проглатывалъ слюну, подталкивалъ ее наклономъ головы и проглотивъ, произносилъ — мте. Всѣ считали необходимымъ издѣваться надъ его половымъ воздержаніемъ (хотя истинность этого воздержанія никѣмъ не могла быть проверена, и меньше всего утверждалась имъ самимъ), и часто во время переменъ обступавшая его толпа, съ требованіемъ — а ну, Айзенбергъ, покажи-ка намъ твою послѣднюю любовницу, — внимательно разсматривала ладони его рукъ.

Когда Айзенбергъ говорилъ съ кѣмънибудь изъ насъ, то непременно какъ-то внизъ и вбокъ наклонялъ голову, скашивалъ въ сторону крапивнаго цвѣта глаза и прикрывалъ рукою ротъ.

Такаджіевъ былъ самымъ старшимъ и самымъ рослымъ въ классѣ. Этотъ армянинъ пользовался всеобщей любовью за свое удивительное умѣнье переносить объектъ насмѣшки съ себя самого всецѣло на ту скверную отмѣтку, которую онъ получалъ, при этомъ, въ отличие отъ другихъ, никогда не злоствуя на преподавателя и самъ веселясь больше всѣхъ другихъ. У него тоже, какъ и у Штейна, было свое любимое выраженіе, которое возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды, при раздачѣ проверенныхъ тетрадей, преподаватель словесности, добродушный умница Семеновъ, отдавая тетрадь Такаджіеву и лукаво пострѣливая глазами, заявилъ ему, что несмотря на то, что сочиненіе написано прекрасно, и что въ сочиненіи имѣется лишь одна незначительная ошибка — неправильно поставленная запятая, онъ, Семеновъ, принужденъ именно за эту-то ничтожную ошибку поставить Такаджіеву колъ. Причину же столь несправедливой, на первый взглядъ,

---

отмѣтки должно видѣть въ томъ, что Такаджиевское сочиненіе слово въ слово совпадаетъ съ сочиненіемъ Айзенберга, какъ равно совпадаютъ въ нихъ — и это особенно таинственно — неправильно поставленные запятыя. И добавивъ свое любимое — видно сокола по полету, а молодца по соплямъ — Семеновъ отдалъ Такаджиеву тетрадь. Но Такаджиевъ, получивъ тетрадь, продолжалъ стоять у кафедры. Онъ еще разъ переспросилъ Семенова — возможно-ли, такъ или онъ его понялъ, и какъ же это мыслимо, чтобы такъ-таки совершенно совпадали эти неправильно поставленные запятыя. Получивъ тетрадь Айзенберга для сличенія, онъ долго листалъ, со все растущимъ въ лицѣ изумленіемъ что-то свѣрять и отыскивалъ, и, наконецъ, уже въ совершенномъ недоумѣннн, глянувъ сперва на насъ, приготовившихся грохнуть хохотомъ, медленно - медленно поворотилъ изумленно выпученные глаза прямо на Семенова. — Такая сафпаденіе, — трагически прошепталъ онъ, поднявъ плечи и опустилъ углы губъ. Коль былъ поставленъ, дѣна была какъ бы заплачена и Такаджиевъ, на самомъ дѣлѣ прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ, просто пользовался случаемъ, чтобы повеселить друзей, самого себя, да кстати и словесника, который, несмотря на жестокою суровость отмѣтокъ, любилъ смѣяться.

Таковы были точки нашего соприкосновенія съ концами примыкавшаго къ намъ класснаго копыта, въ которомъ всѣ остальные ученики казались тѣмъ болѣе отдаленными и потому безцвѣтными, чѣмъ ближе размѣщались они къ серединѣ копыта, вслѣдствие извѣчной борьбы между двойкой и тройкой. Вотъ въ этой-то далекой и чуждой намъ средѣ находился Василій Буркевицъ, низкорослый, угреватый и вихрастый малый, когда случилось съ нимъ происшествіе, весьма необычное въ спокойно и крѣпко налаженной жизни нашей старой гимназіи.

4.

Мы были въ пятомъ классѣ и былъ урокъ нѣмецкаго языка, который намъ преподавалъ фонъ-Фолькманъ, совершенно лысый человекъ съ краснымъ липомъ и бѣлыми мазеповскими со ржавчиной усами. Онъ сперва спрашивалъ Буркевица съ мѣста (онъ его называлъ Буркевицъ), но такъ какъ кто-то навязчиво и громко суфлировалъ, то Фолькманъ разсердился, морковный цвѣтъ лица сразу сталъ свекольнымъ и, приказавъ Буркевицу отойти отъ парты и встать у доски, буркнувъ — *Verdammtе Vummelei* — онъ уже любовно тянулъ себя за тормазъ своей злобы — свой бѣлорыжій усъ. Вставъ у доски, Буркевицъ хотѣлъ было отвѣчать, какъ вдругъ случилось съ

нимъ нѣчто въ высшей степени непріятное. Зачихнулъ, но чихнулъ такъ несчастливо, что изъ носа его вылетѣли брызги и качаясь повисли чуть ли не до пояса. Всѣ захихикали.

Was ist denn da wieder los — спросилъ Фолькманъ и обернувшись и увидѣвъ, добавилъ. Na, ich danke. — Буркевицъ, налитый кровью стыда и потомъ сразу блѣднѣя до зелени, трясущимися руками шарилъ по карманамъ. Но платка при немъ не оказалось. — А ты, милой, оборвалъ бы тамъ свои устрицы, замѣтилъ Ягъ, — Богъ милостивъ, а намъ нынче еще обѣдать надо. — Такал сафпаденіе, — изумлялся Такаджіевъ. Весь классъ уже ревѣлъ отъ хохота, и Буркевицъ, растерянный и ужасно жалкій, выбѣжалъ въ коридоръ. Фолькманъ же, карандашомъ стуча по столу, все кричалъ — Rrrruhe — но въ общемъ грохотъ было слышно только рычаніе первой буквы — звукъ, изумительно иллюстрировавшій выраженіе его глазъ, которые вылучились уже такъ, что страхъ мы испытывали не столько за насъ, сколько за самого Фолькмана.

На слѣдующій день, однако, когда снова былъ урокъ нѣмецкаго языка, Фолькманъ, на этотъ разъ будучи видимо хорошо настроенъ и, рѣшивъ посмѣяться, опять вызвалъ Буркевица. — Burkewitz! Uebersetzen Sie weiter приказалъ онъ, съ притворнымъ ужасомъ добавивъ: aber selbst verständlich nur im Falle, wenn Sie heut 'n Taschentuch besitzen.

У Фолькмана было замѣчательно то, что только по смыслу предшествующихъ событій можно было догадаться — капляеть - ли онъ или смѣется. И завидя теперь, какъ онъ, послѣ сказанныхъ имъ словъ, широко раскрывъ ротъ, выпускалъ оттуда клокочущую, хрипящую и булькающую струю, — какъ ржавые кончики его усовъ приподнимались, словно изо рта у него шель страшный вѣтеръ, и какъ на его, ставшей малиновой, лысинѣ вздулась, толщиною съ карандашъ, лиловая жила, — весь классъ дико и надрывно захохоталъ. Штейнъ-же, откинувъ голову со страдальчески закрытыми глазами, шибко стучалъ ребромъ своего бѣлаго кулака о парту, и лишь послѣ того, какъ всѣ успокоились, вытеръ глаза и сдѣлалъ уффъ.

Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ мы поняли, до чего жестоко, несправедливо и неумѣстенъ былъ этотъ хохотъ.

Дѣло въ томъ, что, когда случилась эта непріятность съ Буркевицемъ, онъ въ классъ не вернулся, а на слѣдующій день явился съ чужимъ, съ деревяннымъ лицомъ. Съ этого дня классъ пересталъ для него жить, онъ будто похоронилъ насъ, и, вѣроятно, и мы-бы спустя короткое время о немъ бы

забыли, если бы уже через недѣлю - другую и нами и преподавателями не было бы замѣчено нѣчто чрезвычайно странное.

Странность же эта заключалась въ томъ, что Буркевицъ, троечникъ и двоечникъ Буркевицъ, началъ вдругъ неожиданно и крѣпко сдвигаться съ середины класнаго копыта, и, сперва очень медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, двигаться по этому копыту въ сторону Айзенберга и Штейна.

Сперва это движеніе шло очень медленно и туго. Излишне говорить о томъ, что даже при системѣ отмѣтокъ, преподаватель руководствуется обычно не столько тѣмъ знаніемъ ученика, которое тотъ обнаруживаетъ въ моментъ вызова, сколько той репутаціей знаній, которую ученикъ этотъ себѣ годами создалъ. Случалось, хотя и очень рѣдко, что единичные отвѣты Штейна или Айзенберга были настолько слабы, что будь на ихъ мѣстѣ Такаджіевъ, онъ безусловно получилъ бы тройку. Но такъ какъ это были Айзенбергъ и Штейнъ, зарекомендованные годами пятерочники, то преподаватель, даже за такіе ихъ отвѣты, хотя быть можетъ и скрѣпя сердце, ставилъ имъ пять. Обвинять преподавателей за это въ несправедливости — было бы столь же справедливо, какъ обвинять въ несправедливости весь міръ. Вѣдь сплошь - да-рядомъ уже случалось, что зарекомендованныя знаменитости, эти пятерочники изящныхъ искусствъ, получали у своихъ критиковъ восторженные отзывы даже за такіе слабыя и безалаберныя вещи, что будь они созданы кѣмъ нибудь другимъ, безымяннымъ, то развѣ что въ лучшемъ случаѣ онъ могъ бы рассчитывать на такаджіевскую тройку. Главной же трудностью Буркевица была не его безымянность, а, что гораздо хуже, годами установившаяся репутація посредственнаго троечника, и вотъ эта - то репутація посредственности особенно мѣшала ему двигаться и стояла передъ нимъ нерушимой стѣной.

Но, конечно, все это было только первое время. Ужъ такова вообще психологія пятибалльной системы, что отъ тройки до четверки — это океанъ переплыть, а отъ четверки до пятерки — рукой подать. Между тѣмъ Буркевицъ все перъ. Медленно, но упорно, не отступая ни на пядь, все впередъ, двигался онъ по изгибу, все ближе и ближе къ Айзенбергу, все ближе и ближе къ Штейну. Къ концу учебнаго года (исторія съ чихомъ приключилась въ январѣ) онъ былъ уже близъ Айзенберга, хотя и не смогъ съ нимъ сравняться за недостаткомъ времени. Но когда съ послѣдняго экзамена Буркевицъ, все съ тѣмъ же деревяннымъ лицомъ и ни съ кѣмъ не прощаясь, прошелъ въ раздѣвальню, мы все же никакъ не предполагали, что станемъ свидѣтелями

трудной борьбы, борьбы за первенство, которая завяжется съ первыхъ же дней будущаго учебнаго года.

5.

Борьба началась съ первыхъ же дней. Съ одной стороны Василій Буркевицъ, — съ другой Айзенбергъ и Штейнъ. На первый взглядъ борьба эта могла показаться бессмысленной: и Буркевицъ и Айзенбергъ и Штейнъ не имѣли кромѣ пятерокъ другихъ отмѣтокъ. И все же шла борьба, напряженная и жаркая, при чемъ борьба эта шла за ту невидимую надбавку къ пятеркѣ, за то наивысшее переростаніе этой отмѣтки, которое хотя и нельзя было изобразить въ классномъ журналѣ, но которое остро чувствовалось и классомъ и преподавателями, и которое поэтому служило тѣмъ хвостомъ, длинной коею опредѣлялось первенство.

Съ особенной внимательностью относился къ этому соревнованію преподаватель исторіи, и случалось даже такъ, что въ теченіи одного урока онъ вызывалъ подрядъ всѣхъ троихъ: Айзенберга, Штейна и Буркевица. Никогда не забыть мнѣ этой электрической тишины въ классной комнатѣ, этихъ влажныхъ, жадныхъ и горячихъ у всѣхъ глазъ, этого затаеннаго и потому тѣмъ болѣе буйнаго волненія, и кажется мнѣ, что совершенно также переживали бы мы бой быковъ, когда бы были лишены возможности криками высказывать наши чувства.

Сперва выходилъ Айзенбергъ. Этотъ маленькій честный труженикъ зналъ все. Онъ зналъ все, что нужно, онъ зналъ даже больше этого, даже выше того, что отъ него требовалось. Но въ то время, какъ знанія, которыя отъ него требовались текущимъ урокомъ, выражались, хоть и въ безукоризненномъ, хоть и въ точномъ, хоть и въ безошибочномъ, — но все же не болѣе, какъ въ сухомъ перечнѣ историческихъ событій, — такъ равно и тѣ знанія, которыя отъ него вовсе не требовались, и коими онъ желалъ блеснуть, выражались лишь въ забѣганіи впередъ въ хронологическую даль еще не пройденныхъ уроковъ.

Потомъ быстро какъ всегда выходилъ Штейнъ, скрививъ всю компану своей косою фигурой. Снова тотъ же вопросъ, что и Айзенбергу, и Штейнъ начиналъ мастерски барабанить. Это былъ уже не Айзенбергъ съ его глотаніями слюны и корявыми «мте», которыми тотъ начиналъ свои красныя строки. Въ нѣкоторомъ смыслѣ то, что давалъ Штейнъ было даже блестяще. Онъ трещалъ какъ многосильный моторъ, обильныя летѣли искры иностран-

---

ныхъ словъ, не замедляя рѣчи, какъ хорошо построенные мосты, приносились латинскія цитаты, и чеканный его выговоръ доносилъ до нашихъ ушей все, позволяя пріятно отдыхать, ничуть не заставляя вслушиваться или напрягаться, и въ то же время не давая выплеснуться въ пустоту ни единой звуковой каплѣ. Въ довершеніе всему, уже заканчивая, Штейнъ въ блестящемъ резюмѣ своего разсказа давалъ намъ прозрачно понять, что онъ, Штейнъ, человѣкъ нынѣшняго вѣка, хоть и разсказываетъ все это, однако, на самомъ дѣлѣ только нисходитъ и относится свысока къ людямъ минувшихъ эпохъ. Что онъ, лъ услугамъ, котораго имѣются теперь и автомобили и аэропланы и цеппелины и центральное отопленіе и международное общество спальныхъ вагоновъ, считаетъ себя въ полномъ правѣ смотрѣть свысока на людей времянь лошадиной тяги, и что если онъ и изучаетъ этихъ людей, такъ развѣ ужъ для того, чтобы лишній разъ увѣриться въ величіи нашего изобрѣтательскаго вѣка.

И, наконецъ, Василій Буркевицъ и снова тотъ - же вопросъ, что и первымъ двумъ. Съ первыхъ словъ Буркевицъ разочаровывалъ. Ужъ какъ то очень сухо намѣчалъ онъ дорогу своего разсказа, и уши наши были избалованы и ждали штейновскаго чеканнаго барабана. Но уже послѣ нѣсколькихъ оборотовъ Буркевицъ, какъ бы невзначай, упоминалъ мелкую подробность *быта* той эпохи, о которой разсказывалъ, словно вдругъ замахнувшись швыряя пышную розу на горбы историческихъ могилъ. Послѣ первой бытовой черты слѣдовала также одиноко, какъ капля передъ грозой, вторая, и потомъ третья, и потомъ много, и, наконецъ, уже цѣлымъ дождемъ, такъ что въ развитіи событій онъ все медленнѣе и труднѣй продвигался впередъ. И старыя могилы, словно разукрашенные легшими на нихъ цвѣтами, уже казались совсемъ недавними, еще незабытыми, свѣже вырытыми, вчерашними. Это было начало.

Но лишь только въ силу этого начала приближались къ намъ, подѣзжали къ намъ вплотную и старые дома и старые люди и дѣятельность старыхъ эпохъ, какъ тотчасъ опровергалась штейновская точка зрѣнія, возвеличивавшая нынѣшнюю эпоху надъ миновавшей — де потому, что для разстоянія одолѣваемаго нынче люксусъ-экспрессомъ въ двадцать часовъ, потребовалось бы въ то далекое время лошадиной тяги больше недѣли. Ловкимъ, мало напоминающимъ предумышленность оцѣпленіемъ сегодняшняго и тогдашняго быта, Буркевицъ, не утверждая этого, все-жъ заставлялъ насъ понять, что Штейнъ заблуждается. Что отличіе между людьми, жившими во времена лошадиной тяги и живущими теперь, въ эпоху техническихъ усовершенствованій, — от-

---

личіе, которое, какъ полагаетъ Штейнъ, даетъ ему, человѣку нынѣшняго вѣка, право возвеличивать себя надъ людьми миновавшихъ эпохъ, — въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, — что никакого отличія между человѣкомъ нынѣшней и прошлой эпохи нѣтъ, что напротивъ всякое отличіе между ними отсутствуетъ, и что именно отсутствиемъ — то отличія и объясняется поразительное сходство человѣческихъ взаимоотношеній и тогда, когда разстояние одолѣвалось за недѣлю, и теперь, когда оно покрывается въ двадцать часовъ. Что какъ теперь очень богатые люди, одѣтые въ дорогія одежды, ѣдутъ въ международныхъ спальныхъ вагонахъ, — такъ и тогда, хотя и иначе, но тоже очень богато одѣтые люди ѣхали въ шелками обитыхъ каретахъ и укутанные соболями; что какъ теперь есть люди, если не очень богато, то все же очень хорошо одѣтые, ѣдущіе во второмъ классѣ, цѣль жизни которыхъ — это добыть себѣ возможность поѣздокъ въ спальномъ вагонѣ, такъ и тогда были люди, ѣхавшіе въ менѣе дорогихъ экипажахъ и укутанные лисьими шкурами, цѣль жизни которыхъ состояла въ томъ, чтобы пріобрѣсти еще болѣе дорогую карету, а лисы смѣнить соболями; что какъ теперь есть люди, ѣдущіе въ третьемъ классѣ, не имѣющіе чѣмъ заплатить доплату за скорость, и обреченные тѣмъ дольше страдать отъ жесткихъ досокъ почтоваго, такъ и тогда были люди, не имѣющіе ни денегъ, ни чина, и потому тѣмъ дольше кусаемые клопами смотрительскаго дивана; что, наконецъ, какъ теперь есть люди, голодные, жалкіе и въ лохмотьяхъ, шагающіе по шпаламъ, такъ и тогда были люди такіе — же голодные, такіе — же жалкіе, въ такихъ же лохмотьяхъ бредущіе по почтовому тракту. Давно уже сгнили шелка, развалились, разохлись кареты и сожрала моль соболя, а люди, словно остались все тѣ же, словно и не умирали, и все также мелко гордятся, завистничая и враждуя, взошли въ сегодняшний день. И не было уже штейновскаго игрушечнаго прошлаго, умаленнаго нынѣшнимъ паровозомъ и электричествомъ, потому что придвигаемое къ намъ буркевицовой силой, это прошлое принимало явственныя очертанія нашего сегодняшняго дня. Но снова переходя къ событіямъ, снова вводя въ нихъ бытовые черты, сличая ихъ съ характеристиками и дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ, Буркевицъ упорно и увѣренно гнулъ въ нужную ему сторону. Эта кривая его разсказа, послѣ многихъ и рѣжущихъ сопоставленій, нисколько не вступая въ утвержденіе и потому пріобрѣтая еще большую убѣдительность, сводилась къ тому выводу, котораго самъ онъ не дѣлалъ, предоставляя его сдѣлать намъ, и который заключался въ томъ-де, что въ прошломъ, въ этомъ далекомъ прошломъ — нельзя не замѣтить, нельзя не увидѣть возмутительную и кощунственную несправедли-

---

вость: *несоответствіе* между достоинствами и недостатками людей, и облегчающими ихъ, однихъ соболями, другихъ лохмотьями. Это въ прошломъ. На настоящее онъ ужъ и не намекалъ, словно крѣпко зная, какъ хорошо, какъ досконально извѣстно намъ это возмутительное несоответствіе въ нашемъ сегодня. Но паутина уже сплетена. По ея путаннымъ, стальнымъ и неломающимся прутьямъ, по которымъ всё мы увѣренно шли, не могли не идти вслѣдъ за Буркевицемъ, — мы приходили къ непоколебимой увѣренности въ томъ, что какъ прежде, — во времена лошадиной тяги, такъ и теперь во времена паровозовъ, — жить человѣку глупому легче чѣмъ умному, хитрому лучше чѣмъ честному, жадному вольготнѣй чѣмъ доброму, жестокому милѣе чѣмъ слабому, властному роскошнѣй чѣмъ смиренному, лживому сытнѣе чѣмъ праведнику, и сластолюбцу слаще чѣмъ постнику. Что такъ это было, такъ это есть, и такъ это будетъ вѣчно, пока живъ на землѣ человѣкъ.

Классъ не дышалъ. Въ комнатѣ было чуть не тридцать человѣкъ, а я отчетливо слышалъ, какъ цокали запрещенные начальствомъ часы въ карманѣ сосѣда. Историкъ сидѣлъ на кафедрѣ, шурилъ рыжія рѣсницы въ журналъ, изрѣдка такъ морщась и поскребывая всей пятерной бородку, словно говорилъ: — вотъ такъ гусь лапчатый.

Буркевицъ заканчивалъ свой рассказъ напоминаніемъ о той болѣзни, которая, развиваясь много вѣковъ, постепенно охватывала человѣческое общество, и которая, наконецъ, теперь, въ нынѣшнюю эпоху техническихъ совершенствованій, уже повсемѣстно заразила человѣка. Эта болѣзнь — пошлость. Пошлость, которая заключается въ способности человѣка относиться съ презрѣніемъ ко всему тому, чего онъ не понимаетъ, при чемъ глубина этой пошлости увеличивается по мѣрѣ роста никчемности и ничтожества тѣхъ предметовъ, вещей и явленій, которые въ этомъ человѣкѣ вызываютъ восхищеніе.

И мы понимали. Это былъ мѣткій камень въ штейновскую морду, которая какъ разъ въ это время что-то усиленно разыскивала въ партѣ. зная, что теперь всё глаза обращены на нее.

Но, понимая въ кого брошенъ камень, мы также понимали и нѣчто другое. Это другое заключалось въ пониманіи того, что эта, казалось-бы безнадёжная, вѣками налаженная несправедливость людскихъ отношеній, о которой намеками рассказывалъ Буркевицъ, нисколько не повергаетъ его самого ни въ уныніе, ни въ бѣшенство, а является какъ бы тѣмъ горючимъ, нарочно для него приготовленнымъ веществомъ, которое, вливаясь въ его нутро, не даетъ разрушающаго взрыва, а горитъ въ немъ ровнымъ, спокой-

---

нымъ и шибкимъ огнемъ. Мы смотрѣли на его ноги въ стоптанныхъ нечищенныхъ ботинкахъ, на потертые брюки съ неуклюже выбитыми колѣнями, на его шарами налитыя скулы, крошечные сѣрые глаза и костистый лобъ подъ шоколадными вихрами, и чувствовали, чувствовали непреодолимо и остро, какъ бродить и преть въ немъ страшная русская сила, сила, которой нѣтъ ни препоны, ни заставы, ни заградъ, сила одинокая, угрюмая и стальная.

6.

Эта борьба между Буркевицемъ, Штейномъ и Айзенбергомъ, которую Штейнъ язвительно окрестилъ борьбой бѣлой и грязной розы, эта борьба, въ которой чрезвычайный перевѣсъ Буркевица чувствовался рѣшительно всѣми, закончилась тотчасъ, лишь только единодушное мнѣніе класса было о ней громко высказано.

Это случилось совершенно случайно: Какъ то, въ началѣ ноября, утромъ, когда всѣ разсѣлись по партамъ въ ожиданіи историка, въ классъ быстро зашелъ ученикъ восьмого класса съ такой рѣшительностью, что весь классъ по недоразумѣнію всталъ на ноги, принявъ его за преподавателя. Послышались чрезвычайно витиеватыя ругательства, при чемъ настолько дружныя, что ученикъ этотъ, нахально взожда на кафедру и разведя руками, сказаль: — простите, господа, но я не понимаю *что* здѣсь, — арестантская камера для уголовныхъ, въ которой вошедшаго товарища приняли за начальника тюрьмы, — или здѣсь шестой классъ московской классической гимназіи?

— Господа, — продолжалъ онъ съ чрезвычайной серьезностью, — я прошу на минуту вашего вниманія. Сегодня утромъ прибылъ въ Москву господинъ министръ народнаго просвѣщенія, и есть основаніе предполагать, что завтра, въ теченіе дня, онъ посѣтитъ насъ. Мнѣ кажется, не къ чему говорить вамъ о томъ, ибо вы это и сами знаете, какое значеніе имѣть для нашей гимназіи то впечатлѣніе, которое господинъ министръ вынесетъ изъ этихъ стѣнъ. Совершенно очевидно также и то, что дирекція гимназіи, не считая для себя возможнымъ сговариваться съ нами въ смыслѣ подготовки къ такому посѣщенію, будетъ однако смотрѣть съ благожелательствомъ, коль скоро нѣчто подобное будетъ предпринято нами самими. Господа, я попрошу васъ теперь назвать мнѣ вашего лучшаго ученика, который долженъ будетъ сегодня вечеромъ присутствовать на маленькомъ совѣщаніи, а завтра онъ, какъ вашъ выборный, сообщитъ вамъ общее рѣшеніе, которому каждый

изъ васъ, желающій поддержать долготѣтную и незапятнанную честь нашей славной гимназiи, подчинится безпрекословно.

Сказавъ это, онъ приподнялъ раскрытую книжонку къ самымъ, видимо, очень близорукимъ глазамъ, и наостривъ въ бумагу карандашъ и моргая глазами, какъ это дѣлаетъ человѣкъ въ ожиданiи звука, — добавилъ такъ — какъ фамилiя?

И классъ, ухнувъ гуломъ голосовъ, такъ что въ стеклахъ дзыкнули сотни злыхъ мухъ, заревѣлъ: — Бур-ке-виць. И даже сзади кто-то любовно добавилъ — выходи, Васька, — хотя выходить было некуда и совершенно не нужно. Гимназистъ записалъ, поблагодарилъ и поспѣшно вышелъ. Игра была проиграна. Борьба закончена. Буркевиць сталъ первымъ.

И словно зная, что соревнованiю пришелъ конецъ (хотя можетъ быть еще и по другимъ какимъ причинамъ), вошедшiй въ классъ историкъ садясь и потомъ злобно шаркая по кафедрахъ ногами, тутъ-же вызвалъ Буркевица, и попросивъ рассказать текущiй урокъ, прибавилъ: — па-прашу васъ де-е-р-жаться въ рамкахъ ги-имназического к-курса. И Буркевиць понялъ. Онъ началъ рассказывать текущiй урокъ, и рассказалъ его въ духѣ гимназического курса, въ духѣ незапятнанной чести нашей славной гимназiи, и въ духѣ господина министра народнаго просвѣщенiя, который въ это утро прибылъ въ Москву.

7.

— Если бы сопля меня не сдѣлала человѣкомъ, то замѣсто человѣка я сдѣлался бы соплей. Такъ говорилъ мнѣ Буркевиць во время выпускныхъ экзаменовъ, послѣ того какъ произошедшiй скандалъ съ гимназическимъ священникомъ насъ немного сблизилъ. Но это было уже въ наши прощальные дни въ гимназiи. До этого-же Буркевиць ни со мной и вообще ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, продолжая считать насъ чужими, и за все время, внѣ гимназической необходимости, сказалъ всего нѣсколько словъ Штейну по слѣдующему поводу. Однажды, во время большой перемѣны, собравшаяся вокругъ Штейна толпа гимназистовъ, начала съ нимъ бесѣду о ритуальныхъ убiйствахъ, при чемъ кто-то изъ насъ съ жестокой улыбкой спросилъ у Штейна, вѣрить-ли онъ, Штейнъ, въ возможность и въ существованiе ритуальныхъ убiйствъ. Штейнъ тоже улыбался, но когда я увидѣлъ эту его улыбку, у меня сжалось за него сердце. — Мы, евреи, — отвѣчалъ Штейнъ, — не любимъ проливать человѣческую кровь. Мы предпочитаемъ ее высасывать. Ничего не подѣлаешь — надо быть европейцемъ. — Вотъ въ эту-то минуту Бурке-

---

видѣ, стоявшій тутъ-же, вдругъ неожиданно для всѣхъ впервые обратился къ Штейну. — А вы кажется, господинъ Штейнъ, — сказалъ онъ, — испугались здѣсь антисемитизма? А напрасно. Антисемитизмъ вовсе и не страшенъ, а только противенъ, жалокъ и глупъ: противенъ, потому что направленъ противъ крови, а не противъ личности, жалокъ потому, что завистливъ, хотя желаетъ казаться презрительнымъ, глупъ потому, что еще крѣпче сплочаетъ то, что цѣлью своей поставилъ разрушить. Евреи перестанутъ быть евреями только тогда, когда быть евреемъ станетъ не невыгодно въ національномъ, а позорно въ моральномъ смыслѣ. Позорно-же въ моральномъ смыслѣ станетъ быть евреемъ тогда, когда наши господа христіане сдѣлаются наконецъ истинно - христіанами, иначе говоря людьми, которые, сознательно ухудшая условія своей жизни — дабы улучшить жизнь всякаго другого, будутъ отъ такого ухудшенія испытывать удовольствіе и радость. Но пока этого еще не случилось, и двухъ тысячъ лѣтъ для этого оказалось недостаточнымъ. Поэтому напрасно вы, господинъ Штейнъ, пытаетесь купить ваше сомнительное достоинство, унижая передъ этими свиньями тотъ народъ, къ которому сами вы имѣете честь, слышите-ли, имѣете честь принадлежать. И пусть вамъ будетъ стыдно, что я — русскій, говорю это вамъ — еврею.

Я стоялъ молча, также какъ и всѣ. И, кажется, также какъ и всѣ въ первый разъ, въ первый разъ за всю мою жизнь испытывалъ острую и сладостную гордость отъ сознанія того, что я русскій, и что среди насъ есть хотя одинъ такой, какъ Буркевицъ. Почему и откуда вдругъ взялась во мнѣ эта гордость — я хорошенько не зналъ. Я зналъ только, что Буркевицъ сказалъ нѣсколько словъ, при чемъ раньше чѣмъ понять смыслъ его словъ, я уже почувствовалъ въ его словахъ какое то особенное рыцарство, рыцарство личнаго самоуничиженія ради защиты слабаго, и обездоленнаго инородца, рыцарство столь свойственное русскому человѣку въ національныхъ вопросахъ. И уже потому, что никто изъ насъ не обругалъ Буркевица, что толпа обступавшая Штейна быстро начала расходиться, словно не желая участвовать въ недостойномъ ихъ дѣлѣ, и что нѣкоторые говорили — вѣрно, Васька, — правильно, Васька, молодець, — мнѣ показалось что и другіе испытывали совершенно тоже, что и я, и что хвалятъ они Буркевица за то поднимающее чувство національной гордости, которое онъ этими словами имъ доставилъ. Но не испытывалъ, да и не могъ, конечно, испытывать этихъ чувствъ самъ Штейнъ. Рѣзко отвернувшись, злобно улыбаясь, онъ отошелъ къ Айзенбергу и просунувъ свои громадные бѣлые пальцы за ремень Айзенберга и такъ притягивая его къ себѣ, о чемъ то тихо ему не то говорилъ, не то спрашивалъ.

Въ первыя затѣмъ минуты я испытывалъ нѣкоторую смутную неприязнь къ Штейну. Однако, неприязнь эта быстро прошла, поскольку я сообразилъ, что если бы тогда, — во время переменъ, — когда приходила въ гимназію съ конвертомъ моя мать, и я, поступивъ точно также, какъ и Штейнъ — отрекся отъ нея, полагая, что тѣмъ самымъ спасаю свое достоинство, — что если бы тогда къ намъ подошелъ бы тотъ же Буркевицъ и сказалъ бы мнѣ, что не гоже сыну совѣститься и отречься отъ своей матери только потому, что она старая, уродилвая и оборванная, — а что должно сыну любить и почитать свою мать, и тѣмъ больше любить, и тѣмъ больше почитать, чѣмъ старѣе, дряхлѣе и оборваннѣе она, — если бы случилось тогда во время переменъ нѣчто подобное, то весьма возможно, что тѣ изъ гимназистовъ, что спрашивали меня о путѣ гороховомъ и согласились бы съ Буркевицемъ, и можетъ быть даже поддакнули бы ему, — но я-то, я-то самъ уже конечно испытывалъ бы въ этотъ стыдный моментъ не столько навязываемую мнѣ какимъ то постороннимъ любовь къ моей собственной матери, сколько вражду противъ этого вмѣшивающагося совершенно не въ свое дѣло человѣка.

И движимый этой общностью чувствъ, я подошелъ къ Штейну и крѣпко и тѣсно обнявъ его за талію, пошелъ съ нимъ въ обнимку по коридору.

8.

За двѣ недѣли до начала выпускныхъ экзаменовъ, въ апрѣлѣ, когда война съ Германіей бушевала уже полтора съ лишнимъ года, всѣ близко окружавшіе меня гимназисты, а въ томъ числѣ и я, потеряли къ ней рѣшительно всякій интересъ.

Я еще хорошо помнилъ, какъ въ первые дни объявленія войны я былъ очень взволнованъ, и что волненіе это было чрезвычайно пріятнымъ, молодецкимъ и, пожалуй, даже просто радостнымъ. Цѣлый день я ходилъ по улицамъ нераздѣлимо смыкаясь съ — точно въ пасхальные дни — праздною толпой, и вмѣстѣ съ этой толпой очень много кричалъ и очень громко ругалъ нѣмцевъ. Но ругалъ я нѣмцевъ не потому, что ненавиждѣлъ ихъ, а потому только, что мои руганъ и брань были тѣмъ гвоздемъ, который, чѣмъ больше я его надавливалъ, тѣмъ глубже давалъ мнѣ почувствовать эту въ высшей мѣрѣ пріятную общность съ окружавшей меня толпой. Если бы въ эти часы мнѣ показали бы рычагъ и, предложивъ его дернуть, сказали бы, что при поворотѣ этого рычага взорвется вся Германія, взорвутся покарѣнными, что при

поворотъ этого рычага ни единого нѣмца не останется въ живыхъ, — я бы не задумываясь дернулъ бы за этотъ рычагъ, а дернувъ съ пріятностью пошелъ бы раскланиваться. Слишкомъ я ужъ былъ увѣренъ, что если такое было-бы осуществимо и осуществлено, то *эта* толпа иступленно, дико ликовала-бы.

Вѣроятно именно это духовное соприкосновеніе, эта сладенькая общность съ такой толпой, помѣшали моему воображенію выиграть тѣмъ образомъ, который возникъ во мнѣ черезъ нѣсколько дней, когда лежа въ темной комнатенкѣ моей на диванѣ, представилось мнѣ, что на помостъ посреди большой площади заполненной толпой, приводятъ мнѣ бѣлаго германскаго мальчика, котораго я долженъ зарубить. — Руби его, — говорятъ, нѣтъ, приказываютъ мнѣ, — руби его на смерть, руби по башкѣ, руби, ибо отъ этого зависить твоя жизнь, жизнь твоихъ близкихъ, счастье и расцвѣтъ твоей родины. Не зарубишь — будешь наказанъ жестоко. — А я, глянувъ на бѣлокурое темя этого нѣмецкаго мальчика и въ его водянистые и умоляюще глаза — отшвыриваю топоръ и говорю: — воля ваша, я отказываюсь. И слышавъ мой отвѣтъ, этотъ мой жертвенный отказъ, толпа дико ликуя хлещетъ въ ладоши. Таково было мое мечтаніе черезъ нѣсколько дней.

Но какъ въ моемъ первомъ представленіи, гдѣ простымъ поворотомъ рычага уничтожая шестьдесятъ милліоновъ людей, я руководствовался отнюдь не враждой къ этимъ людямъ, а только тѣмъ предполагаемымъ успѣхомъ, который выпадалъ бы на мою долю, сверши я нѣчто подобное, — такъ точно въ моемъ отказѣ зарубить этого стоящаго передъ моими глазами мальчика, я руководствовался не столько страхомъ пролитія чужой крови, не столько уваженіемъ къ человѣческой жизни, сколько стремленіемъ придать своей личности ту исключительность, которая тѣмъ больше возвышалась, чѣмъ большее наказаніе ожидало меня за мой отказъ.

Уже черезъ мѣсяцъ я остылъ къ войнѣ, и если съ подогрѣтымъ восхищеніемъ читая въ газетѣ о томъ, что русскіе побили гдѣ то нѣмцевъ — приговаривалъ при этомъ — такъ имъ и надо сволочамъ, зачѣмъ полѣзли на Россію, — то спустя еще мѣсяцъ, читая о какой нибудь побѣдѣ нѣмцевъ надъ русскими, точно также говорилъ, — такъ имъ и надо сволочамъ, не лѣзли бы на нѣмцевъ. А еще черезъ мѣсяцъ вскочившій у меня на носу чирь — бѣсилъ, заботилъ и волновалъ меня если не больше, то ужъ во всякомъ случаѣ искреннѣе, чѣмъ вся міровая война. Во всѣхъ этихъ словахъ, какъ — война, побѣда, поражение, убитые, плѣнные, раненые, — въ этихъ жуткихъ словахъ, которыя въ первые дни были столь трепетно живыми, словно караси на ла-

---

доняхъ, въ этихъ словахъ для меня обсохла кровь, которой онѣ были писаны. а обсохнувъ превратилась въ типографскую краску. Эти слова сдѣлались какъ испорченная лампочка: штепсель щелкалъ, а она не вспыхивала, — слова говорились, но образъ не возникалъ. Я уже никакъ не могъ предполагать, что война можетъ еще искренне волновать людей, которыхъ она непосредственно не затрагиваетъ, и такъ какъ Буркевицъ вотъ уже три года совершенно не общался ни со мной ни вообще съ кѣмъ либо въ нашемъ классѣ, то мы, вслѣдствіе сего и не могли, конечно, знать его мнѣнія о войнѣ, будучи впрочемъ увѣрены, что оно никакъ не можетъ быть инымъ чѣмъ наше. То обстоятельство, что Буркевицъ не присутствовалъ въ актовомъ залѣ во время молебствія о нпспослани побѣды, было вообще незамѣчено и вспомнили объ этомъ только уже послѣ происшедшаго столкновенія, — касательно же его постоянного манкированія уроковъ по изученію военного строя, введеннаго въ гимназіи вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, то это было толкуемо то-ли его нездоровьемъ, то-ли нежеланіемъ отдавать свое первенство, хотя бы физическое, посредственному Такаджиеву, оказавшемуся замѣчательно ловкимъ и сильнымъ парнемъ. И присутствуя при этомъ ужасномъ столкновеніи, — я въ своемъ невѣжествѣ даже не зналъ, что слова говоримыя Буркевицемъ — это только тотъ громъ отъ той молніи, которая вскинулась вотъ уже много десятковъ лѣтъ тому назадъ изъ дворянскаго гнѣзда Ясной Поляны.

9.

Въ нашемъ выпускномъ классѣ былъ пустой урокъ. Заболѣлъ и не явился словесникъ, и нашъ классъ, стараясь не шумѣть, дабы не потревожить занятій въ шестомъ и въ седьмомъ классахъ, наружныя двери которыхъ выходили въ это - же отдѣленіе, тихо бродилъ по коридору. Начальства не было. Классный наставникъ полагаясь на насъ, которыхъ онъ теперь называлъ — безъ пяти минутъ студенты, — отлучился въ классную нижнихъ этажей. Настроеніе у большинства было приподнятое: черезъ десятокъ дней начинались выпускныя экзамены — послѣдній гимназическій этапъ.

У большого трехстворчатаго окна, что у самой двери, собралась небольшая группа гимназистовъ съ Ягомъ посередкѣ, который о чемъ то тихо, но оживленно рассказывалъ. Кто - то изъ окружающихъ, возражая, прервалъ Яга, но Ягъ, видимо обозленный, забывъ о необходимости говорить пошупотомъ, громкимъ окрикомъ выругался матерно.

Въ это самое мгновеніе большинство уже замѣтили въ чемъ дѣло, и вся группа начала перестраиваться изъ круга лицомъ къ Ягу, — въ полукругъ лицомъ къ гимназическому батюшкѣ. Никто однако не слышалъ когда и какъ онъ вошелъ въ дверь.

— Какъ вамъ не стыдно, дѣти, — сказалъ онъ, выждавъ пока всѣ замѣтили его присутствіе и обращаясь ни къ кому, и потому ко всѣмъ, своимъ укоризненно сладковатымъ, старческимъ голосомъ. — Подумайте о томъ, — продолжалъ онъ, — что черезъ нѣсколько лѣтъ вы уже войдете полновластными гражданами въ общественную жизнь великой Россіи. Подумайте о томъ, что тѣ унижающія слова, которыя я имѣлъ здѣсь несчастье слышать, ужасны по своему смыслу. Подумайте о томъ, что если смыслъ такого ругательства и не доходитъ до вашего сознанія, то это не оправдываетъ, а еще больше васъ осуждаетъ, потому что доказываетъ, что эти ужасныя слова употребляются вами ежечасно, ежеминутно, что онѣ — эти слова, переставъ быть для васъ ругательствомъ, стали изобразительнымъ средствомъ вашей рѣчи. Подумайте о томъ, что вамъ выпало счастье изучать музыку Пушкина и Лермонтова, и что этой-то музыки ждетъ отъ васъ наша несчастная Россія, этой и никакой другой.

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, глаза стоявшихъ передъ нимъ гимназистовъ становились какими то тупыми, пропускающими; можно было бы подумать, что во всѣхъ этихъ глазахъ отсутствуетъ рѣшительно всякое выраженіе, если бы не знать, что именно это отсутствие выраженія должно выражать то, что они-то не ругались и къ нимъ всѣ эти укоряющія слова нисколько не относятся. Но одновременно съ тѣмъ, какъ глаза и лица всей группы становились все болѣе безразличными скучающими, — глазки Буркевица, который теперь только тихо подошелъ, дѣлались все болѣе живыми и озорными, губы его тонко разлѣзались въ злую улыбку, — и слова священника, словно иголки бросаемаыя въ полукругъ этихъ каменныхъ глазъ и лицъ, уже независимо отъ воли бросающей ихъ руки, сплетались и клеились къ намагниченной точкѣ буркевицовой улыбки. Выходило будто ругался Буркевицъ и послѣднія слова о Пушкинѣ и Лермонтовѣ относились уже всецѣло къ нему.

— Вы, батюшка, — возразилъ Буркевицъ тихимъ и страшнымъ голосомъ, — знакомы видимо съ господами Пушкинымъ и Лермонтовымъ только по казеннымъ хрестоматіямъ, и считаете болѣе близкое знакомство съ ними, поскольку оно опровергаетъ ваше мнѣніе, — излишнимъ.

— Да, — твердо возразилъ батюшка, — для *васъ* я считаю дальнѣйшее знакомство съ этими писателями излишнимъ, какъ считаю необходи-

---

мымъ, прежде чѣмъ подарить ребенку розу, срѣзать съ нея шипы. Вотъ такъ. А теперь позвольте всеѣмъ вамъ еще разъ напомнить, что ругательскія слова, которыя я здѣсь слышалъ, недопустимы и недостойны христіанина.

Послѣднія слова онъ сказалъ рѣзко, старой своей чуть дрожащей рукой поправляя крестъ на лиловой рясѣ. — Почему же онъ продолжаетъ стоять, почему не уходитъ, — подумалъ я, но посмотрѣлъ на Буркевица и понялъ. Лицо Буркевица какъ то вдругъ похудѣло, стало сѣрымъ и дергалось, глаза съ пронзительной ненавистью смотрѣли прямо въ лицо священнику. — Сейчасъ онъ его ударить, — подумалъ я. Буркевицъ судорожно занесъ руки назадъ, словно поймалъ кого позади себя, сдѣлалъ шагъ впередъ и съ неожиданной, предприимчивой звонкостью, заговорилъ.

— Ругательскія слова, какъ вы изволили замѣтить, недостойны христіанина. Что-жь? Противъ этого никто не возражаетъ. Но ужъ если вы, служитель Бога, взялись наставлять насъ на путь истинный, то не взыщите коли я спрошу васъ — гдѣ, въ чемъ, когда и какъ проявили вы сами-то эти невѣдомыя намъ достоинства христіанина, непремѣнность выполненія которыхъ вы рѣшили намъ здѣсь внушать. Гдѣ были вы, къ слову сказать, съ вашими достоинствами христіанина, когда десять мѣсяцевъ тому назадъ кровавадыя толпы, съ цвѣтными тряпками перли по улицамъ Москвы, толпы такъ называемыхъ людей, по кровавадыности и тупости своей недостойные сравненія со стадомъ дикихъ скотовъ, — гдѣ были вы, служитель Бога, въ этотъ ужасный для насъ день? Почему вы, поборникъ христіанства, не собрали насъ, дѣтей, какъ вы насъ называете, — здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, въ этомъ домѣ, въ которомъ вы взяли на себя смѣлость учить насъ заповѣдямъ Христа, — гдѣ были вы, спрашиваю я васъ, и почему молчали тогда, въ день объявленія войны, въ день обнародованія закона о поощреніи братоубійству, — и вдругъ заговорили теперь, подслушавъ сказанное здѣсь ругательство? Ужъ не потому-ли, что братоубійство не столько противорѣчитъ, не столько идетъ въ разрѣзъ съ пониманіемъ вами христіанскаго достоинства, сколько сказанное здѣсь ругательство? Я признаю: ругаться *такъ*, какъ ругаются здѣсь — непозволительно христіанину, и вы правы, правы что протестовали противъ услышаннаго ругательства. Но гдѣ-же были вы, служитель Христа, гдѣ были вы все эти десять мѣсяцевъ, когда каждодневно и каждоминутно у дѣтей насильственно отрывали и отрываютъ ихъ отцовъ, у матерей ихъ мальчиковъ, — чтобы отнявъ, насильственно — же посылать въ огонь, на убійства, на смерть, — гдѣ были вы все это время, и почему въ вашихъ проповѣдяхъ не протестовали противъ всеѣхъ этихъ преступленій хотя-бы такъ, какъ это сдѣ-

---

ляли здѣсь по случаю услышаннаго ругательства? Почему? Почему? Ужь не потому ли что всѣ эти ужасы тоже нисколько не противорѣчатъ христіанскому достоинству? Почему вы, достойный стражъ христіанства, нашли въ себѣ наглость улыбаться и поощрительно кивать намъ вашей священной голвой, когда однажды, проходя по гимназическому двору, вы увидали, какъ насъ, вашихъ дѣтей, учать теперь ежедневно ружейнымъ приемамъ, какъ насъ учать искусству братоубійствъ? Чему же вы такъ поощрительно улыбались, глядя на насъ, и почему молчали? Не потому-ли ужь, что учить дѣтей ружейнымъ приемамъ тоже не претитъ вашему христіанскому достоинству? И какъ осмѣлились вы, прикрываясь именемъ Христа, нарочито презрѣвъ заповѣди Того, Чьимъ свѣтлымъ именемъ вы желаете оправдывать вашу жалкую жизнь, какъ посмѣли вы молиться, слышите-ли, молиться о томъ, чтобы братъ побѣдилъ бы брата, чтобы братъ покорилъ бы брата, чтобы братъ убилъ бы врага? О какомъ врагѣ вы теперь говорите? Ужь не томъ ли, о которомъ еще годъ тому назадъ вы сладкимъ голоскомъ вѣщали, что его должно и прощать и любить? Или быть можетъ такая молитва о покореніи, о насиліи, объ убійствѣ и уничтоженіи однимъ человѣкомъ другого — тоже не претиворѣчитъ вашему пониманію христіанскаго достоинства? Опомнитесь-же вы, жалкій церковный чиновникъ, оступѣвшій и разжирѣвшій на народныхъ харчахъ: опомнитесь и не оправдывайтесь тѣмъ, что ваши единовѣрческіе сослуживцы, рискуя жизнью тамъ, на поляхъ ужаса, причащаютъ умирающихъ и умиротворяютъ истекающихъ кровью. Не оправдывайтесь этимъ, ибо какъ вамъ, такъ и имъ слишкомъ хорошо вѣдомо, что ваша задача, что вашъ христіанскій долгъ умиротворять не больныхъ, уже истекающихъ кровью, — а здоровыхъ, только еще идущихъ убивать. Такъ не уподобляйтесь же врачу, когорый сифилитическія язвы лѣчитъ гольдкремомъ, и не пытайтесь оправдываться еще тѣмъ, что вы потворствуете этому страшному дѣлу — изъ преданности монарху или правительству, изъ любви къ родинѣ или къ такъ называемому русскому оружію. Не оправдывайтесь, ибо знаете вы, что вашъ монархъ — Христось, ваша родина — совѣсть, ваше правительство — Евангеліе, ваше оружіе — любовь. Такъ опомнитесь же и дѣйствуйте. Дѣйствуйте, потому что дорога каждая минута, потому что каждую минуту, каждую секунду люди стрѣляютъ, люди убиваютъ, люди падаютъ. Опомнитесь и дѣйствуйте, ибо люди, и матери, и отцы, и дѣти, и братья, и всѣ, и всѣ, и всѣ — ждуть отъ васъ, именно отъ васъ, чтобы вы — служители Христа, безсташно рискуя, безсташно жертвуя вашими жизнями, вмѣшались — бы въ этотъ позоръ, и вставъ между безумцами, кригнули бы громко, — громко потому что васъ

много, васъ такъ много, что вы можете, можете крикнуть на весь міръ: — люди остановитесь, — люди перестаньте убивать! Вотъ, вотъ, вотъ въ чемъ вашъ долгъ.

Глядя на то, какъ Буркевицъ странно взмахнувъ рукой, съ завалившейся головой, страшно трясясь и шатаясь прошелъ мимо насъ и вышелъ за дверь на лѣстницу, — у меня была только одна мысль: — пропаль, эхъ, пропаль ты, бѣдный Васька.

Лишь черезъ мгновеніе оглянувшись въ противоположномъ направленіи, я увидѣлъ, какъ красивымъ изгибомъ огладивъ косякъ, исчезла въ двери лиловая ряса.

И въ ту - же самую секунду, когда всѣ бросились другъ къ другу, взволнованно говоря и махая руками, — гдѣ - то внизу начался глухой гулъ, грозно усиливаясь, словно въ домъ ворвалась морская вода, шель онъ кверху, — отъ него дрожали окна и стѣны и полъ, и наконецъ и въ нашемъ коридорѣ гулъ этотъ разорвался оглушающимъ грохотомъ сквозь распахнувшіеся двери шестого и седьмого классовъ. Урокъ кончился.

10.

Чтобы не сообщать подробностей этого чрезвычайнаго происшествія двумъ младшимъ классамъ, заполнившимъ на время перемѣны коридоръ, — всѣ мы зашли въ классъ.

— Это же идиотъ, вѣдь это же и форменный идиотъ, — говорилъ Штейнъ, кладя на плечо Яга свою бѣлую руку, которая на черномъ сукнѣ походила на расплескавшееся пятно сливокъ.

— Нѣтъ, Штейнъ, ты, братъ, не мѣшайся, — отстранился отъ него Ягъ. — Ты, можно сказать, европеецъ, а тутъ, братъ, азіатское дѣло. Ты пойми: толкованіе талмуда не нарушено, а потому тебѣ волноваться не гоже.

И выждавъ, когда Штейнъ оскорбленно отошелъ къ своей партѣ, Ягъ вполголоса обратился къ возбужденной группѣ скопившейся у окна. — Вѣдь этому дивиться надо, — сказалъ Ягъ, — до чего наши еврейчики духовенство обожаютъ; попа, ни Боже мой, не тронь, — всѣ жида взбунтуются.

— Такая сафнадэніе, — закачалъ головой Такаджіевъ, но никто не засмѣялся. Въ группѣ шель горячечный обмѣнъ мнѣній. Однако никому не давали высказаться, взволнованно перебывая, оспаривая, отвергая. Одни говорили, что Буркевицъ правъ, что война никому не нужна, что она губитель-

---

на и прибыльна только генераламъ и интендантамъ. Другіе говорили, что война дѣло славное, что не будь войнъ — не было бы и Россіи, что нечего слюнтьничать, а надо биться. Третьи говорили, что хотя война дѣло ужасное, однако, въ настоящій моментъ вынужденное, и что если хирургъ во время операціи и разочаровался въ медицину, то это не даетъ ему еще права не докончивъ операціи уйти и бросить больного. Четвертые говорили, что все это сплошное безуміе, и что въ берлинскихъ гимназіяхъ духовенство наврядъ ли выслушиваетъ рѣчи подобныя буркевицовой. Пятые говорили, что хотя война намъ и навязана, и что званіе великаго государства не допускаетъ заговорить о мирѣ, однако мысль Буркевица правильная, и что духовенство всего міра, исходя изъ единыхъ принциповъ христіанства, обязано было бы, даже не считаясь съ опасностью преслѣдованія его военнымъ закономъ, — протестовать и бороться противъ дальнѣйшаго веденія войны. Противъ послѣдняго мнѣнія возражалъ Ягъ.

— Эхъ, ребяташки, — говорилъ онъ. — Да о какихъ-такихъ это вы христіанскихъ принципахъ говорите? Да ежели Буркевицу-то эти самыя христіанскіе принципы такъ ужъ дороги, такъ съ чего же это онъ, дозволяе васъ спросить, три года съ нами ни единымъ словечкомъ не обмолвился? Три года намъ нашего смѣха простить не могъ, да и не можетъ. Три года, подумать только. А что-жъ мы ему худого сдѣлали что посмѣялись? Да завидя этакую соплю, тутъ бы и лошади засмѣялись. Да я такой соплю, прости Господи, за всю жизнь не видывалъ. Такъ съ чего же это онъ, христіанинъ великій, мать его за ногу, на насъ три года волкомъ смотреть, все укусить прилаживается. Нѣ-ѣтъ, милые, тутъ дѣло иное. Ему война, можно сказать, какъ воздухъ необходима. Ему не христіанства надобно, а его нарушенія, — потому онъ паскуда бунтовать задумалъ. Вотъ оно что.

Я стоялъ поодаль и рѣшалъ для себя: какъ могло все это случиться, что Буркевицъ, лучший ученикъ, гордость гимназіи, несомнѣнный обладатель золотой медали, — какъ могло произойти, что этотъ Буркевицъ погибъ? То, что онъ погибъ было очевидно, потому что внизу, сегодня же, быть можетъ уже теперь сзываютъ педагогическій совѣтъ, который, конечно, единогласно выброситъ его съ волчьимъ паспортомъ. Тогда прощай университетъ. И какъ же ему должно быть обидно, *въ особенности*, когда все это за десять дней до выпускныхъ экзаменовъ. (Я постоянно чувствовалъ, что человѣкъ испытываетъ свое отчаяніе тѣмъ острѣе, чѣмъ *ближе* удалось ему приблизиться ко вдругъ ускользящей отъ него конечной цѣли, — хотя я при этомъ прекрасно понималъ, что *близость* цѣли нисколько не означаетъ большую непремѣн-

---

ность ея достиженія — чѣмъ съ любой, значительно болѣе отдаленной отъ этой цѣли, точки. Въ этомъ пунктѣ у меня начиналось отдѣленіе чувства отъ разума, практики отъ теоріи, — гдѣ первое существовало наравнѣ со вторымъ, и гдѣ оба — разумъ и чувство — не были въ состояніи ни, помирились, слиться воедино, — ни, поборовшись, одинъ другого побороть).

Но какъ-же могло съ Буркевицемъ случиться подобное? И что это: предумышленная расчетливость, или мгновенное безуміе? Я вспоминалъ вызвавшую улыбку, которой Буркевицъ привлекъ на себя слова батюшки и рѣшалъ: предумышленный расчетъ. Я вспоминалъ трясушуюся голову Буркевица и пьяный его шагъ и перерѣшалъ: мгновенное безуміе.

Меня крѣпко тянуло взглянуть на него и эта тяга къ Буркевицу тонко сплеталось изъ трехъ чувствъ: первое чувство — было жестокое любопытство взглянуть на человѣка, съ которымъ произошло большое несчастье; второе — было чувство молодечества по причинѣ единичности моего поступка, ибо никто въ классѣ даже не помышлялъ идти къ тому, кто уже почитался зачумленнымъ; третье — было чувство, сообщавшее мускулатуру первому и второму: увѣренность въ томъ, что мое приближеніе или даже бесѣда съ Буркевицемъ никакими неприятностями мнѣ со стороны начальства не грозить. На часахъ оставалось двѣ минуты до окончанія перемѣны. Выйдя изъ класса, протолкавшись вдоль по коридору полному нестройнаго стука ногъ, звона голосовъ и вскриковъ, — я вышелъ на площадку лѣстницы. Притворивъ за собою дверь, отчего крики и топотъ ногъ, обманувъ ухо, затихли, и только черезъ мгновеніе пришли заглушеннымъ густымъ гуломъ, — я оглянулся.

Лѣстницей ниже, около двери карцера, который послѣдніе десять лѣтъ не былъ въ употребленіи, и на которомъ висѣлъ рыжый ржавый замокъ, — сидѣлъ Буркевицъ. Онъ сидѣлъ на ступенькахъ, спиной ко мнѣ. Онъ сидѣлъ раскорякой, съ локтями на колѣняхъ, — съ упавшей въ ладони головой. Тихонько на носкахъ и очень медленно сходя по ступенямъ, я началъ спускаться къ нему, при этомъ все глядя на его спину. Его спина была выгнута горбомъ, — словно два острыхъ предмета подоткнутыхъ подъ шибко натянутое сукно — проступали лопатки, и въ этой скрюченной спинѣ и въ этихъ вылъзающихъ лопаткахъ были и безсиліе, и покорность, и отчаяніе. Тихонько подойдя къ нему сзади, все такъ, чтобы онъ меня не видѣлъ, я положилъ руку на его плечо. Онъ не вздрогнулъ и не открылъ лица. Только спина его еще больше сгорбатилась. Все глядя на его спину я осторожно перенесъ руку съ его плеча на его волосы. Но только я прикоснулся къ его тепловатымъ воло-

---

самъ, какъ почувствовалъ, что во мнѣ тронулось что-то такое, отъ чего, если бы кто увидѣлъ, мнѣ стало бы совѣстно. Оглянувшись такъ, чтобы это даже не было похоже на оглядываніе, и убѣдившись, что на лѣстницѣ пусто, я ласково провелъ рукой по жесткимъ шоколаднымъ вихрамъ. Это было пріятно. Мнѣ стало сразу такъ легко и такъ нѣжно, что я еще и еще разъ провелъ по его волосамъ. Не отнимая рукъ отъ уткнутаго въ нихъ лица, и потому не видя того, кто къ нему подошелъ и кто гладить его волосы. — Буркевицъ вдругъ глухимъ сквозь ладони звукомъ произнесъ: — Вадимъ? Съ хрустальной грудью я сразу опустился и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Буркевицъ сказалъ Вадимъ, онъ назвалъ меня по имени, и то что онъ сдѣлалъ это не видя того кто пришелъ къ нему, означало для меня впервые быть отмѣченнымъ не за безсердечіе молодечества, а за отзывчивость и нѣжность моего сердца. Мои пальцы сжались, захватили горячіе у корней жесткіе вихры волосъ, — и шибко дернувъ и вырвавъ лицо Буркевица изъ скорлупы закрывавшихъ его ладоней, я повернулъ это лицо къ себѣ, глаза въ глаза. Близо - близо я видѣлъ теперь передъ собою эти маленькіе сѣрые глаза, странно измѣненные отъ оттянутой къ затылку кожи, гдѣ моя рука держала его за волосы. Съ секунду эти глаза въ хмуромъ своемъ страданіи смотрѣли на меня, но наконецъ не смогли видно одолѣть тугіе мужскіе слезы, они, заложивъ свирѣпую складку промежъ бровей, скрылись подъ вѣками. И тотчасъ, лишь только закрылись глаза, раздался незнакомый мнѣ лающій голосъ. — Вадимъ. — Ты. — Милый. — Единъ. — Ственный. — Вѣришь. — Такъ тяжело. — Я. — Отъ всей. — Отъ души. — Вѣришь. — И впервые чувствуя какъ сильныя мужскія руки обнимаютъ и тискаютъ мою спину, впервые прижимаясь щекой къ мужской щекѣ, — я грубымъ, ругающимся голосомъ говорилъ. — Вася... я... твой... твой... «Другъ» я все хотѣлъ добавить, но «др» можетъ еще сказалъ бы, а вотъ на «у» боялся распасться. И жестоко оттолкнувъ Буркевица, качнувъ его лицо, которое и закрытыми глазами, и блѣдностью своею, и короткимъ носомъ, походило на гипсовую бетховенскую маску, — я, съ равнодушнымъ ужасомъ сознавая то страшное, что собираюсь сейчасъ сдѣлать, бросился внизъ по лѣстницамъ. Я мчался по лѣстницамъ такъ, какъ мчатся за врачомъ для умирающаго друга, мчатся не потому что врачъ можетъ спасти, а потому, что въ этомъ движеніи, въ этой погонѣ должна ослабнуть та тяга на себѣ самомъ испытывать тѣ страданія, видъ которыхъ возбуждалъ это совершенно непереносимое чувство жалости.

Лѣстница прошла. Въ подвальной обѣденной залѣ ноги проспосабливаются къ скольженію по сине-бѣлой кафели. Послѣднее окно кускомъ солн-

---

ца задѣваетъ глаза, и сразу темная сырость раздѣвальной, — по ея асфальсовому полу подошвы влипають ввинченной увѣренностью. И опять лѣстница навѣрхъ. Я уже знаю начало, — «какъ истинный христіанинъ довожу до вашего свѣдѣнія», — а дальше не важно, дальше пойдетъ какъ по маслу, по маслу, по маслу, — при этомъ я заносилъ ногу черезъ три ступени и при нажимѣ крикалъ — на маслѣ.

Шагать черезъ три ступени, да еще такія высокія какъ въ нашей гимназіи, понуждало подниматься какъ бы распластываясь по лѣстницѣ и съ низкимъ наклономъ головы. Поэтому-то я и не замѣтилъ, что на верхней площадкѣ уже давно смотрѣлъ и поджидалъ меня змѣиными глазами въ похоронномъ своемъ скюртукѣ директоръ гимназіи Рихардъ Себастьяновичъ Кейманъ. Лишь за нѣсколько ступеней я увидѣлъ прямо передъ глазами растущіе столбы его ногъ, которые отбросили меня такъ, словно выстрѣлили, но не попали.

Молча онъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня малиновымъ лицомъ и чернымъ клиномъ бороды. — Тю такое съ вами, — наконецъ спросилъ онъ. Его презрительно ненавидящее «тю» вмѣсто «что», при которомъ его губы поцѣлуйно вылѣзли изъ подъ усовъ, — было той кнопкой, отъ которой восемь лѣтъ останавливались наши сердца.

Я позорно молчалъ.

— Тю съ вами такое, — изъ презрительнаго баритона поднимая голосъ въ разволнованный и тревожный теноръ, повторилъ Кейманъ.

Мои руки и ноги тряслись. Въ желудкѣ лежала знакомая льдина. Я молчалъ.

— Я хачу зна, та съ вами такая, — пронзительной фистулой и чтобы не сорваться мѣняя всѣ гласныя на «а», крикнулъ Кейманъ. Его взвизгивающіе вопли, отдавшись объ каменные потолки, пошли шатунами вѣрхъ по мраморной парадной лѣстницѣ.

Но, въ то время какъ въ перерывахъ между директорскими криками, я безплодно пытался возбудить въ себѣ, теперь все менѣе понятное и совсѣмъ высохшее, чувство жалости къ Буркевицу, которое привело меня сюда, — я одновременно чувствовалъ въ себѣ все больше нарастающую силу, силу жестокаго озлобленія противъ краснаго Кеймана, который здѣсь на меня оралъ. И уже съ радостью сознавая, что злоба эта дастъ мнѣ нужное опьяненіе, чтобы не осрамиться и чтобы сказать тѣ самыя слова, которыя я и раньше хотѣлъ сказать, — я все же смутно соображалъ, что хотя слова и останутся тѣ-же, однако, подъ вліяніемъ смѣны чувства, *причина* говоренія

мною тѣхъ же самыхъ словъ — перемѣнилась; — ибо раньше я ихъ хотѣлъ сказать изъ желанія причинить боль самому себѣ, — теперь же единственно, чтобы доставить боль и оскорбить Кеймана. И выраженіемъ лица и звучаніемъ голоса придавая каждому слову значимость озлобленного хлопка по красной директорской мордѣ, — я сказалъ: — какъ истинный христіанинъ я вполнѣ и въ совершенной мѣрѣ, — но въ это мгновеніе, когда я уже задыхался отъ злобной ненависти, меня прервала горячая тяжесть легкой мнѣ на затылокъ руки. И тутъ же повернутымъ глазомъ я увидѣлъ лиловую грудь и на ней шибко опускающійся и поднимающійся золотой молотокъ креста.

— Вы, Рихардъ Себастьяновичъ, ужъ простите мнѣ мое вмѣшательство, — сказалъ батюшка, курносое и старое лицо котораго, оттого что я смотрѣлъ на него сильно скошеннымъ глазомъ, двоилось и плыло. — Это онъ шелъ ко мнѣ.

Сказавъ это онъ, обнимая меня одной рукой за плечи, качнулъ глазами въ мою сторону, потомъ взглянулъ на директора и многозначительно зажмурился. — У насъ тутъ маленькое дѣло, совсѣмъ не гимназическое. Онъ шелъ ко мнѣ.

Кейманъ изъ начальника вдругъ сдѣлался жуиромъ. — Но ради Бога, батюшка, я этого совсѣмъ не зналъ. Вы меня, пожалуйста, простите. — И сдѣлавъ въ мою сторону широкой пригласительный жестъ, которымъ на сценѣ хлѣбосолы зовутъ къ заставленному яствами столу, Кейманъ, повернувъ намъ спину разстегнулъ сюртукъ, и заложивъ руки въ карманы и качаясь и шаркая такъ, словно подходилъ къ дамѣ, съ которой будетъ сейчасъ вальсировать, — пошелъ къ мраморной лѣстницѣ и тяжело кланяясь началъ подниматься.

Между тѣмъ батюшка повернулъ меня къ себѣ лицомъ и, положивъ свои руки мнѣ на плечи, этимъ движеніемъ соединилъ меня съ собой, точно параллельными брусьями, на которыхъ свернутыми флагами свисали широкіе рукава его рясъ. Теперь я стоялъ спиной къ поднимающемуся Кейману, но наблюдая глаза батюшки, обращенные мимо меня въ сторону лѣстницы, я видѣлъ ясно, что онъ ждетъ пока Кейманъ взойдетъ и скроется за лѣстничнымъ поворотомъ.

— Скажите мнѣ, — переводя наконецъ свой взглядъ съ лѣстницы на мои глаза, обратился ко мнѣ батюшка, — скажите мнѣ теперь, мой мальчикъ. Почему вы хотѣли это сдѣлать? И его руки на словѣ «это» слегка сдавили мнѣ плечи. Но, уже примиренный и потому растерянный, я молчалъ.

— Вы молчите, мой мальчикъ. Ну что-жъ. Позвольте мнѣ тогда за

васъ отвѣтить и сказать, что вы не сочли для себя допустимымъ, въ то время какъ вашъ другъ, какъ вы думаете, губить себя за правду Христову, оставаться невредимымъ, ибо правда эта вамъ дороже благоустройства вашей жизни. Вѣдь такъ, — да?

Хотя я въ это время думалъ о томъ, что это совсѣмъ не такъ, и что отъ такого предположенія мнѣ даже становится совѣстно, — однако какая то сложная смѣсь вѣжливости и уваженія къ этому старику побудила меня кивкомъ головы подтвердить его слова.

— Но разъ вы рѣшились на подобный шагъ, — продолжалъ онъ, — такъ ужъ навѣрно не сомнѣвались, что первое что я сдѣлаю это нажалуюсь, донесу обо всемъ, что произошло наверху. Не такъ-ли, мой мальчикъ?

Хотя это предположеніе гораздо больше соотвѣтствовало истинѣ чѣмъ первое, — однако та-же смѣсь вѣжливости и уваженія удержала меня отъ того самаго, къ чему при первомъ вопросѣ побудила. И ни кивкомъ головы, ни выраженіемъ лица не подтверждая правоты его предположеній, — я выжидательно смотрѣлъ въ его глаза.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ батюшка, глядя на меня какими-то по особенному расширившимися глазами, — въ такомъ случаѣ вы ошиблись, мой мальчикъ. Поэтому ступайте къ вашему другу и скажите ему, что я здѣсь священникъ (онъ сдавилъ мнѣ плечи), но я не доносчикъ, нѣтъ. И батюшка, какъ то сразу одряхлѣвъ и состарившись, словно потерявъ всякую рѣшительность, все больше затихающимъ голосомъ еще сказалъ: — а ему... пусть будетъ Богъ судья, что старика обидѣлъ; вѣдь у меня сынъ.... (совсѣмъ тихо, словно по секрету) — на этой войнѣ... (и уже безъ голоса, вышептывающими губами) — ....убить....

Еще въ самомъ началѣ, когда батюшка началъ со мной говорить, — та близость къ его бородатому лицу, къ которой понуждали его положенныя мнѣ на плечи руки — была мнѣ неприятна, и потому мнѣ все казалось, что руки его меня притягиваютъ. Теперь, однако, мнѣ почувствовалось, будто руки эти меня отталкиваютъ, — такъ ужасно захотѣлось мнѣ придвинуться къ нему поближе. Но батюшка вдругъ снялъ руки съ моихъ плечъ, и сердито отвернувъ налившіеся слезами глаза, быстро - быстро пошелъ мимо лѣстницы вдаль по коридору.

Два чувства, два желанія было сейчасъ во мнѣ: первое, — это прижаться къ батюшкиному лицу, поцѣловать его и нѣжно расплакаться; второе, — бѣжать къ Буркевицу, рассказать все и жестоко посмѣяться. Эти два желанія были какъ духи и зловоніе: онѣ другъ друга не уничтожали, — онѣ

друг друга подчеркивали. Ихъ расхожденіе было только въ томъ, что желаніе прижаться къ батюшкиному лицу тѣмъ больше ослаблялась, чѣмъ дальше по коридору онъ отъ меня уходилъ, — а терзающее желаніе выболтнуть радостную вѣсть и погеройствовать, усиливалось по мѣрѣ того, какъ я поднимался по лѣстницѣ къ мѣсту, гдѣ оставилъ Буркевица. И хотя я прекрасно зналъ, что излишняя восторженная торопливость очень повредитъ моему геройскому достоинству, — все же не смогъ сдержаться и едва приблизившись къ Буркевицу сразу тремя словами выхлестнулъ все. Но Буркевицъ видимо не понялъ и глядя поверхъ меня далекимъ и усталымъ отъ страданія взглядомъ — разсѣянно, какъ бы изъ приличія, переспросилъ. Тогда уже болѣе спокойно и даже весьма обстоятельно я началъ рассказывать ему, какъ было дѣло. И вотъ тутъ-то, пока я рассказывалъ, съ Буркевицемъ начало дѣлаться совершенно то-же самое, что я однажды уже видѣлъ, наблюдая игру двухъ шахматистовъ. Пока на шахматной доскѣ — одинъ намогловалъ и сдѣлалъ ходъ, — другой, не глядя на доску, видно чѣмъ то разстроенный или возмущенный, разговаривалъ съ сидѣвшими рядомъ людьми и размахивалъ руками. Его прервали — сказавъ, что противникъ сдѣлалъ ходъ, и онъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на доску. Сперва въ его глазахъ все еще свѣтился тотъ хвостикъ мыслей, которыхъ онъ не досказалъ. Но чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на доску, тѣмъ напряженнѣе становились его глаза, и вниманіе, какъ вода на промокашкѣ, захватывало его лицо. Не сводя глазъ съ доски, онъ то морщась чесалъ затылокъ, то хваталъ себя за носъ, то выпячивалъ нижнюю губу — удивленно поднималъ брови, то закусывая губу — хмурился. Его лицо все мѣнялось, мѣнялось, куда-то плыло, плыло, и наконецъ успокоилось, поставило точку своимъ усилямъ и улыбнулось улыбкой лукаваго поощренія. И хотя я совершенно не разбирался въ шахматахъ, однако, глядя на этого человѣка я зналъ, что онъ своей улыбкой воздастъ должное противнику, и что въ игрѣ случилось нѣчто неожиданное, а главное — такое, что непреодолимо препятствуетъ его выигрышу.

АНАТОЛІИ АЛФЕРОВЪ
М О Р Е

Я люблю людей за ихъ волю къ добру.
Я вѣрю въ добро, живущее во злѣ
Я цѣню красоту въ безобразіи рожденную.
Я чувствую, что передъ многимъ ничтоженъ геній.
Я знаю, что презирать можно все, любить — должно всѣхъ
Я люблю и боюсь людей за ихъ близость ко мнѣ.

Вѣчно близкіе, вѣчно похожіе и вѣчно непроницаемые другъ
для друга — всѣ мы капли одного моря.

Въ юности мы узнаемъ себя по другимъ, въ старости — дру-
гихъ по себѣ, но доступно въ человѣкѣ только то, что его опредѣ-
ляетъ: настоящаго узнаванія — нѣтъ. ..

Да и должно - ли оно быть?

.....

Незадолго до эвакуаціи объявился у насъ новый товарищъ по
службѣ — матросъ, Иванъ Лукичъ Мытищевъ. Его мало кто зналъ
во флотѣ, да и какъ-то нечѣмъ было ему возбудить къ себѣ любо-
пытство. Шелъ онъ всегда въ ногу со всѣми, умѣлъ, когда нужно, и
перемѣнить шагъ. Если ему случалось застрять на берегу, то отсут-
ствіе его либо вовсе не замѣчалось, либо замѣчалось лишь какъ от-
сутствіе какой - нибудь мелочи въ корабельномъ обиходѣ, напри-
мѣръ, — жестянки отъ консервовъ, которая при случаѣ можетъ замѣ-
нить даже зеркало. Мытищевъ и отражалъ, и поглощалъ настроенія
кубрика, съ нимъ было всегда легко, и ему было легко со всѣми

Часто, лежа на койкахъ, въ свободное отъ вахтъ и работъ вре-
мя мы болтали съ нимъ на “актуальныя” темы, бесѣда велась обыкно-
венно лѣниво, “отъ нечего дѣлать”:

— Что вы думаете, Мытищевъ о положеніи? — спрашивалъ я его.

— Ничего не думаю, — отвѣчалъ онъ, — мнѣ наплевать!

Души въ васъ нѣтъ. Пожалѣли-бы хоть кого-нибудь!

— Чего - жалѣть? — можетъ, мы сами завтра помремъ! Да и не погибнетъ - же Россія оттого, что какой - то клочекъ земли изъ однѣхъ рукъ перейдетъ въ другія? — А намъ заграницей, глядишь, и шара какая-нибудь засвѣтитъ.

— Идея гибнетъ.

— Да вы что — смѣтаетесь что-ли?! У кого это вы здѣсь видѣли идею? Начихать имъ всѣмъ на вашу идею!

Если въ подобную минуту кто-либо изъ сосѣдей подавалъ голосъ, то разговоръ обычно усложнялся, затягивался — и чѣмъ дольше, тѣмъ становился откровеннѣе, циничнѣе и веселѣе. Въ безстыдномъ цинизмѣ Мытищева было несомнѣнно нѣчто умиротворяющее, какъ въ наркотическомъ зельи; каждое слово его смаковалось въ душѣ собесѣдниками, вызывая на лицахъ показную, снисходительную усмѣшку: вѣроятно, въ каждомъ изъ нихъ — поднимался - ли вопросъ о Россіи, женщинахъ или офицерскомъ составѣ — помимо удовольствія рождалась и тщеславная увѣренность въ своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ Мытищевымъ, и всѣ они какъ - бы омывались ею.

Въ практической - же жизни Мытищевъ былъ трезвъ и по стариковски разсудоченъ. Возрастъ его — ему давали не больше двадцати пяти — двадцати шести лѣтъ — сказывался лишь въ потребностяхъ тѣла, въ нѣкоторой его подчеркнутой (мальчишеской) распоясанности.

Когда послѣ сдачи крымскихъ позицій предложено было намъ на выборъ корабль или берегъ — Мытищевъ, лохматый и угрюмый, цѣлый день протаскался по берегу, а вечеромъ сказалъ: “ѣду“!

Вскорѣ всѣ свободныя помѣщенія на кораблѣ, всѣ входы и выходы отъ юта и до бака были запружены у насъ англійскими куртками, палубы затоптаны американскими башмаками; молчаливая, сумрачная толпа чиновъ былой арміи встряла вдругъ въ нашу жизнь и надолго выбила ее изъ колен. .

Въ послѣдній день за нѣсколько часовъ до отплытія мнѣ приелось работать возлѣ Мытищева на полу-бакѣ, гдѣ тотъ достаиваетъ

валь вахту у штормъ-трапа. Быль отданъ приказъ безъ особаго разрѣшенія никого изъ постороннихъ ни подъ какимъ предлогомъ не пускать на бортъ, въ случаѣ неповиновенія — рубить трапъ.

Пристала баржа...

На днѣ ея сгрудились тѣла — на носилкахъ, на костыляхъ, по щиколотку въ водѣ... Обезкровленные лица; грязно - розово - бѣлыя пятна бинта. Сѣдой полковникъ увѣренно и неловко ухватился за трапъ и, перекрутившись съ нимъ нѣсколько разъ, сталъ напряженно подниматься къ намъ... “Назадъ!” — отчеканилъ Мытищевъ. Полковникъ замеръ, медленно запрокинулъ голову и сказала простуженнымъ голосомъ: “Я къ командиру... на минутку. . — вонъ, видите, раненые...” — “Не имѣю права, г-нъ полковникъ, — строгій приказъ: никому не подъ какимъ предлогомъ!” Голова опустилась, и нѣсколько секундъ полковникъ неопредѣленно болтался въ воздухѣ; затѣмъ вдругъ тяжело задышалъ и, побагровѣвъ, вновь полѣзъ наверхъ. Мытищевъ оторопѣлъ, онъ даже отступилъ на секунду... потомъ съ раскрытымъ перочиннымъ ножомъ стремительно перекинулся черезъ планширь. “Рублю!” — отчаянно взвизгнулъ онъ. Человѣкъ подъ нами опять остановился и, какъ мнѣ показалось, конфузливо и робко взглянулъ на Мытищева. Я боялся, что вотъ онъ сейчасъ разожметъ пальцы и, улыбнувшись, по собственной волѣ полетитъ внизъ...

Минуту спустя, я видѣлъ его уже внизу, машинально оттирающимъ о шинель окровавленные ладони.

Баржа отчалила...

Я отдыхалъ въ кубрикѣ, когда Мытищевъ вернулся съ вахты. Подойдя къ иллюминатору у своей койки, онъ извлекъ изъ кармана зеркальце и, взглянувъ на себя, застылъ въ принятой позѣ, словно все въ немъ вдругъ напряглось и остановилось въ безсиліи сдвинуться съ какой - то внутренней мертвой точки. Я никогда не представлялъ себѣ такого тяжелаго, безстрастнаго, неподвижнаго взгляда — такъ, вѣроятно, глядятъ въ послѣдній еще не изжитый мигъ передъ самоубійствомъ или преступленіемъ, — и тѣмъ болѣе непостижимо было для меня открыть этотъ взглядъ у Мытищева. Я ждалъ... ждалъ... и чувствовалъ, что нельзя сократить пытку, что наводненіе либо само пропадетъ, либо произойдетъ нѣчто отвратительное, нелѣпое и скандальное...

Мытищевъ вытянулъ свободную руку и тяжело, словно гирей, ударилъ себя кулакомъ въ лицо, между носомъ и скулой, — тонкая струйка крови разсѣкла его губу. Все такъ же не спуская глазъ съ заркала, онъ вновь поднялъ и съ тою же силой опустилъ кулакъ. Онъ билъ себя томительно долго, съ механической равномерностью, упрямо и тупо. Мнѣ хотѣлось крикнуть, но я чувствовалъ себя со-всѣмъ мальчикомъ и связаннымъ по рукамъ и ногамъ этимъ животнымъ спокойствіемъ.

Истяжаніе кончилось, — когда кровь густою струей поползла изъ носу по губамъ и подбородку, пачкая кулакъ и размазываясь по лицу. Что-то ожило въ Мытищевѣ и просвѣтлѣло. Онъ послунилъ платокъ, осторожно отеръ кровь и легъ на койку лицомъ къ стѣнѣ ..

Въ этотъ день было много спѣшныхъ “авральныхъ” работъ, палубная команда выбивалась изъ силъ, но Мытищева не трогали: онъ продолжалъ неподвижно лежать на своей койкѣ, сказавшись больнымъ.

На слѣдующій вечеръ въ кубрикѣ обсуждался поступокъ одного изъ нашихъ матросовъ, который будто - бы въ послѣдній моментъ предложилъ кому-то въ штатскомъ эвакуироваться на нашемъ кораблѣ — взялъ его чемоданы и, попросивъ подождать возлѣ трапа, — былъ таковъ; штатскаго, конечно, не пропустили, а матросъ въ сутолкѣ умѣло замель слѣды.

— Вѣдь это-же безсовѣстно, — возмущался кто-то, — вѣдь это-жъ позоръ для всего русскаго флота!

— Ну, вотъ — тоже! — отозвался откуда-то Мытищевъ, — обдѣлалъ дѣло — и молодецъ, въ наше время, другъ, совѣсть только у дураковъ.

Въ этомъ разговорѣ, какъ и во всей послѣдующей корабельной жизни Мытищевъ оставался вѣренъ себѣ, и никто не замѣтилъ въ немъ никакой перемѣны.

Позднѣе уже въ иностранныхъ водахъ флотъ былъ расформированъ, насъ всѣхъ списали; связанные только формой, мы не долго оставались на виду другъ у друга; какъ вѣтви подстриженныхъ кустовъ безъ направляющей руки, мы потянулись наперегонки и искривъ и вкось, затмевая и губя одинъ другого. Мытищевъ — пропалъ.

Только лѣтъ черезъ шесть мнѣ привелось о немъ услышать. Передавали, что онъ работаетъ гдѣ-то около Парижа на одномъ изъ

каучуковыхъ заводовъ и уже успѣлъ сколотить тысячь пятнадцать франковъ. Легко доступныя и “узаконенныя” радости французской жизни (за недоступнымъ Мытищевъ не гнался) не измотали и не сбили его съ толку: въ нихъ онъ, по словамъ знакомыхъ, какъ - будто даже совсѣмъ остепенился, “устоялся” и окрѣпъ тѣлесно. Говорили также о его какой - то особой внутренней направленности, — словно что-то цѣпкое и добротное засѣло въ немъ, пустило корни и вотъ-вотъ пробьется наружу; тутъ-же, впрочемъ, какъ-бы, мимоходомъ указывалось и на его тайное “пристрастіе” къ ростовщичеству.

Мнѣ захотѣлось собственными впечатлѣніями провѣрить слухи и тѣмъ оживить свое представленіе о немъ...

Мытищевъ встрѣтилъ меня прохладно, нисколько не удивившись, точно на протяженіи этихъ шести лѣтъ мы съ нимъ ежедневно видѣлись и успѣли до тоски надоѣсть другъ - другу. Помню, какъ неохотно онъ потянулся за стаканомъ, чтобы налить мнѣ чаю и какъ потомъ скупо цѣдилъ отвѣты, какъ-бы не замѣчая меня, явно не заботясь о моемъ впечатлѣніи.

Жилъ онъ бирюкомъ въ опрятной и крохотной комнатѣ подъ самымъ чердакомъ. Даже въ разстановкѣ мебели, въ распредѣленіи всякихъ мелкихъ вещиць чувствовалась необычная налаженность, крѣпость устоя. Почти то же я услышалъ изъ устъ самой хозяйки отеля: “Какой замѣчательный, какой удивительный жилецъ — вашъ пріятель! — лопотала она, провожая меня, — вотъ, сударь, человѣкъ, — который умѣетъ жить!..”

— Сколько вы платите за комнату? — спросилъ я у Мытищева.

— Ничего не плачу.

— Какъ такъ?

— Да такъ — не плачу и не плачу.

— Что-жь... — Значить “шара” и вправду “засвѣтила”?

— А вы думали?! — Дѣльному человѣку она вездѣ свѣтитъ: вотъ подкоплю монеты (тысяченокъ двадцать пять) — женюсь на хозяйкѣ... — не безпокойтесь — не пропадемъ!

— Да я и не безпокоюсь, я радъ за васъ. Съ вашимъ заработкомъ не пропадешь.

— Каждый живетъ, какъ можетъ, — кому какое дѣло? Вотъ у васъ костюмъ на заказъ шить, а на мнѣ — съ чужого плеча; зато

черезъ годъ у меня отель будетъ, а вы при своемъ костюмѣ останетесь!

— Это правда: каждый живетъ какъ можетъ...

Черезъ недѣлю я прислалъ къ Мытищеву пріятеля съ рекомендательной запиской, и тотъ ссудилъ ему “по божески” довольно крупную сумму, отказавшись принять залогъ. Пріятель отзывался о немъ очень хорошо.

Я, вѣроятно, скоро забуду - бы о Мытищевѣ — тягостное впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ понемногу разсѣивалось, временами мнѣ становилось даже стыдно... — если - бы не одно любопытное и ужъ слишкомъ необычное происшествіе: какая - то кредитная бумага принесла ему выигрышъ въ сто тысячъ франковъ.

Въ первую - же минуту все хорошее, что я видѣлъ въ Мытищевѣ, заслонилось выигрышемъ и обезцѣнилось имъ. Этотъ фальшивый жестъ судьбы, словно бравирующей своей слѣпотой, безстыдно отдающейся первому встрѣчному, казался, почти оскорбленіемъ. Я представлялъ себѣ Мытищева уже въ новой личинѣ буржуа съ самодовольной, всеобезцѣвчивающей усмѣшкой на лоснящемся лицѣ, “объленнымъ” и утвержденнымъ въ безчинствахъ свалившимся счастьемъ, въ шитомъ на заказъ “лакейскомъ” костюмѣ, съ лакейской же готовностью во взглядѣ — къ большимъ и съ равнодушіемъ послѣднихъ — къ малымъ. Конечно, все пережитое имъ за минувшее лихолѣтье закрѣпится въ его памяти въ формѣ какой - нибудь героической поэмы, переживанья - же окружающихъ низведутся до матерьяловъ для изготовленія пошленькихъ анекдотовъ, которые онъ потомъ будетъ брезгливо пересказывать своей вертлявой престарѣлой и нелюбимой женѣ. Капиталь онъ удвоить, утроить, удесятерить и заживетъ “въ свое удовольствіе” не принадлежащей ему жизнью, присвоивъ проскользнувшее у кого - то между пальцами счастье. Этого “кого-то” я почему-то представлялъ себѣ во сто разъ болѣе достойнымъ, нежели Мытищева...

Но этотъ “гороскопъ” Мытищева оказался ошибочнымъ. Вѣроятно, линія его жизни въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ молніеносный зигзагъ, нелѣпый скачекъ въ пространство (какъ лошадь, взвившаяся на дыбы) и затѣмъ возвращается къ исходному пункту...

Выиграшъ его почти не обрадовалъ: онъ поразилъ его, привелъ въ какое-то странное полу-радостное - полу-угрюмое недоумѣ-

---

ніе. Утромъ онъ даже отправился было на работу, но вернулся съ пути и провалялся затѣмъ цѣлый день на кровати; вечеромъ - же напихалъ въ чемоданъ, что попало подъ руку, и ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. Видъ у него былъ пасмурный и озабоченный .

Все, что затѣмъ произошло, я узналъ лишь много дней спустя отъ случайныхъ его товарищей, самому-же мнѣ съ тѣхъ поръ уже ни разу не приводилось вступать съ нимъ въ бесѣду.

Еще не успѣвъ получить деньги, Мытищевъ — запилъ.

Какъ - то ужъ черезчуръ легко и просто, словно всю жизнь только и дѣлалъ, что кутилъ, потекли у него изъ кармана накопленныя денежки...

Потомъ подоспѣлъ выигрышъ.

Здѣсь онъ будто - бы пріостановился — отдышался, оглядѣлся по сторонамъ (говорили тогда, что онъ вступилъ въ переговоры съ какимъ-то дѣловымъ обществомъ, но самъ-же сорвалъ ихъ, и... потихоньку - полегоньку сталъ вновь затягиваться въ трясину. Много всякихъ дѣвицъ и молодыхъ людей изъ монмартрскихъ ночныхъ “буатовъ” поживилось на его счетъ. Но душа его не лънула къ нимъ: “Знаю я васъ — сказалъ онъ однажды спяну, — черти вы всѣ полозые... да мнѣ наплевать — чортъ съ вами!” “Плеваль” онъ часто и на многое, благо что было чѣмъ оплатить плевки, —чудилъ... но все какъ-то невесело, словно не по доброй волѣ. Разъ ночью перехватилъ гдѣ-то на улицѣ старушенку и сталъ ей совать въ руки тысячныя бумажки — “взаймы”: “Ты прими, не бойся, — увѣщевалъ онъ ее, — отдавать мнѣ не къ спѣху, можешь и совсѣмъ не отдавать: главное — чтобъ ты всю свою старушечью жизнь помнила, что обязана кому-то и что счастье тебѣ это не съ неба свалилось!” Перепуганная старуха съ бранью отказалась. Въ другой разъ въ “буать”, гдѣ онъ кутилъ, пришли съ бѣлой ромашкой; Мытищевъ пожертвовалъ непомѣрно крупную сумму, а когда продавцы отошли, сказалъ: “И чего благодарять? Вѣдь мнѣ — что имъ, что въ окошко бросить!” — сказалъ и насупился.

Иногда его тянуло “домой” (чаще всего въ минуты протрезвления), и если становилось совсѣмъ ужъ “невтерпежъ” ,то онъ упрямо стучалъ кулакомъ по столу и произносилъ одно только слово: “Долгъ!” — и оставался. А еще — это уже во время приступовъ пьяной тоски — лицо его осквернялось черствой и гадливой усмѣшкой,

---

и онъ говаривалъ, какъ-бы скрадывая ею смыслъ словъ: “Эхъ, Мытищевъ — не донесъ ты своей души... Расплакалась душа у Мытищева!...”

Короче говоря, три мѣсяца кряду безшабашно, “угрюмо” веселился Мытищевъ. А на исходѣ ихъ — все, что было заработано многолѣтнимъ трудомъ, все, чѣмъ “осчастливила” его судьба, — до послѣдняго чемодана, до послѣдняго су — все пошло прахомъ.

Снова потянулись годы — вѣроятно, не слишкомъ яркіе въ жизни Мытищева: вѣдь ему нужно было впрячься въ старую упряжь и начинать всю сызнова. Предаваться воспоминаніямъ онъ не любилъ, сталъ проще, общительнѣй, откровеннѣе — “словно черезъ чистилище прошелъ”. Ни о какой уже прежней направленности и рѣчи не было. Послѣ нѣсколькихъ недѣль зубрежки, ночей безъ сна удалось ему сдать экзамень на шоффера такси — стать на ноги. Жилъ онъ потомъ, какъ большинство его товарищей по профессіи, — не скупю, но и не расточительно, изо дня въ день погашая долги, а “излишки” съ легкимъ сердцемъ пуская по вѣтру.

Все это, конечно, не исчерпываетъ жизни Мытищева, за общими опредѣленіями его пріятелей оставалось всегда нѣчто нетронутое, что, возможно, какъ-разъ и было главнымъ. Помню недоумѣніе одного изъ нихъ при обсужденіи отвѣта Мытищева на какой-то жизненный вопросъ: “Ерунда! — не важно, какъ жить, важно — чѣмъ жить!”

Въ прежнее время подобныя слова вызвали-бы и во мнѣ не меньшее недоумѣніе, но я уже не вѣрилъ ни Мытищеву, ни своему представленію о немъ. Къ тому-же, признаться, мнѣ надоѣло да и какъ-то неловко вдругъ стало изъ простаго любопытства заглядывать въ его “нутро”, искать тамъ опредѣленій и находить новыя неопредѣленности. Для меня и для другихъ Мытищевъ жилъ тяжелой и безпечной жизнью рядового русскаго эмигранта.

Но... вотъ, что произошло съ нимъ въ уже совсѣмъ недавнее время.

Мнѣ привелось какъ-то вечеромъ забѣжать въ мало знакомую семью, гдѣ я бывалъ очень рѣдко. Пили чай.

Часу въ одиннадцатомъ, совершенно неожиданно для меня, вошелъ Мытищевъ — въ шофферской шинели, замасленный и небри-

---

тый и такъ прямо, какъ былъ, — не снявъ даже фуражки (кромѣ меня были и другіе приглашенные).

Улыбка на лицѣ хозяйки мгновенно растаяла. Посреди комнаты Мытищевъ остановился и, не здороваясь, по очереди обвелъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. Взглядъ у него былъ тусклый, лицо сѣрое, и держался онъ какъ-то мѣшковато, словно ему сѣсть хотѣлось.

— Ну, какъ? — съ трудомъ выговорилъ онъ, обратившись къ хозяйкѣ и сразу потупивъ взглядъ, — есть новости?

Лицо хозяйки выражало протестъ, готовый перейти въ испугъ, въ отчаянье передъ возможной и (очевидно, ожидаемой) выходкой.

— Какъ это странно, Иванъ Лукичъ, — начала она сдержанно съ накипающимъ возмущеніемъ, — вы приходите въ такой часъ и въ такомъ видѣ по дѣлу, которое — вы это знаете — отъ меня не зависитъ и по которому — я вамъ уже говорила — не можетъ быть пока принято никакого рѣшенія! Вы ведете себя, какъ... — ея голосъ вдругъ смягчился, и она закончила, вѣроятно, совсѣмъ не такъ, какъ хотѣла: — Однимъ словомъ — не торопитесь...

Мытищевъ еще больше осѣлъ тѣломъ, уголки рта у него жалко дрогнули, какъ у ребенка, котораго ставятъ въ уголь... — и вдругъ отъ одной мысли, что этотъ человѣкъ вотъ сейчасъ на людяхъ можетъ всхлипнуть и заплакать — мнѣ стало страшно.

— Надежда Павловна, — тихо заговорилъ Мытищевъ — я больше не могу ждать... если черезъ недѣлю... — то вотъ, истинный Богъ, я...

Онъ опять тусклымъ взглядомъ скользнулъ по присутствующимъ и понуро побрелъ къ выходу.

— Кто это такой?.. Въ чемъ дѣло?.. Что съ нимъ?.. — разомъ заговорили всѣ.

— Ахъ, я прямо не знаю, что съ нимъ дѣлать! — горестно отозвалась хозяйка, — Представьте себѣ, что человѣкъ, котораго вы видѣли, собирается усыновить одного мальчика, сына моей подруги... Ходить, какъ тѣнь, и все выпрашиваетъ, — а я-то знаю, что дѣло разладилось, но сказать — языкъ не поворачивается: вѣдь онъ, знаете, на все способенъ...

— Да что это ему такъ загорѣлось?! — спросилъ одинъ изъ гостей.

— Кто его знает... жалуется, — ж и т ь   н е ч ѣ м ъ !
— Неужели? — вотъ чудакъ!
— Чудакъ! — повторила хозяйка.

Не знаю, что стало съ Мытищевымъ.

Нашель-ли онъ свое счастье, или все рыщетъ по свѣту — при-
мѣривается, приглядывается, пробуетъ совѣсть? — не знаю... Да и
кому это нужно?

.....

Неумно и своенравно море души.

Разгуливаютъ по нему лютые вѣтры, въ неистовствѣ злобы, въ
волчьемъ безвѣрїи взметаются смерчемъ ввысь — цѣлуютъ небо... и
бѣлыми, нѣжными барашками гибнуть въ безднѣ.

Просторно, любо и страшно намъ жить въ гостяхъ у моря: и
въ безднѣ — небо, и небо, — какъ бездна...

И душа наша — не мы.

Ш Т О Р М Ъ
ЕКАТЕРИНА БАКУНИНА

Должно быть Марианна простудилась въ тотъ сырой и мгlistый вечеръ, когда она черезъ весь Петербургъ ѣхала на вокзалъ Бекъ и въ вагонномъ полумракѣ видѣла, какъ горѣло ея лицо. Тусклый свѣтъ, падавшій отъ фонаря съ полыхавшей свѣчкой, былъ неровный, колышущійся и казалось, что во снѣ Марианна гримасничаетъ. Но она лежала на жесткой скамьѣ, застланной тѣмъ же клѣтчатыймъ пледомъ, сбившейся къ стѣнѣ полой котораго должна была быть укрыта и такъ давно не мѣняла позы, что Беку стало страшно: вдругъ умерла. Сердце его на мгновение нарушило свой ритмъ, дрогнуло и словно сдвинулось въ сторону. И тотчасъ же стало съ совершенной очевидностью ясно, что онъ любить, не можетъ перестать любить эту круглощекую дѣвочку съ упрямымъ лбомъ и широко разставленными глазами, отвергнувшую и его самого и его любовь также спокойно, какъ тотъ ребенокъ, который отпихнулъ ногой шаровидную молнію, не зная, что она можетъ его смертельно опалить. Но это было уже все равно. Его любовь ничего не требовала, ничего не ждала, но она была въ немъ какъ болѣзнь, отдававшая его цѣликомъ въ руки безпощаднаго оператора. Надо было вынести операцію, чтобы не погибнуть. Или надо было погибать, захлебываясь любовью Бекъ былъ налить ею, она обрушилась на него, какъ ливень на землю. Теперь его уносилъ потокъ. Но утопая, онъ цѣплялся за жизнь, ставшую вдругъ желанной, потому что она уже не для него.

Это было чудо на пепелищѣ

Вагонъ встряхивало. Колеса отстукивали: “вотъ такъ такъ, вотъ такъ такъ”, пахло угаромъ и нагрѣтой пылью. Темные волосы Марианны рѣзко выдѣлялись на бѣлой подушечкѣ съ прошивкой. Марианна все спала. Бекъ попытался тоже забыться, но вмѣсто этого пришелъ въ то странное состояніе, которое бываетъ у людей не умѣ-

---

ющихъ спать въ дорогѣ или вынуждающихъ себя бодрствовать у постели больного. Не сонъ и не явь, а постоянное вторженіе въ забытое внезапныхъ пугающихъ звуковъ, то скрипа отворяемой двери, сопровождаемаго холоднымъ дуновеніемъ, то лязга колесъ, усилившагося на скрѣпахъ рельсъ, то шипѣнья тормазовъ на станціяхъ, звонковъ, гудковъ, голосовъ кондукторовъ и вновь входившихъ въ вагонъ пассажировъ. Ночью Бекъ нѣсколько разъ вставалъ и наклонившись вглядывался въ Маріанну. Ей видимо было очень жарко. Одинъ разъ онъ замѣтилъ, что юбка ея завернулась — надъ фетромъ высокаго ботинка видно было круглое колѣно въ пуховыхъ рейтузахъ. Все на Маріаннѣ было еще родное, домашнее, полудѣтское, самое лучшее, самое теплое и это было трогательно. Бекъ оправилъ на ней пледъ. Вдругъ она попросила пить. Онъ напоилъ ее остывшимъ чаемъ прямо изъ рыльца металлическаго чайника, послѣ чего она повернулась лицомъ къ стѣнѣ, а Бекъ подвернулъ край пледа ей подъ спину, какъ будто въ вагонѣ было холодно. Подъ утро дѣйствительно посвѣжѣло. На какой то станціи онъ сходилъ за кипяткомъ и тоже пилъ чай изъ рыльца чайника, обжигаясь и давясь чаинками, потому что стакана не было подъ рукой и потому что ему это было все равно. Лишь бы не расхворалась Маріанна! При блѣдномъ свѣтѣ утра лицо ея не казалось уже краснымъ — ей какъ будто стало лучше. Бекъ дотронулся до ея влажнаго, горячаго лба. Два мѣсяца тому назадъ, здороваясь съ Маріанной, онъ незамѣтно обтеръ свою руку о пиджакъ, такъ какъ ея пальцы показались ему нотными. Теперь вся она была ему дорога, какъ ребенокъ матери, и отъ его мнительной брезгливости не осталось и слѣда. Онъ вспомнилъ, что кожаная подушка холодитъ, осторожно подложилъ подъ голову Маріаннѣ ту большую диванную, которую ему дали въ дорогу, а крошечную нагрѣтую думку взялъ въ ладони и прижалъ къ своему лицу. Маріанна!.. Потомъ онъ положилъ думку поверхъ топырившейся тугой дорожной сумки, улегся, принялъ наиболѣе удобное положеніе и, выпроставъ изъ подъ затылка неловко завернувшійся воротникъ куртки, вдругъ заснулъ не тревожнымъ, а настоящимъ сномъ.

Въ Л. ему пришлось почти вынести Маріанну изъ вагона. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы оставить ее одну. Она была почти

въ забытїи. Поздней ночью они ѣхали по соннымъ городскимъ улицамъ, и голова ея валилась каждый разъ какъ пролетку встряхивало на ухабахъ. Если бы Бекъ не поддерживалъ Маріанну — она бы упала съ сидѣнья. Когда, наконецъ, извозчикъ подвезъ ихъ къ невзрачной гостинницѣ, Бекъ снялъ одинъ номеръ. Онъ подъ руки ввелъ ее въ полутемную комнату. Горѣла только одна лампочка за ширмой. Маріанна въ изнеможеніи сѣла на диванъ и бессильно откинулась на его спинку. Корridorный внесъ вещи, приготовилъ постель и вышла. Бекъ подошелъ къ Маріаннѣ и снялъ съ нея шубку, а потомъ сталъ стягивать ботинки. Маріанна позволяла дѣлать съ собой все: если бы онъ до нага раздѣлъ ее, она бы не нашла въ себѣ силы сопротивленія. Но когда Бекъ, приподнявъ ее, заботливо и осторожно уложилъ на диванъ, удобно подмостивъ подушку, которую онъ перенесъ съ постели — ей стало легче и захотѣлось вымыться. Тщетно Бекъ пробовалъ уговорить ее отложить это до завтра, когда она отдохнетъ — Маріанна чуть не расплакалась: она хотѣла мыться сейчасъ. Тогда Бекъ вышелъ въ корridorъ и постоялъ на площадкѣ унылой лѣстницы. Что онъ будетъ дѣлать, если Маріанна расхворается? Всѣ планы летѣли къ чорту!

Вернувшись, онъ увидѣлъ Маріанну въ легкомъ голубомъ халатикѣ. Она чувствовала себя свѣжѣе и Бекъ пораженъ былъ тѣмъ, какъ это его обрадовало. Всѣ замершія силы его души воскрешались любовью. Развѣ нужно, чтобы любовь была раздѣленной — она и такъ оказывалась неисчерпаемымъ источникомъ счастья, она связывала съ міромъ и рождала ежеминутную готовность быть добрымъ, внимательнымъ, чуткимъ. Онъ сталъ уговаривать Маріанну лечь въ постель, но она не соглашалась: диванъ короткій, Беку на немъ не умѣститься и ей не уснуть за ширмами, гдѣ пахнетъ мыломъ и умывальникомъ. Беку пришлось уступить.

Лежа на мягкомъ диванѣ (— какъ ныло тѣло послѣ вагонной скамьи —) Маріанна невольно прислушивалась къ тому, что дѣлалось за ширмой. Сначала это былъ твердый шелестъ мужской одежды, трескъ тяжело надавленной кровати, шорохъ и скрипъ съ усиленіемъ снимаемыхъ сапогъ и легкій ихъ стукъ, когда они осторожно поставлены были на полъ; зажурчала и заплескалась вода, и слышенъ былъ звукъ мокрыхъ ладоней, растиравшихъ кожу, а потомъ шуршанье объ нее полотенца, послѣ этого зашелестѣла надѣваемая ру-

---

баха, снова затрещала кровать и тоненько звякнула матрасная пружина и вдруг щелкнулъ выключатель и за ширмой погасъ свѣтъ.

Наступила тишина.

Теперь они лежали каждый въ своемъ углу и оба не спали, потому что рождали взаимное безпокойство другъ въ другѣ. Беку хотѣлось кашлянуть, но онъ сдерживался, боясь потревожить Марианну — можетъ быть она засыпала. Марианна же лежала съ насто-роженными зрѣніемъ и слухомъ, потому что тишина въ комнатѣ была не настоящая: въ ней притаилось ожиданіе. Присутствіе Бека наполняло безотчетной тревогой и въ то же время ей пріятно было, что онъ не оставилъ ее. Было очень странно, что она очутилась въ незнакомомъ городѣ ночью въ одной съ нимъ комнатѣ, но развѣ теперь это не было все равно. Она оторвалась отъ прежней жизни и все что было связано съ этой жизнью или было въ ней запретнаго — осталось позади. Въ обступавшей неизвѣстности единственное за что еще можно было ухватиться — былъ Бекъ.

У Марианны не было къ нему никакого чувства и она была дѣвушка, но ночь рождала въ ней ощущенія страха, покинутости и инстинктивное желаніе имѣть около себя другое тѣло. Ночью она была совсѣмъ иная чѣмъ днемъ. Всѣ, взятыя напрокатъ слова о свободѣ, независимости и желаніи одной отправиться въ жизненное путешествіе переставали выражать что бы то ни было и оставалось женственное желаніе — быть подъ защитой, быть не своей.

Въ комнатѣ не было темно — въ окно свѣтила луна. Диванъ стоялъ почти рядомъ съ нимъ. Приподнявшись и заглянувъ въ него, Марианна увидѣла воду. Внизу темнѣлъ каналъ: Венеція!.. Вода чуть дрожала и искрилась луннымъ отраженіемъ и она была чернильно блестящая. Какъ невская. И навѣрно такая же холодная. Марианна представила себѣ, какъ она хотѣла утопиться и ей покзалось, что она чувствуетъ во рту и въ носу отвратительную горечь, какъ при рвотѣ и холодъ, холодъ проникающій внутрь всего тѣла, отъ котораго ломить кости. Это она знала, потому что однажды катаясь на буэръѣ, возлѣ Кронштадта угодила въ полынью. Она могла бы быть страшной, распухшей утопленницей... А теперь она ѣдетъ въ Америку, и отъ всего ея коротенькаго прошлаго ее скоро отдѣлитъ океанъ. Марианна снова откинулась на подушку. Спать не могла, было неудобно, слишкомъ круто, ломило затылокъ... И какъ всегда, безпричинно и

внезапно, на нее надвинулось знакомое, необъяснимое отчаянье; оно стало заливать ее какъ вода, не вмѣщаясь въ горлѣ: тамъ оно свернулось клубкомъ. Маріанна вспомнила свои одинокія блужданія по прямымъ петербургскимъ улицамъ отъ фонаря до фонаря и опять до фонаря. Это были ея провожатые и они же встрѣчали ее и мигали ей желтымъ пламенемъ на перекресткахъ. Больше никого не было? Что выгоняетъ человѣка изъ дому въ дождь, въ снѣгъ, въ слякоть, въ туманъ? Нѣтъ ничего болѣе призрачнаго и нагоняющаго тоску, чѣмъ Петербургъ въ туманъ! Это не густой лондонскій туманъ, а покрывало накинутое на видѣніе. Все кажется недосыгаемымъ и несуществующимъ, только тѣни въ сырой сѣрой мглѣ. Это раздражаетъ душу и человѣкъ тычется въ свои собственныя чувства и не знаетъ куда приткнуться. И такъ легко заблудиться, когда не думаешь о томъ куда и откуда идешь. И когда некуда идти. А Маріанна не находила себѣ мѣста. Тяжело выносить юность — все непонятно, ничего не найдено и ни съ кѣмъ не пережито роднящее страданіе. Юность кипитъ впустую и бродитъ ошупью, подстерегаемая жестокостью случая. И она безпощадно жестока сама, потому что не понимаетъ своей жестокости. Маріанна какъ будто вернулась къ той душевной безысходности, которая заставила ее рвануться изъ прочнаго стоячаго быта въ рискъ. Ей стало странно, что ее отпустили уѣхать. Можетъ быть надо было связать ей руки и ноги и заткнуть глотку кляпомъ, и тогда она притерпѣлась бы какъ всѣ къ тому, что осталось позади...

Не надо было глядѣть въ окно! Черныя ночныя рѣки всю жизнь будутъ ей страшны. У нея какая то отравленная память и душа тоже... Почему ей такъ тяжело?.. О пусть бы Бекъ ее взялъ и раздавить въ своихъ рукахъ, чтобы ничего не помнить!.. Что взаправду бываетъ между мужчиной и женщиной? Что будетъ съ ней...

Никакъ не успокоиться... Все та же тяжесть. Надвигается ужающая тьма и нечего даже пытаться спастись: вотъ сейчасъ захлестнетъ, станетъ невтерпежъ, надо что то сдѣлать, бѣжать...

Маріанна поднялась и свѣсила съ дивана ноги — голова ея закружилась, но она встала, на пальцахъ перебѣжала комнату и вскочила на кровать Бека. Онъ вздрогнулъ и разомъ приподнявшись, сѣлъ. “Что вы, Маріанна?” “Не могу одна”. отвѣтила Маріанна и упала ему лицомъ въ колѣни. Бекъ поборолъ схватившее его волненіе. “Это

пройдетъ, Маріанна, не надо такъ мучиться!” сказалъ онъ и притянулъ ее къ себѣ на грудь. Она была вся мягкая и податливая и онъ чувствовалъ какъ бьется ея сердце. У него вздулась жила на лбу. Ему было трудно сдерживать въ себѣ нараставшее напряженіе. Вѣдь она была почти голая. Но любовь бережна... Онъ нѣжно погладилъ Маріанну по головѣ (— такіе пушистые, мягкіе волосы —). “Дѣвчонка глупая, развѣ можно такъ дѣлать!” тихо произнесъ онъ. Но Маріанна чувствовала, что мучительная предоставленность самой себѣ разрѣшается отъ прикосновенія къ другому человѣческому существу. “Мнѣ хорошо такъ”, пробормотала она, “только холодно”. Бекъ приподнялъ ее на рукахъ и, отбросивъ ногой край одѣяла, положилъ на постель, протянулся рядомъ и снова набросилъ одѣяло. Теперь она лежала подлѣ него, какъ теленокъ подлѣ матки, она была вся тутъ, а онъ испытывалъ къ ней нѣжность и жалость и боялся сказать чтонибудь, боялся шевельнуться, чтобы это чувство не перешло въ другое. А она тоже не двигалась и молчала съ покорной довѣрчивостью и чудесной успокоенностью. И она дышала такъ ровно, а Бекъ задыхался, но все же это было лучшее, что онъ зналъ съ женщиной. Потомъ Маріанна повернулась на бокъ и по дѣтски съежилась, подобравъ колѣни чуть не къ самому подбородку, а головой уперлась ему подмышку. Отъ него пахло крѣпкой смѣсью табака и тѣла, но Маріаннѣ это не было непріятно, также какъ и запахъ, шедшій отъ умывальника. Самое главное это то, что ей стало покойно. И больше ничего не было нужно. “Вы совсѣмъ дитя, Маріанна! Что вы дѣлаете со мной!” прошепталъ Бекъ, котораго жгли колѣни Маріанны, но она не отвѣтила, только плотнѣй прижалась къ нему. Ей сладко было такъ уснуть. Тогда Бекъ крѣпко обнялъ ее, какъ бы защищая отъ угрожавшей ей опасности. Онъ не могъ заглушить звука своего тяжелого дыханія, но Маріанна не видѣла какъ стиснуты были его зубы. Угнѣздившись, утихомирившись, она стала засыпать, лежа въ его горячихъ объятіяхъ, какъ въ зыбкѣ.

Кровать была пуста, когда Маріанна проснулась. Она даже не слышала какъ и когда всталъ Бекъ. И сонъ у нея былъ еще дѣтскій. Бѣлье, платье, ботинки лежали возлѣ нея на стулѣ. Маріаннѣ стало стыдно за свое ночное переселеніе. Смутный стыдъ былъ у нея и за что то еще — несовершившееся. Но она чувствовала себя оконча-

---

тельно выздоровѣвшей, отоспавшейся, бодрой и поспѣшивъ умыться и одѣться, вся розовая отъ сна и воды, вышла изъ за ширмы.

Бекъ сидѣлъ на диванѣ за столомъ и поздоровался съ нею какъ ни въ чемъ не бывало. “Хорошо должно быть выпались! Вы крѣпко спали и въ вагонѣ и здѣсь. А я уже сходилъ въ пароходную контору и купилъ билеты... (Онъ умолчалъ о томъ, почему такъ поспѣшно бросился за билетами на ближайшій пароходъ. Эта ночь ему трудно далась и онъ не хотѣлъ повторенія). “А развѣ ужъ поздно? Который часъ?” спросила Маріанна, успокоенная простотой его обращенія. “Часы стали, но чай пить пора. Я велю подать самоваръ!” Бекъ вышелъ, а Маріанна усѣлась на диванъ, поджавъ подъ себя одну ногу. Диванъ былъ весь въ пятнахъ, а коверъ на полу пыльный, но и пыль и пятна освѣщены были солнцемъ. Мутно - зеленая вода канала за окномъ тоже поблескивала тусклыми бликами. Отъ ночного ужаса не осталось и слѣда. Въ солнечномъ лучѣ, тянувшемся изъ окна, танцовали пылинки, и Маріаннѣ самой захотѣлось закружиться по комнатѣ. Молодость перебарывала все.

Пароходъ закачал сразу, какъ только вышли въ море, и Маріанна старалась не смотрѣть на пассажировъ, то и дѣло подбѣгавшихъ къ бортамъ. Она сидѣла на сверткѣ смоленого каната, обжимая руками юбку, которую неистово рвалъ вѣтеръ. Лицо у нея было зеленое. Приступъ неудержимой тошноты подступалъ къ горлу, но холодныя брызги осыпали лицо и ей становилось легче. Вскорѣ, однако, все содержимое ея желудка съ мучительной спазмой хлынуло у нея изъ горла, свербя въ носу. Кашляя и вытирая слезы на глазахъ она повернулась къ Беку. “Вы бы спустились въ трюмъ... Лягте! Лежа будетъ легче”, любя и жалѣя ее даже въ эту минуту, сказала Бекъ. Лѣкарство отъ морской болѣзни, которое онъ купилъ, не помогало и онъ чувствовалъ себя виноватымъ въ страданіяхъ Маріанны.

Ему и самому становилось не по себѣ. А вѣтеръ все свирѣпѣлъ и качка усиливалась. “Идите, идите, дорогая”, мягко, но рѣшительно, повторилъ Бекъ и взявъ Маріанну подъ руку, повелъ ее къ женской каютѣ въ трюмѣ.

Послѣ сильнаго вѣтра, воздухъ въ общей каютѣ показался Маріаннѣ особенно отвратительнымъ. Всюду лежали кучки рубленой

пробки и у каждой койки укрѣплены были большія эмалированные кружки съ воронками. Въ трюмѣ стоялъ гамъ голосовъ, дѣтскій плачь и то судорожное откашливанье, отъ котораго мутило. Маріанна съ трудомъ взобралась на свою верхнюю койку и вытянулась на ней. Самое лучшее было закрыть глаза и лежать неподвижно, но рѣзкій свѣтъ лампочки, укрѣпленной надъ самой ея головой, раздражалъ и сквозь вѣки, и кромѣ того часто нужно было наклоняться надъ кружкой. Безъ ѣды, почти безъ питья и безъ сна, но и безъ всякихъ мыслей, въ отвратительныхъ мученіяхъ и съ отвращеніемъ къ самой себѣ Маріанна провела трое сутокъ. За это время трюмъ сталъ зловоннымъ. Женщины стонали и плакали, нѣкоторыя, будучи не въ силахъ подняться на койки, лежали прямо на полу. Маріанна же была плотно привязана къ своей койкѣ ремнями, чтобы не выпасть. Койка то становилась вертикально, то опускалась внизъ и это усугубляло нестерпимую головную боль и вызывало сердцебіеніе. Маріанна совсѣмъ ослабѣла; это было похоже на смерть, но вызывало стремленіе избавиться отъ болѣзни и ожить. На четвертый день, съ трудомъ приведя себя въ порядокъ въ общей уборной, — блѣдная, похудѣвшая, неувѣренно передвигая ноги и держась за поручни и перила, Маріанна не вышла, а выползла на палубу.

Первое, что она увидѣла, какъ только отворила дверь — была огромная, зеленоватая надвигавшаяся на нее водяная гора, у самага подножія которой находилась и сама Маріанна и ничтожный ея пароходикъ. Онъ вдругъ полѣзъ кверху, а потомъ стремительно обрушился внизъ, обдавъ ее съ ногъ до головы шипящимъ каскадомъ. Маріанна захлебнулась горечью, задохнулась, подавилась ломтикомъ лимона, бывшимъ у нея во рту, но вода и мелкая соленая водяная пыль, которою наполненъ былъ воздухъ — освѣжили ее. Непріятно было только прикосновеніе взмокшаго мѣховаго воротника къ щекамъ. Она стояла передъ дверью и думала только о томъ, какъ бы полъ не уплылъ у нея изъ подъ ногъ и вѣтеръ не снесъ ее въ море. А оно ревѣло и бушевало и швыряло ея вмѣстѣ со щепкой, къ которой она приросла. Но голова переставала болѣть. Качка больше не дѣйствовала. Хотѣлось увидѣть Бека; онъ страшно далеко отодвинулся за эти трое сутокъ, но въ океанѣ и въ мірѣ больше ужъ никого не было кромѣ него, и отъ этого хотѣлось поскорѣй къ нему приблизиться. Маріанна была рада, когда подошедшій штурманъ

крикнулъ ей: “А вашъ спутникъ наверху, на спардэкѣ! Хотите я отвѣду васъ къ нему?”. “Да, пожалуйста,” поспѣшно отвѣтила Маріанна и сама не узнала своего голоса, такой онъ былъ неслышный и осипшій. Штурманъ взялъ ее подъ руку и, ловко используя всякую точку опоры, поднялся съ нею на спардэкъ. Вѣтеръ здѣсь былъ сильнѣй, чѣмъ внизу, и водяная пыль рѣзала лицо какъ пурга.

Отъ сильнаго крена палуба стала уходить изъ подъ ногъ, поддерживавшій Маріанну штурманъ не удержался одной рукой за перила (другая была занята пассажиркой) и вмѣстѣ съ Маріанной покатился внизъ по скользкимъ, мокрымъ доскамъ. Маріанна падала за бортъ. Какой драгоценной оказывалась жизнь, когда вотъ вотъ должна была быть утраченной!.. Неужели конецъ? Но она только больно ударилась о бокъ спасательной шлюпки, задержавшей паденіе. Штурманъ извинился и, пользуясь обратнымъ уклономъ, покатилъ Маріанну къ серединѣ спардэка. На этотъ разъ она ударилась о четырехугольный навѣсъ, вродѣ собачьей будки, возлѣ пароходной трубы. Будка была накрыта брезентомъ и оттуда, изъ подъ брезента глянули на Маріанну совсѣмъ изнутри души, обнаженной неожиданностью встрѣчи, радостные, любящіе каріе глаза Бека. Каріе глаза самые теплые и безхитростные — они не мѣняются своего оттѣнка въ зависимости отъ настроенія и времени дня, какъ сѣрые и голубые, они остаются самими собою, но внутри нихъ иногда какъ будто зажигается свѣтъ, и тогда они становятся похожими на коричневые лунные камни. Свѣтъ горѣлъ въ глазахъ Бека. Это было признаніе безъ словъ отъ котораго тронулся дѣвичій ледъ Маріаннинаго сердца. Начинаясь неудержимый весенній ледоходъ. “Забирайтесь сюда!” крикнулъ Бекъ, и вѣтеръ сейчасъ же отнесъ его слова и швырнулъ ихъ въ море. Казалось, что крикнулъ кто то издалека и захлебнулся. У Бека было грязное лицо съ размазанной сажей — изъ пароходной трубы шла копоть, а воздухъ былъ распыленной водой. Штурманъ помогъ Маріаннѣ вскарабкаться подъ брезентъ и скрылся. Стоять на вѣтру и мокротѣ было неприятно даже и моряку.

Подъ брезентомъ было сухо и тепло отъ рѣшетки машиннаго отдѣленія изъ которой по временамъ со свистомъ и шипомъ вырывался паръ. Но вѣтеръ свирестѣлъ и завывалъ такъ, что разговаривать было трудно, и Бекъ лишь прокричалъ Маріаннѣ надъ ухомъ, какъ онъ волновался за нее и какъ радъ видѣтъ ее оправившейся.

Любовь излучалась изъ него. Она не требовала выраженія и не была выразима. Маріаннинъ взглядъ отвѣтилъ ему, что хорошо чувствовать себя любимой и близкой въ эту бурю и въ этомъ морѣ “Какъ чудно!” прошевелила она губами и слабымъ пожатіемъ дотронулась до руки Бека. Онъ схватилъ и сжалъ ея пальцы и не выпускалъ ихъ. Маріанна же не отнимала руки, она вся обратилась въ зрѣніе

Океанъ казалось былъ раскачанъ до дна, и огромные водяные холмы налетали одинъ на другой, сталкивались, разбивались, обрушивались съ невѣроятнымъ грохотомъ, сипѣньемъ, бурленьемъ, клеткотомъ и въ этомъ смятеніи, водоворотѣ, водяномъ смерчѣ — бился, карабкался, ползъ и снова падалъ, какъ муха упавшая въ водоотливъ, черный комочекъ парохода. Онъ казался предоставленнымъ самому себѣ: не было замѣтно дѣйствія ни машинъ, ни руля. Водяные курганы то вздымали его на свои растекавшіяся зеленью и прозрачной желтизною вершины, то низвергали внизъ и сами обрушивались на него всюю своею массой, но онъ былъ такъ малъ, что его даже невозможно было ни уловить, ни раздавить, и только волны перекатывались черезъ палубу, разливаясь по ней кипящей пѣной, тотчасъ же смываемой новыми лавинами воды. Все было наполнено громовымъ движеніемъ, самый воздухъ былъ осязаемымъ, пропитанный рѣжущими брызгами и соленой пылью, и онъ пересталъ быть молчаливымъ, онъ оглушалъ, разрывалъ уши и иногда рѣзкими порывами, вихрями, врвался подъ брезентъ и какъ будто швырялъ въ лицо пригоршнями мельчайшаго песку. Это было больно и пресѣкало дыханіе — надо было проглатывать соленую слюну — и все же такъ прекрасно, что кружилась голова и грудь распирало отъ восторга. И это давало ощущеніе безмѣрной свободы и гордости: вѣдь все это стихійное безуміе непостижимо вмѣщалось въ человѣческую душу и океанъ отражался въ глазахъ Маріанна чувствовала себя царящей надъ тысячью тысячъ взбѣсившихся Ніагаръ, кувыркавшихся, мчавшихся, свергавшихся и перегонявшихъ одна другую на голубыхъ гигантскихъ шагахъ. И она же была до невидимости маленькой, какъ единая капля въ безмѣрности океана, какъ мгновенье въ безконечности и безначальности времени.

Она любила осеннія наводненія въ Петербургѣ и свистъ и вой западныхъ вѣтровъ, ломавшихъ вѣтви деревьевъ и свирѣпо гнавшихъ воды Невы отъ взморья обратно, заставляя ихъ заливать низ-

---

менный городъ. Но тяжелое сѣверное море, спокойно спящее зимами подъ снѣжно - ледяной корою и лѣниво распластанное лѣтомъ на песчаныхъ отмеляхъ, волны котораго лишь разбѣгались по поверхности, похожія на стадо испуганныхъ овецъ — было лишь предчувствіемъ огромности океана. О-к-е-а-н-ъ — самое слово напоминаетъ скать, раскачиванье отъ земли и до неба! Такое звенящее прозрачное слово. По сравненію съ нимъ “море” кажется умяющимъ, выражаемое имъ тождественное понятіе. И буква “р” передаетъ въ немъ лишь рокоть, неустанный рокоть волнъ. Но океанъ, начало всѣхъ началъ, онъ какъ бы творимая, но еще не сотворенная земля и онъ похожъ на невѣроятно огромный водный вулканъ, клубящійся пѣной и грохочущій выбрасываемыми и передвигаемыми жидкими глыбами. Гребни его волнъ подобны клочьямъ разорванныхъ тучъ, а бурия тучи несутся надъ нимъ такъ низко, что кажется срываютъ курчавыя верхушки волнъ. Да, тучи мчались очень низко. И вдругъ въ потемнѣвшихъ толпившихся облакахъ засверкали необыкновенно длинныя сиреневыя молніи, и небо расколосось, но громъ заглушался грохотомъ волнъ и только усиливалъ его. Потомъ небо стало падать, все стало рушиться и тонуть вмѣстѣ съ ливнемъ, свергавшимся сплошной водной массой; можетъ быть море дотянулось до молній, онѣ пронзали этотъ потопъ, ослѣпляли, гасли и снова вспыхивали, исчерчивая мракъ огненными изломами. Это было страшно, но если бы даже это сулило смерть, то и смерть не пугала. Чувство страха заслонялось другимъ — какъ бы остолбенѣніемъ передъ грознымъ величіемъ природы и это невозможно было вынести одной.

Маріанна обернулась и взглянула на Бека. У него были буйные, пьяные, грозвые глаза словно надвигавшіеся на нее и въ нее входившіе и отъ которыхъ невозможно было оторваться, также какъ только что отъ океана. Маріанну потянуло имъ навстрѣчу, странная улыбка раскрыла ея ротъ, она хотѣла о чемъ то спросить, но вдругъ соленыя губы Бека съ неистовой жаждой прильнули къ ея, ставшимъ женственно беспомощными, она разомкнула влажные зубы и ужъ стало невозможно ни о чемъ ни спросить, ни просить.

Штормъ миновалъ. Океанъ серебрился, нѣжился и мурлыкалъ. Маріанна навзничъ лежала на палубѣ и смотрѣла въ небо. Млечный путь дѣлилъ его на двѣ половины — въ одной звѣздъ было больше

чѣмъ въ другой. Воздухъ былъ такъ чистъ, что было видно таинственное ихъ мерцаніе. Онѣ дрожали, отливая розовымъ, синимъ, зеленымъ, а нѣкоторыя были похожи на капли ртути. Было до слезъ хорошо. Приподнявшись Маріанна обмахнула рѣсницы корявымъ отъ впитавшейся соли обшлагомъ и поглядѣла на море. Оно ничѣмъ не напоминало, то косматое взбѣсившееся чудовище, какимъ было недавно. Съ горизонта подступала тѣма, но куда только хваталъ глазъ — поверхность моря была ровная, и тускло поблескивала, какъ лампадное масло. Тѣма умаляла просторъ, но и въ ночи океанъ былъ: свобода, ширь, необъятность, безсмертіе. А я хотѣла умереть, подумала Маріанна. Умереть потому только, что та ничтожная точка земного шара, на которую поставило меня рожденіе, показалась неприемлемой. Но вѣдь стоило только переставить ногу, чтобы все разомъ измѣнилось и приобрѣло заманчивость неизвѣстности! Уйти изъ этого изумительнаго міра, уничтожить чудо самой себя!. Маріанна охватила снизу и приподняла твердыя маленькія груди и глубоко вобрала воздухъ. Ее охватила истома и непреодолимая жажда распластаться, истаять, изнемочь, расточить данную ей единую жизнь. О — жить, видѣть, чувствовать, брать, рвать, глотать! Она проглотила воздухъ. Какъ могла она думать о тлѣніи, когда такъ неизреченно прекрасно видимое и чувствуемое, когда нѣтъ никакихъ запретовъ, какъ будто почти пережитая смерть освободила душу. И кто и что можетъ поставить преграду человѣческой волѣ, если все разрѣшаетъ единый законъ исчезновенія. Если бы люди знали, что умрутъ непременно завтра, то какъ бы они спѣшили выпить остатокъ жизни. Но жизнь и есть всего то единый глотокъ. И пусть другіе будутъ тянуть его осторожно по каплямъ, чтобы на дольше хватило, она, Маріанна, выпьетъ все разомъ. Ее охватила заносчивость юности. Пусть другихъ жизнь обтачиваетъ, какъ море гальку и дѣлаетъ ихъ круглыми и гладкими, какъ плѣшивыя головы — она такой не будетъ! Тамъ, куда она шагнула, ее будетъ швырять и бить, какъ буря швыряла пароходъ, откалывать куски души и сердца, но за то она не будетъ обточенной. Ей предстояло прѣть въ стоячей лужѣ, она предпочла водоворотъ. Самое главное во время сумѣть перескочить изъ жизненной колеи въ другую, не катиться по одной и той же до конца. Нужно какъ то себя сдѣлать, иначе будешь похожей на тѣхъ, отъ кого чуть не бросилась въ воду. "Эхъ, не жалѣй себя, а то послѣ и

жалѣть будетъ нечего!" Это сказалъ кто - то изъ оставшихся на томъ берегу. Вѣрно сказалъ. Неукротимые свободолюбцы, художники и бунтари, поэты, безумцы, преступники и философы потому ли преступили черту, что были отважными или стали отважными, потому что ее преступили Кто знаетъ? Но одно ясно: пусть будутъ грани, а не окать.

Мысль Маріанны перешла на Бека. Онъ избѣгалъ ее послѣ того поцѣлуя во время шторма, а Маріаннѣ хотѣлось, чтобы онъ ее еще цѣловалъ. Что если выйти за него замужъ? Но ей стало досадно. Почему это весь дѣвичій путь всегда уставленъ женихами! Почему Бекъ не можетъ любить ее какъ удобно и брать то, что она готова ему отдать, но только не выходя замужъ. Стоило ли для этого пересѣкать океанъ! Милый, честный, гордый Бекъ. Все таки хорошо, что онъ любитъ; одной было бы хуже. Маріанна закрыла глаза и попыталась представить себѣ лицо Бека, но оно не давалось. Отчетливо выплывала только продолговатая сухая рука съ красивыми ногтями и кенгуровый обшлагъ куртки. Но вотъ дальше сама куртка, она растегнута и изъ подъ нея видна мягкая шелковая сине - красная рубашка — полосатая, темносиняя съ темнокраснымъ. Надъ отложнымъ воротникомъ обвѣтренная шея и бековыволосы, такіе свѣтлые, какъ будто они сѣдые, шелковыя пряди, откинутыя съ высокаго лба; темныя брови, раздѣленныя морщиною надъ прямымъ носомъ; глаза — спокойныя, умныя, наблюдательныя, холодныя, немного грустныя и всегда согрѣвающіеся лаской, когда встрѣчаются съ ея глазами. Ротъ строгій даже въ улыбкѣ, но все таки Бекъ навѣрно будетъ еще цѣловать. Только почему онъ оторвался отъ ея губъ такъ рѣзко, какъ будто ему стало больно.

Черезъ двѣ недѣли послѣ выхода изъ гавани пароходъ стоялъ на рейдѣ въ виду Нью - Йорка. Высыпавшіе на палубу пассажиры всѣ были въ томъ нервномъ возбужденіи, которое овладѣваетъ людьми долго сидѣвшими взаперти наканунѣ освобожденія. Маріанна стояла у борта и глядѣла въ томъ направленіи, гдѣ берегъ былъ источенъ безчисленными огнями. Приближался моментъ разставанья. Бекъ намѣревался идти пѣшкомъ къ духоборамъ въ Канаду, пожить тамъ и рѣшить, что дѣлать дальше. Но Маріанна ничего не предполагала и теперь только неопредѣленность ея будущаго предстала пе-

---

редь нею не какъ фантастическая отдаленная, а какъ завтрашняя явь. Правда у нея были адреса мнимыхъ родственниковъ, которые ей дали въ Петербургъ для представленія на Элисъ - Айландъ, но она все не собиралась обращаться по этимъ адресамъ Денегъ у нея, кромѣ реверса въ пятьдесятъ долларовъ, тоже не было. Она стояла и думала о томъ, гдѣ придется ей провести слѣдующую ночь и какая подвернется ей работа и ничего не могла представить себѣ отчетливо Конечно работа предстояла черная, разъ она не знаетъ языка и ничего не умѣетъ дѣлать. Ей стало страшно Ее даже охватило сожалѣніе объ утраченной налаженной жизни. Но вѣдь не возвращаться же обратно — это было бы позоромъ. Теперь ужъ будь что будетъ! И все таки Бекъ еще съ нею

Къ ней подошелъ одинъ изъ пассажировъ, говорившій по руски — докторъ Флинтъ. “Одна”, спросилъ — сказалъ онъ. “Что вы думаете дѣлать въ Америкѣ?” Маріанна пожала плечами “Вы вмѣстѣ будете проживать съ вашимъ спутникомъ?” “Только вначалѣ, а потомъ онъ уѣдетъ”. “И вы будете совсѣмъ, совсѣмъ одна?” Флинтъ подвинулся къ Маріаннѣ. “Я былъ бы счастливъ помогать вамъ, миссъ!” “Извините, я ищу не помощи, а работы”. Маріанна хотѣла уйти, но Флинтъ загоразивалъ собой проходъ. “О работу, работу я могу предлагать вамъ тоже! Не очень тяжелую,” онъ взялъ Маріаннину руку, “такой бѣлой ручкѣ нельзя давать трудную работу. .” “Я не боюсь труда. Я хочу работать!” “О, вы молодая барышня, фантастическая головка, не понимаете жизни,” Флинтъ совсѣмъ придвинулся къ Маріаннѣ и наклонился къ ней: “Вамъ совсѣмъ не за чѣмъ работать, миссъ То не для васъ!.. Позволяйте мнѣ. .” Маріанна выдернула свою руку — “Я ничего не позволю вамъ, мистеръ Флинтъ и ни о чемъ васъ не прошу! Будьте любезны пропустить меня!” “Строгая барышня, ухъ какая строгая! Но это ничего! Я вамъ дамъ свою карточку. Берите мою карточку! Если на Элисъ - Айландъ будутъ непріятности — показывайте карточку доктора Флинтъ. Все будетъ хорошо!”

Маріанна подумала, что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ будетъ задержка при спускѣ на берегъ и положила карточку въ карманъ “Вотъ такъ лучше”, сказалъ Флинтъ, “одна голова хорошо, а двѣ лучше. ”

“А три еще лучше! “добавилъ голосъ Бека. Онъ взялъ Маріан-

ну подь руку и повернулъ ее спиной къ Флинту. Ему страшно хотѣлось ткнуть кулакомъ въ жирное лоснящееся лицо этого американца, всю дорогу вертѣвшагося около Маріанны. Ему казалось, что Флинтъ оскверняетъ самый воздухъ, которымъ она дышитъ и не разъ его обуревало желаніе вышвырнуть “эту гадину” за бортъ Флинтъ однимъ своимъ присутствіемъ разрушалъ ту преграду, которую онъ воздвигъ между собою и Маріанной. Любовь его къ ней изъ возвышенной, самодовлѣющей становилась жестоко - тѣлесно - ревнивой и не допускающей никакихъ посягательствъ на любимую. А Маріанна, свободная въ своемъ равнодушномъ спокойствіи, уходитъ отъ него и всякій, всякій сможетъ приблизиться къ ней при ея дѣвической довѣрчивости и какой то нарочитой беззащитности. Ему казалось невозможнымъ отъ нея уйти, а она его не хотѣла. Ее привлекала еще неиспытанная ею независимость.

“Что вамъ говорилъ этотъ негодяйчикъ?”, сурово обратился онъ къ Маріаннѣ” Маріанна насупилась Почему такой тонъ! Упрямая морщинка углубилась между бровями. “Гнусная личность! Вамъ не надо бы и разговаривать съ нимъ!” Тотчасъ у Маріанны явилась потребность защитить только что внушавшаго ей самой отвращеніе Флинта. “Онъ работу предлагалъ...” “Онъ? Работу?... Маріанна, неужели вы не понимаете?”... “Очень поняла и отказалась” “Но онъ вамъ далъ адресъ! Не надо было брать!” “Ахъ это не то! Это на всякій случай, если будутъ непріятности на Элисъ - Айландѣ .” “Чортъ съ ними! Бросьте эту бумажку за бортъ!” “Нѣтъ не брошу! Можетъ быть пригодится ” Маріанна поджала губы.

Бекъ замолчалъ и опустилъ голову Она не желаетъ его защиты, не выноситъ совѣтовъ. Всякое его настояніе пробуждаетъ въ ней желаніе поступить какъ разъ наперекоръ. Она взбалмошна, жестока, безчувственна. Какъ легко она оставила тѣхъ, кто въ Россіи. Ни разу не вспомнила... А вѣдь у нея былъ женихъ! Тоже любилъ ее. . Можетъ быть еще ктонибудь былъ.. Все равно нельзя оставаться подлѣ нея—вызывающей, несдержанной и все же ребячливой. Какъ она тогда спала у него въ рукахъ .. Но разумѣется она не помогаетъ, а мѣшаетъ ему бороться съ чувствомъ .. Всегда готова отдать свои губы И не только губы. . Она тѣлесно доступна... И въ то же время непроницаемо - цѣломудренна, потому что еще не тронута физически .. Если бы только онъ не любилъ ее такъ глубоко (и за что), съ такой снѣ-

---

дающей страстью, и самъ своею любовью не вознесъ ее на недостижимую высоту, если бы она не вросла въ его сердце какой то болью, которая ее всегда тревожитъ... Этотъ странный порывъ уѣхать одной въ чужую страну “чтобы не покончить съ собой!” Какъ ее отпустили... Какъ ее не отпустишь? Въ ней чувствуется неукротимая жажда — чего? Разрушенія или созиданія? Нѣтъ, ее нельзя оставить одну! . “Я не люблю васъ, но мнѣ нравится, когда вы меня цѣлуете; почему вы не хотите меня поцѣловать?”—Скороговоркой, на польскій ладъ. Бекъ усмѣхнулся. И вотъ ничего не понимая, не цѣняя, эта дѣвчонка привязала его своимъ “не люблю”. Неужели онъ не найдетъ въ себѣ силы отойти, вѣдь она еще не человѣкъ, не доросла до любви, а онъ не растлитель невинностей, приходящихъ ночью въ кровать.. Но ему стало стыдно за эту послѣднюю мысль. Опять вспомнилъ какъ она спала. Утромъ онъ укрылъ ее, разгорѣвшуюся отъ сна, честный дуракъ. Нѣтъ, надо бѣжать.. Какое бессмысленное расточеніе душевной энергіи, швырянье себя подъ ноги! Взглядъ его упалъ на маленькія Маріаннины ноги: въ сѣромъ фетрѣ ботинокъ они были похожи на безпомощныхъ пушистыхъ котятъ, бесконечно милые, родные звѣрьки. Бека опять охватила нѣжность и жалость сквозь гнѣвъ и страданіе, ему захотѣлось сказать Маріаннѣ, что онъ чувствовалъ, дать ей понять себя самыми точными, самыми нужными словами, прижать ее къ себѣ, укрыть, унести, уберечь отъ самой себя (въ этомъ ея главная опасность) — онъ уже готовъ былъ раскрыть передъ ней то, что такъ ревниво оберегаетъ въ себѣ мужчина — свою душу, но Маріанна вдругъ радостно схватила его за локоть: “Глядите, глядите, видите тамъ — бѣлое! Вѣдь это знаменитая статуя Свободы! Бекъ мы съ вами непременно туда пойдемъ! Да? Вѣдь да, Бекъ, да ну же!.. “она нетерпѣливо, по дѣтски трясла его и оживленно засматривала ему въ глаза, требуя отвѣта.

Но Бекъ молчалъ.

Онъ пристально и презрительно - грустно смотрѣлъ на Маріаннино возбужденное любопытствомъ лицо — (развѣ можно отдать любовь дѣвушкѣ: она ничего не понимаетъ) — потомъ медленно перевелъ взглядъ въ томъ направленіи, куда она ему указывала.

Вдали между моремъ и береговыми огнями Нью - Йорка неуклюжей громадой высилась статуя Свободы, банальная и примелькавшаяся, какъ картинка на туалетномъ мылѣ.

АЛЕКСАНДРЪ БУРОВЪ
СЪ ОДИНОКИМИ ГОСПОДЬ

«Есть еще судьи въ Бухстеудт».

(поговорка).

«...Надъ вымысломъ слезами обольюсь»...

Сидятъ. Если посадили, должны сидѣть. Разрѣшается и протестовать, сидѣть все же надо. Хорошо, если тюрьма построена по вѣсьмъ правиламъ взаимной безопасности. Но имѣются города съ населеніемъ не меньше двухъ тысячъ семисотъ жителей, и тюрьма тамъ еще глинобитная, нежилая, подобіе отставленной, давно заброшенной казармы, со стѣнами въ полтора метра, и съ низкими, сырими, въ ржавыхъ капляхъ, потолками. Мѣстные тамъ не содержатся, сажать некого, городокъ сразу опустѣетъ. Водворили туда какихъ-то странныхъ людей, а на одной протокольной бумаженкѣ даже прочитать можно было «Lastige Auslander» — тягостные иностранцы. И не видятъ подсудимые не то что неба въ алмазахъ, — ни восхода, ни заката. И нары не по нимъ. Даже не сидятъ. Вынуждены лежать. Такіе ужъ туда подсудимые попали. Человѣку же положено днемъ пребывать въ вертикальномъ положеніи, ночью — въ горизонтальномъ. Наоборотъ было бы неудобно. Только въ исключительныхъ, можно сказать, стихійныхъ случаяхъ, человѣкъ вынужденъ, не очень часто и не подолгу, поработать лежа. Но — это уже не работа за плату, а — работа отъ безработицы, и коэффициентъ полезнаго дѣйствія обычно ничтожный... Спать же стоя — отвратительно, и притомъ спина и ноги быстро отекаютъ, изнемогаютъ... Эти «Lästige Ausländer» лежатъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, суда дожидаются, и думы ихъ безустанно работаютъ, — думы въ любомъ положеніи человѣка сушатъ мозгъ, — мыслью - молніей уносятся въ родные края... въ серебристые, ковыльные просторы и степи, и обитатели нѣкогда этихъ стеней полузабытыми стихами часто, хоть на время, тоску отводятъ...

Въ камерѣ всего одинъ, дѣтскаго діаметра, стулъ, съ холодно-желѣзнымъ кругомъ, на трехъ изогнутыхъ прутахъ. И вахмистръ Микула Перебейносъ, и хорунжій Ерусланъ Локоть давно свои нары такъ прогнули, что нижнему арестанту воздуха не хватало бы, кованный же стульчикъ не го что для сидѣнья, — онъ и для ступни казака малъ. Только третій подсу-

---

димый, Братолюбовъ, Иннокентій Пименовичъ, съ верхней койки, что подъ самымъ сводомъ въ водяныхъ алмазахъ, — худощавый, въ большихъ роговыхъ, вѣчно потныхъ, очкахъ, съ влажно изсиня - черными вопрошающими глазами, — только онъ одинъ можетъ усѣсться на этомъ стулѣ. Однако, неловко самому сидѣть, когда его труппа, артисты - великаны, лежатъ, вынуждены лежать, — ни по размѣру, ни по объему не припѣли имъ эти нары... Жалостливо и любовно поглядываетъ Братолюбовъ со своей верхней койки на своихъ великановъ, мысленно сравнивая ихъ съ легендарными Микулой Селяниновичемъ и Ерусланомъ Лазаревичемъ... Не люди и не звѣри. Одна сенсація.

— Тоже тюрьма!.. Тюрьма для европейскихъ карликовъ, а не для русскаго казака...

И лежатъ они на своихъ нарахъ, другъ надъ другомъ, въ городкѣ подъ Гамбургомъ, и день - деньской подсчитываютъ, гадаютъ, вспоминаютъ, часто такъ жалобно подпѣваютъ, и пѣсня ихъ въ сумеркахъ, точно тихое моленіе безропотный плачъ разворошенныхъ, тайну таящихъ, донскихъ степей и кургановъ..:

Сидятъ. И точно позабыли о нихъ. Забрали въ октябрѣ, прямо со сцены, на самомъ разгарѣ представленія-гала. Возили ихъ куда-то раза три на допросы — и позабыли... Перебираютъ подсудимые подобные печальные случаи и съ другими людьми, — въ какой же странѣ не случается убійство, — и приходятъ къ заключенію, что и имъ за убійство «непремѣнно наладутъ по закону» годовъ десять каторги. Достаточно. «Отъ судьбы не уйдешь»... Но — только бы не освободили ихъ зимой, въ стужу, въ декабрѣ!..

Кому нужна воля въ декабрѣ?

Къ веснѣ иное дѣло, а къ лѣту и никакая свобода не страшна. Къ лѣту! О, эти подсудимые знаютъ, помнятъ лѣто въ своемъ краю, во снѣ видятъ они этотъ край!.. И какъ часто «просютъ» они другъ друга «лучше вслухъ не вспоминать... душа разойдется»... И все же, каждый про себя, и не въ должномъ порядкѣ, какъ давно позабытую молитву, то одинъ, то другой, начинаетъ размѣренно шептать, нашептывать...

«Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощ...»

Но вотъ ужъ голосъ у Перебейноса осѣкся, что-то булькнуло въ гор-

---

лѣ... А вахмистръ Локоть, такъ «по братски» недавно еще просившій «не трогать», невольно заступаетъ, продолжаетъ какъ то по дѣтски, звонко и молебственно...

«Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететь Маруся,
О старинѣ поеть слѣ...».

И не dokonчилъ, отринулся, что-то хлопнуло... и продолжалъ уже со-
всѣмъ торжественно и тихо Братолюбовъ:

...«И въ Божій храмъ, увѣнчанный цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми рядами...»

И входитъ тогда, въ эти минуты, душевная отепель, услада и покой
на долгую, бессонную, тревожную ночь...

— Къ лѣту, оно конечно, никакая свобода не страшна...

Тогда и птицѣ бездомной, и человѣку, по странамъ чужимъ бредущему, и букашкѣ всякой, что кому, понастилаеть повсюду Господь изумрудно-зеленыхъ ковровъ и бѣлорозовымъ цвѣтомъ листву опустить, кистью незримой поведеть, и поля, и долины, цвѣтами радужными запестрять, а духомъ живымъ подуеть, — и вѣнчанная земля, и рѣки и моря, и путники бездомные, каждое дыханье по своему на всѣхъ языкахъ, «Коль славенъ». Ему поеть... И есть въ ту пору, гдѣ перепыленному человѣку, къ ночи, голову приклонить, да и много ли человѣку вообще мѣста надо?... Забрался въ уединенную аллею, легъ-ли-растянулся на зеленомъ откосѣ, поближе къ водѣ, къ озеру, и — гляди себѣ въ густую синеву небосвода, вбирай въ себя Божій мѣръ... А съ зарей, принялъ странникъ, съ открытыми чреслами освѣжительную ванну, плюхнулся прямо въ оранжево-солнечную гладь, погрѣлся въ адамовой пижамѣ на солнцепекѣ, и простыни не надо, здоровъ и сухъ. Къ лѣту каждое твореніе находитъ себѣ мѣсто. А въ декабрѣ? «Рацiя» это у нихъ, въ Берлинѣ, называется... Ночью, совершенно неожиданно, и «какъ ловко, точно нарочно», нагрязнуть въ каскахъ, съ глазомъ во лбу, люди, загребуть человѣкъ сорокъ «голодранцевъ», и штановъ собрать не успѣешь, а къ утру, послѣ фильтраціи и безобидныхъ подзатыльниковъ, выпустятъ на всѣ стороны — «проваливай и не попадайся на общественныхъ аллеяхъ», — «а какія же это, позвольте спросить, общественныя, если человѣку даже на травкѣ полежать нельзя, что-же, Гайдпаркъ

хуже Тиргартена?» — Ruhe!... Mund halten!... Nun, mein Lieber, nie wiedersehen! — слышать, на прощаніе, уже совсѣмъ добродушныя слова, сыны шестой части свѣта.

Нѣтъ. Если ихъ когда-нибудь освободятъ зимою, въ морозъ и стужу, они добровольно каторги не оставятъ... Всего испробовали.

— Ни за что на волю въ декабрѣ.

— А что хорошаго въ октябрѣ? — Точно что-то укусило Микулу Перебейноса.

— И то правда, — послѣ нѣкотораго раздумья возразилъ, больше про-себя, Ерусланъ Локоть, — шо и мараковать, съ каждыиъ человѣкомъ не-счастье случиться можетъ, а съ русскимъ всякая пакость только въ октябрѣ и приключается...

Навѣщаетъ подсудимыхъ защитникъ по назначенію Max Kleinsilser, и приводитъ онъ съ собою мѣстечковаго, тоже случайно осѣвшаго въ этомъ захолустѣ, переводчика, Давида Бирнбаума. И каждый разъ, при входѣ въ камеру, этотъ защитникъ бывшій съ 1916 года въ русскомъ плѣну, по дру-жески, шумно и больно, хлопаетъ онъ своихъ «камрадовъ» по рукамъ и плечу, неестественно громко смѣется, часто повторяетъ «широка натура» и неизмѣнно справляется «какъ пошивайтъ русскій голиафенъ»...

Адвокатъ давно уяснилъ себѣ побужденія и мотивы, какъ и всѣ дета-ли самого убійства, отмахивается онъ отъ все новыхъ и новыхъ разъясненій, но часто зато вспоминаетъ и «Фолгу», и «Фологду», и «пильмэны»... Онъ такъ участливо и съ искренней симпатіей ободряетъ, успокаиваетъ своихъ подзащитныхъ, разыскалъ даже рядъ статей — «дѣло, молъ, при смягчаю-щихъ обстоятельствахъ, кончится какими нибудь шестью годами каторги», а не десятию, какъ полагаютъ сами «голиафы», и не «пустышными тремя», какъ успѣлъ шепнуть имъ жалостливый переводчикъ Бирнбаумъ, — жалко ему своихъ, — если бы у Бирнбаума на то власть была, онъ освободилъ бы ихъ немедленно, ибо «они хоть и великаны, но какъ дите малое»...

— Keine Angst, meine Kameraden !.. Мы, нѣмцы, казаковъ лю-бимъ... Солдаты они настоящіе! Отдѣлаетесь какими нибудь шестью го-дами...

И тутъ же Бирнбаумъ старается, на свой ладъ перевести: «защит-никъ человѣкъ хорошій... надолго, говорить, не засудятъ... нѣмецкіе судьи казаковъ любятъ... какіе нибудь пустышные три года каторги... и пролетятъ они какъ сонъ»... И дальше уже отъ себя... «Бѣда съ вами, ваши благоро-дія, — какъ же можно, ни звука по-нѣмецки»!...

— А вы, господинъ профессоръ, — обращается озабоченно Ерусланъ Локоть къ Братолюбову, — объясните адвокату, чтобы не очень хлопоталъ за насъ, и платы никакой бы не ждалъ, — панталоны да рубаха — все добро наше... Такъ и скажите ему, Иннокентій Пименовичъ... А мараковать на судѣ шо — все ясно. Человѣка удавили? Удавили. Значить, шо тутъ балакать, — какъ законъ!..

«Профессоръ» Братолюбовъ охотно перевелъ бы, но онъ ориенталистъ, знаетъ и санскритскій, а въ нѣмецкомъ очень слабъ... Экая досада!.. Все это уладить уже «переводчикъ» Бирнбаумъ, а беспокоиться вообще не о чемъ, защитникъ вѣдь «казенный», по назначенію...

Уже восьмой мѣсяцъ безпросвѣтнаго сидѣнія на исходѣ, а суда все еще нѣтъ!.. Братолюбову, съ верхней койки, какъ самому легкому и воздушному, виденъ только закатъ, больше солнечные трепетные зайчики на ржавомъ, отъ плѣсени, кирпичномъ полу, а нижележащіе, на этихъ «проклятущихъ» прокрустовыхъ нарахъ, все время съ подогнутыми колѣнями, Перебейнось и Локоть могли наблюдать, угадывать, снизу вверхъ, только, такъ называемый, восходъ, краешекъ озареннаго неба... И уже долго - долго тянулись для нихъ, въ мрачной безвѣстности, тюремные дни... Но солнышко повсюду настагаетъ божью тварь... И недаромъ полагаютъ, что и покойнику, въ могилѣ, въ солнечные дни, свѣтлѣй бываетъ...

И удавалось проникнуть, прошмыгнуть къ узникамъ, тайно и явно, правда очень рѣдко, одному Бирнбауму. Только въ глинобитныхъ тюрьмахъ еще встрѣчаются жалостливые охранители. И отъ добродушно философическихъ бесѣдъ Бирнбаума таялъ нерѣдко ледъ одиночества, и раступались, свѣтлѣли сумерки камеры, и играла часто улыбка на суровыхъ человѣческихъ лицахъ, что солнечные зайчики на сѣро-кирпичномъ полу.

— И никакого сраму нѣтъ въ наше время сидѣть, ваши благородія. Особливо, если за совѣсть сидѣть. Ктонибудь да сидѣть долженъ? Другіе, вѣдь, тоже люди. Всѣхъ жалко. Изволили вы заступиться за негра, и негръ человѣкъ. Всѣ, рано или поздно, отсидѣть должны. Одни за свою идею, другіе — за чужія. Безъ идей никакъ невозможно. Былъ такой знакомый человѣкъ, когда я еще прогимназію кончалъ... имя и отчество забылъ... Гераклитомъ называлъ себя. Вотъ и онъ все твердилъ, что все живое течетъ, и что человѣку иначе никакъ невозможно... Все, говорить, течетъ... Alles fließt !... А куда течетъ, что течетъ, какъ ни пытали его, такъ и не сказалъ, ушелъ... объяснить не успѣлъ. А кто, ваши благородія, «померъ», не отсидѣвши, тѣ обязательно на томъ свѣтѣ отсидятъ! Безпремѣнно предъ Бо-

---

гомь отвѣтъ дадутъ, почему не сидѣль, какъ же ты, такой-сякой, изловчил-ся, почему не попался, и — на томъ свѣтѣ уже обстоятельно посидитъ!..

— Да шо вы тамъ, Давидъ Соломоновичъ, все объ томъ свѣтѣ?!.. И мы на томъ свѣтѣ отсидѣть тоже бы не прочи... А иные, которые, пущай на этомъ, — буркнулъ Ерусланъ Локоть съ самой нижней нары, и перевернулся на другой бокъ, съ хрустомъ, съ трескомъ, съ музыкой изогнутыхъ, разодранныхъ пружинъ...

— А мы зато, господинъ подполковникъ, — Бирнбаумъ никого не обижалъ, частному лицу отпускалъ онъ «доктора», военному, «оберлейтнанта», а своего человѣка, земляка, подполковникомъ величалъ, — мы, ваше благородіе, чистыми за то предъ Господомъ предстанемъ, потому что всѣ мы полностью за все на этомъ свѣтѣ расплатились, — и самоуничтоженіемъ, и непрерывнымъ голодомъ, и преждевременной вынужденной ничтожностью нашей... А впереди еще сколько?!.. О, Господи!.. Всѣ хорошіе люди страдаютъ. Дрейфусъ сидѣль? Сидѣль. Иосифъ съ братьями у фараоновъ сидѣли? Сидѣли. А о пророкахъ и вождяхъ и говорить нечего, счетъ потерялъ... Взять хотя бы этого... какъ его... вродѣ Юва, — весь, понимаете, въ струняхъ, въ язвахъ, —шутка ли, — страдалъ и не ропталъ!.. Да какъ страдалъ еще!.. Мы, какъ никто, и всѣ революціи, и всѣ эволюціи отстрадали... Всѣ сидѣли. Одни за вселенную, другіе, какъ вы, ваши благородія, за одну малюсенькую идею... Все течетъ!.. И весь міръ полонъ тайнъ... Стоитъ себѣ человѣкъ и не налюбуется онъ, скажемъ, на цепшелинъ или Ллойд - Джорджа. Ладно. Стоитъ онъ себѣ свободный такой и во всѣхъ отношеніяхъ здоровый, и вдругъ карнизъ ему на голову! А за что? За что, я васъ спрашиваю, господинъ подполковникъ?!.. Такъ и тюрьма, ваши благородія: изъ тюрьмы еще выйти можно, а послѣ штукатурки — куда?.. На все Его воля. Все течетъ, правильно сказалъ этотъ Гераклитъ...

— Да неужто течетъ?.. И то правильно. Моря въ океаны, а Волга въ моря, по глобусу видать.. А вы бы, землякъ, познакомили бы съ вашимъ этимъ... Гра... Раклоидомъ...

Бирнбаумъ уважалъ и самый малый чинъ ефрейтора, но невѣжество все же коробило Бирнбаума, и обѣими руками, въ ужасѣ, замахнулся онъ на ихъ благородія...

— Ну, какое тамъ!.. Человѣкъ Гераклитъ сказалъ эту истину и — померъ, объяснить такъ и не успѣлъ. Давно это было... Но всѣ, что маломальски съ идеями, тѣ непременно сидятъ. Мужчина безъ идеи, что мадамъ безъ дите...

— А вотъ и не всѣ сидятъ, — буркнулъ Перебейнось, и тономъ, не допускающимъ возраженія.

— Вожди, что народы за собой ведутъ, всѣ сидѣли?! — съ небрежной ироніей, въ сторону Бирнбаума, спокойно и равнодушно возразилъ Миккула Перебейнось.

— Значить, еще на томъ свѣтѣ отсидятъ. Терпѣнья только. И что такое пять или пятнадцать лѣтъ тюрьмы? У насъ въ святыхъ книгахъ прямо сказано «и тысяча лѣтъ промчатся такъ же быстро, какъ день вчерашній»... А вотъ духъ живой потерять, какъ самоваръ салогомъ прихлопнутый...

И дивился, просто «не постигалъ» Братолюбовъ, откуда у этого долговязаго и тщедушнаго Бирнбаума столько духа. Про такихъ людей принято говорить «ни кости, ни кожа», хотя внѣшность у Бирнбаума была довольно располагающая; особенно же выдѣлялись его упрямая, сухая, свѣтло-желтая шевелюра на красиво посаженной головѣ, и его острые, нервные каріе глаза... Вотъ, развѣ плечи, такія высокія и узкія, да впалая грудь, съ обнаженными ребристыми лопатками, что пострадавшая отъ износа турбинка, — все что создавало впечатлѣніе заматававшегося и выброшеннаго, среди сезона, заболѣвшаго вдругъ актера...

— И откуда у васъ, Давидъ Соломоновичъ, духу этого столько? Просто дивлюсь я, — раздался съ верхней нары надтреснутый, съ хрипотой, голосъ Братолюбова, и лицо его, вѣчно мокрое отъ капель съ проклятаго потолка, было, въ эту минуту, какъ то особо, закатнымъ пламенемъ, освѣщено...

— Видите ли, коллега Иннокентій Пименовичъ,—простите, что я васъ такъ называю, — вамъ въ профессорѣ отказали, а я неудачно на провизора три раза экзаменовался, но я васъ очень-очень уважаю, ибо чувствуется въ васъ что-то не то отъ Пушкина, не то отъ... Альфреда де Мюссе, право!... Недавно случайно видѣлъ я его фотографію... Вы ужасно на него похожи!... И все вы еще такъ стихами часто... А я, хоть и чепуха человѣкъ, давно этимъ самымъ также лечусь... Какъ мнѣ обида большая отъ кого-нибудь или болѣзнь, я сейчасъ за стихи. Читаю, причитываю, тихо про себя декламирую... Не обижайтесь на Бирнбаума, я вѣдь тоже русскій... Въ Кіевѣ на Подолѣ родился, и молюсь я только о томъ, чтобы тамъ, въ Кіевѣ, умереть, среди своихъ, съ русскими!... А насчетъ «коллеги» не обижайтесь, слово безобидное... Такъ вотъ доложу я вамъ, Иннокентій Пименовичъ, почему и откуда духъ у меня течетъ... Я, напрімѣръ, вѣрю и вѣрую. И вѣрую я, прій-

---

дѣть скоро и для насъ всѣхъ Мессія, человѣкъ такой особенный, и протрубить рогъ отъ быка, и всѣ мы, всѣ, искалѣченные, полуживые и мертвые, кто подѣ землей, унтерgrundомъ, а кто посохомъ или мотоциклетками, — всѣ мы туда покатымся домой, а арійцы и неарійцы, къ общей матери нашей, къ родинѣ! Ваше частное дѣло не вѣрить, а я тихо вѣрую, и мнѣ легко. А шутки и улыбки надо мной, какъ горохъ объ стѣнку. А если бы эти идола образумились бы тамъ, въ Москвѣ, да позвали бы насъ къ себѣ теперь, — да только по честному, по хорошему, по старо-русскому, — Бирнбаумъ первый съ однимъ носовымъ платочкомъ, какъ Линдбергъ черезъ океанъ, прямо полетѣлъ бы туда на Подоль, въ Кіевъ!... Великія, первородныя слова: Кіевъ да Москва! Придетъ еще милость Его! Вѣдь, и лучи солнца тоже преломляются, нѣтъ?! И огорчаться вообще не надо, — горечь что ржавчина, поѣдаетъ сердце и самую отличную машину.

Слушалъ, вслушивался Братолюбовъ, глазами впивался онъ въ сердцевину этого чуждаго ему Бирнбаума, и только слово «переломленіе» особенно зацѣпило вниманіе его... Да... «Преломились за этотъ короткій срокъ и люди, ...и міросозерцанія... и духовныя цѣнности...». И ничего удивительнаго нѣтъ въ «преломленіи» Бирнбаума, искренне и безкорыстно тоскующаго по своему Кіеву и вѣрующаго въ Мессію... Но Бирнбаумовъ становится все больше, ихъ просто не замѣчаютъ, а которые позначительнѣй, тѣ давно уже усѣлись тѣломъ съ ними, хотя бы на рубежѣ, а душой все же тамъ... тамъ...

Давидъ Бирнбаумъ инстинктивно продолжалъ двигаться, слѣдуя «завѣтамъ» Гераклита... На одномъ мѣстѣ долго не задерживался... Двигался, искалъ, переходилъ, перекочевывалъ... «И камень на одномъ мѣстѣ только мохомъ однимъ и обрастаетъ»... Бирнбаумы заранѣе предупреждаютъ событія... Заранѣе лѣчатся, и задолго до дождя оказываются подѣ зонтикомъ, изрѣдка выставляя раскрытую ладонь. Сами перебиваясь съ хлѣба на квасъ, они сторонятся себѣ подобныхъ, нищихъ, но не ищутъ и богатыхъ... Чутьемъ, обнаженными нервами, чуютъ они заранѣе неудачу, бѣду, и во время уходятъ... Случилось у Давида Бирнбаума, въ его родномъ городкѣ, наводненіе, затопившее все его «имущество», какъ любилъ онъ отзываться о своемъ родовомъ «имѣннн», но Бирнбаумъ и тутъ, быстрѣе Днѣстра, спасся въ Жмеринку, захвативъ съ собой, — Боже, какъ надѣ нимъ подшучивали, — всего только Надсона, Фруга и Некрасова... Затѣмъ пришли «ганувымъ» въ Петербургъ (гдѣ только во время войны ни оказывался Бирнбаумъ), а онъ уже, какъ настоящій «украинець» оказался, черезъ

Бѣлгородъ, въ Харьковѣ, у самого Петлюры!.. Ушелъ Петлюра, ушелъ еще раньше Бирнбаумъ, одновременно съ «воеводой» Балбачаномъ, на буферахъ его же вагона... въ Проскурровѣ... въ Одессу. Прямого пути не было, и плутали разбитые паровозы и вагоны съ воеводами и съ Бирнбаумомъ... И раньше всѣхъ оказался Давидъ Бирнбаумъ, прямо чудомъ, послѣ четырехъ мѣсяцевъ блужданій, не дошелъ уже, а подползъ, съ отмороженными ушами и ногами, до Берлина, гдѣ отлеживался въ разныхъ больницахъ около года! Такъ и спасся нищій, невѣдомый, ненужный Бирнбаумъ. Могъ бы остаться и тамъ Давидъ Бирнбаумъ? Повидимому, нѣтъ!.. Всякое твореніе имѣетъ свое назначеніе... Нужны зачѣмъ-то и болотные огни. Они то въ изгнаніи и въ посланіи... И какъ же было самому Бирнбауму не вѣрить, когда безъ гроша, на спинѣ, можно сказать, воеводъ и гетмановъ, пробирался и онъ въ Европу, и вотъ уже столько лѣтъ прошло, а Бирнбаумъ съ голоду еще не умеръ, и даже ни единой маркой благодѣтельной не воспользовался, ибо «другихъ куда хуже».. И живетъ онъ «милостью Божьей», среди чудесь, — кажется вотъ-вотъ завтра обязательно уже онъ «духъ испустить». Вдругъ, точно чудо, идетъ на него, на Бирнбаума, живой пріѣзжій американецъ, и Бирнбаумъ показываетъ ему не только «Гамбургъ ночью», но и всѣ мѣста, «гдѣ раки въ Гамбургѣ зимуютъ»...

— Товары, сами понимаете, — не дѣло. Гдѣ товары, тамъ и капиталы. А въ Гамбургѣ портъ и иностранцы... И выходилъ я, ваши благородія, на дорогу только въ сумерки. Была у меня уже своя клиентура, одинъ другому рекомендовалъ меня... Многого я не требовалъ, а за одинъ долларъ можно было тогда четверть года кормиться... Меня съ моими иностранцами охотно по ночамъ всюду пускали... Знали, что я жуликовъ или полицейскихъ съ собой не приведу. Ну, какая ужъ тутъ бѣда?.. Выпить американецъ бутылку одну - другую «махмадеру» или квасу - шампанскаго, да такого крѣпкаго, что пробка прямо потолокъ буравила, — кому отъ этого убытокъ?!.. Конечно и дѣвицы... И ихъ жалко!.. А посидеть она въ однѣхъ штанишкахъ, и сразу пять долларовъ! А дѣвущкѣ радостно... Войну проиграли... отощали... Чулки на ней шерстяные... Жить надо... Вотъ американецъ за все и расплачивайся... Нѣсколько лѣтъ такъ и кормился. Срамомъ и раками кормился... Какъ сойдетъ съ корабля американецъ, а у него въ рукахъ уже адресъ мой, а я къ нему прямо съ мѣста въ карьеръ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ и англійскомъ языкѣ.. И сразу уславливаемся, что excellenz сегодня же вечеромъ познакомится со всѣми мѣстами, гдѣ раки зимуютъ... Вотъ такъ и жили... А когда полоса безработицы пошла, я въ

судахъ разныхъ въ свидѣтели попадалъ.. Тоже кусокъ хлѣба... Ходишь это въ порту, по базарамъ, по ярмаркамъ... Ну, сами знаете, скандалы, крики, мордобитіе, а я — въ свидѣтели, а самый аккуратный плательщикъ теперь судъ, судебная касса... И такъ на мѣсяць приходилось мнѣ не менѣ десяти разъ свидѣтелемъ выступать.. А судьи уже смѣются и фамиліи уже не спрашиваютъ... А много ли человѣку надо?.. А все же, дорогіе земляки, самъ чуть въ тюрьму не попалъ!.. Черезъ прокурора непременно попалъ бы!.. Да, былъ случай такой!.. Очень печальный!.. Пожалѣла меня, понимаете, дама одна, нѣмка, изъ бывшихъ знатныхъ артистокъ, въ отставку она давно, значить и лѣтъ ей такъ около 60... Еще молодой, сама два раза въ Москвѣ побывала и крѣпко запомнила Московскій Художественный Театръ. Ладно... Фигурка у меня ,какъ видите, ничего себѣ, немножко даже театральная... Это она сама находила... а провѣрить я не могу, — на Качалова, говорить, похожъ я, — кто его знаетъ, самъ то не видалъ его .. Ладно!.. И не отстаешь, просить меня читать ей по Качалову, по Станиславскому, по Москвину... Почему не читать? Читалъ я, декламировалъ и даже съ большой глубиной и со слезой, — жилось мнѣ въ ту пору отвратительно и голодно. А барыня она была очень замѣчательная, сама нерѣдко чувствительно плакала послѣ моей декламации, и на кофе и на обѣды часто оставляла... Дай Богъ ей здоровья, я такъ мѣсяцевъ семь благополучно обѣдалъ. Не могу я людей обижать... А она вдругъ, — ужасъ то какой! — за настоящаго артиста меня принимать стала!.. Я — назадъ! Какъ можно?!.. Да какой же я артистъ? Вы, говорить, меня мистифицировали... вы, говорить, быть можетъ, сами бѣжавшій оттуда Качаловъ?!.. А продолжаете играть роль нищаго и бродяги?!.. Не скрывайтесь, говорить!.. А?!.. Слыхали!.. Ужасъ то какой.. Обѣды даровые вамъ, кричить, видно очень понравились?.. Извольте же открыться.. Маску долой!.. А то у насъ за мистификацію знаете что?... За „Vorspielung falscher Tatsachen” — у насъ тюрьма!.. Я — удирать, а она: — „Ich werde Sie dem Staatsanwalt anzeigen” Прокурору передасть она меня за мистификацію!.. Ей любой прокуроръ повѣритъ, а я что?!.. Кто такой Давидъ Бирнбаумъ, я васъ спрашиваю?.. Что же оставалось мнѣ дѣлать?.. Сбѣжалъ. Ночью сбѣжалъ... Всегда я все предвидѣлъ, но такого сумасшедшаго случая — никогда!.. И главное сбѣла меня баба самого съ толку... А вдругъ я въ самомъ дѣлѣ В. И. Качаловъ?!.. Шутка-ли?!..

Суровыя, давно небритыя лица подсудимыхъ сочувственно смѣялись, головами покачивали, и немало дивились этому счастливцу...

— Нашла сходство! Я и Качалов?!.. Какъ топоръ на фаршированную щуку. Сбѣжалъ! Сбѣжалъ, еле ноги унесъ... Иди доказывай прокурору, что я просто Бирнбаумъ изъ Могилева на Днѣстрѣ, а не В. И. Качаловъ...

— Чѣмъ же вы теперь живете, Давидъ Соломоновичъ, — полюбопытствовали подсудимые.

— «Живете»? Тоже — жизнь. Я теперь въ городѣ Букстедтѣ преподаю шведскую гимнастику. Я былъ какъ-то во время войны въ тылу, въ Стокгольмѣ... Кого только тамъ не было?! Но до шведской гимнастики въ эмиграции никто еще не додумался. И шведская гимнастика тоже пока кормить... Много ли нужно человѣку?

Если бы не густыя сумерки, легко можно было бы прочитать на лицахъ подсудимыхъ и удивленіе, и сомнѣніе, и вновь сочувственныя, добродушныя улыбки...

— А какъ же, Давидъ Соломоновичъ, семья ваша?

— Я вѣдь одинъ, одинъ я... совсѣмъ одинъ, и потребность моя малая, Совсѣмъ одинокій, — тутъ Бирнбаума едва слышно было... какъ то притихъ... умолкъ... Голова своей тяжестью никнула, что увядшій плодъ на иссохшей вѣткѣ...

— Семьи значить никакой?.. Жена, дѣтки?..

И послѣ долгой паузы Бирнбаумъ продолжалъ.

— Вотъ этого счастья и не случилось, уважаемые подсудимые... Господь ужъ тутъ самъ, видимо, вмѣшался... все предвидѣлъ. И не допустилъ. Даже въ солдаты меня не взяли! Самъ, понимаете, ваши благородія, ушами слышалъ я во время рекрутскаго набора. Стою это я голый, а старшій врачъ сосѣду своему, тоже доктору или воинскому начальнику, такъ прямо и говорить: «плюгавый же какой!..» Смѣются. И забраковали. Да и дѣвушки въ моемъ городѣ, точно сговорились, не выходили за меня... А честный былъ я, и съ почти полной прогимназіей, и даже съ очень сильными наклонностями къ семейной жизни!.. Но въ рѣшительную минуту, когда приходилъ я къ избранницѣ моей, за рѣшительнымъ отвѣтомъ, ко мнѣ вдругъ выходила уже мамаша, будущая теща, и объясняла: «Розочка уѣхала совсѣмъ въ Одессу! . И вы, господинъ Бирнбаумъ, не такой человѣкъ, чтобы я позволила моей Розочкѣ за васъ замужъ выходить .. Да сама Розочка говорить: «скажи ему, мама, что не хочу я выйти за лирическаго человѣка! ..» Лирической человѣкъ?!.. Ничего не понимаю! Такъ отказывали мнѣ четыре дѣвушки въ моемъ городѣ, и всѣ стали называть меня тамъ «лирическимъ человѣкомъ» .. Только ужъ позднѣе понялъ я все. Понимаете?! . Я тогда, молодымъ, глубоко

чувствовалъ, сильно любилъ. А когда крѣпко любишь, нельзя о любви своей говорить обыденными словами. Надо это сказать красиво, потому что само чувство необыкновенно красиво! Своихъ же собственныхъ красивыхъ словъ не имѣлъ я тогда, и я моей возлюбленной часто декламировалъ изъ Надсона, Фруга, и нерѣдко плакали мы оба надъ «Бѣлымъ покрываломъ»... А дѣвушки слушали, слушали, — нравилось имъ, а какъ заговорю о любви моей, о семьѣ, о дѣтяхъ, пугаться стали... И кто изъ нихъ въ Одессу, другая въ Проскуровъ. . И придумали же, маленькія каналы, «лирическимъ» обозвали меня!.. Такъ и остался я. . одинокій... пустой... какъ косточка безъ финика ..

Сумерки въ камерѣ ступились, и гдѣ-то въ углу заунывно зудила, звенѣла осенняя муха

— А вы, ваши благородія, не падайте духомъ. Побачете!. Есть еще судьи въ Букстедѣ, — уже болѣе бодримъ голосомъ заговорилъ Бирнбаумъ и, подходя къ крѣпкимъ запорамъ камеры и приложивъ палець къ губамъ, шопотомъ продолжалъ, — хоть и великаны вы, ваши благородія, а людей давить не слѣдовало бы!. Особливо позвоночныхъ столбовъ, да еще въ чужой странѣ, ломать нельзя!. Никакого вѣдь удовольствія и отъ краткосрочной каторги!.. Но — не забудьте, ваши благородія, Давидъ Бирнбаумъ и тутъ въ свидѣтели попадетъ!.. Безпремѣнно попадетъ!.. Ладно!..

— А вы, Давидъ Соломоновичъ, зря балакаете, — гаркнулъ басомъ Ерусланъ Локоть, — убійства то не видали вы, а до суда еще далеко, а за мою «негритянскую морду» я во какъ постою!..

«Была, жила Россія,
Великая держава!..»

— Ой, чтобы вы мнѣ всѣ трое еще долго, долго жили!..

Совершенно безучастно къ своей «вполнѣ опредѣлившейся» судьбѣ относился третій подсудимый Братолобовъ, Иннокентій Пименовичъ. Не за себя, за свою труппу мучился онъ. Угораздило же его послушаться какого-то Бирнбаума. И зачѣмъ уговорилъ онъ этихъ большихъ дѣтей стать самостоятельными артистами, свободными художниками? Жили бы они еще долго - долго, правда безпросвѣтно, но зато сытно и вольно, Микула Перебейнось и Ерусланъ Локоть, въ смрадныхъ и мрачныхъ стойлахъ звѣринаго бродячаго цирка нѣкоего Труци. Зачѣмъ понадобилось ему, Братолобову, уговаривать эту «сохранившуюся еще русскую цѣлину» бѣжать отъ этого циркового ига, отъ «возмутительной эксплуатаціи», и самимъ публично выступать, самимъ демонстрировать единоборство?!.. Все онъ, онъ, этотъ

фантазеръ Бирнбаумъ, этотъ откуда - то выискавшійся «лирический человекъ»...

— Да вѣдь такіе спортивные города, какъ Букстеуде, Кравинкель, Фрайвальде, съ населеніемъ не меньше 2700 жителей, а можетъ и всѣ 3000, — да вѣдь эти города валомъ повалятъ на борьбу настоящихъ русскихъ великановъ! Подумайте только, коллега Иннокентій Пименовичъ, какой эффектъ получится, когда я на афишахъ пропишу — «Живые казацкіе генералы - великаны»??

— Пожалуйста, только генераловъ не трогайте!..

— Ладно, Иннокентій Пименовичъ! На афишахъ будетъ значиться чернымъ по желтому: «Живые Голиафы, легендарные казаки послѣдней войны, предлагаютъ каждому поединокъ, кто — кого!!!». Три восклицательныхъ знака, чувствуете?!.. «Бирнбаумъ платитъ каждому 20 марокъ, если нашихъ казаковъ положить на лопатки, а по 2 марочки всего, если наоборотъ»... Пять красныхъ восклицательныхъ знаковъ... И никакой входной платы.. Поняли?!.. На вольномъ воздухѣ! Два раза въ недѣлю, воскресные и ярмарочные дни. А съ шанкой честную публику Бирнбаумъ обходить будетъ — это уже будетъ отъ Бога!.. И никакихъ зайцевъ... Вы же, Иннокентій Пименовичъ, — лицо у васъ очень ужъ благородное, — вы будете арбитромъ, конферансье и за кассой, а Бирнбаумъ — по хозяйству. И будемъ всѣ мы обуты, сыты, вольными людьми и — свободными художниками! А что, по вашему, ваши благородія, въ стойлахъ, при носорогахъ, слонахъ и орангутангахъ, лучше?.. Побольше инициативы, движенія мысли!.. Все течетъ!.. Все движется!.. И какъ вы только выжили: Галлиполи, Лемносъ, Сахара!..

Чисто звѣриная выносливость и нечеловѣческое терпѣніе отличали Перебейноса и Локтя за рядъ лѣтъ, послѣ отсидки въ Галлиполи и на Лемносѣ, и въ иностранномъ легіонѣ, и въ африканской «пустынь жажды» Фанезруфу... Служба, какъ всякая военная служба, но особенная она въ иностранномъ легіонѣ, — постоянно воевать съ невидимымъ, но коварнымъ, отовсюду подстерегающимъ врагомъ... И Перебейносъ и Локоть являли и тамъ особый примѣръ усердія, какъ и всѣ, впрочемъ, дореволюціонные солдаты. О вольной и не думали. Куда же имъ самимъ поддаваться? Было тяжело. Но было сытно и вольготно. И долго еще служили бы они среди песковъ и лѣсовъ первобытныхъ. Но случаю угодно было устроить ихъ жизнь по иному. Случай часто играетъ человекомъ. Одни, напримѣръ, благодаря случайному ушибу головы, особенно въ дѣтскіе годы, начинаютъ въ самомъ дѣлѣ говорить иногда гениальныя вещи вроде: «чтобы подняться, надо качнуться и упасть». И пона-

---

дали «народы, царства и цари»... Насчетъ только «подняться» давно что-то не слышно. Совсѣмъ иное дѣло люди одинокіе; треплеть ихъ случай во всѣ стороны, и рѣдко о нихъ въ лѣтописяхъ найдете...

Однажды въ погонѣ за носорогами, за рѣдкими экземплярами слоновъ, львовъ и леопардовъ, группа европейскихъ охотниковъ, предводимая извѣстнымъ звѣроловомъ и цирковладѣльцемъ Труцци, повстрѣчалась, въ дебряхъ Африки, съ казачьимъ развѣдомъ изъ иностраннаго легіона... Какъ вкопанные, въ оцѣпенѣніи удивленія, пораженные невиданнымъ зрѣлищемъ, на мѣстѣ застыли они всѣ, зачарованные «человѣческой сенсаціей»... Немало повстрѣчали они «людей» въ разныхъ паноптикумахъ Европы, и среди чемпионовъ борьбы и бокса, и среди чернокожихъ войскъ, но такихъ экземпляровъ, такихъ молодцовъ, настоящихъ голиафовъ на яву, лицомъ къ лицу, какъ эти два колосса, ростомъ метра два съ половиной, до пояса голые, солнцемъ обугленные, темнобронзовые, съ плечами широченными и покатыми, короткошейные и, какъ изваяніе, на низкихъ черныхъ коняхъ, съ челками на вытянутой жилистой волосатой рукѣ... Не люди, а сенсація... И опытный глазъ цирковладѣльца сразу оцѣнилъ величіе и мощь этихъ богатырей, заброшенныхъ въ пустыню, и путемъ замысловатой комбинаціи, путемъ обмѣна на дорогіе экземпляры леопардовъ, добился онъ освобожденія этихъ двухъ русскихъ великановъ, доставилъ ихъ въ Гамбургъ и приписалъ ихъ къ своимъ бродячимъ циркамъ... Таковъ ужъ статутъ всякаго цирка — кто не значится номеромъ арены, тѣ должны походить или на карликовъ, или на сіамскихъ близнецовъ или на великановъ. Такъ, послѣ Галиполи, Лемноса и африканской «пустыни жажды» попали въ Европу вахмистръ Микла Перебейнось и хорунжій Ерусланъ Локоть. И состояли при живомъ инвентарѣ Перебейнось и Локоть долгіе безпросвѣтные годы въ мрачныхъ и смрадныхъ стойлахъ. И давно позабыли они не то что про волю и человѣческую рѣчь, — свѣтъ дневной не часто видали... А прѣлый, прогнившій воздухъ и безсловесное общество чернокожихъ слугъ, не говоръ ихъ, а гульканіе, наложило на нѣкогда вольныхъ сыновъ степей звѣриное клеймо... Только и слышно было изъ-за стойлъ животное сопѣніе, тупое скотье перемижаніе, жратва и шевеленіе мясистыхъ мордъ, и бульканіе точно изъ чрева. И давно не раздавалось вокругъ нихъ ни человѣческаго голоса, ни пѣсни, ни жалобы...

Братолюбову лично давно ничего не надо... «Тяжко бываетъ только человѣку съ широкими костями и обильной плотью» — смиренно и равнодушно объяснялъ Братолюбовъ Бирнбауму. Ему все едино, гдѣ и на чемъ

лежать... Духу опора не надобна... Духъ и словъ суетныхъ не любить... У Братолюбова давно уже нѣтъ «тѣла», и весь онъ зелено - бутылочнаго цвѣта, и хрупкая, мелкая кость его, — нѣтъ, лучше его не трогать, разсыплется... Весь онъ жердь въ два метра, и глаза съ влажнымъ блескомъ, иссиня - черные, запавшіе, вопрошающіе, и весь его остовъ такой худой, тонкій, съ упрямо скользящимъ пояскомъ у непослушныхъ панталонѣвъ, — Братолюбѣвъ точно пергаментной кожей обтянутъ. И особенно выдѣляютъ его длинные, назадъ рукой чесанные волосы, такъ кругло закрывающіе у него уши и открывающіе высокій блѣдный лобъ на немного смугломъ лицѣ, обрамленномъ съ обѣихъ сторонъ, прямо съ висковъ, точно прикрѣпленными, тонкими черными бакенами, и заканчивающимися закругленной черной бородкой. И какой - то добродушный пріятель однажды назвалъ его Альфредомъ де Мюссе. Долго еще величали такъ Братолюбова его знакомые. Братолюбѣвъ дѣлился иногда, очень рѣдко, своими, больше внутренними, переживаниями и наблюденіями.

— Всѣ мы становимся все мельче и мельче... Приходятъ, уходятъ, точно исчезаютъ вдругъ «духовныя личности», тянетъ отовсюду «духовной дряхлостью»... И всѣ мы теперь не внутри больше, а около... И исчезаетъ во вселенной духовная личность... И всѣ гонятся... торопятся... И часто ночью слышу я гдѣ - то... будто уже по - близости придушенное рыданіе... И все кругомъ такъ жалобно воетъ, — торопятся, носятся всѣ растерянно... А вы иногда присмотритесь... смѣются какъ будто... а мнѣ чудится плачь, безотвѣтные вопросы, душевное смятеніе... Такъ и вспоминается мнѣ по ночамъ...

...«Куда ихъ гонить?...

Что такъ жалобно поють?...

Домового-ли хоронять?..

Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?..»

И часто такъ декламируетъ Братолюбѣвъ, вскидывая на случайнаго слушателя, полузнакомаго, свои, дѣтскіе до святости, глаза, и оба тогда, почти чуждые другъ другу, на улицѣ европейской пустыни, продолжаютъ они шопотомъ, въ тактъ, уже вмѣстѣ, читать, вспоминать, восхищаться прелестью стиха и звономъ, «вѣщимъ провидѣньемъ» И вновь, душевно передохиувъ, воскресаютъ у этихъ одинокихъ не совсѣмъ еще умершія думы и призрачныя надежды. И тогда, расходясь, чтобы больше не встрѣчаться, Альфреду де Мюссе крѣпкожимаютъ, за прочитанные стихи, руку, и окон-

---

чательно тогда расходятся со сладостной мечтой и тревожной думой... Братолюбому самому «до слезь потѣшно», какъ и онъ, — ну, кто бы могъ подумать, съ нимъ то же случилось, что и съ Бирнбаумомъ, — второпяхъ успѣлъ захватить только зонтикъ парусиновый и нѣсколько томиковъ любимыхъ классиковъ, а что его, Братолюбова, совсѣмъ поразило, — по дорогѣ изъ Вильно въ Ковно нашель онъ приклееннымъ къ внутренней обложкѣ, тщательно сложенное «Выборгское воззваніе»!?. Карьера «профессора» Братолюбова, тогда еще привать-доцента, оборвалась какъ разъ у Казанскаго Собора.. И самъ онъ съ тѣхъ поръ продолжалъ какую то «холостую» работу, какъ ремень у выключенной машины... Скитался, писалъ въ разныхъ провинціяхъ передовицы, исполнялъ обязанности секретаря при любимыхъ вождяхъ... Въ общественномъ и «освободительномъ» движеніи не находился въ заднихъ рядахъ, а съ переходомъ черезъ рубежъ «плохо что-то сталъ разбираться въ окружающемъ»... Но твердо разъ навсегда увѣровалъ и усвоилъ, что и «дальнѣйшія судьбы страны находятся въ надежныхъ рукахъ» тѣхъ же любимыхъ вождей, но уже во Франціи, и если онъ самъ «пока ни къ чему», то и не надо, — нельзя же всѣмъ возстанавливать, вожди сами найдутъ «Путо и не надо, — нельзя же возстанавливать, вожди сами найдутъ «Пути», и не надо имъ мѣшать,— кто знаетъ — когда-нибудь понадобится и привать-доцентъ Иннокентій Пименовичъ Братолюбовъ!.. И когда окончится «владычество татаръ», зарубежные вожди обязательно вспомнятъ и призовутъ и привать - доцента Братолюбова, и провизора Бирнбаума... Всѣ понадобятся, всѣ «по кирпичику» туда понесутъ... И тутъ же добрая старая память Иннокентія Пименовича привычно вызвала нѣсколько близкихъ сердцу его стиховъ...

«...въ искушеньяхъ долгой кары,
перетерпѣвъ судебъ удары,
окрѣпла Русь.Такъ тяжкій млатъ,
дробя стекло, куегъ булатъ...»

— Все это очень хорошо, Иннокентій Пименовичъ, но мечтать у раскрытой форточки, да еще привать - доценту, ужъ никакъ не полагается, и неудобно ли сейчасъ же закрыть форточку, — куда вы тогда съ гриппомъ дѣнетесь?! Кому вы тогда вообще нужны? И Братолюбовъ покорно выслушалъ, изнутри, упреки, и форточку захлопнулъ.

Таяли на глазахъ Братолюбова люди, рассасывались, исчезали, и приходили какіе-то новые, странные, «преломленные»... Имъ бы хотѣлось и

туть, и тамъ... Или тамъ, а иногда и тутъ... Таяло тѣло у Братолюбова, росла нужда безмѣрная, угрожать сталъ голодъ... Братолюбовъ однажды домашними средствами открылъ, установилъ, что сахаръ растворяется быстрѣе соли, и если ничего не прирабатывать на протяжении годовъ, то и гроши, послѣднія сто семьдесятъ марокъ растаютъ быстрѣе сахара, — его единственнаго питания послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ... Хлѣбъ, чай, сахаръ... Чай, плѣбъ. сахаръ... Хлѣбъ и чай... И что, вообще, можно незамѣтно, такъ тихо, умереть, что «еще воздухъ въ чужой комнатѣ испортить»... И Братолюбовъ, вмѣстѣ съ тысячами другихъ, постепенно выходили изъ болота, изъ круга, соскальзывали, точно по касательной, въ неизвѣстность, въ небытіе... А за послѣднее время рѣдко — рѣдко промелькнетъ въ боковыхъ улицахъ силуэтъ Братолюбова, или за оградой парка, или на уединенной аллеѣ; рѣдко у песчаной горки, безмѣрно одинокій, въ кругу нянекъ, дѣтей и окружающихъ цвѣтений.. Недавно видѣли его на одной боковой аллеѣ. На полувытянутой, блуждавшей въ воздухъ рукѣ, висѣлъ набухшій, потрепанный коричневый зонтикъ, другая рука держала передъ блуждающимъ взоромъ лоскутки исписанной бумаги... Въ безкровныхъ губахъ давно потухшая, съ отвердѣвшимъ неплотью, папироса. А черная, на затылокъ сдвинутая, фетровая, съ помятыми полями, шляпа открывала блѣдный горячечный лобъ и разсѣянную улыбку на пергаментномъ лицѣ... Обыденное, мірское, ушло, куда-то запропастилось... Стихи ли были на этихъ листкахъ, вновь ли заготовленныя передовицы для несуществующихъ газетъ, или же провѣрка «теоріи относительности», — кому охота беспокоить занятого, сосредоточеннаго человѣка... Люди точно замедляли ходъ, ихъ прежнее устремленіе превращалось въ безцѣльное блужданіе по боковымъ улочкамъ, съ частой и ненужной провѣркой часовъ... Такъ сокращаются тѣни, пока къ ночи не исчезнуть вовсе. Братолюбовъ, подобно тысячамъ другихъ, исчезъ вдругъ съ обычныхъ троттуаровъ. Устроится все тутъ и безъ него... Жалко только разставаться тутъ съ нѣсколькими считанными «духовными личностями». Надо торопиться уходить, иначе «помреть» и Братолюбовъ не сегодня-завтра вѣрной голодной смертью, если не станеть добывать хлѣбъ свой «трудами рукъ своихъ»... Славный городокъ Букстеуде подъ Гамбургомъ... Два раза въ недѣлю, въ ярмарочные дни, съ 4-хъ утра, помогаетъ Братолюбовъ, непрошенный, разгружать возы и грузовики, а послѣ базара — убирать вмѣстѣ съ другими, тоже непрошенными и бездомными, скребками и метлами соскабливать и пометъ, и навозъ, и птичьи кровяныя горла, и рыбы остатки... И продавцы охотно снабжали *diesen armen netten Russen* провизіей и мелочью... Бездомнымъ быть бѣда не велика,

---

и птица бездомна, а духу и простора и въ душѣ Братолюбова припасено у Бога не мало!.. И сытъ онъ, и независимъ, и — никѣмъ незнаемый, Братолюбовъ, возвращаясь сумерками въ свой уголь, примиренный, нашептываетъ:

«Прямая дорога... Большая дорога,
Не мало простору взяла ты у Бога»...

И былъ Братолюбовъ сытъ, а по воскреснымъ днямъ, въ свѣжей сорочкѣ, отправлялся на чудное зрѣлище — единоборство сельчанъ... Спортъ великое дѣло, и если безъ уставовъ, а только «по частному», то и совсѣмъ забавнымъ становится этотъ спортъ. Рядъ городковъ съ населеніемъ не меньше 2.300 жителей предпочитаетъ «голое поле», на рогожахъ или брезентахъ, и всѣ они сплошь изъ страстныхъ спортсменовъ, — ничего, что безъ подготовки, здѣсь ставка на метровыя плечи и кулаки съ арбузъ... Мясники, молотобойцы, грузчики, кузнецы, — всѣ съ семьями, въ воскресные и ярмарочные дни отправляются на общественный лугъ, на бой, на поединокъ, кто кого, головой и лопатками объ землю, и не то что, какъ въ столицахъ, когда обреченные могутъ шопотомъ у болѣе сильнаго противника отпроситься... Нѣтъ, въ Бирнвальдѣ, въ Букстеудѣ, все по честному, и не просто на лопатки кладутъ, нѣтъ, тутъ вся публика своя, и она вправѣ, за свои деньги, и прощупывать борющихся, — а вдругъ еще воздухъ между лопатками и рогожей... Публику этихъ городковъ не провести... Если ужъ кто на лопатки легъ, не скоро самъ поднимется!.. Мѣстные чемпионы избобрѣли свой особый, спортивными клубами хотя еще не признанный, но тутъ давно уже практикуемый, способъ — сразу и плотно противника лопатками пригвоздить — zur Strecke bringen. И Шмеллингъ противъ такого способа спасовалъ бы... Болѣе ловкій чемпионъ хватаетъ своего противника за ноги и начинаетъ вертѣть имъ до умопомраченія, а затѣмъ уже плюхаетъ всей тяжестью тѣла на землю и, по увѣренію чемпиона, тѣло тогда, безъ всякаго нажима, и лопатки сами тогда ложатся недвижно и надолго. Конечно, и на этихъ импровизированныхъ спортивныхъ состязаніяхъ припасены, на случай глубокихъ обмороковъ, аптечки и брандсбойты, и побѣжденные, окатанные, какъ глѣющія головешки, сильной струей, быстро тогда приходятъ въ себя... Бываютъ однако случаи и болѣе серьезные, — какъ легкое сотрясеніе мозга, — но населеніе этихъ городковъ издавна славится крѣпкой черепной костью, и особыхъ несчастій не наблюдалось. Зато послѣ такихъ побѣдъ и пораженийъ вся публика, мужья съ женами и дѣтьми, женихи съ невѣстами, уничтожаютъ

на радостях тут же, из котла, нѣсколько тысячъ дымящихся, душистыхъ, сочныхъ сосисокъ, и не одинъ боченокъ «Паценофера».

И жилъ, поправлялся Братолюбовъ, Альфредъ де Мюссе изъ Саратова, незначительнымъ человѣкомъ, среди такихъ же незначительныхъ и добрыхъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, пока однажды, — тоже случай, въ жизни каждаго какой - нибудь особый случай свою роль сыгралъ, — пока однажды не увидѣлъ, а увидѣвъ, глазамъ не повѣрилъ, огромную афишу, возвѣщавшую всему населенію Биривальде небывалое еще зрѣлище: «Всемирно извѣстный циркъ - звѣринецъ Труцци продемонстрируетъ двухъ казацкихъ голиафовъ изъ оставшихся еще въ живыхъ послѣ великой войны, и каждый изъ этихъ голиафовъ подыметъ по столѣтнему слону»... Achtung!.. Achtung!.. Achtung!..

Прочиталъ Братолюбовъ, проглотилъ бы сразу эту метровую афишу, но роговые очки не держатся на тонкомъ заострившемся носу...

„Russische Riesen!..“ „Lebendige Kosaken!..“ „Goliaphen!“ — кричала афиша, и во всю ея длину нарисована была заливчатая фигура казака, одной рукой держащаго «столѣтняго слона», а другой обычную казацкую плетку... Бѣдному же слону, на афишѣ, повидимому неудобно все время въ воздухѣ висѣть, да и страшно этому слону отъ ярости, отъ обнаженныхъ зубовъ и страшныхъ, на выкатѣ, казацкихъ глазныхъ яблокъ...

Долго, повторно читалъ и недоумѣвалъ Братолюбовъ, протирая ненормальнаго размѣра круглыя стекла въ роговыхъ орбитахъ.

...«Русскія великаны» — пожималъ Братолюбовъ узкими, юношескими плечами, — откуда?!.. И выдумаетъ же этотъ цирковладѣлецъ!.. Въ эмиграціи — великаны?!.. Ихъ положительно нѣтъ. Братолюбовъ среди земляковъ великановъ не встрѣчалъ. Правда, лѣтъ пятнадцать назадъ, въ первыхъ этапахъ бѣженцевъ, еще отъ старыхъ царскихъ хлѣбовъ, попадались откормленные, да и костюмы на нихъ всѣ были еще изъ добротныхъ русскихъ матерій, но — съ тѣхъ поръ много воды утекло, — кто обрюзгъ, кто отъ недоѣданія облысѣлъ, а если еще сохранился у кого румянецъ нервный, такъ это у дисконтеровъ совѣтскихъ векселей... Нѣтъ, Братолюбовъ положительно не встрѣчалъ великановъ, и цирковая афиша прямо «швиндель». Но Братолюбовъ вообще высоко цѣнилъ «великановъ политической мысли»!.. Онъ почитаетъ еще своей «святой обязанностью», онъ вѣруетъ еще, что прежде чѣмъ его «глаза сомкнуться», онъ уподобится еще «побесѣдовать, — встрѣтиться съ этими, еще слава Богу, «живыми титанами мысли», но не со слонами же!.. Готовъ Братолюбовъ простить цирковому предпринимателю вольность

въ рекламѣ, но зачѣмъ сочинять, что казацкіе генералы подымутъ по слону?!.. «Боже мой, до чего только докатились наши богатыри», вожди былой славной «волчьей сотни»!.. Могъ бы этотъ каналья спокойно выпустить «генераловъ»... И все же Иннокентій Пименовичъ, при взглядѣ на афишу - легенду, испытывалъ какое-то теплое чувство, зашевелилось на днѣ его души странное чувство гордости, и только въ воображеніи этого Альфреда де Мюссе, — человѣка, еще цѣпляющагося за все бывшее, русское, «титаническое», могла вдругъ зародиться нѣкая причудливая, отдаленная связь между этими казаками - великанами, «Перебейносомъ и Локтемъ», и ихъ предками - богатырями, Микулой Селяниновичемъ и Ерусланомъ Лазаревичемъ!...» И не спроста. На афишѣ прямо сказано: «Живые голиафы — генералы Микула Селяниновичъ и Ерусланъ Лазаревичъ!...» Да гдѣ же еще, въ какой еще странѣ найти теперь великановъ, подымающихъ по столѣтнему слону?!.. Не слоненка какого-нибудь или обрюзгшую слониху, — прямо напечатано: слона!..

И тутъ же Братолубовъ купилъ себѣ билетъ, сталъ готовиться къ такому знаменательному дню, точно любимую, издалика прибывшую, невѣсту привѣтствовать собирался... И въ послѣдній разъ взглянулъ онъ, еще разъ на афишу со слипавшимися строками, съ «легендарными богатырями»..

— Господи, въ какихъ только роляхъ не побывали мы?... До чего докатились?! Съ пылью мостовой смѣшались мы! — И повелъ рукой по трогнувшимся рѣсницамъ — «Хлѣбъ изгнанія» . «Дрожи за каждый день» . И изъ глубины подкатывался комокъ жалости ..

Сегодня и Давидъ Бирнбаумъ твердо порѣшилъ оставить міровой портовый городъ и предоставить Гамбургъ его собственной судьбѣ . Гамбургъ, который столько лѣтъ кормилъ его! . Ну что значить какой-нибудь Бирнбаумъ?.. Кому онъ мѣшаетъ? Во-первыхъ Бирнбаумъ скопилъ уже нѣсколько сотъ марокъ и въ «голодранцахъ» больше не числится, во-вторыхъ, и въ третьихъ онъ не столько въ Гамбургѣ, какъ — около, онъ въ порту, и около, и подъ эстакадами, и ни за какія деньги ни одинъ шуцманъ не «открывалъ» еще тамъ Бирнбаума! И жилъ Бирнбаумъ со всѣми въ мирѣ, а рукой и по римски, и по военному, нужно - ненужно, козырялъ онъ портовой власти . Но все же и онъ увидѣлъ себя сегодня вынужденнымъ уйти, оставить такъ полюбившуюся ему Эльбу, и гулкую суету въ порту, и поблескивавшій водными зеркалами панорамный чудесный портовой городъ... Не любитъ Бирнбаумъ печальныхъ людей, подозрительно и испытующе оглядывающихся, — куда вдругъ дѣвались добродушие, обычный юморъ, шутка, миролюбіе? . Рас-

простится онъ съ милымъ Гамбургомъ, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ сбѣжалъ онъ изъ Кіевского Подола... И прощайте частыя свидѣтельскія показанія, и зимующе раки, и вообще — послѣдній кусокъ комиссіонерскаго хлѣба.. И тихо въ сумерки незамѣтно, будто гулять пошелъ Бирнбаумъ Вышелъ онъ, съ зонтикомъ и съ мѣшкомъ подъ мышками, за заставу, и придорожными лѣсными кривизнами направлялся, добрался до ближайшаго городка съ населеніемъ все же не меньше 2700 жителей... Въ Букстеудѣ смѣшается онъ съ другими, тоже никому дѣла до предковъ Бирнбаума... Бирнбаумъ и раньше, тамъ еще, на родинѣ во время уходилъ отъ расовыхъ недоразумѣній.. Но чѣмъ виноватъ онъ, что въ жилахъ его не течетъ чистая стоцентная, арийская? А зарывшись, къ ночи, съ мѣшкомъ въ ржаное поле, Бирнбаумъ, можно сказать, въ эту ночь кощунственно галюцинировалъ.. «Не можетъ того быть, чтобы предки, изъ рода въ родъ, непогрѣшимыми ангелами оставались, — кто поручится, что прародительница Бирнбаума не согрѣшила, съ цѣлью улучшенія породы, съ чистокровнымъ арийцемъ, и кто знаетъ, а вдругъ онъ, Бирнбаумъ, и есть тотъ плодъ?!.. Но тогда въ немъ уже не всѣ сто процентовъ нечистой, а все же меньше, скажемъ, всего только шестьдесятъ пять процентовъ нечистой, неарійской? Сны, какъ и галюцинаци, имѣютъ подъ собой извѣстную долю основанія. Бирнбаумъ помнитъ, что его прадѣдъ, еще ребенкомъ, кантонистомъ забранъ былъ въ солдаты, и послѣ 25-лѣтней вѣрной службы государю Николаю I-му, вышелъ на волю и женился на полюбившей его арийкѣ! Кажется чего лучше?.. Отъ этого брака получилось 2 сына и 9 дочерей, а одна изъ этихъ полюбила уже, на несчастье Бирнбаума, неарійца Соломона Бирнбаума, и въ результатѣ получился Давидъ Соломоновичъ Бирнбаумъ... Вѣдь никакой стерилизаціей точно не установить, сколько %% нечистой и чистой въ жилахъ Бирнбаума... И «прости меня, Господи, что я всеу произношу имя Твое!..» Значитъ, — такъ должно было случиться!.. А если бы ученые и государственные люди, — продолжалъ контрреволюціонно думать Бирнбаумъ, — приняли бы во вниманіе, что орудія производства и методы у всѣхъ одинаковы, можетъ быть тогда и впредь разрѣшалось бы Бирнбауму торговать въ чудесномъ Гамбургѣ раками... Но Бирнбаумъ явно склоненъ былъ къ преувеличеніямъ. Слѣдую своему Гераклиту, Бирнбаумъ создавалъ и преждевременную тревогу и раньше всѣхъ исчезалъ. Неусидчивъ былъ этотъ человекъ, опасности преувеличивалъ, — и съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы онъ торговать и мухами, — онъ выросли бы у него въ слона... Но — «кота въ мѣшкѣ не утаишь», Бирнбаумъ лгать не станетъ, и ужъ лучше «съ голоду сдохнуть», чѣмъ подвергать-

---

ся ему какой-то стерилизаціи. И съ ранней зарей, на ноги съ трудомъ приднялся Бирнбаумъ, — нелегко старику въ чистомъ полѣ ночку полежать, — помолился онъ на востокъ «Шмай исруэль адонай элоейну адонай эходъ» и къ вечеру добрался до новаго мѣста обѣтованія... По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ населеніе этихъ незначительныхъ городковъ было очень далеко еще отъ расовыхъ изслѣдованій, но весьма погружено въ повседневную работу, заботу, нужду... А по воскреснымъ, ярмарочнымъ и праздничнымъ днямъ — на открытые зеленые луга, на единоборство, на спортивные состязанія... И, толкаясь, подобно другимъ несерьезнымъ покупателямъ, по ярмаркамъ, столкнулся Бирнбаумъ съ Братолюбвымъ. И обоихъ сроднили сразу и «хлѣбъ изгнанія» и сознаніе никчемности... А цирковая афиша съ «родными» казаками - великанами сразу зажгла у Бирнбаума фантазію и инициативу — «освободить бы этихъ русскихъ Самсоновъ отъ кабалы и эксплуатаціи, образовать вольную труппу чемпионовъ - борцовъ, — къ черту слоновъ! — «а, вы, профессоръ Братолюбвъ, какъ благородная и интеллигентная личность, возьмите на себя роль импрессарио, арбитра, кассира, — а Бирнбаумъ будетъ по хозяйству и съ шанкой публику обходить»... Серьезно, Бирнбаумъ не ищетъ своей выгоды, онъ вѣдь и безъ великановъ и слоновъ раздобывалъ свой хлѣбъ.. Но «дать зря погибать, въ стойлахъ, невиданной русской красотѣ и мощи, не извлекать для нихъ же самихъ пользы, не продемонстрировать передъ Европой послѣвоенныхъ послѣднихъ русскихъ богатырей, — такъ вѣдь это же!..» «Посудите сами, многоуважаемый Иннокентій Пименовичъ, развѣ то борьба, что видѣли мы послѣднее воскресенье, — борьба, драка, сотрясеніе мозга!.. А вотъ наши ребята покажутъ этимъ букстеудцамъ!.. А затѣмъ повеземъ мы ихъ въ Котбусъ, Фрейвальде, Фюрстенвальде, Крейнвинкель, Мисловицъ.. И вотъ еще, господинъ профессоръ, идея какая!.. Сегодня, скажемъ, подполковникъ Локоть въ черной маскѣ, а завтра, наоборотъ, подполковникъ Перебейносъ!.. А другъ друга они никогда на лопатки не положатъ!.. Потому что, видите, чутье у меня какъ у анатома, — лопатокъ то у обоихъ вовсе нѣтъ!.. Обратили вы вниманіе, голова у нихъ съ арбузъ, въ ширь, такъ сказать. и — прямо со спины, а спины такія широченныя, покатыя, какъ каучуковая шина у двадцатитоннаго грузовика!.. Не люди, и не звѣри, а Самсоны!.. Ей Богу!.. А въ самомъ разгарѣ борьбы, когда страсти у публики разгорятся, я кликну кличъ: каждый изъ публики получаетъ изъ кассы двадцать марокъ, если положить на лопатки непобѣдимую черную маску, и каждый платитъ въ кассу только одну марочку за неудачу... И «пусть себѣ неудачникъ плачетъ!..» «Пусть неуда-а-чникъ пла-а-ачеть!».

И да здравствует Гераклитъ!.. И его текучая живая идея.. И помните, конечно, коллега, „mens agitat molem” — духъ, духъ двигаетъ матерію... И безъ идей невозможно!.. А если, извините за выраженіе, мужчина безъ идеи, такъ онъ таки баба безъ дите!.. А вы, профессоръ, въ качествѣ арбитра, не бойтесь, суетитесь только побольше вокругъ борцовъ, поглядывайте на свои ноги, чтобъ не отдавили, и будьте чуточку осторожны»...

Иннокентій Пименовичъ не разъ «довольно убѣдительно» просилъ Бирнбаума не называть его профессоромъ, но — Бирнбаумъ «упрямъ какъ топоръ»... И вотъ уже два раза въ недѣлю, на вольномъ воздухѣ, идутъ поединки, демонстрируется въ самомъ дѣлѣ открытая, честная борьба, и Локоть въ черной маскѣ никакъ не можетъ побороть, на лопатки положить Перейбейноса. Вотъ, кажется, уже коснулся лопатками рогожки, но публику изъ Букстеуде не проведешь, вся она платная, каждый хотя охотно и бросаетъ по десяти пфенниговъ въ шапку Бирнбаума «въ пользу бѣдныхъ, еще оставшихся въ живыхъ, казацкихъ генераловъ — послѣднихъ русскихъ голіафовъ», но каждый вправѣ руку просунуть между лопатками и рогожей... И сразу обнаруживается, что лопатки ложиться не хотятъ... И съ перерывами въ 15 минутъ, поединки идутъ, и — тутъ, въ подходящий, горячій моментъ, Бирнбаумъ бросаетъ ловкимъ жестомъ двадцать марокъ на землю и вызываетъ мѣстныхъ чемпионовъ, — а все населеніе недюжинное, крѣпкое, — кузнецы, молотобойцы, грузчики, — «каждый получить сразу двадцать марокъ, если положить черную маску, но платить всего одну марочку за поражение».. И просятъ сами на поединокъ, добровольно вызываются, выступаютъ, подъ добродушный смѣхъ и улюлюканіе празднично настроенной и разгоряченной толпы, десятки Шульцевъ, Краузе, Майеровъ... Сами просятъ «на пари», на поединокъ, перекликаются и тащатъ еще съ собою соревнвателей: «покажите, молъ вашу силу тутъ, передъ всѣмъ честнымъ народомъ, а не тамъ гдѣ-то надъ недорѣзанными быками»... И тутъ же, становясь въ очередь, вытираютъ изъ круга, кладутъ на рогожку по марочкѣ, и борются, кувыркаются, копошатся оголенные, лоснящіяся тѣла, льются потные руки. и не проходитъ и пяти минутъ, какъ мѣстные геркулесы плотно лопатками припечатаны къ рогожкѣ... А бабы, съ подоткнутыми, однимъ угломъ, подолами, простоволосыя, и дѣвицы, съ пышными, вокругъ головы, льняными косами, перехваченными васильками и маками, и дѣтвора съ черешнево-вишневыми лицами, — всѣ добродушно и бранчливо высмѣваютъ побѣжденных мужей, братьевъ, жениховъ... Да и сами побѣжденные, въ смущеніи и удивленіи — unerhört! — хохочутъ и по дружески похлопываютъ своихъ

побѣдителей, этихъ wirklich fabelhaften Kosaken И отходятъ, скрываются за кругъ, недоумѣвая, какъ же это они съ волами, какъ съ цыпленкомъ, а тутъ?! — Unerhörte Kraft in diesen Russischen Riesen.

Бѣда только съ Братолюбивымъ... Онъ только и знаетъ, что отскакиваетъ, прыгаетъ вокругъ борцовъ, теряетъ свои роговые очки, и отъ излишней суеты попадаетъ въ обхватъ... Тогда ужъ Бирнбаумъ мгновенно вытаскиваетъ его изъ поля борьбы и «вохкимъ» полотенцемъ растираетъ ушибленную грудь профессора...

А праздничное представление не допускаетъ суеты, и Бирнбаумъ въ административномъ восторгѣ неустанно вызываетъ все новыхъ и свѣжихъ добровольцевъ и — не безъ юмора приглашаетъ и дамъ «попробовать»...

— Meine gnädigsten Damen und Frauleins!.. Meine ausgesprochenen Schönheiten! Los! Bitte! Wollen Sie nicht einmal probieren?!

Бирнбаумъ прямо влюбленъ въ свою публику, и женская половина искренне кажется ему невыразимыми красавицами... И пфенниги дождемъ сыплются въ его шапку щедро и любезно...

— Всего только марочка за лопатки казаковъ, вашихъ случайныхъ враговъ въ послѣдней войнѣ, но — отнынѣ и во вѣки вѣковъ — вашихъ замѣчательныхъ друзей!..

— Also, los!

— И всѣ довольны, веселы. и шуткамъ и воскресному раздолью краю не видно...

Не дремлютъ и голафы, не дураки же, въ самомъ дѣлѣ, поглядываютъ и они прищуреннымъ любовнымъ взглядомъ на ласково улыбающихся имъ бабъ...

Смѣются «генералы» Перебейнось и Локоть, посмѣиваются смущенно въ прокуренный казацкій дугообразный усъ, — совѣстно имъ какъ-то самимъ ни разу лопатками не лечь...

И стояло въ то воскресенье знойное, глубокое, слѣпящее небо... Къ полудню потянуло вдругъ съ озера лѣсоводной свѣжестью, мелкими волнами зарябило водное пространство, заходили высоко барашками обрывочныя облака, — сорвались, попадали на горячую мгlistую землю всего нѣсколько десятковъ тысячъ крупныхъ животворящихъ слезъ, и свалились, сдвинулись истома, духота и сухь... Съ появленіемъ неожиданно - негаданныхъ облачковъ оторопѣла и собравшаяся на прощальное представленіе воскресная толпа: не часто воскресенье на недѣлю выпадаетъ...

И такъ же снова вдругъ выглянуло, пріятнымъ жаромъ запылало солнце, и борьба, въ потокахъ безпечнаго и добродушнаго хохота, шла во всю... Вдругъ изъ гущи толпы раздался чей-то грозный и угрожающій, сильный и лакостный, не голосъ, а бранный ревъ, вызовъ, пересыпанный похабными словечками, на какомъ - то ломанномъ, не совсѣмъ понятномъ, московско-венгерскомъ, полунѣмецкомъ, неграмотномъ и низкосортномъ, языкѣ... Бирнбаумъ дрогнулъ... Не сразу все уловилъ онъ, но достаточно было нѣсколькихъ звонкихъ эпитетовъ... и онъ сразу тогда понялъ.... Кое что уразумѣла и толпа.... Оцѣпенѣли всѣ... Застыли... растерянно поворачиваются вытянутыя лица, ищутъ, откуда бы этотъ «хулиганскій» ревъ, озорной и наступательный?!... А «звѣрь» уже близокъ... грубо напираетъ онъ изъ за спины толпы... Вотъ онъ на ходу уже стаскиваетъ съ себя темнокрасную блузу, рубаху, поясъ покрѣпче стянулъ, и бѣшенный и вихрастый, высокій и плечистый, татуированный и со скуластымъ веснучатымъ лицомъ, съ сжатыми кулаками — трехпудовыми гирями, работая локтями и грубо расталкивая всѣхъ, бѣсновато напираетъ и на разстояніи еще, неугомонно, въ лицо Перебейносу и Черной Маскѣ, точно плюется и оретъ...

— Мошенство!... Свидель... Негритянскія морды!... Бѣлая русская свинья!... Kosakenschwein!..

Замерла, отступилась, назадъ поддалась, недавно еще празднично добродушно настроенная, толпа... Кто бы это?!... Откуда?!... Was ist los ?!... Неспкойно, озираючись кругомъ, въ тревогѣ, зашевелилась и шарахнулась масса. Но не разбѣжались... Какъ вкопанные застыли и казаки... Ждутъ... Откуда эта ужасная, неслыханная брань?!... Чудовищно!... Но, онъ, повидимому, не одинъ... Еще нѣсколько глотокъ бранятся ему созвучно!... Пороху подаютъ!... «Сорви-ка, Карлушка, этимъ бѣлымъ бандитамъ голову, los.... »

И еще минута, кѣмъ-то подосланный, повидимому, давно выслѣживавшій, подстерегавшій, тайный и лютый врагъ, въ самомъ дѣлѣ готовился обоимъ голову снести... А брань все наглѣй и напорнѣй...

— Сто долларовъ!... Убери твои двадцать марокъ!... Вотъ, получай!... Сто долларовъ тебѣ, негритянская морда, если меня на лопатки положишь!... Сто долларовъ, понялъ?... Маску долой!... Los!...

Оцѣпенѣла... насторожилась... разступалась толпа... Что нужно этому колоссу?... Никто его во всей округѣ никогда и не видалъ... Сто долларовъ?!... Кто и откуда «dieser Tiger?...» Кто такъ бѣшенно оретъ, гро-

---

зится, наступает... Жадные и жалостливые взоры недоумѣвающей толпы устремлены на Перебейноса и Локтя въ черной маскѣ.

— Woher ist dieser «Bruder»?... Was hast du hier zu suchen?... Und — diese... hundert Dollars!... Heutzutage!...

Стоять, выжидаютъ казаки, точно въ латы окованные, прямо, неподвижно... высокіе и статные, не шелохнутся, точно только что безупречно отлитыя, готовые къ заряду, стальные модели крупныхъ снарядовъ... Только дыханіе замѣтно сдавлено, скулы сжаты и чуть прищуренные глаза косо и упрямо не выпускаютъ изъ поля зрѣнія наступающаго врага... выбираютъ мишень...

— Что?... Испугался бѣлій русской собакъ?!...

И тутъ же, вотъ-вотъ, еще мгновеніе, точно ломомъ, наотмашь, отхватить онъ голову у обоихъ... Но Микула Перебейнось его уже за кисть схватилъ, уже на лету отвелъ онъ занесенный надъ нимъ ударъ незнакомца, но предупредить не успѣлъ страшный ударъ прямо въ лицо черной маскѣ, Еруслану Локтю!... Дрогнула... туловищемъ поддалась... заколебалась... кровью обливаясь, черная маска... Но Перебейнось въ этотъ моментъ за кисти загребъ, уже обѣ вражескія ручищи, какъ клещами, захватилъ... И стоятъ другъ противъ друга сдѣшнвшіеся два колосса, только руки ихъ вытянутыя, какъ стальные упоры, конвульсивно подергиваются, дрожать... А Локтю надоѣла эта «мертвая борьба», онъ крикнулъ Перебейносу «будя, мнѣ его доставь... и руки ему ослобони!...»

А образовавшееся двухрядное живое кольцо изъ селянъ Букстеуде, затаивъ дыханіе, сочувственно и облегченно выражаетъ свой спортивный восторгъ, когда казаку удастся ловко уходить изъ мучительныхъ обхватовъ противника... Не дремлютъ и профессиональный арбитръ Братолобовъ и доброволецъ Бирнбаумъ.... Суетятся, вздыхаютъ, — послѣдній даже бросился было за помощью... Но вотъ, неожиданно для всѣхъ, освободившійся изъ стальныхъ клещей Перебейноса, врагъ попалъ, увидѣлъ передъ собой окровавленнаго Еруслана Локтя... И вновь сошлись враги, ища, лоя и цѣлясь ухватить другъ друга за кисти рукъ... Не любитъ Ерусланъ «мертвой борьбы», остановился на мгновеніе, вытянулъ онъ противнику навстрѣчу свои руки, кувалды... «Бери, хватайся за кисти, изволь»...

Сомкнулись вновь руки, и ногами, точно упоры въ мертвую точку, уперлись... Народъ замеръ... Въ эту минуту Локоть, изо всей мочи, дернулъ вдругъ руки, точно стальнымъ плющемъ... еще не сомкнутымъ кольцомъ, сначала у груди, а затѣмъ все ниже, ниже, у самой талии, у пояса

сомкнулись живымъ кольцомъ, и незнакомый противникъ сталъ вдругъ и тоньше, и выше... Стодолларовый человекъ странно какъ-то выпрямился изъ за клещей Еруслана, голова вдругъ откинулась.. подогнулись въ колѣняхъ ноги... отъ земли отошли... Крикнуло что-то глухо и сдавленно, зашипѣло, точно воздухъ изъ герметической посуды выпелъ... вытекъ... и тѣло, какъ показалось всѣмъ, перегнулось черезъ ручной, кованный обручъ, голафа... И недвижимое, бездыханное тѣло, точно безъ костей, странно перегнулось, откинулось и — выпало вдругъ изъ разомкнутыхъ клещей «бѣлой негритянской морды»... Арбитръ Братолобовъ твердо помнить, что случайно споткнувшись противника «высчитываютъ», и онъ уже 23 отсчиталъ... Но вдругъ прорвалась плотина оцѣпенѣнія и ужаса. Беспорядочное бѣгство толпы, смятеніе, взвизгиванія, крики и стоны, разносились по всему полю... Въ страхѣ метнулись всѣ въ разныя стороны, и впереди всѣхъ Бирнбаумъ, въ отчаяніи выкликая городского, шудмана, вахтмистра... Но такъ же неожиданно поддался онъ назадъ... къ своимъ... и не пропадать же ста долларамъ!... Бирнбаумъ самъ рѣшилъ всю правду полиціи сказать, ничего не утаить... народъ вѣдь самъ видѣлъ, что русскіе великаны совершенно не знали, не подозрѣвали и не вызывали на поединокъ этого... этого... «Карла Маркса»... и ужъ отъ однихъ неслыханныхъ «пахабныхъ» оскорбленій его, Бирнбаума, «въ жаръ бросило»!... Но — сказать ли ему, что онъ самъ ясно слышалъ, какъ хрустнулъ позвоночный столбъ у покойника?... Нѣтъ, зачѣмъ такія подробности... Бирнбаумъ въ подсудимые никакъ попасть не можетъ. А въ свидѣтели ужъ онъ попадетъ!... Непремѣнно попадетъ... Опять въ свидѣтели...

Убийство. Убийство налицо. Посадили конечно, и сидятъ. Должны сидѣть. И протестовать просто глупо. И не было еще случая, чтобы слѣдственные власти подсудимыхъ забыли. Успѣется. Будетъ и судъ. Уже одиннадцать мѣсяцевъ дожидаются... «А если и тысячу лѣтъ?...» И «тысяча лѣтъ промчатся такъ же быстро, какъ вчерашній день»... И въ самомъ лѣлѣ, всякимъ мученіямъ приходитъ конецъ... И уже второй день тянется процессъ, и тщетно бьются судьи услышать отъ самихъ подсудимыхъ хоть одинъ живой звукъ, ни отъ ориенталиста, приватъ - доцента Братолобова, ни отъ его труппы великановъ-борцовъ. Давидъ Бирнбаумъ формально непричемъ... Онъ служилъ по хозяйству, съ шапкой обходилъ онъ «почтеннѣйшую публику», всей труппѣ и дирекціи стиралъ онъ бѣлье и развѣшивалъ его на дреколяхъ, и стряпалъ въ желѣзномъ котелкѣ обѣдъ...

— Вы только посмотрите на нихъ, господа судьи, они же какъ дите

малое, хоть и великаны.... Развѣ такіе убиваютъ?... Они за честь.. не за себя...

— Свидѣтель, вы слишкомъ много говорите... Отвѣчайте только на вопросы... Собственно, по актамъ судья, и вамъ, Herr Birnbaum, слѣдовало бы сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ...

— Ой, Боже мой!... — вострепнулся бѣдный Бирнбаумъ.

— Если бы вы, свидѣтель, не посовѣтовали подсудимымъ играть, поочередно, «черную маску», покойный не имѣлъ бы повода кричать «негритянская морда!...»

— Aber, mein Gott! Но тогда несчастный покойникъ кричалъ бы «русская бѣлая свинья»!... И вообще, господа судьи, самъ Гераклитъ сказалъ!... Извините, извините... я уже молчу... И вообще «Deutschland über alles»!...

Нѣтъ!...

Судьи давно уже переглядывались... Нормальный ли человекъ этотъ свидѣтель Бирнбаумъ?... Пошептались даже.... И Бирнбаумъ не могъ не уловить скользнувшего добродушія и, какъ показалось ему, даже нѣкотораго сочувственнаго отношенія къ подсудимымъ... Говорилъ въ пользу подсудимыхъ и защитникъ по назначенію Kleinsilber, но Бирнбауму не нравилось его «мертвое отношеніе», хотя онъ и говорилъ одни *Tatsachen*. Но судьямъ надо было выяснитъ еще одну деталь, основной стимуль...

— Объясните, подсудимые, за кого вы, собственно, теперь заступаетесь?... Вѣдь вашей Россіи нѣтъ...

Бирнбаумъ, съ разрѣшенія судей, коротко поговорилъ съ Браболлюбовымъ и еще короче съ великанами-подсудимыми.

— Разрѣшите, господа судьи, деликатно замѣтить, что Россія еще существуетъ! Развѣ измѣнится, скажемъ, янтарная семга, если кто-нибудь приклеитъ къ ней ярлыкъ воблы?... Россія, какъ и Германія, Франція, Англія, Италія, вѣчна, — ибо Пушкинъ и Толстой, Гете и Шиллеръ, Вольтеръ и Дидро, Шекспиръ и Данте!... Развѣ можетъ умереть поэзія?!...

«Hoch klingt das Lied vom braven Mann...
Wie Orgelton, wie Glockenklang...»

или

«О чемъ шумите вы, народные витіи,
Зачѣмъ анафемой грозите вы Россіи?!...»

или — и Бирнбаумъ, забывъ, повидимому, мѣсто и время, сдѣлалъ, въ упоеніи родины, повелительный знакъ, и всѣ трое подсудимыхъ поднялись со своихъ мѣстъ, молебственно продекламировали...

«Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ льются рѣчи чище серебра»...

Продекламировали, и тихо опустились, притихли, и на блѣдныхъ измученныхъ лицахъ этихъ заброшенныхъ одинокихъ людей обозначилась неизбывная тоска и, гдѣ-то въ глубинѣ, вспыхнувшая вѣра....

И случилось все это такъ неожиданно и чудесно, что и публика, и судьи, хоть ничего и не поняли, все же воспріяли всѣ въ ихъ «словахъ» какое-то обѣтованіе, вѣщій голосъ странниковъ одинокихъ людей въ посланіи...

Послѣдовали, конечно, строгіе выговоры и призывы «къ порядку», но — вѣщее слово было произнесено...

Пренія окончены. Слово предоставлено прокурору. Хорошо, что подсудимые ничего не поняли изъ его рѣчи, но содрогался и холоднымъ погомъ обливался Бирнбаумъ, когда узналъ изъ краткой, но убійственной рѣчи, что здѣсь сидятъ «если и не убійцы въ прямомъ смыслѣ слова, то все же наши недавніе враги, и легко себѣ представить, сколько нашихъ солдатъ передушили эти русскіе скифы...», а потому я требую для подсудимыхъ по статьѣ 17009 девять мѣсяцевъ арестантскихъ ротъ... Возражалъ, но «безъ огня и безъ души Kleinsilber, защитникъ по назначенію. Послѣднее слово за себя и подсудимыхъ взялъ на себя долго колебавшійся Братолюбовъ... Говорилъ онъ по-французски, но въ трудныхъ мѣстахъ вставлялъ и нѣсколько санскритскихъ словъ... Перевести пришлось тому же Бирнбауму, и не обошлось безъ обычныхъ импровизацій.

— Господа судьи!... Господинъ Президентъ!... Господинъ Прокуроръ!... И господа Присяжные Засѣдатели!... Наши подсудимые, хоть и великаны, но какъ дите малое... Они просятъ сказать вамъ «нужны ли болѣе горячіе патриоты, какъ нѣмцы?... Видѣлъ ли міръ болѣе храбрыхъ, въ страшной нуждѣ и лишеніяхъ, солдатъ?... И виноваты ли ваши и наши арміи, наши чудесныя страны, что наши и ваши, извините за выраженіе, дипломаты такъ накрутили, что, противъ воли Бисмарка, стали мы драться другъ съ другомъ?!... И что же получилось?... Мы и вы и разгромлены, и оплеваны!... И къ лицу ли намъ, въ нашемъ случаѣ, судить невинныхъ людей только за то, что одного всего подосланнаго марксиста эти ребята раздавили?... Вы же

сами въ апрѣлѣ 1933 года всю красную головку раздавили!.. И когда ни-
будь не исторія, а человѣчество зачтетъ вамъ эго!.. И хочу я васъ за-
вѣрить именемъ будущей освобожденной Россіи, что русскіе съ нѣмцами во
вѣки вѣковъ драться не будутъ... Освободите этихъ великановъ, этихъ дѣтей!..
И освободите насъ. — только вы одни и можете, — отъ совѣтскихъ самозван-
цевъ!..

— Господинъ Бирнбаумъ, я лишаю васъ слова!..

Недолго засѣдали присяжные засѣдатели, и на всѣ поставленные во-
просы отвѣтили: «невиновны»...

И Бирнбаумъ, естественно, и тутъ не удержался, чтобы не восклик-
нуть «естъ еще судьи въ Букстеудѣ!..» А, обернувшись къ подсудимымъ, въ
притворномъ гнѣвѣ, спрашивалъ «Что же вы, идолы дорогіе, еще сидите?...
Оправданы, вѣдь, и свободны!.. Опять ничего не поняли?!..

И грузно, по дѣтски улыбаясь, поднялись антрепренеръ и группа его,
профессоръ и великаны, выглянули въ открытое окно, въ глубокую звѣздную
іюльскую ночь, на мѣстѣ потоптались и спускаться стали гуськомъ... А на
безлюдной площади, высоко-высоко надъ соборомъ, особой бѣлизной въ ту
ночь сверкавшимъ, пробило полночь, и мирно гудѣла мѣдь... Примиряюще
мерцало вызвѣздившееся темно - синее небо, и недавно еще обреченные
набожно перекрестились... Прислушиваясь къ ночнымъ, отдаленнымъ шо-
рохамъ, оправданные странники, безсловесно, какъ бы другъ у друга, спра-
шивали «куда же теперь направить путь?...» И отчетливо слышенъ былъ
мудрый совѣтъ Гераклита, Давида Бирнбаума...

— Что вы, милые, призадумались... грустью темной затуманились?...
Впередъ конечно!.. Не назадъ же, во всякомъ случаѣ!.. А лѣто то какое
чудесное!.. И небо, прямо украинское, наше!.. А объ завтра не думайте, все
будетъ ладно... Съ одинокими всегда Господь!..

МАТВѢЙ ГОРЛИНЪ
Н Е Р В Ы

Агда не слушала отца. Все, что онъ ей говорилъ, нервно постукивая коробкой спичекъ о столъ и поправляя отъ времени до времени манжету, было ей хорошо знакомо. Она видѣла его порывистые жесты, тонкіе, длинные пальцы, словно женскіе, румянецъ на впалыхъ щекахъ — признакъ сильного волненія — каріе глаза, которые, казалось, зло смотрѣли на нее и густые, волнистые, сѣдѣющіе волосы (маленькой она любила въ нихъ запускать пальцы). Чтобы увидѣть мать, ей надо было повернуть направо голову и это движеніе она машинально продѣлывала, когда мать своимъ ласковымъ, мелодичнымъ голосомъ вдругъ считала нужнымъ подтвердить слова мужа; даже это доброе, полное лицо не могло смягчить Агду. «Такъ болѣе продолжаться не можетъ. Объяснить имъ? Все равно это ничего не измѣнить...»

Отецъ, повидимому, выведенный изъ терпѣнія молчаніемъ дочери, всталъ, ногой отодвинулъ стулъ и крикнулъ:

— Скажи же наконецъ чего ты хочешь? Это 4-ый молодой человѣкъ, котораго тебѣ предлагаютъ. Онъ — очень подходящая партія. Я даю за тебя большія деньги и имѣю, поэтому, право выбирать и получить первоклассное. Ты знаешь: мы сильно любимъ тебя и намъ ты совсѣмъ не въ тягость, но вѣчно въ дѣвицахъ сидѣть ты не можешь. Конечно, ты еще молода: тебѣ 20 лѣтъ. Но если мы такъ заботимся о тебѣ, то это только въ твою пользу. Къ тому же этотъ молодой человѣкъ очень милый, порядочный, изъ нашего круга и хорошо устроенъ. Онъ мнѣ очень нравится. Такъ что тебѣ еще нужно?

Агда закуталась въ шерстяную кофточку, хотя въ комнатѣ было жарко...

Еще вчера она была въ дансингъ съ молодымъ человѣкомъ о которомъ говорилъ теперь отецъ. Во время танцевъ онъ ее крѣпко прижималъ къ себѣ, заглядывалъ ей въ глаза и утверждалъ, что она ему очень нравится и т. д. Однако онъ былъ ей противенъ и непріятенъ, какъ всѣ, съ которыми ее знакомила та ужасная женщина.

Она часто къ нимъ приходила. Садилась въ кресло и съ сухими, желтыми пальцами, съ большими фальшивыми камнями на многочисленныхъ кольцахъ, оправляла складки на платьѣ и съ ложной стыдливостью спускала его ниже острыхъ колѣнъ. Говорила развязанно, неестественно растягивая слова:

— Я о васъ много думаю, потому что искренно васъ люблю. Уходите дитя мое, я должна переговорить съ вашими родителями.

А затѣмъ до Агды долеталъ ея голосъ:

— Положеніе у него превосходное: хорошо зарабатываетъ и изъ отличной семьи... Такъ я могу передать, что вы даете 500.000. Конечно наличными.

И при встрѣчѣ съ тѣми молодыми людьми Агда читала въ ихъ заискивающе жадномъ взглядѣ:

— «Такъ вы мнѣ дадите 500.000. Наличными и до свадьбы»...

Агда все еще продолжала молчать. На отца, видно, нашло раскаяніе за крикъ. Онъ подошелъ къ ней и погладилъ по ея ровно - приглаженнымъ волосамъ, раздѣленнымъ посреди проборомъ.

— Знай, что я тебя никогда не заставлю выйти замужъ. Но мнѣ кажется: ты сама не знаешь, чего ты хочешь.

— Онъ мнѣ не нравится.

— Тогда и не нужно. Найдется и по твоему вкусу, — сказала мать, довольная тѣмъ, что не должна взять ту или другую сторону. Она улыбнулась и лицо ее сразу помолодѣло и похорошѣло.

Агда пошла въ свою комнату. Ей очень хотѣлось сдѣлать что - нибудь непріятное, на зло родителямъ, она вспомнила, что отцу очень не нравилось, когда она курить, и взяла папиросу, стала на порогѣ, скрестивъ руки на груди, и начала дымить въ коридоръ. Ея черные, продолговатые глаза отражали злость, кипѣвшую въ душѣ, а черезъ это чувство, словно сквозь увеличительное стекло, перебирала теперь отношеніе къ ней родителей:

Для чего они вмѣшиваются въ ея личную жизнь? Она принадлежитъ ей. Она выйдетъ замужъ, когда и за кого захочетъ. Будетъ встрѣчаться съ людьми, которые ей нравятся... И Агдѣ пришли въ голову столь ненавистныя и часто повторяемыя отцомъ слова:

— Молодая дѣвушка должна такъ себя вести, чтобы никто про нее не могъ ничего плохого сказать.

— Порядочная дѣвушка не должна часто одна выходить съ молодымъ человѣкомъ.

— Она должна встрѣчаться съ людьми только изъ своего круга...

Агда сѣла на диванъ и положила голову на ладони, опершись локтями о колѣни. Такъ она могла долго сидѣть и у нея всегда были мысли, не вызывавшія въ ней легкости и радости. Отъ этого выраженіе ея лица было неподвижное и скучное.

Окна ея комнаты выходили на дворъ и въ ней всегда стоялъ полу-мракъ. Даже днемъ приходилось зажигать электричество, и постоянно горѣла большая лампа, стоявшая на низкомъ, кругломъ столикѣ, возлѣ дивана.

Вдругъ откуда-то донесся заунывный голосъ, напѣвавший много уже разъ слышанное танго. Эти протяжные, мягкие звуки взорвали Агду:

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Ее чувство было настолько сильно, что оно ее подняло порывисто съ дивана и заставило стукнуть каблукомъ о полъ.

Однако что ей дѣлать? И на этотъ разъ вопросъ остался безъ опредѣленнаго отвѣта.

Агда была увѣрена, что можетъ серьезно и глубоко полюбить и тогда принесть все въ жертву, чтобы перейти какія либо препятствія. Но теперь же она не можетъ такъ продолжать свою жизнь въ ожиданіи этой любви. Временами ей приходила мысль: уйти изъ дому. Однако это предположеніе ее пугало, и она его отдаляла соображеніемъ, что любить родителей и не желаетъ имъ причинить столько горя.

Она знала, что знакомыя ей дѣвушки жили весело, шумно. Онѣ увлекались туалетами, флиртомъ, спортомъ. Но Агда не могла сосредоточить свои мысли на этихъ, казалось бы, легкихъ вещахъ. Выборъ платья и примѣрка у портнихи ее быстро утомляли и раздражали. Поцѣлуй и тисканіе въ темныхъ углахъ были ей противны и смѣшны. Заниматься же спортомъ ей было лѣнь... Вошла мать:

— Что ты все время сидишь дома? Пойдемъ гулять. Посмотрѣла бы на себя: блѣдная, желтая, носъ вытянулся.

— Я не хочу.

Та покачала головой и на лицѣ ея выразилось то, что она часто думала: «Сама не знаетъ, чего хочетъ».

Агда еще оставалась сидѣть нѣкоторое время, но начала болѣть спина. Она выпрямилась, пригладила руками волосы, взглянула на часы: «Скоро ужинъ».

Ей не хотѣлось теперь встрѣтиться съ отцомъ и она рѣшила пойти къ сестрѣ, которая жила въ томъ же домѣ. Она ее застала какъ всегда довольной

и веселой. Ея сестра была вѣчно занята: дѣтьми, кухней, туалетомъ, мужемъ. Очень часто улыбалась и тогда походила на мать. Волосы ея были намного свѣтлѣ Агдиныхъ и завивались въ кудряшки. Выраженіе ея лица было шаловливое, точно вотъ сейчасъ она выкинетъ шутку, надъ которой первая будетъ смѣяться.

— Вотъ и хорошо, что пришла. Садись. Я сейчасъ. только скажу кое-что кухаркѣ.

Побѣжала и скоро вернулась. Агда вдругъ спросила:

— Ты счастлива?

Этотъ вопросъ вызвалъ недоумѣніе у сестры. Онъ ей показался такимъ страннымъ, что она его повторила:

— Счастлива ли я?

Отвѣтъ былъ для нея очевиденъ, и она засмѣялась:

— Конечно счастлива: я люблю дѣтей (у нея ихъ было двое) и мужа. Я вполне спокойна.

Агда знала, какъ она могла разрушить это спокойствіе. Она разъ видѣла своего зятя съ другой женщиной. Они выходили изъ дому, гдѣ, какъ она потомъ узнала, сдавались меблированныя квартирки. О своемъ неожиданномъ открытіи, послѣ долгихъ мучительныхъ думъ, рѣшила никому не говорить.

Однако теперь счастливый и глупый смѣхъ сестры вывелъ ее изъ себя:

— Ты очень довѣрчива...

Вдругъ врѣзалась мысль: «Я злая, противная, гадкая, что я хотѣла смѣлать» и Агда видя, что сестра ждетъ продолженія, докончила:

— У тебя чудный характеръ.

Неестественно улыбулась и отъ этого принудительнаго движенія рта раздулись ноздри и носъ заострился, придавъ ея лицу хищное, непріятное выраженіе. Агда пожалѣла, что пришла. Настала тишина, которая была тяжела для обѣихъ, и потому ненатурально зазвучалъ голосъ сестры:

— Пойдемъ въ дѣтскую. Дѣтишки ложатся спать.

Игрушечная мебель разукрашенная всякими животными и блестящая отъ бѣлаго лака, малыши съ пухлыми щеками и съ добродушной наивно-стью въ глазахъ вызвали въ Агдѣ умиленіе и доброту. Она взяла двухлѣтняго мальчика на руки и поцѣловала его. Но ребенокъ потянулся къ матери. Та приняла его къ себѣ и хотя она сказала: — «Вѣдь это твоя тетя Агда» —

Однако видно было, что она была очень довольна оказаннымъ ей предпочтеніемъ.

Внезапно комната наполнилась крикомъ: у дѣвочки няня отняла

картинки, которыя та разсматривала. Она все болѣе повышала голосъ и переводила глаза съ матери на няню, высматривая, какое дѣйствіе производить на нихъ ея крикъ, но убѣдившись, что онѣ ничего не дѣлають для ея успокоенія, обидѣлась и заплакала пронзительно громко. Тогда мать обняла ее и стала тихо нашептывать:

— Ну перестань. Какъ не стыдно, такая большая.

Дѣвочка еще по инерціи продолжала плакать. И этотъ плачь уничтожилъ въ Агдѣ чувство умиленія и доброты, которое она испытала при входѣ въ дѣтскую.

Погодя онѣ перешли снова въ гостиную. Сестра не удержалась отъ любопытства и спросила, хотя знала, что этимъ разсердить Агду:

— Папа съ мамой говорили съ тобой? Что ты рѣшила? Мнѣ, кажется, что онъ очень хорошая партія.

Здѣсь Агдѣ не нужно было себя сдерживать:

— Я сама знаю, что мнѣ дѣлать. Въ совѣтахъ не нуждаюсь и прошу не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

— Успокойся, милая. Вѣдь не чужая я тебѣ.

Нашептываніе и легкое прикосновеніе теплыхъ рукъ начали растворять что-то тяжелое въ ея душѣ. Но Агда вспомнила, что сестра только что также поступила со своей дочуркой, ей стало совѣстно и она ее оттолкнула:

— Перемѣни, пожалуйста, разговоръ.

— Какая ты странная!

Агдѣ такъ и захотѣлось снова крикнуть сестрѣ:

— Твой любимый и совершенный супругъ тебѣ подло измѣняетъ. Что ты теперь скажешь? Будешь ли продолжать улыбаться и радоваться?

И она со сладострастіемъ представила себѣ на мгновеніе, какъ это хорошенькое въ кудряшкахъ личико станетъ безобразнымъ отъ слезъ, злобы, обиды и страха...

Изъ передней раздался шумъ открываемой двери. Сестра сорвалась съ мѣста, побѣжала навстрѣчу мужу и повисла у него на шеѣ. Онъ небрежно, покровительственно ласково потрепалъ ее по щекѣ и съ самодовольной улыбкой подошелъ къ Агдѣ:

— Вотъ пріятный сюрпризъ. Ты конечно съ нами ужинаешь?

Агда быстро выдернула руку изъ его теплыхъ и немного влажныхъ ладоней.

Отъ него пахло духами, его чисто выбритыя щеки слегка розовѣли и его узкіе усики особенно отгѣняли самодовольно глупое выраженіе его лица.

Агда хотѣла было уйти, но вспомнивъ, что ей придется, быть можетъ, снова услышать фразы отца, заготовленные у него всегда въ большомъ количествѣ, осталась.

За столомъ къ счастью говорилъ много зять. Она слышала его сладенькій голосъ, иногда видѣла движеніе его пухлыхъ губъ, но смыслъ его рѣчи не старалась уловить. Собственно она ни о чемъ опредѣленномъ не думала, а ушла въ чувства, наполнявшія ея душу.

Послѣ ужина, она, приличія ради, осталась немного; а затѣмъ спустилась къ себѣ. Родители сидѣли въ гостиной и, должно быть, говорили о ней: когда она вошла, сразу замолчали.

— У меня голова болитъ. Я пойду прилечь.

— У себя въ комнатѣ Агда легла на диванъ, заложивъ руки за голову. На потолкѣ дрожалъ свѣтлый кругъ - отраженіе лампы, и она устала на него. Мысли, въ которыхъ она не могла отдать себѣ отчета въ присутствіе сестры и зятя, наполнили ее всю и, какъ ей казалось, даже комнату: какъ у нея могло появиться желаніе открыть сестрѣ измѣну мужа. Вѣдь она бы навсегда разрушила ея жизнь. А дѣти? Конечно, она злая и противная. Сама она вѣдь не хочетъ, чтобы вмѣшивались въ ея жизнь.

Агда убрала руки изъ подъ головы и легла на бокъ. Тишина въ комнатѣ отзывалась звономъ въ ея ушахъ. Какъ сестра можетъ любить такого чело-вѣка? А если и ей попадается подобный мужъ? Вѣдь чело-вѣка можно только узнать, живя съ нимъ нѣкоторое время. Она вспомнила, что въ какой то странѣ прежде, чѣмъ окончательно пожениться, дѣлается проба совмѣстной жизни. Надо было бы завести этотъ обычай и у насъ. Если бы отцу сказать про это.

И Агда увидѣла разгоряченное лицо, глаза блестящія возмущеніемъ:

— Безнравственность, разгулъ, выдумка, удобная только развратнымъ людямъ.

О, какъ противна и пошла была ей его мораль!

Въ ея глазахъ начинало рябить и ей казалось, что диванъ временами качается подъ ней.

Она должна, что нибудь предпринять. Уйти? А что потомъ? Работать въ конторѣ и зарабатывать гроши. Вѣдь никакихъ талантовъ въ ней нѣтъ. Она дочка богатыхъ родителей. И все. Вѣдь живутъ такъ множество дѣвушекъ, и онѣ довольны.

— Какая ты странная!

— Она сама не знаетъ чего хочетъ, слышались знакомые голоса.

Агдѣ было очень жарко. Лобъ и щеки у нея пылали. Она поднесла руку ко лбу и вздрогнула отъ ощущенія холода: пальцы ея были ледяные. Она перестала разбираться въ своихъ мысляхъ. Ей даже показалось, что она потеряла сознание. И вдругъ на мгновеніе сразу стало пусто въ головѣ, а затѣмъ незнакомое, неиспытанное до сихъ поръ чувство охватило Агду. Оно было настолько ужасно, страшно, непонятно, что Агда вскочила съ дивана, повертѣлась, какъ безумная, по комнатѣ и выбѣжала изъ нея. Она направилась, словно ночная бабочка, по направленію свѣта, выходившаго полосой изъ полу-открытой двери гостиной. При ея появленіи раздался испуганный крикъ:

— Что съ тобой?!

Агда вся дрожала. Ея глаза были широко открыты и въ нихъ стояла ужась.

Мать подбѣжала къ ней и ее обняла.

— Да, что съ тобой? Скажи что нибудь, дѣточка.

Отецъ, посмотрѣвъ въ эти расширенныя нечеловѣческіе глаза, поблѣднѣлъ и съ силой потрясъ ее за плечи.

Агда вдругъ увидѣла эти волнистые съ сѣдиной волосы, когда-то ей очень любимые и запустила въ нихъ пальцы. Она почувствовала себя маленькой, такой какой она была, когда взбиралась къ отцу на колѣни и играла съ его шевелюрой, а онъ ее спрашивалъ:

— Покажи ка, дѣточка, какъ ты меня любишь.

Тогда она изо всѣхъ силъ обнимала его за шею. И теперь она сдѣлала то-же самое. Слезы сначала скупо закапали изъ ея глазъ. Агда точно вернулась къ жизни. Она съ любовной жалостью посмотрѣла на родителей и, прижавшись къ отцу, громко зарыдала. Мать также заплакала:

— Это ты все виноватъ со своими женихами и правоученіемъ.

Она нарочно обвиняла мужа, чтобы меньше чувствовать свою вину.

— Успокойся, милая. Не надо такъ.

На Агду напелъ стыдъ за эти слезы. Удерживая ихъ, всхлипывая и громко сморкаясь, говорила:

— Ничего, ничего. Все прошло.

Въ то же время она себя спрашивала: «Да, что со мной произошло?» Но не могла найти объясненія.

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ
В А Л Ъ

О порочное и отдохновенное танцевальное дѣйство. Ты дѣйствительно сперва глохнешь и безтолково прозябаешь, какъ вдругъ какой нибудь отчаянно веселый, ласковый возгласъ или звонъ разбитаго стакана какъ будто подастъ невѣдомый сигналъ къ отплытію, и все ты, вмѣстѣ съ раскраснѣвшимися пассажирами, отчалишь, двинешься, наконецъ, къ Цитерину острову, подъ мѣрныя пульсаціи музыкальнаго своего двигателя.

Какимъ-то дымомъ наполняется вдругъ разгоряченная атмосфера. Все кричитъ и колеблется, плыветъ и звенитъ въ ушахъ. Незнакомые цѣлуются, клянясь въ вѣчной дружбѣ. Женщины танцую опускаютъ прекрасныя головы на близлежащія плеча. Волна братства и нѣжности, безнадежности и веселья проходитъ по сердцамъ, она все ширится, и кажется, продолжись это еще немного, уже никогда, никогда чего-то не будетъ и навсегда, навсегда запомнится что-то, но вдругъ какой то злой демонъ, неподдавшійся очарованію или потерявшій чувство дѣйствительности, останавливаетъ грамфонъ и, остро ненавидимый остальными, настойчиво предлагаетъ какую нибудь нелѣпую игру; и вотъ уже забывшіяся очнулись, руки оставленныя въ чужихъ потныхъ и ищущихъ рукахъ, испуганно отведены прочь и уста, уже готовые соединиться, отстраняются навсегда.

И всегда находятся эдакіе изверги, нечувствительные къ вѣяню иного ирраціональнаго счастья.

— Сколько ни съѣмъ, все равно все начисто возвращу природѣ. А гдѣ жъ порто? Озирается Павликъ, красивый, всегда какъ будто только что вымытый гардемаринъ. Порто предусмотрительно упрятано въ сосѣднемъ ателье; тамъ небольшою, конспиративной группой, высоко запрокидывая голову, изъ горлышка выпиваетъ наиболѣе боеспособный молоднякъ. Но какое разочарованіе, когда, вер-

---

нувшись къ заповѣдному, не находятъ ничего вовсе. Сперли бутылочку! и совѣстно разыскивать. Все равно черезъ нѣсколько минутъ она сама собою, но совершенно пустая, появится развратно посерединѣ стола.

Унести, увести, уединиться Такъ постепенно танцующая пара кружась отдаляется отъ освѣщеннаго пространства и все дальше и дальше уходитъ отъ любопытныхъ глазъ. И долго потомъ не возвращаются они. Сидя на табуретахъ, или на полу, у стѣнки, неподвижно, о чемъ то говорятъ они, о своемъ, о вдругъ возникшемъ у нихъ своемъ, тепло и меланхолично дорогою, а по другимъ табуретамъ вокругъ разбросаны снятые пиджаки, сумочки и смятыя шляпы; ибо какъ не важно все до разсвѣта. Ахъ до разсвѣта!

— И ты, вино осенней скуки другъ, веселый утѣшитель всякихъ мукъ.

И вовсе не веселый, а какой-то тамъ другой, говоритъ наставительно наливающимъ подающему стаканъ. Вообще сперва каждый свой стаканъ прячетъ, стыдясь и боясь другого, затѣмъ всѣ подобрѣвъ пьютъ какъ попало, снимаются пиджаки, засучиваются рубашки, показываются руки и съ гомосексуальнымъ удовольствіемъ ошупываются. Иные наоборотъ показываютъ, что у нихъ мускуловъ все нѣтъ; и почему-то сочувственно заглядываютъ въ глаза или сылаются на особенно крѣпкіе ноги или животы. Тогда начинается пьяное спортивное состязаніе, гдѣ обязательно все, что дѣлаютъ акробатически одаренные, то ли пройтись на рукахъ или зубами, не сгибая колѣнъ, достать съ полу спичечную коробку, тотчасъ берется повторить какой - нибудь пьяненькій и все падаетъ объ полъ лицомъ, подъ всеобщій смѣхъ, тщась за подмышечныя части поднять молодую женщину или мужчину высоко надъ своей головой. Онъ обязательно падаетъ на землю вмѣстѣ со своей жертвой и уже никто, ни за что не соглашается помочь ему стереть то, что кажется ему досадной неловкостью. Долго потомъ отѣнокъ небреженія слышится въ рѣчахъ женскаго общества, обращенныхъ къ нему, грязному и раскраснѣвшемуся Съ нимъ отказываются танцовать, замалчиваютъ его остроумныя замѣчанія, и онъ страшно доволенъ, когда какая - нибудь, толстая женщина соглашается на его приглашеніе. Желая показать, что онъ танцуетъ прекрасно, онъ танцуетъ ужасно, вихляя плечами и задомъ, и долго потомъ не отходитъ отъ спасительницы,

---

чрезвычайно довольной оказіей. Но скоро танцы возобновляются; и всегда какой нибудь другой, необычайно маленькій человекъ, всѣхъ толкая, танцуетъ со всѣми, самыми веселыми и красивыми женщинами, веселя ихъ до упаду, нагло кричитъ и вотъ уже оказывается въ неизвѣстно откуда взявшейся фескѣ, въ то время какъ записные танцоры, съ дѣланнымъ равнодушіемъ, старательно выводятъ па и неприязненно оглядываются на него. И уже балъ пріобрѣтаетъ свой многогруппный хаотическій порядокъ, и самъ уже, какъ хорошо заведенная фабрика, шумитъ долгіе часы, въ то время новыя и новыя группы входятъ и сперва въ изумленіи толпятся на порогѣ, причемъ мужчины, спиною къ балу поворачиваясь, инстинктивно оберегаютъ новоприбывшихъ женщинъ. Онѣ почти со страхомъ разглядываютъ раскраснѣвшихъ и потныхъ танцоровъ, ихъ смятые галстуки и грязныя башмаки, а на лицахъ слѣды вакхическаго обалдѣнія, счастливаго и кратковременнаго, будто медлятъ въ нерѣшительности передъ тѣмъ, чтобы броситься въ горячую воду, въ то время, какъ мимо нихъ толкаясь выходятъ по нуждѣ или, собравъ деньги, уѣзжаютъ за виномъ. Занятые и веселые несутся посланцы безъ шапокъ по пустымъ улицамъ, безтолково совѣтуя шофферу, какъ близкое свое оставивъ балъ, чувствуя еще и слыша шумъ граммофона, смѣхъ и шуршаніе танцевъ, въ которые они сейчасъ побѣдоносно и многобутылочно вернутся, съ которыми сейчасъ опять сольются счастливо. А подъ утро появляются и совсѣмъ посторонніе люди, невѣдомо какъ прознавшіе о балѣ. Пьяные и грязные, они сперва озираются робко и стараются покушать остатковъ, затѣмъ грубо орутъ и рассказываютъ что то и, совсѣмъ уже готовые быть выброшенными, ожесточенно защищаются молодежью, которой скорѣе свои какъ чужіе, а чужіе ближе своихъ. Ибо къ третьему часу ночи вѣсть о выпивалищѣ уже облетѣла монпарнасскія кафэ. Возвращаясь виноносы застаютъ уже рядъ перемѣнъ: намеднишніе герои бала, кричавшіе больше всѣхъ, уже тихо сидятъ по угламъ и разговариваютъ или лежатъ подлѣ стѣнки на чьемъ нибудь пальто и тихо стонутъ въ забытїи, зажавъ въ зубахъ лимонъ.

— Да не смѣйтесь вы такъ, что вы всегда смѣтаетесь.

— Это вы смѣтаетесь, а вотъ послушайте, я вамъ расскажу.... Подходить ко мнѣ жиномъ. Садитесь у ватюру. О ла! ла! думаю. Ну везу, значить. Везу часъ цѣлый, оглянулся, на счетчикѣ двадцать

семь франковъ. Остановился я, онъ ничего. Я значить его за манишку, плати сукинъ сынъ. А онъ мнѣ русскимъ голосомъ отвѣчаетъ. Я, братишечка, вовсе застрѣлиться хочу, да все духу не хватаетъ, потому молъ и счетчикъ такой. Плачетъ и револьверъ при немъ. Ну я значить револьверъ арестоваль, а его въ бистро. Ну значить выпили, то, другое, о Бизертѣ поговорили. Онъ оказывается нашъ подводникъ съ Тюленя. То другое. Опять за машину не заплатилъ.

— Такъ и пропадаемъ, какъ Тишка.

— Какой Тишка?

Богомиловъ, здоровый такой съ бородою, лейбъ казакъ. Его теперь бумаги лишили за то, что онъ жулика одного пожалѣлъ. Отъ полиціи его повезъ, ну и выѣхалъ въ асенизацію.

— Жулика, конечно, каждому русскому жалко. Мы всѣ жулики.

— Да успокойтесь, выпейте лучше. Да и барышни скучаютъ.

— Я ужъ пилъ. Я ужъ всю горечь жизни выпилъ.

— Эхъ пьяницы. Наставительно вздыхалъ совершенно захмѣлѣвшій человекъ, подмигивая краснымъ глазомъ.

— Совершенно какъ тотъ. Подушки облевалъ, коврикъ обдѣлалъ, а я ему говорю, штаны то штаны застегни. А онъ мнѣ: Не застегну, всему міру.. Ну здѣсь ему ажанъ какъ дастъ. Ужъ я самъ за него вступился.

— Нѣтъ вы подумайте.

— Нѣтъ вы подумайте.

— Нсчего думать. Ты лучше носъ вытри.

— Да ты что здѣсь за красавецъ выискался. Ты думаешь, я пьянъ.

— И есть пьянъ.

— Я! Я?.. пьянъ, кричалъ оскорбившійся, наступая, хотя всѣмъ и ему было ясно, что онъ именно пьянъ. Но еще слишкомъ много добродушія было разлито вокругъ. Всѣ дружно бросились не допускать рукоприкладства, чему и сами взбѣленившіеся были искренне рады.

— Ну хватить. Давайте лучше споемъ что нибудь.

— Ну вы Свѣшниковъ начинайте.

Свѣшниковъ поетъ. Выставивъ Адамово яблоко, и маленькій, сдѣлавшись вдругъ серьезнымъ, хриплымъ своимъ и приятнымъ баритономъ:

Выпьемъ мы за того,
Кто повѣшенный спитъ,
За револьверъ его,
За честной динамитъ.

И еще за того,
Кто "Что дѣлать" писалъ,
За героевъ его,
За святой идеаль.

— Нѣтъ, слушайте, вы врете, не такъ вовсе кончается.

— Господа, одинъ ктонибудь долженъ запѣвать.

— Нѣтъ, мы сейчасъ споемъ "Быстры какъ волны".

Быстры какъ волны всѣ дни нашей жизни, начинаютъ въ разбродъ голоса, и обязательно ужъ безъ того неладный хоръ ктонибудь начнетъ передразнивать.

Бистли какъ волни вси дни насей зизни... И тотчасъ же физически больно стало всѣмъ: "Опустошенныя души", думаю я, "пѣль бы ктонибудь одинъ".

— Костя, спой ты.

— Ну что же, я спою.

Онъ поетъ. Голосу у него конечно никакого, да и слухъ съ ошибками, но громко зато поетъ, на самые верхи залѣзаетъ. Высоко выставивъ жирную свою шофферскую грудь, широко разставивъ крѣпкія свои кавалерійскія шофферскія ноженьки. Лихо поетъ, и вотъ всѣ заслушались, всѣ пріумолкли и даже цѣловаться перестали. Честно поетъ, широкогрудно и антимузыкально, гражданственно и по разбойничьему тоже.

Ресторанъ закрытъ,
Путь зимой блеситъ,
И надъ снѣгомъ крышъ
Ужъ разсвѣтъ горитъ.

Ты прошла, какъ сонъ,
Какъ гитары звонъ,
Ты прошла моя

Ненаглядная.

— Еще Костя.

Три сына было у меня,
Три утѣшенья въ жизни,
И всѣ они, завѣтъ хряня,
Ушли служить отчизнѣ.

Пой свѣтикъ, не стыдись, бодрый эмигрантскій шофферъ, офицеръ, пролетарій, христіанинъ, мистикъ, большевикъ, и не впрямь ли мы возстали отъ глубокой печали, улыгнулись, очнулись, вернулись къ добродушію.

За за гаемъ гаемъ цыганы стояли,
Они пѣсни пѣли, играли и гуляли

Жиномъ конечно чертъ. Шофферъ сорокъ дней не ѣлъ, не пилъ и не читалъ Достоевскаго Антихристъ же все равно превратитъ камни въ хлѣбъ пятилѣтки. Потому что жалостивъ Антихристъ. И пѣсня льется, и жизнь несется, безъ денегъ богатая, безъ злобы лютая, безъ сердца добрая. Ахъ... До разсвѣта..

Наглая и добродушная, добрая и свирѣпая, лихая Россія шофферская, зарубежная. Либерте, фратерните, картъ д-идантитѣ. Ситроеновская непобѣдимая пролетарско - офицерская, анархически - церковная И похороннымъ пѣніемъ звучитъ цыганщина, и яблочко катится въ ней, и слышится свистъ бронепоезда.

Парижъ, Парижъ, асфальтовая Россія. Эмигрантъ Адамъ, эмиграція тьма внѣшняя. Нѣтъ, эмиграція Ноевъ ковчегъ. Малый свѣтъ подъ кроватью, а на кровати Грушенька наслаждается со Смердяковымъ. Слышны скрипы, эмиграція молится подъ кроватью.

Кого то нѣтъ. Кого то жаль,
Къ кому то сердце рвется въ даль.
На фронтъ уходитъ конный полкъ
Въ станицѣ шумъ и смѣхъ замолкъ,
Ахъ не вернется, не вернется.

Это бессонная Ситроеновская кавалерія выѣзжаетъ на разсвѣ-

тѣ. Шуми, моторъ, крути Гаврила по Достоевскому проспекту на Толстовскую площадь. А пока шути Гаврила, пой, пташечка, пой и лейся, лейся, доброе вино, и только не деритесь (хотя и подраться можно и промежь глазъ дать, или получить куда лучше, чѣмъ вѣжливичать и таить дурное), подеретесь, потомъ поцѣлуетесь, недаромъ Иисусъ воду въ вино обращаль... Одобривъ піанство...

— Ну бросьте, вы бы тоже спѣли чегонибудь, а то все руками да руками.

Подруга жизни неудачной, ты ненавистна мнѣ, луна
Зачѣмъ глядишь ты въ мой теремъ мрачный

Сквозь раму тусклаго окна.

— Да оставьте вы со своимъ Чаадаевымъ, спѣли бы лучше, а то Чаадаевъ да Чаадаевъ.

Чарочка моя, ненаглядная,
Каленымъ золотомъ посеребрянная

И снова шумитъ грамофонъ и, мягко шевеля ногами, народъ Богоносець и рогоносець поднимается съ дивановъ. А ты, желѣзная шоферская лошадка, спокойно стой и не фыркай подъ дождемъ, ибо и до половины еще не дошло танцевалище, не долилось выпивалище, не доспѣло игрище, не дозудѣло блудилище и не время еще тебѣ зигзаги по улицамъ выписывать, развозя утомленныхъ алкогелемъ, кубаремъ проноситься по перекресткамъ, провожаемой заливыстыми свистками полициі. Ибо балъ, какъ долгая непогода, только что разразился по настоящему. Еще трезвы всѣ, хоть и пьяны, веселы, хоть и грустны, добры, хоть и свирѣпы, социалисты, хоть и монархисты, богомилы, хоть и Писаревы, и шумитъ вино, и льются голоса, и консьержка поминутно прибѣгаетъ, а вотъ и консьержку умудрились напоить, и она пьяная кричитъ *Vive la Sainte Russie* и обнимаетъ доктора Фауста, который, долго держа недопитый стаканъ, одинъ на высокомъ табуретѣ, поставивъ ноги на другой высоченный, читаетъ на днѣ Парижскаго Іерусалима зарю апокалипсиса Терезы.

Что дѣлалъ Аполлонъ Безобразовъ во время бала?
Онъ ничего не дѣлалъ.

Онъ пилъ?

Нѣтъ, онъ не пилъ ничего.

Онъ разговаривалъ?

Нѣтъ, Апполонъ Безобразовъ не любилъ разговаривать.

Но онъ все же былъ на балу?

Этого въ точности нельзя было сказать, ибо въ то время какъ балъ, кружа и качая, объемлелъ насъ, Аполлонъ Безобразовъ объемлелъ балъ. Балъ былъ въ полѣ его зрѣнія. Онъ входилъ въ него и забывалъ его по желанію. Иногда въ самый разгаръ ему казалось, что снѣгъ идетъ надъ синимъ пустымъ полемъ. Иногда звуковыя явленія занимали его. Онъ позволялъ всему вращаться вокругъ него. Онъ всѣмъ поддакивалъ, говорилъ сразу со многими, и, не слушая никого, спокойно спалъ на словесныхъ волнахъ.

Иногда ему казалось, что всѣ представляются.

Это было правильно.

Иногда ему казалось, что всѣ взаправду пьяны.

Это было также правильно

Иногда ему казалось, что всѣ глубоко несчастны.

И это также.

Иногда всѣ казались бессмысленно счастливыми.

Еще казалось, что всѣ запутались, забыли что то, блуждаютъ.

Иногда казались всѣ мудрецами, постигшими всѣ тайны Бога и природы въ Богѣ.

И то и другое было несомнѣнно.

Все одновременно было вполне объяснимо, непостигаемо и не нуждалось въ объясненіи.

Иванъ Константиновичъ химикъ. Нѣсколько его замѣтокъ, какъ скромно онъ говоритъ, изданы при академіи наукъ. Но теперь нервность одолѣваетъ, ошибки въ вычисленіяхъ множатся, простѣйшія реакціи не удаются. Руки будто не слушаются. Тогда Иванъ Константиновичъ играетъ въ шахматы, гуляетъ въ старой соломенной шляпѣ, варитъ "гречневую кашу - демпингъ, но больше всего доброжелаетъ Онъ и денегъ "занять" радъ всегда, только мало у него денегъ Иванъ Константиновичъ носитя съ идеей чудодѣйственнаго неразмокающаго мыла, онъ обдумываетъ необыкновенный искусственный жемчугъ, онъ дремлетъ въ креслѣ, вспоминая прошедшіе, пото-

---

нувшіе дни, въ которыхъ ровно ничего никогда не поймемъ мы. Овидій среди валаховъ. Гдѣ твой прекрасный и грязный Римъ, потонувшій во времени. Сердишься ли ты на православное, голодное, покрытое вшами. Нѣтъ, куда тамъ, только письма матери искурили. Нѣтъ, куда тамъ, только уничтожили замѣтки о теоріи квантовъ, куда тамъ, только выбросили, оклеветали, лишили правъ и хлѣба. Ничего... Темнота... Иванъ Константиновичъ глухо играетъ.

Разочарованному чужды

Всѣ искушенья прошлыхъ дней.

А вы, мускулистая дѣти, вамъ новая жизнь, европейская родина, Парижская Россія, вамъ будетъ спортъ, мистика и стоицизмъ, а имъ только разстроенный Глинка во тьмѣ, слабые, неземные, смиренные звуки.

Иванъ Константиновичъ играетъ и всѣ концерты приостановлены на Рафаэлевскихъ небесахъ, всѣ хрустальные музыканты задумчиво внимательно слушаютъ слабые звуки, прямо до рая, прямо до сердца міра летящіе изъ Парижскаго подземелья, и можетъ быть только этимъ и за это все простится, все оправдается, забудется, возвратится къ уснувшему добродушію, и вновь надъ березовой рощей солнце Иисуса взойдетъ. Какое. Колхозное, ну хоть и колхозное, а Иисусово.

Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ

Ужъ я не вѣрую въ любовь.

Но чаще всего комната казалась совершенно пустой, совершенно. Только блѣдный лучъ луны лежалъ на полу, ибо свѣтъ былъ потушенъ и что-то медленно билось въ стекла безконечнымъ, однообразнымъ звукомъ. Все было видимо сразу, но абсолютно къ дѣлу не относилось. Но въ чемъ было дѣло.

Дѣло было въ шляпѣ Дѣло было въ разрушеніи дѣла, въ освобожденіи, въ свободномъ полетѣ шляпы по сферамъ и временамъ. Да, да... такъ. Комната пуста. Шляпа свободно движется и порхаетъ, въ то время, какъ отдаленно, какъ домикъ въ бутылкѣ, была, шумитъ въ иномъ измѣреніи.

И снова Аполлонъ Безобразовъ просыпался къ смѣху. Однако, лишенный грусти, какъ могъ онъ смѣяться.

Лишенный жажды жить жизнью до послѣдней капли, какъ могъ онъ жить...

Презирающій мышленіе, какъ могъ онъ думать... Отвѣтъ...
Небытіе не можетъ погибнуть.

Онъ не былъ и не небыль — Являлся, казался, былъ предполагаемъ. И все онъ былъ “За”, “Въ” и “Потому”.

Въ глубинѣ переходовъ и заловъ, за многими дверями, тамъ во тьмѣ, гдѣ, тихо вслушиваясь въ отдаленный ревъ, говорятъ о нищетѣ и сумеркахъ, кто то осторожной рукой касается стараго разстроеннаго рояля, извлекая изъ него давно позабытый, давно иронизированный романсъ.

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей,

Иванъ Константиновичъ играетъ. Должно - быть не зная, что въ комнатѣ есть посторонніе, неловко, спокойно сильныя его руки опускаются на клавиши. Ему сорокъ пять лѣтъ, но онъ согбенъ и лысъ и весь устремленъ въ отшумѣвшій, погасшій міръ свой.

О старость эмигрантская; если бы сердце могло любить, расширится, заболѣтъ отъ любви къ тебѣ. Какъ скоро ты сходишь на землю.

Тѣни встаютъ. Шумятъ деревья срубленныхъ парковъ. Лоснятся сквозь легкій, грибной дождь крыши сгорѣвшихъ домовъ, гдѣ матери пѣли, а отцы за книгой встрѣчали всходящее солнце. Призраки счастья, ангельскія добродушныя лица прогрессивныхъ литераторовъ-мужиковъ-монаховъ.

Въ душѣ моей одни сомнѣнья,
А не любовь пробудишь ты.

Ахъ любовь, ты опять не вѣришь въ любовь. Прощенье, не ждешь прощенья.

Блаженны простившіе много, ибо ихъ есть царство небесное на землѣ.

Въ этотъ часъ, когда алкогольныя пары смутили самыя ясныя головы, развеселили самыхъ молчаливыхъ и мгновенно пьяною грустью окутали сердца заядлыхъ балагуровъ - анекдотистовъ. Въ этотъ часъ, когда никто уже не разбирается въ стаканахъ, ни въ пластинкахъ, но важно всякому, чтобы вообще еще пилось и игралось что-то, чтобы сонъ бала не прерывался, хотя онъ становился все тяжелѣе

и темнѣ. Въ часъ этотъ, повторяю, когда никто, кромѣ случайныхъ пьяницъ, не встрѣчалъ проходящихъ и останавливающихся въ нерѣшительности на порогѣ, среди вновь прибывшихъ, затерянное въ толкотнѣ, появилось новое лицо и смущенно, но вмѣстѣ съ тѣмъ естественно, совершенно даже съ какой то мрачной непринужденностью усѣлось на диванъ. Лобъ у этого лица былъ непомерно высокъ, какъ будто лысѣлъ на зачесахъ, а на вершинѣ его свѣтлые соломенные волосы рождались съ болѣзненной мягкостью, какъ это бываетъ только у скандинавовъ. Лицо это было блѣдно и углы широкаго рта были съ горькой рѣзкостью опущены книзу, подъ длиннымъ и прямымъ носомъ, нервически безо всякой причины двигающимся иногда. Но особенно странно шевелились брови, тонкія, еле видимыя, они ровно отдалялись по бѣлесому лбу, влажному отъ усталости, надъ широкими мутными глазами, тяжелый взглядъ которыхъ презрительно блуждалъ по лицамъ и вещамъ. Голова эта на тонкой шейкѣ, низко вобранная въ широкія плечи, имѣла такое какое то дѣтское выраженіе слишкомъ подчеркнутой своею мрачностью и презрительностью. Вновь прибывшая, счастливая своимъ мѣстомъ на диванѣ, все же съ тревогой готовилась къ вопросамъ и нападеніямъ. Но такъ какъ таковыхъ не послѣдовало вовсе, глаза ея, несмотря на утомленіе, приняли выраженіе счастливо удавшейся шалости, и она, заложивъ ногу за ногу, взяла со стола брошенную къѣмъ то папиросу и закурила, неумѣло втягивая дымъ, закашляла, покраснѣла и, украдкой оглядѣвшись вокругъ, опять видимо поняла, что здѣсь она была въ полной безопасности.

Такъ продолжалось бы еще долго, если бы гонимый отовсюду нелѣпницей быстрыхъ своихъ волненій и молніеносными припадками чувства того, что “все это не то. не то”, и что уйти бы лучше, но вмѣсто того, чтобы уйти, я перекочевывалъ только отъ группы къ группѣ, вездѣ встрѣчаемый безразлично, нигдѣ не могучи вступить въ кругъ, разговориться, ужиться, носимый какъ утлое суденышко, безъ привязи по бурѣ бала, какимъ то невѣдомымъ образомъ, хоть и вовсе не нарочно, очутился подлѣ новопришедшей: Чортъ, видимо слѣдя за всѣмъ происходящимъ, очистилъ мнѣ мѣсто подлѣ нея, и, бросившись съ размаху на диванъ и больно отбивъ себѣ ягодицу, я такъ и остался сидѣть въ неудобномъ положеніи, чувствуя при этомъ тотъ особый пьяный энтузіазмъ, когда причинять

самому себѣ страданія есть какъ будто все таки какое то утѣшеніе, вотъ молю тебѣ! вотъ пусть еще хуже будетъ, все равно всѣмъ безразлично. Тутъ я все же замѣтилъ Терезу; она разглядывала меня любовытно и спокойно, видимо моментально понявъ, что несмотря на странность моего появленія, отъ меня и подавно ничего не грозитъ ей.

Замѣтивъ этотъ взглядъ, я тотчасъ же невольно перемѣнилъ позу на болѣе скромную и тоже алкоголически неучтиво уставился на нее, и несмотря на то, что какіе нибудь тридцать сантиметровъ только раздѣляли наши лица, казалось все же, что мы разсматриваемъ другъ друга издалека, ну хоть съ разныхъ сторонъ улицы, такъ что я разъ, на мгновеніе, даже закрылъ глаза, можетъ быть отъ утомленія.

Новоприбывшая, кажется, чрезвычайно серьезно относилась къ несчастному своему виду, что было справедливо конечно, ибо подъ напускной ироніей вторымъ характеромъ cadaго славянина, еще глубже за печалью и за весельемъ, была все та же неизмѣнная съ гимназическихъ лѣтъ, страшная унизительная тоска, ни о чемъ, ахъ если бы знать о чемъ, о жизни, нѣтъ не о жизни. О счастья? нѣтъ не о счастья, Богъ съ нимъ, со счастьемъ, о женщинахъ? женщинъ настоящихъ нѣтъ, думалъ я, о жалости? да, о жалости, которая есть жизнь, счастье и женщина, съ которую погибнуть стоящѣе, чѣмъ безъ нея побѣдить.

Смутные глаза незнакомки не выражали ничего опредѣленнаго, только была въ нихъ та серьезность, та простая нерастраченная серьезность, которая столь часто бываетъ у дѣтей, затѣмъ беззащитная умираетъ подъ зловоннымъ, сахарійскимъ дыханіемъ ироніи, а во взросломъ возрастѣ является свидѣтельствомъ глубочайшей душевной чистоты, почти святости.

— Что вы смѣтаете, сказалъ я, пародируя что-то.

Она ничего не отвѣтила, но видимо фальшь этихъ словъ поколебала ее, но не оттолкнула, привыкшую видимо думать о фальши и о причинѣ фальши, спокойно и серьезно продолжала она смотрѣть на меня, увы слишкомъ серьезно — такъ, какъ матери смотрятъ на гимназистовъ, подозрѣвая ихъ.

— Почему вы не отвѣчаете? Вы презираете меня?

— Нѣтъ, я васъ не презираю... Я васъ не знаю, сказала она мед-

---

ленно (и вотъ, мелькнуло въ сердцѣ, сейчасъ должна была прибавить... И не хочу знать. Но сказала совсѣмъ наоборотъ)... Но хотѣла бы знать.

Сомнѣваясь въ томъ, что я услышалъ, я даже въ недоумѣніи показаль себѣ пальцемъ на грудь.

— Меня, переспросилъ я и вдругъ, какъ бы очнувшись, отрекомендовался.

Цыпленокъ Дутовъ не мистикъ, а просто несчастный человекъ... Да... смѣялся я, находя все ту же горькую усладу въ этой словесной грязи, какъ давеча въ неудобномъ положеніи на диванѣ... Жертва революціи, вѣчный студентъ, врагъ брани и вѣры

— Почему.

— Такъ... Грустно очень. Вотъ напримѣръ сегодня не могъ даже и ѣсть, такъ было все какъ то никакъ, сказалъ я, опустивъ голову.

— Да что вы вообще дѣлаете то?

(Здѣсь я только замѣтилъ, что говорила она съ трудомъ, привыкнувъ очевидно къ другому иностранному языку).

— Что я, пупсикъ, дѣлаю. Я стихи пишу, сказалъ я комически важно и вдругъ, скривившись весь, схватилъ себя рукою за небритое лицо, помоталъ имъ, какъ будто хотѣлъ оторвать его и тотчасъ же всталъ, подошелъ къ столу и разомъ выпилъ чей то налитой стаканъ, несмотря на слабые протесты владѣльца. Разомъ сладкое спиртное питье возмутило мои внутренности. Я закачался и упалъ бы дѣйствительно, если бы чья то холодная рука не взяла меня крѣпко и не отвела опять къ тому самому дивану. Не помню, какъ я обнялъ Терезу, но вовсе и не думая ее поцѣловать, прижалъ свое лицо къ ея черной лошадиной шубѣ, ибо она странно, не по сезону была въ черной дохѣ изъ жеребенка, и на этотъ разъ горько и сладостно по дѣтски заплакалъ, чувствуя, какъ холодная рука медленно гладитъ меня по коротко стриженнымъ волосамъ, и казалось мнѣ тогда, что вся нѣжность міра была въ этомъ прикосновеніи.

Плачь, мальчикъ, плачь, слезы это жалость къ себѣ, и если ты себя не пожалѣешь, кто еще пожалѣетъ тебя, сладкія слезы, слезы совѣсти и отвращенія, слезы перваго столкновенія съ равнодушіемъ міра, подобно первому страху юнкера подъ артилерійскимъ огнемъ. Плачь... Всѣ прошли черезъ это, всѣ остались на этомъ, всѣ только

вспоминають объ этомъ, какъ земля о весеннихъ дождяхъ, и это еще не тѣ позднія слезы, скупыя, горькія, соленыя, какъ аравійская пустыня, тѣ страшныя слезы.

Онъ плачетъ, мой юноша съ грязными ногами и чистой душой, а самъ стыдится сморкаться, онъ плачетъ, оставьте его, не мѣшайте ему плакать, ибо онъ нашелъ наконецъ тотъ священный жилетъ (о какъ рѣдко, какъ рѣдко), покрытый звѣздами вечера и еще не погасшими звѣздами утра, пусть выльются эти слезы, а не выльются, вскипятъ они въ немъ и жестокостью просіяютъ въ очахъ. А она, несмутимая, слушаетъ эти слезы, какъ слушаютъ на дачѣ короткій лѣтній дождь, а вотъ и солнце засіяло, грамфонъ заигралъ что-то радостное, радостное, зазвенѣлъ цимбалами, запѣлъ человѣческимъ голосомъ, и незнакомая, строгая, весело трясетъ мою размокшую голову, цѣлуетъ ее, поднимаетъ меня и, поцѣловавъ, танцовать съ собою беретъ, и я тоже танцую. Боже, какъ это не трудно, когда около самага лица, какъ мягкая солома, съ высокога дѣтскаго лба стекаютъ нѣжные, такіе волосы, будто причесанные на бокъ солнечныя лучи. И вотъ уже пробка театральна хлопаетъ, и Костя пѣетъ “Чарочку”, и всѣ повторяютъ:

Пей до дна. Пей до дна.

Но мнѣ становится дурно, чьи то заботливыя холодныя руки вводятъ меня въ ватерклозетъ и держатъ мою голову въ то время, какъ я содрогаясь блюю съ хриплымъ стономъ, затѣмъ материнскія руки эти, разстегнувъ мнѣ воротъ, дѣловито мочатъ подъ краномъ и, чистаго и блѣднаго, какъ проснувашагося эпилептика, снова вводятъ въ кругъ. И снова балъ летитъ съ незабвеннымъ звономъ прекрасныхъ словъ, со стукомъ стакановъ и падающихъ и съ криками, *Vive la Sainte Russie*, окончательно вышедшей изъ себя консьержки.

Вѣра - Тереза (ибо русская ея мать, вопреки отцу, втайнѣ называла ее Вѣрой) пила теперь и танцевала со всѣми, на нее нашелъ теперь, тотъ безудержный безпричинный разгулъ, безнадежный и добрый, который только и бываетъ у чистыхъ душъ. Она чокалась, прикрикивала, командовала развлеченіями, соглашалась цѣловаться со всѣми, она то скакала, опрокидывая табуреты, то пѣла что-то на невѣдомомъ языкѣ, то утѣшала кого нибудь, то била кого нибудь, ибо всѣ рвались къ ней, какъ къ Сольвейгъ, спустившейся съ горъ.

подземные гномы, не знающіе солнечнаго пути, и даже женщины на нее не сердились: “дѣвочка, суцая дѣвочка. Сколько лѣтъ вамъ, Ингридъ”... Двѣнадцать, говорила она и смѣялась, закидывая волосы назадъ и дивно щуря свои туманные глаза. И все, пило, пѣло, дралось и плакало, и полная до края чаша бала кипѣла и проливалась рвотой, какъ сердце танцоровъ, готовое разорваться отъ усталости, но что то случилось съ Терезой, и вся зала вдругъ протрезвѣла и приумолкла.

Ингридъ, о чемъ смѣешься ты? Ты танцевала со всѣми и всѣхъ цѣловала. О Ингридъ, что значить такое веселье. Не то ли, что скоро намъ будетъ, какъ прежде, въ снѣгу безъ надежды, во тьмѣ безъ любви.

О Сольвейгъ! Ты къ узкой и слабой груди прижимала случайнаго друга, что вьюга отниметь, что минеть какъ вьюга. О Ингридъ! О Сольвейгъ! О Вѣра, Тереза, Весна.

Голосъ изъ музыки: О! Ингридъ, чему веселишься ты? Или солнце взошло, какъ въ новой церкви, гдѣ еще пахнетъ краской. А тамъ за стѣною, Ингридъ, что тамъ за стѣною. Вѣра: Сумракъ бѣжитъ отъ очей Мчится сіянье свѣчей. Все нѣжно, все неизбѣжно. Смѣйся, пустыня лучей Песокъ кружится, несетъ снѣгъ и тѣнь ложится на краткій вѣкъ. Кто тамъ говоритъ на балконѣ... Цвѣты уходятъ въ свои лучи... Намъ не нужно ни счастья, ни вѣры.

Голосъ изъ музыки, слабѣя: Ингридъ, Ингридъ, гдѣ міръ Твой, гдѣ свѣтъ Твой?

Вѣра: Намъ не нужно ни счастья, ни вѣры. Мы горимъ въ преисподнемъ огнѣ. День послѣдній, холодный и сѣрый скоро встанеть въ разбитомъ окнѣ (кричить). Закройте окно. Забудьте дѣтство.

Аполлонъ Безобразовъ: Полно, Вѣра, никто не стоитъ на балконѣ и окна закрыты. Смотрите, и музыка прекратилась.

Вѣра: Нѣтъ, музыка не прекратилась, она только замерла и ждетъ, чтобы онъ ушелъ

Аполлонъ Безобразовъ: Полноте, Вѣра, нѣтъ ни балкона, ни музыки, ни меня, ни васъ. Есть только солнце судьбы въ ледяной водѣ и свѣтовые разводы въ ней. Знаете, такіе разноцвѣтные разводы, которые бываютъ въ утомленныхъ глазахъ, долго склоненныхъ надъ книгой... Вы слышите.

Грѣшники въ музыкальномъ аду: Нѣтъ, мы ничего не слышимъ.

Аполлонъ Безобразовъ: А я слышу... Это тихо смѣются, доходя до поверхности, исчезая, смѣются солнечные разводы дней. (Все тише и тише). Разлетаются птицы вѣнковъ, разсыпаются атомы тѣлъ. Только зачѣмъ вамъ знать, знать это умереть.

Тихо звѣзды пролетаютъ сквозь залу, несомыя музыкой, которая то отдаляется, то приближается, которая осыпаетъ сирени, надъ пещерой со скелетомъ, читающимъ книгу. Отчетливо и отдаленно напѣвая, то далеко, то близко проходитъ Ингридъ по сферамъ и временамъ.

Ингридъ, вернись. За высокою бѣлою стѣною колоколъ тихо мечтаетъ въ святой синевѣ и тихонько слетаютъ, наскучась своей вышиною, золотистые листья къ холодной и твердой землѣ. Ингридъ! вѣнчанье въ соборѣ, всѣ святые и ангелы въ сборѣ. Всѣ святые и ангелы боли ждуть Тебя въ полѣ.

Вѣра: Звуки рождаются въ мѣрѣ, въ бездну ихъ солнце несетъ, здѣсь въ одѣяніи пыли музыка смерти живетъ. Кто ихъ разбудить, кто ихъ погубить. Съ ними уйду, съ ними умру.

Голосъ съ балкона: Ингридъ! Ингридъ! церковныя двери закрываются.

Вѣра: Съ ними умру.

Страшный, какъ будто освобожденной музыки... Хохоть, рвота, удары, поцѣлуи, вскрики. Вѣра танцуетъ. Танцуетъ она со всѣми поочередно, всѣмъ позволяя себя цѣловать, только какъ то такъ по дѣтски сама щеку подставляетъ, такъ что почти всѣмъ съ нею цѣловаться совѣстно. Вѣра смѣется, всѣмъ, сразу отвѣчаетъ на всѣ вопросы, и кажется всѣмъ, что вотъ сейчасъ подъ ея предводительствомъ балъ какъ мятель вырвется куда то, никогда не остановится и, вѣчно звеня и сияя, осыпаясь, расточаясь и ширясь, какъ прекрасная обезумѣвшая комета, съ огромнымъ хвостомъ, полнымъ розъ и привидѣній, будетъ вѣчно носиться среди высокихъ временъ.

Но нѣтъ. Какъ этого и ожидалъ Безобразовъ, всѣ послѣднія минуты, держась около нея, что то на серединѣ возгласа готовое разрѣшиться во что то иное, навѣкъ прекрасное, но нестерпимое вовсе, ломается вдругъ, и возгласъ, начатый радостно, кончается такой невыразимою тоской, что всѣ останавливаются, невольно смущенные...

Нѣсколько секундъ Тереза стоитъ въ классической позѣ Антигоны, высоко закинувъ голову, зажмуривъ глаза и крѣпко сжавъ губы, углы которыхъ даже въ улыбкѣ какъ то странно опускаются у нея къ низу, и вдругъ валится. Да, падаетъ, но не въ обморокъ, ибо обмороковъ у честныхъ людей не бываетъ, а такъ на колѣни безъ силъ, и смертельно пьяная, дошедшая до предѣла опустошенія до края крика, до границы мучительной, какъ ножъ веселости. Тереза валится на колѣни, но съ неожиданнымъ трезвымъ проворствомъ Аполлонъ Безобразовъ подымаетъ ее съ земли и, окруженный ошалѣлыми, совѣтующими, икающими и кричащими на перебой, несетъ ее не сгибаясь, но находчиво, въ небольшую отдѣльную комнатушку для натурщицъ, откуда съ сумасшедшимъ видомъ, не зная, куда дѣвать руки, вылетаютъ двое потревоженныхъ молодыхъ людей. Спотыкаясь во тьмѣ о какія - то бутылки, но не теряя равновѣсія, онъ опускаетъ ее на диванъ и подаетъ лимонъ, невѣдомо откуда взявшійся. Тереза закусываетъ лимонъ и, лежа на спинѣ, поворачиваетъ голову къ стѣнкѣ, но такъ быстро, что всѣ съ повинной головою выходятъ изъ комнаты въ то время, какъ, вытѣсняя это происшествіе, на другомъ концѣ зала разгорается другое представленіе и слышится частый и отрывистый, характерный стукъ сжатаго кулака по лицевымъ костямъ, трескъ разрываемой матеріи, шумное паденіе какихъ - то стульевъ и дикій, пьяный, женскій визгъ: Да разнимите же ихъ, да разнимите же ихъ, чего вы смотрите.

Солнце поднялось въ туманѣ, но въ воздухѣ ощущалось, что еще задолго до полудня туманъ разойдется и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ будетъ тепло, почти какъ лѣтомъ. Такая погода случается въ этомъ городѣ на исходѣ февраля, однако не каждый годъ. Къ двумъ часамъ термометръ будетъ показывать на солнцѣ до 22 градусовъ. Въ моемъ мѣшкѣ, который я несу на спинѣ, среди другихъ предметовъ имѣется записная книжка, которую я купилъ давно, чтобы вести дневникъ моей скитальческой жизни; но за нѣсколько лѣтъ въ ней не накопилось ничего, кромѣ записей погоды: въ такомъ то городѣ, такого то числа цѣлый день было солнце, вѣтеръ тихій, западный, облака до полудня „alto - cumulus”, потомъ до заката небо чистое и пр. Въ это утро я пробирался по сырýmъ и холоднымъ переулкамъ столичнаго города, направляясь къ центру. Темныя подворотни, бѣднота, около тротуара текутъ ручьи, неся апельсиновые корки, клочки газетъ и прочій мусоръ. Наверху свисаютъ, какъ скалы ущелья, сѣрыя стѣны 19-го и 18-го столѣтій, сырые и темные дома, которые еще нѣсколько мѣсяцевъ будутъ отгрѣваться послѣ зимы. Пахнетъ мочей, помоями, мыломъ и кошками. Женщины идутъ въ лавки за провизіей. Я ненавижу женщинъ. Эти существа съ семенящей походкой вызываютъ во мнѣ отвращеніе. Онѣ это чувствуютъ, инстинктивно отворачиваются и почти никогда мнѣ не подають. Часто случается, что напудренная особа издали замѣтитъ меня сидящимъ на мѣшкѣ и уже отворяетъ свой сакъ, чтобы выбрать мелкую монету, потомъ раздумаетъ и пройдетъ мимо. Или даже перейдетъ улицу, старается не разглядывать. Это оттого, что я не могу удержаться, чтобы не посмотрѣть на нее съ холоднымъ вниманіемъ. Видъ мой, съ ихъ точки зрѣнія, гнусенъ: одинъ глазъ, лицо смахиваетъ на черепъ, плѣшь, объ одеждѣ не стоитъ

говорить. Во время войны случалось недѣлями не видѣть женщинъ; тогда мои нервы были такъ обострены, что я почти падалъ въ обморокъ отъ отвращенія, если вдругъ встрѣчалъ одну изъ нихъ. Эта ненависть началась у меня въ ранней молодости и родилась изъ боязни: я чувствовалъ, что каждая изъ нихъ покушается на меня, на мою независимость и отрѣшенную умиротворенность. Каждая смотрѣла на меня какъ на возможнаго кандидата въ рабы себѣ; по ихъ мнѣнію я рано или поздно принужденъ буду закабалиться, зачеркнуть свою личность, отказаться отъ ежеминутной радости наслаждаться воздухомъ и солнцемъ — и все это добровольно, съ радостью, въ обмѣнъ за потное тѣло и скверно приготовленный обѣдъ. И почему бы имъ такъ не думать? Вѣдь попадаютъ имъ всѣ или почти всѣ, за столь малыми исключеніями. Для тѣхъ исторій, какія я рассказываю самому себѣ или случайнымъ слушателямъ въ кафе (философскіе рассказы на основаніи личнаго опыта), я развилъ въ себѣ способность подражать голосамъ женщинъ, всего 4 варианта, отъ писка до хрипа. Въ зимніе сумерки, когда на улицахъ слишкомъ холодно или идетъ дождь, я читаю въ общественныхъ библіотекахъ и мнѣ попадаютъ въ числѣ прочаго книги, написанныя женщинами. Я просматриваю иногда нѣсколько главъ подрядъ и всякій разъ удивляюсь, какъ наивно и поверхностно трактуется въ этой литературѣ тема любви — влюбленности. Свою притягательную силу напудренныхъ писательницы считаютъ безусловной, не подлежащей никакимъ сомнѣніямъ; дальше онѣ не идутъ. Разобрать, прощупать поглубже этотъ вопросъ, который однако остается главнымъ и единственнымъ въ ихъ жизни и творествѣ, имъ не подъ силу. Но довольно объ этомъ.

Итакъ, я пробирался по кварталу, населенному бѣднотой, направляясь къ проспектамъ и площадямъ центра. Въ серединѣ города всегда значительно теплѣе, чѣмъ на окраинахъ; въ пригородахъ еще зимній ландшафтъ, а въ центральныхъ садахъ на деревьяхъ уже набухаютъ почки. Попавъ на бульвары изъ фабричной окраины чувствуешь себя какъ въ теплой и свѣтлой, чисто убранной оранжереѣ. Вообще въ моемъ положеніи большой городъ это единственное мѣсто, гдѣ можно болѣе или менѣе сносно провести зиму. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ три четверти внутренней энергіи приходится тратить на то, чтобы согрѣться. Въ этотъ періодъ я испытываю

упадокъ силъ и нѣчто вродѣ зимней спячки дикихъ звѣрей Путешествія по дорогамъ среди безрадостнаго зимняго пейзажа меня не прельщаютъ, провинція не тянетъ, къ тому же въ этотъ сезонъ тамъ меньше подаютъ. Въ маленькихъ городкахъ жители скупы и подозрительны, дѣти и собаки злы и нѣтъ ни ночлежныхъ домовъ, ни открытыхъ до утра кафе, гдѣ можно было бы провести морозную ночь. Нѣтъ также библиотекъ, все на виду и скоро твоя фигура примелькается каждому полицейскому. Сегодняшнюю ночь я провелъ въ районѣ старыхъ городскихъ укрѣпленій въ сараѣ на пустырьѣ, гдѣ сложены доски и пирамиды старой черепицы съ разобранныхъ домовъ. Эту черепицу не выбрасываютъ, а хранятъ и продаютъ дороже новой, потому что, приобрѣтя патину времени, она считается красивѣе, чѣмъ свѣжая, ярко красная. Ночь была прохладная, я часто просыпался и дѣлалъ гимнастику. Передъ разсвѣтомъ удалось забыться часа на полтора. Зимнія ночи это единственное мое горе, то, къ чему труднѣе всего было привыкнуть за 10 лѣтъ скитальческой жизни. Онѣ всегда кошмарны, независимо отъ того, провожу ли я ихъ въ удушливой атмосферѣ ночлежки, въ разговорахъ въ кафе или въ тяжелой дремотѣ на пустырьѣ, завернувшись съ головой въ одѣяло. Не бываетъ хорошихъ ночей зимой. Зато лѣтомъ мои ночи прекрасны; тогда я стараюсь подольше не засыпать, смотрю на небо и мнѣ представляется, что звѣзды, большія и странно близкія, сладостно впиваются въ меня, какъ копья.

Узкая улица, названная именемъ знаменитаго завоевателя, вывела меня на набережную рѣки. Здѣсь было еще пустынно, скользили немногочисленные автомобили, букинисты отпирали свои лари. Солнце висѣло позади средневѣковаго собора. Я спустился по лѣстницѣ къ водѣ и зашелъ подъ мостъ, обычное мѣсто, которое я облюбовалъ для утренняго завтрака. Я закусываю утромъ по рецепту южанъ, стаканомъ крѣпкаго алкоголя и кускомъ хлѣба. Это система неаполитанцевъ. Нѣтъ лучше средства, чтобы выгнать ночные туманы изъ головы и ознобъ изъ конечностей. Алкоголь это сконцентрированный солнечный лучъ. Въ здѣшней странѣ его готовятъ изъ яблокъ. Разумѣется я имъ не злоупотребляю, чтобы не повредить здоровью, но въ моемъ мѣшкѣ всегда имѣется бутылка національнаго напитка того народа, среди котораго я въ данное время нахожусь. Лѣтомъ я почти не пью. Февраль — мѣсяць возрождающагося Фе-

---

ба, когда Фебъ загоняетъ своимъ бичемъ Вакха подъ землю, въ сырые винные погреба. Но еще царство Вакха не окончательно низвержено и благоразумно въ мѣру совершать ему возліянія. Въ моемъ мѣшкѣ, кромѣ бутылки и одѣяла, находится еще Библия; я иногда читаю главу изъ ветхаго завѣта и согрѣваюсь, возсоздавая на фонѣ военныхъ и любовныхъ эпизодовъ пейзажъ азіатскихъ пустынь. На самомъ днѣ мѣшка я храню еще свертокъ бумажныхъ денегъ, запасъ на черный день. Сколько тамъ, я точно не знаю, а если бы и зналъ, не сталъ бы называть сумму. Не скрою, однако, что съ теченіемъ лѣтъ этотъ запасъ не уменьшается, а скорѣй, наоборотъ. На 2-3 мѣсяца жизни я всегда обезпеченъ. Но не въ этомъ дѣло. Въ моемъ положеніи нужно имѣть хоть что нибудь на случай, если придется пойти къ дантисту или если судьба заброситъ въ негостепримный край. Я не скупъ, а расчетливъ и больше всего въ мірѣ люблю три вещи: независимость, солнце и мои мысли. Съ разными городами и странами, въ моемъ представленіи связаны тѣ мысли, которыя у меня тамъ зародились.

Когда огонь разлился по моимъ жиламъ и всѣ окружающіе предметы вдругъ сдѣлались еще болѣе радостными и лучистыми, я поднялся на мостъ и перешелъ на другую сторону рѣки. Тамъ, въ районѣ знаменитой площади съ фонтанами и обелискомъ, пролегаетъ недлинная улица, вся застроенная мраморными зданіями банковъ и магазиновъ. Въ одной подворотнѣ, въ затишьѣ, куда цѣлое утро солнце не скупясь бьетъ тучнымъ снопомъ, я сажусь на мѣшокъ и жду подавній отъ щедротъ прохожихъ.

Изъ солнечнаго затишья жизнь города воспринимается мною подъ особымъ угломъ. Я не участвую въ калейдоскопическомъ мельканіи этихъ дѣятелей и ихъ ускоренный ритмъ противоположенъ моему, замедленному. Противуположенъ, но не враждебенъ. Мы не сталкиваемся, а проходимъ другъ мимо друга въ различныхъ измѣреніяхъ. Огромное большинство меня не замѣчаетъ. Тому же, кто замѣтилъ и подаль, я становлюсь на этотъ мигъ нуженъ, также, какъ онъ мнѣ; я ему нуженъ для сравненія съ самимъ собой, за монету онъ покупаетъ соотвѣтственную порцію самоудовлетворенія и запаса силъ для дѣятельности. Для мистиковъ я вродѣ иконы. Для политиковъ — напоминаніе о томъ, что не все въ городѣ благополучно. Для всякаго вообще, даже для того, кто брезгливо отвора-

---

чивается, я — толчекъ для нѣкоторой работы мысли. Взгляды, брошенные на меня, не скрываютъ отвращенія и стыда. Они не знаютъ, что я наблюдаю. Лучше всего суевѣрные и добродушные. Они подаютъ не крупно, но чаще другихъ.

Моя неподвижность и степенность безстрастнаго наблюдателя не дисгармонируютъ съ окружающей спѣшкой. Мои мысли, тяжелыя и медленныя, проходятъ какъ процессія слоновъ въ европейскомъ кварталѣ Бенареса. Я сужу всѣхъ, но никого не осуждаю и все вокругъ меня одинаково цѣнно. Я дремлю съ полужакрытыми глазами и загораю на солнцѣ, впитывая всѣмъ тѣломъ энергію святыхъ лучей. Послѣ непріятной ночи мой умъ сладостно отдыхаетъ на-яву, запасаясь пищей для новыхъ медитацій. Это не тягостный сонъ безъ видѣній утомленнаго буржуа, но легкая дремота созерцателя съ почти бодрствующимъ сознаниемъ. Это приближеніе къ состоянію Нирваны. Такъ идутъ часы.

Въ началѣ моей бродяжнической жизни, т.-е. сразу послѣ войны, я собирался уйти отъ суровыхъ европейскихъ зимъ на юго-востокъ, въ Индію. Я знакомъ черезъ книги съ индусской метафизикой и считаю атмосферу индуизма, физическую и психическую, наиболѣе подходящей для меня. Въ средніе вѣка вся Европа была Индіей, потомъ испортилась, полавъ подъ власть тупого бога Работы. И если я не переселился въ Индостанъ, то только изъ благоразумной осторожности, изъ инстинктивнаго страха (перешедшаго по атавизму отъ моихъ предковъ купцовъ) передъ конкуренціей, ибо здѣсь такихъ, какъ я, десятки, а тамъ насъ сотни тысячъ.

Я подставляю солнцу голову, лицо, открытую грудь, какъ теплой водѣ. Открываю ротъ и глубоко вдыхаю, чтобы и во внутренности попало что то отъ лучей. Солнце дѣйствуетъ какъ наркозъ, наступаетъ легкое опьяненіе. Начинается съ истомы во всемъ тѣлѣ. Потомъ приходятъ воспоминанія, далекія, далекія воспоминанія изъ ранняго дѣтства; тотъ мигъ, когда я впервые ощутилъ радость бытія: ярко-зеленая трава, куча золотого песка, все вокругъ блеститъ, вѣроятно только что прошелъ дождь, я сижу на пескѣ, надо мной большіе говорятъ другъ другу что то — но я не понимаю, такъ какъ не умѣю еще говорить. Или же встаютъ картины изъ иныхъ эпохъ, вычитанное изъ книгъ, видѣнное во снѣ. Постепенно шумъ улицы сливается въ однообразный гулъ, очень музыкальный, который въ

свою очередь превращается въ человѣческіе голоса. Два голоса особенно выдѣляются своей чистотой и ясностью, одинъ спрашиваетъ, другой пространно объясняетъ. Я прислушиваюсь и вдругъ начинаю все понимать: два философа ведутъ гдѣ то неподалеку разговоръ о самыхъ глубокихъ метафизическихъ проблемахъ, которыя необходимо разрѣшить немедленно, иначе исчезнетъ вселенная. И вотъ чувствуется, что разрѣшеніе тайны бытія будетъ сейчасъ дано и все станетъ открытымъ. Тогда я вставляю свой голосъ и спрашиваю о самомъ для меня сейчасъ главномъ, о послѣдней невыясненной детали: моя индивидуальность, столь гармоничная въ своемъ многообразіи, сохранится ли она неприкосновенной въ вѣчности? И я получаю отвѣтъ, который меня удовлетворяетъ. Все вокругъ ярко сѣрое, какъ пропитанный солнцемъ туманъ на океанѣ, и это все равномерно дышетъ точно огромный добрый звѣрь. На мигъ я соображаю, что тѣ голоса изъ діалога, только что слышаннаго, суть въ то же время пульсированіе моей крови въ артеріяхъ и мое дыхание; и сознаніе связанности моего тѣла съ глубочайшими откровеніями преисполняетъ меня еще большимъ счастливымъ удовлетвореніемъ. Такъ проходитъ утро. Прохожіе, глядя со стороны, не подозрѣваютъ о переживаемомъ мною экстазѣ; для нихъ сидитъ оборванцемъ, калѣка, напившійся съ утра, и покачивается въ своихъ лохмотьяхъ, какъ дервишъ.

Вдругъ, что то —какъ бы предчувствіе внезапной опасности — заставило меня вздрогнуть, очнуться и насторожиться. Я повернулъ голову направо, въ направленіи дальняго конца тротуара. Было около 10 часовъ и въ этотъ часъ на улицахъ значительно меньше народа чѣмъ въ другое время. Тротуаръ былъ почти пустъ и я ясно различилъ фигуру человѣка, приближавшагося въ мою сторону. Онъ шелъ не торопясь и читалъ на ходу газету. Небольшой ростъ, легкая полнота, элегантная линія пальто и мягкой шляпы. Да, я его съ перваго мига узналъ. Это былъ Жоржъ, мой двоюродный братъ и другъ дѣтства, съ которымъ мы разстались десять лѣтъ тому назадъ, послѣ демобилизаціи. Я никогда не былъ съ нимъ особенно близко и откровененъ, это не въ моемъ характерѣ, но судьба постоянно насъ сталкивала. Съ самого дѣтства между нами установились такія отношенія, что я внѣшне ему подчинялся, а въ душѣ его презиралъ — за наивность, за некультурность, за склонность къ

разврату. На войнѣ мы попали въ одну часть. Онѣ скоро выдвинулся, я же не считалъ нужнымъ дѣлать военную карьеру. Надо сказать, что на фронтѣ я жилъ въ состояннн болѣе интенсивнаго, чѣмъ въ мирное время, чувства презрѣннн къ окружающимъ меня людямъ. Однихъ я презиралъ за то, что они боятся и плохо скрываютъ свой страхъ, за ихъ вульгарную привязанность къ жизни, къ своимъ семействамъ и мѣщанскимъ привычкамъ; другихъ — тѣхъ, кто не боялся — за показное фанфаронство, за вкусъ къ позѣ и преклонение передъ чужимъ мнѣниемъ. И всѣхъ вообще за глупость и за немнѣние быть до конца одинокими. Мнѣ казалось, что я самъ отношусь съ глубокимъ безразличіемъ къ жизни и смерти, къ ранамъ и наградамъ. Мои товарищи кромѣ всего раздражали меня чисто физически своими вкусами, манерами, разговорами о женщинахъ и обывательскими планами на дальнѣйшую жизнь. Но хотя я не могъ и не старался скрывать отъ нихъ свою отчужденность, многіе изъ нихъ относились ко мнѣ доброжелательно, считали безвреднымъ чудакомъ и уважали за храбрость.

Въ одинъ день лѣтомъ 16-го года мы съ Жоржемъ оба были ранены. Случилось это такъ. Нашъ батальонъ продвигался пересѣжками къ неприятелю, окопавшемуся около канала. Въ самый послѣдннй моментъ, когда вотъ-вотъ должна была раздаться команда бѣжать въ атаку на окопы, я замѣтилъ, что израсходовалъ всѣ свои патроны и заявилъ объ этомъ Жоржу, который лежалъ рядомъ со мной. Солдаты во время боя иногда умышленно расходовали свой запасъ патроновъ, но съ моей стороны это, конечно, не было злоупотребленіемъ. Однако Жоржъ сказалъ, что теперь нѣкогда пополнять запасъ и велѣлъ оставаться. Черезъ нѣсколько минутъ мы перешли въ атаку — я былъ почти безоруженъ — и одна изъ первыхъ пуль попала мнѣ въ глазъ. На этотъ разъ мы были отбиты, но вечеромъ къ намъ подошло подкрѣпление, наши забрали каналъ и нашли меня въ ямѣ, лежащимъ безъ сознаннн со сквозной раной въ голову. Подъ вечеръ былъ раненъ и Жоржъ, но легко, въ руку, и мы оказались съ нимъ въ одномъ лазаретѣ. Я скоро замѣтилъ, что онъ чувствовалъ себя передо мной виноватымъ, чего я, будучи фаталистомъ, совершенно не понималъ; про эпизодъ съ патронами между нами никогда не вспоминалось. Въ этомъ лазаретѣ съ нами вздумала флиртовать молодая докторша, существо бѣлокурое и полное

— типъ женщинъ, который мнѣ былъ всегда особенно отвратителенъ. Мое отталкиваніе отъ женщинъ ведетъ часто къ тому, что изъ упрямства онѣ одаряютъ меня своей особой благосклонностью. Такъ было въ этотъ разъ. Флиртъ со мной естественно зашелъ не особенно далеко, хотя я раза два развивалъ ей для смѣха мечту о мирной жизни, буржуазной обстановкѣ, семейномъ уютѣ и пр. Впослѣдствіи я узналъ, что Жоржъ былъ влюбленъ въ эту женщину и ревновалъ ко мнѣ. Не испытывъ никогда подобныхъ переживаній, я совершенно неспособенъ подмѣчать ихъ у другихъ. Вскорѣ я былъ переведенъ въ другой госпиталь, на берегъ моря; вѣроятно это устроилъ Жоржъ, чтобы освободиться отъ моего мнимаго соперничества, и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы съ нимъ снова сошлись на фронтѣ, онъ смотрѣлъ на меня еще болѣе виноватыми глазами. Въ 20-омъ году, когда я уже началъ скитаться, до меня дошли слухи, что онъ женился на той женщинѣ и дѣлаетъ финансовую карьеру. Сейчасъ для меня было неприятной неожиданностью увидѣть его въ этомъ городѣ: я въ высшей степени не люблю и опасуюсь встрѣчъ со старыми знакомыми, потому что это обыкновенно кончается вынужденнымъ отъѣздомъ изъ данного мѣста, иногда даже при посредствѣ полиціи. Жоржъ прошелъ такъ близко, что я весь замеръ и похолодѣлъ въ ожиданіи, что онъ взглянетъ и узнаетъ; но онъ не посмотрѣлъ и завернулъ за уголъ.

Этотъ эпизодъ вывелъ меня изъ привычнаго утренняго настроенія. Я очнулся отъ дремоты, и воспоминанія перенесли меня на войну, въ походы и сраженія. Въ концѣ концовъ я любилъ войну. Нигдѣ такъ хорошо не ощущалась природа. Помню одно облако, желто-сѣрое, овальное, которое застыло на зенитѣ и почти не мѣнялось изо дня въ день въ малярійной жарѣ вардарской долины. Было хорошо лежать на днѣ окопа, вдыхая запахи сырой глины. Ты хочешь жить, жить, остаться? Такъ глубже въ землю рой. Таковъ былъ законъ этой войны. А въ одинъ изъ июльскихъ или августовскихъ душныхъ вечеровъ металлическій шмель надъ полемъ зажуужитъ и на сей разъ не пролетитъ мимо, а вопьется въ лицо, грудь или животъ, тогда ложись на землю и обними ее, какъ миллионъ твоихъ сверстниковъ, и въ этой послѣдней близости узнай, что тутъ покой, радость и возвращеніе послѣ всѣхъ ошибокъ и блужданій въ святой примитивъ младенческаго рая.

Между тѣмъ солнце замѣтно поднялось и теперь висѣло надъ обелискомъ сосѣдней площади. Въ моей шляпѣ набралось значительное количество монетъ, болѣе чѣмъ достаточное для обѣда, и я переложилъ ихъ въ карманъ, оставивъ на виду 2 мѣдяка. Мнѣ было очень хорошо. Во мнѣ и вокругъ носились обрывки музыки, подъ конецъ сложившейся въ строфы стихотворенія, которое я тогда же записалъ, покинувъ на минуту свое мѣсто и укрывшись въ ближайшій уличный ватерклозетъ.

Приближался часъ обѣда. Толпы служащихъ высыпали изъ стеклянныхъ дверей и въ продолженіе получаса улица металась и гремѣла перемежающимися ритмами. Потомъ въ наступившемъ затишьи поднялся и я и отправился въ свой обычный ресторанчикъ. Въ центрахъ города, около широчайшихъ проспектовъ сохранились лабиринты узкихъ и темныхъ переулковъ съ историческими названіями. Въ одномъ изъ нихъ, въ подворотнѣ ютится моя харчевня, гдѣ меня знаютъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и встрѣчаютъ довольно привѣтливо. Между собой они называютъ меня Кривой — я слышу когда сажусь на обычное мѣсто, что о моемъ приходѣ сообщаютъ на кухнѣ. Мой внѣшній видъ и профессія здѣсь не шокируютъ. Кое съ кѣмъ изъ привычныхъ посѣтителей я даже порой перекидываюсь замѣчаніями о погодѣ и политикѣ. Тѣмъ я не много, но заказываю полъ литра вина не самага послѣдняго качества, въ связи съ чѣмъ на кухнѣ разъ было сказано: “О, у Кривого больше въ мѣшкѣ, чѣмъ у насъ съ тобою въ карманахъ”. Послѣ обѣда наступаетъ вторая половина дня, по настроенію не похожая на первую. Я иду на новое мѣсто, такъ какъ съ утренней улицы солнце ушло. Но послѣполуденное солнце грѣетъ хуже утренняго, всюду проникаетъ прохлада, предвечернія тѣни, обрывки вѣтра, и чувствуется, что зима еще не кончилась. Я сажусь у ограды общественнаго сада, на углу большого бульвара противъ знаменитаго въ серединѣ вѣка университета и ощущаю всѣмъ тѣломъ сладостное утомленіе отъ утреннихъ созерцаній, солнца и обѣда. Ландшафтъ и ритмъ города здѣсь иные чѣмъ въ утреннемъ кварталѣ. Здѣсь не столь дѣловая атмосфера. Попадаютъ среди занятыхъ прохожихъ просто фланирующіе. Автомобили съ нарядными дамами и дѣтьми часто заворачиваютъ въ загородный паркъ. Въ опредѣленный часъ въ ворота сада проходитъ бородатый старикъ съ книгой. Потомъ туда же выѣзжаетъ инвалидъ

въ своей повозкѣ на трехъ колесахъ. Потомъ по улицѣ проѣзжаютъ шагомъ солдаты, взводъ національной гвардіи. Черезъ правильные промежутки проносятся звеня трамвай номеръ 8 и неподалеку останавливается. Послѣ четырехъ изъ сада начинаютъ выходить медленнымъ караваномъ няньки съ дѣтскими колясками. На улицѣ по временамъ наступаетъ затишье, съ ближайшаго вокзала доносятся свистки паровозовъ и тогда мной овладѣваетъ обычное безпричинное безпокойство, жажда новыхъ горизонтовъ и смутныя мысли о томъ, что напрасно я задерживаюсь столько мѣсяцевъ въ одномъ городѣ. Откуда то долетаетъ звукъ изъ довоенной оперетки, это играетъ на одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ шарманщикъ. Мальчишки выкрикиваютъ названія вечернихъ газетъ. Наступаетъ часъ общаго упадка силъ, предвечерняя космическая усталость. Трудовой день кончается и массы начинаютъ второй день, вечерній, посвященный удовольствіямъ. Опять наполняются пивныя, въ колбасныхъ и булочныхъ сейчасъ зажгутся лампы. Прохладная тѣнь захватила всю ширину улицы и подбирается къ верхнимъ этажамъ. Я дремлю съ открытыми глазами и въ моемъ представленіи шумы улицы постепенно превращаются въ гулъ сраженія. Какъ будто эскадрилья бомбовозовъ напала на городъ и засыпала дома снарядами, неизвѣстными въ 18-мъ году. Гремить желѣзо, рушатся доски и бетонъ.

Внезапно въ окружающихъ шумахъ произошелъ какой то переломъ и новые звуки жизни, на этотъ разъ назойливо визгливые, какъ лай, вывели меня изъ забытья. Привычный шорохъ скользящихъ шинъ и ровное жужжаніе приближающихся и удаляющихся моторовъ теперь смѣнились беспорядочными и настойчивыми призывами гудковъ, звонковъ и сиренъ. Оказалось, что невдалекѣ кто то на кого-то наскочилъ и на улицѣ образовался заторъ. Потокъ автомобилей накоплялся и волновался какъ прегражденная рѣка. Обычно я почти не замѣчаю такихъ сценъ, но на этотъ разъ нетерпѣніе шофферовъ передалось мнѣ, захотѣлось сорваться съ мѣста и мчаться въ голубыя сумерки. Ища причины этой нервности, я посмотрѣлъ направо. Около меня стоялъ автомобиль, изъ него свѣсившись пристально смотрѣлъ на меня Жоржъ.

Сдѣлать видъ, что мы не узнали другъ друга, не представлялось возможнымъ, но оставался еще одинъ выходъ — отвести взоръ, что я и сдѣлалъ, повернувъ голову налѣво. Такъ прошло

поль минуты. Потомъ шумъ улицы былъ перекрытъ знакомымъ голосомъ — Жоржъ стоялъ склонившись надо мной: — “Здравствуй, Рихтеръ, зайдемъ въ это кафе”... Мнѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ пожать протянутую руку, встать и итти за нимъ, неся въ рукѣ мѣшокъ.

Въ элегантномъ кафе мое появленіе въ обществѣ приличнаго господина не вызвало замѣтнаго удивленія. Жоржъ пододвинулъ мнѣ стулъ и не спрашивая, что я хочу пить, заказалъ 2 порціи алкоголя. Онъ предложилъ мнѣ папиросу, закурилъ самъ и когда подали рюмки сталъ пить, не начиная говорить. Я раза два рѣшился бросить взглядъ на его фізіономію, на которой не выражалось ни удивленія, ни отвращенія, ни состраданія, ни страха — ничего. Чувствовалъ я себя отвратительно и какъ въ дѣтствѣ — пристыженнымъ и униженнымъ; вся моя гордость протестовала противъ этого состоянія, но я ничего не могъ подѣлать. Вообще я замѣчаю, что вслѣдствіе не частаго общенія въ себѣ подобными, я съ годами становлюсь на людяхъ застѣнчивъ и испытываю полное спокойствіе только наединѣ съ самимъ собой. Жоржъ докурилъ папиросу, заказалъ еще 2 порціи и наконецъ промолвилъ:

— Неужели за всѣ эти годы ты не постарался меня разыскать?

Я пробормоталъ, что столько прошло времени, къ тому же свѣтъ такъ великъ, что впрочемъ я пытался и даже давалъ объявленіе въ газету, но безрезультатно Жоржъ помолчалъ, вѣроятно соображая, для чего я лгу, и затѣмъ спросилъ опять:

— Но теперъ, что мы встрѣтились, ты конечно согласишься пообѣдать со мной? Можно у меня, можно если хочешь въ ресторанѣ. — Я не сразу отвѣтилъ, не уясняя къ чему все это клонится, и Жоржъ добавилъ:

— Лучше у меня, ты примешь ванну и переодѣнешься. Анна была бы очень рада тебя видѣть, но къ сожалѣнію ее нѣтъ, она съ дѣтьми въ деревнѣ. Я совсѣмъ одинъ на квартирѣ.

Итакъ рѣшено, — сказалъ Жоржъ, вставая, — ѣдемъ скорѣе, чтобы успѣть принять ванну. Мы вышли на улицу, гдѣ сумерки сгустились и кое гдѣ зажглись фонари. Сидя рядомъ съ нимъ въ автомобиль, я чувствовалъ себя въ плѣну. О томъ, чтобы освободиться прямымъ натискомъ, нажимѣмъ, нагрубить, велѣтъ шофферу оста-

---

новиться и уйти, нечего было и думать: онъ всецѣло доминировалъ надо мной, я былъ въ его власти какъ щенокъ въ человѣческихъ лапахъ. Приходилось до поры до времени хитрить и не сопротивляться, чтобы выждавъ удобный моментъ незамѣтно ударить. Въ это время Жоржъ, повидимому, обдумывалъ, куда лучше меня пристроить: служителемъ въ его учрежденіи или просто въ богадѣльню.

Шофферъ остановился передъ многоэтажнымъ домомъ въ буржуазномъ кварталѣ. Мы поднялись на лифтѣ и прошли черезъ нѣсколько комнатъ. Мебель была доброкачественная, но банальная, какъ въ пріемной у дантиста. Ванна оказалась вдѣланной въ полъ — послѣвоенное нововведение, незнакомое мнѣ. Жоржъ открылъ краны и предложилъ мнѣ раздѣваться. На минуту онъ выходилъ и принесъ чистыя одежды, затѣмъ удостовѣрившись, что подъ рукой все, что нужно, оставилъ меня одного. Такъ какъ ничего другого не оставалось дѣлать, я влѣзъ въ горячую воду и принялся натирать себя щетками различныхъ калибровъ.

Въ теплой водѣ было бы пріятнѣе сидѣть неподвижно, закрывъ глаза, но изъ вѣжливости приходилось плескаться, шумно, на всю квартиру. Гдѣ то въ дальней комнатѣ звенѣли тарелками. Нельзя было слишкомъ затягивать мое уединеніе; обтеревшись мохнатымъ полотенцемъ и облачившись въ прохладное какъ снѣгъ бѣлье и халатъ (не забыта была также черная шелковая повязка для глаза) я отворилъ дверь въ коридоръ. Жоржъ сразу вышелъ мнѣ на встрѣчу и провелъ въ ярко освѣщенную столовую. Сѣли за столъ. Обѣдъ потянулся томительно. Говорилъ почти одинъ онъ, рассказывая неинтересныя для меня новости про полковыхъ товарищей, имена и лица которыхъ я давно забылъ. Меня онъ ни о чемъ не спрашивалъ, только подливалъ вино. За жаркимъ мнѣ вдругъ стало такъ неловко отъ своего молчанія, что я началъ болтливо рассказывать про мое послѣднее странствіе по Испаніи. Отъ климата и пейзажа перешелъ къ архитектурѣ и картиннымъ галереямъ. Жоржъ слушалъ сперва очень внимательно, но видно было, что названія городовъ и имена художниковъ ничего ему не говорятъ. Я разошелся и рѣшилъ показать, что хотя я и опустившійся, по его мнѣнію, человекъ, но недостижимо превышаю его умомъ и культурностью.

— Ты представляешь себѣ, говорилъ я, колоритъ Греко взятъ изъ византійскихъ миниатюръ и изъ скалистаго ландшафта Испа-

---

ни: черное и бѣлое, немного охры, немного тусклаго розоваго, сѣ-
рая облака, трава цвѣта хаки. Рибера еще усилилъ эту суровость,
а Зурбаранъ (тутъ я замѣтилъ, что онъ думаетъ о чемъ то посторон-
немъ) .. а Зурбаранъ уже откровенно специализировался на трупахъ
Это все были циники и предки Гойя.

Довольно долго я несъ подобную чепуху и все замѣчалъ, что
мой разговоръ производитъ на Жоржа въ высшей степени тягост-
ное впечатлѣние, какъ будто я рассказываю о самыхъ грустныхъ для
него вещахъ. Онъ хмурился, много пилъ и видимо старался понять
что-то не относящееся непосредственно къ Испани. По всей вѣроят-
ности онъ желалъ, чтобы я молчалъ, какъ вначалѣ, такъ какъ по
его представлѣніямъ удрученный видъ въ моемъ положеніи былъ бы
наиболѣе достойнымъ. Я же, наоборотъ, чувствовалъ себя легко и
свободно. Въ концѣ концовъ въ зимніе вечера я часто разговариваю
съ кѣмъ-нибудь въ кафе; правда, думалъ я, пріятнѣе имѣть собесѣд-
никомъ челоуѣка болѣе соответствующаго мнѣ по культурѣ и об-
разу жизни, но въ сущности здѣсь довольно уютно, къ тому же это
последняя въ жизни встрѣча; удрать же я сумѣю послѣ. Очевидное
недовольство Жоржа меня подбадривало; я самъ удивлялся продол-
жительности своего краснорѣчія. Въ аналогичныхъ обстоятельствахъ
обыкновенно послѣ первой вспышки я очень скоро увядаю. Когда
изъ Испаніи я перебрался въ Египетъ, Жоржъ не выдержалъ и пред-
ложилъ послушать радіо. Подъ звуки фокстрота мы перешли въ ка-
бинетъ пить кофе съ ликерами. Въ комнатахъ было жарко натопле-
но и я слышалъ, какъ въ оконныя стекла за тяжелыми занавѣсами ба-
рабанилъ дождь. Послѣ фокстротта ящикъ захрипѣлъ аріями изъ
Вагнера. Я обдумывалъ какъ бы повѣжливѣе разстаться. Но къ это-
му времени Жоржъ вѣроятно подъ вліяніемъ музыки пріобрѣлъ сно-
ва свое душевное равновѣсіе (а я, наоборотъ, скисъ) и своимъ ка-
тегорическимъ тономъ, которымъ онъ меня съ дѣтства привыкъ ги-
пнотизировать, сказалъ, что я остаюсь ночевать и что мнѣ уже при-
готовлена постель.

Глубокая ночь. Я покоюсь на бѣлоснѣжныхъ простыняхъ и не
могу заснуть изъ за непривычки къ мягкому ложу и теплу. Въ ком-
натахъ тишина, только тикаютъ часы, какъ насѣкомое въ лѣсу, за
окномъ вѣтеръ и дождь. Жоржъ спитъ гдѣ-то черезъ нѣсколько ком-
натъ. Я неслышно встаю, одѣваюсь въ темнотѣ, отыскивая мѣшокъ

и крадусь въ переднюю. Медленно, медленно отворяю дверь на лѣстницу, я уже почти на свободѣ, какъ вдругъ сзади зажигается свѣтъ. Передо мною Жоржъ. — “Подожди немного”, говоритъ онъ, “намъ надо переговорить”. Иду за нимъ въ кабинетъ съ сознаниемъ, что все погибло.

— Почему ты хотѣлъ уйти?

— Я боялся тебѣ причинить безпокойство... Не хотѣлъ тебѣ мѣшать

— Въ чемъ же ты можешь мнѣ помѣшать

— Аннѣ было бы неприятно со мною встрѣтиться, бормочу я.

И онъ началъ говорить, волнуясь и путаясь, что ему не подходило. Онъ сказалъ, что такая встрѣча со мной послѣ десяти лѣтъ произвела на него кошмарное впечатлѣнiе. Что это безобразно, недопустимо. Что надо подумать о томъ, что со мной дѣлать. Что мой видъ и образъ жизни позоръ и униженiе для всѣхъ. Тутъ я попытался вставить, что я вполнѣ удовлетворенъ своей жизнью и ни къ чему другому не способенъ, но онъ прервалъ меня и продолжалъ въ томъ же суровомъ тонѣ говорить, что въ свое время я пожертвовалъ всѣмъ ради него, такъ какъ если бы 10 лѣтъ тому назадъ онъ проявилъ бы болѣе благородства, то сейчасъ я бы жилъ какъ онъ, а онъ какъ я; что онъ до самой этой минуты меня не понималъ и еще разъ безмѣрно виноватъ передо мной въ томъ, что еще сегодня подозрѣвалъ меня въ зломъ умыслѣ.

— Да, говорилъ онъ, мнѣ казалось, что ты хочешь меня убить и потому я не ложился и подслушивалъ. У меня открылись глаза только въ тотъ мигъ, когда ты вышелъ на лѣстницу.

Затѣмъ онъ опять возвращался къ тому, что я дошелъ до послѣдняго предѣла, до какого можетъ опуститься человѣкъ, что надо, наконецъ, подумать обо мнѣ, устроить и мнѣ человѣческую жизнь — “потому что вѣдь всякій человѣкъ хочетъ жить прилично, даже святой, не такъ ли?” — спросилъ Жоржъ и такъ пристально посмотрѣлъ на меня, что я поспѣшилъ согласиться.

— Тебѣ нужно имѣть домъ, занятiе, наконецъ, семью, продолжалъ онъ. Не думай, что оттого, что ты изувѣченъ — по моей винѣ — ты навсегда выброшенъ изъ общества. Тысячи инвалидовъ живутъ, какъ всѣ, и чувствуютъ себя прекрасно. У тебя большiя спо-

---

собности, хорошая память, ты не боишься работы — не такъ ли?

— Конечно, конечно, забормоталъ я. Я еще въ Испани увидѣлъ, что такъ больше продолжаться не можетъ. Въ концѣ концовъ давно пора, т. е. мнѣ еще не поздно, пробиться въ люди... Только до сихъ поръ мнѣ ничего не удавалось... Жизнь имѣетъ смыслъ, когда что то дѣлаешь, лучше умерешь чѣмъ жить безъ работы, безъ борьбы..

Тутъ даже Жоржъ не могъ не почувствовать фальши и я поторопился спросить, какую работу онъ можетъ мнѣ посовѣтовать.

— Какую работу? Ты будешь жить у меня, отдыхать, поправляться, понемногу приглядываться къ моимъ дѣламъ. И не думай, что ты кого нибудь стѣснишь. Можешь заниматься съ моими дѣтьми, можешь войти въ дѣло, объ этомъ не безпокойся, мы обдумаемъ. Только не вздумай меня благодарить, вѣдь ты знаешь, какъ я тебѣ обязанъ. Я всегда, еще раньше, въ дѣтствѣ, хотѣлъ тебѣ сказать, какъ я высоко тебя ставлю. Я всегда возлагалъ на тебя большія надежды. Ты представляешь себѣ, какъ я ужаснулся, встрѣтивъ тебя въ такомъ видѣ! И сознавать, что это по моей винѣ! Кстати, я замѣтилъ тебя еще утромъ и не рѣшился остановиться..

Въ такомъ духѣ разговоръ длился чрезвычайно долго. Мы легко до всего договорились. Я со всѣмъ соглашался и мы строили планы о совмѣстной жизни и работѣ, о томъ, какъ мои познанія окажутся полезны въ его дѣлахъ и въ воспитаніи его дѣтей. Я сидѣлъ на диванѣ, а онъ ходилъ по комнатѣ. Когда стало свѣтать, я притворился, что задремалъ, и онъ ушелъ наконецъ къ себѣ, сказавъ мнѣ лечь въ кровать.

Я легъ и сразу заснулъ, совершенно успокоенный. Онъ ничего во мнѣ не понималъ и потому его прежняя власть надо мной оказывалась иллюзорной. Онъ не догадывался о моихъ планахъ, вкусахъ, удовольствіяхъ. Сейчасъ онъ невольно выболталъ тайну своей тираніи надо мной — оказывается онъ просто считалъ меня разновидностью своей породы. Теперь я зналъ, что перехитрить его вполне возможно; до конца властвовать можно только надъ существомъ своей породы. Однако осторожность предписывала не будить его подозрѣній. Поэтому утромъ, когда онъ зашелъ ко мнѣ передъ уходомъ въ свое бюро, я сдѣлалъ видъ, что вполне вкушаю отъ непривычнаго комфорта, и даже такъ размякъ, что попросилъ кофе въ кро-

---

вать, пояснивъ, что не совсѣмъ здоровъ и останусь лежать. Но, когда за нимъ захлопнулась дверь и когда его автомобиль исчезъ вдалекѣ — я слѣдилъ въ окно — я не сталъ медлить; надѣлъ старый костюмъ, взялъ мѣшокъ и вышелъ на улицу.

Послѣ ночного дождя мостовая блестѣла на солнцѣ и обнаженные деревья бульвара стояли омытыя и свѣжія. Я взялъ такси и поѣхалъ на южный вокзалъ. Обыкновенно я путешествую пѣшкомъ, но на этотъ разъ рѣшилъ отѣхать километровъ за 200 по желѣзной дорогѣ, дабы избѣжать малѣйшаго риска новой встрѣчи. Когда поѣздъ тронулся, всѣмъ волненіямъ наступилъ конецъ.

Поѣздъ довезъ меня до маленькаго провинціального городка въ равнинной мѣстности. Пополнивъ въ лавченкѣ свои запасы ѣды и питья, я не сталъ задерживаться и двинулся дальше дорогой на югъ. Было тепло, отъ земли шелъ запахъ растительной гнили. Надъ согрѣтыми вспаханнми полями голубыми струйками и волнами курились испаренія и тополя на горизонтѣ казались растущими изъ воды. Также бѣлыя фермы вдали со своими темными садами казались не то висящими надъ землей, не то затопленными, разлившимися озерами. Около самой дороги семейства сосенъ чередовались съ прозрачными зарослями молодыхъ дубовъ и это было нисколько не утомительно, а разнообразно и неожиданно, сколько бы разъ ни повторялось. Черезъ болѣе рѣдкіе промежутки дорога огибала фермы или входила въ небольшіе поселки. Долгое время съ лѣвой стороны виднѣлся большой гладкій холмъ безъ деревьевъ, внизу подъ нимъ бѣлое строеніе желѣзно-дорожнаго полустанка и желтыя жилища деревушки — таинственно волшебная декорація этого міра, которая ничего вѣроятно за собой не скрываетъ и потому еще болѣе прекрасна.

Но на этомъ эпизодъ не вполне оканчивается и встрѣча съ Жоржемъ имѣла свои послѣдствія. Не знаю, что онъ подумалъ, обнаруживъ мое неожиданное бѣгство — вѣроятно рѣшилъ, что я окончательно сошелъ съ ума отъ любви къ его женѣ, но однажды онъ рассказалъ своимъ друзьямъ про нашу встрѣчу и вообще про меня; рассказъ свой онъ вѣроятно изукрасилъ выдумками, вообще исказилъ. Какъ бы то ни было, среди людей съ мистическимъ уклономъ обо мнѣ пошла молва. Осенью того же года незнакомые мнѣ люди разыскали меня на югѣ и пригласили на зиму въ Тоскану, жить

при одномъ монастырѣ. Сначала монахи меня немного забавляли, но до того, какъ они окончательно раскусили, какъ мало они меня интересуютъ, я покинулъ ихъ монастырь и ушелъ въ Далмацію. Это было въ началѣ марта.

ЮЛІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ
В О З В Р А Щ Е Н І Е

Едва ли не каждый на своемъ опытѣ убѣждался въ очевидномъ несоотвѣтствіи того, какъ прихотливо - неровно ощущается время и какъ ритмически-точно его измѣряютъ: я почему-то съ упрямой непослѣдовательностью продолжаю наивно удивляться одной изъ такихъ несообразностей — что “скучные” дни, безъ событий и волненій, тянутся иногда невыносимо-долго, а дни, наполненные страхомъ, печалью, борьбой, наполненные ожиданіемъ радости или горя (хотя ожиданіе и страхъ невыносимѣе скуки) кажутся — особенно в послѣдствіи — пролетѣвшими незамѣтно. На эти мысли, простыя и въ сущности мнѣ далекія, меня наталкиваетъ сопоставленіе, уже обостренно задѣвающее, возникшее изъ-за постоянныхъ вашихъ поѣздокъ — все болѣе вамъ нужныхъ, опасныхъ и длительныхъ — сопоставленіе непрерывной съ вами тревоги и моего спокойствія наединѣ. Обычно эти мѣсяцы вашего добровольнаго отсутствія словно бы разрываютъ на части мою, и внѣшнюю, и внутреннюю жизнь, — и если нѣтъ у насъ при встрѣчахъ осязательной перемѣны въ тонѣ разговоръ, взаимнаго пониманія и довѣрія, установленныхъ, выработанныхъ годами вдохновенныхъ усилий — то разрывъ отъ одиночества и свободы (преувеличенныхъ въ моемъ воспріятіи) отравляетъ всю легкость и сладость общенія посторонней, неясной, чужеродной примѣсью. У насъ также не было при встрѣчахъ перемѣны въ основѣ отношеній (да и устойчивая наша близость могла бы справиться съ чѣмъ-угодно — вѣроятно и съ тягостной потерей любви), и существо напряженной, почти непріязненной холодности, какъ-то у обоихъ неизбежной, когда вы снова появляетесь, существо нашего расхожденія неукоснительно въ одномъ — и у меня это нагляднѣе, грубѣе, неуклюжѣе — насколько въ началѣ я по инерціи поглощенъ предшествующей беззаботно-

---

стью и пустотой: вѣдь и давнишніе “безлюбивные” друзья, послѣ разлуки и независимости, естественно не сразу привыкаютъ къ обязывающимъ труднымъ совмѣстнымъ часамъ. Я изрѣдка пробовалъ себѣ доказать, будто ваши прїѣзды мнѣ поневолѣ напоминаютъ объ ушедшемъ времени, о невозвратности, о постарѣніи, о концѣ (изъ-за чего и вся бессознательная моя сопротивляемость), но затѣмъ обнаруживалъ, какая въ этомъ слащавая условность, и какая неподдѣльная жизненность была бы въ иномъ — въ нечаянномъ воскрешеніи соперничества и ревности: пускай бы даже ихъ вызвали новыя, грозныя обстоятельства, устранивъ, обезцѣнивъ предыдущія ревнивыя опасенія — для меня тѣ и другія немедленно бы связались единой, безыскусственной, оживляющей болью, и къ вамъ, неизмѣнной виновницѣ и предмету моей боли, мнѣ къ вамъ едва ли пришлось бы такъ постыдно-неловко приспособляться. И вотъ эти “новыя обстоятельства” налицо, и впервые — тотчасъ же послѣ разлуки — я не испытываю ни растерянности, ни тяжести.

Какъ ни странно, мнѣ съ вами привычнѣе и “удобнѣе” изъ-за вашей теперешней полусмущенной враждебности, изъ-за вернувшейся моей боязни васъ лишиться, изъ-за чего-то знакомо-обиднаго, что мной угадывалось и раньше — въ подозрительной уклончивости вашихъ писемъ: въ нихъ проскальзывали похвалы какимъ-то невѣдомымъ друзьямъ, сухость тона явно-умышленно скрашивалась неубѣдительною нѣжностью окончаній, да и самое откладываніе вашего прїѣзда (несмотря на благоразумные предлоги о квартирѣ, деньгахъ и здоровьи) не могло быть невиннымъ и случайнымъ и меня постепенно готовило къ безнадежности или борьбѣ. На вокзалѣ появились и эти, неизвѣстные мнѣ друзья, нарушивъ интимность и обаяніе встрѣчи, разумѣется, съ вашего согласія (уже неоспоримое доказательство глубокой вашей отчужденности), и я сразу же вспомнилъ, какъ васъ лѣтомъ одинъ провожалъ, и то, что невольно забылъ отмѣтить въ тогдашнемъ болѣзненномъ своемъ возбужденіи: вы сперва дѣльно и трезво нашли заказанное спальное мѣсто, перемѣнили его на нижнее, умѣло сговорившись съ кондукторомъ, аккуратно сосчитали вещи, провѣрили часы — и затѣмъ лишь позволили себѣ растрогаться. И все же я тогда не обманывался, и ваша обычная осмотрительность не предвѣщала отрыва или ухода, а эти безконеч-

---

ные мѣсяцы и эти вѣжливые молодые люди васъ пожалуй отъ меня и отучили и увели.

Правда, ваши пріатели заранѣе выѣхали изъ Каннъ, чтобы снять вамъ квартиру по вашей же просьбѣ, и значить имъ слѣдовало быть на вокзалѣ, васъ какъ-то устроить, куда-то направить, но это мнѣ представилось еще оскорбительнѣе, чѣмъ неудавшаяся наша встрѣча: я по-дѣтски обиженно задавалъ себѣ вопросы (упиваясь ихъ безответностью и вашей несправедливостью) — почему вы не поручили хлопотъ и поисковъ мнѣ, развѣ я вамъ не ближе, не услужливѣй и внимательнѣй, развѣ съ точностью не знаю вашихъ истинныхъ вкусовъ. Вы повидимому не совсѣмъ ко мнѣ охладѣли, что-то поняли и постарались меня успокоить, шутливо заявивъ о моемъ равнодушіи къ обстановкѣ, о моей лѣни, о вашемъ нежеланіи напрасно меня утруждать, и вскорѣ я убѣдился въ несомнѣнной вашей правотѣ: “дѣльные мальчишки” (какъ вы ихъ благодарно и весело окрестили) отвезли насъ по новому адресу, познакомили съ консьержкой, показали квартиру, старомодно-буржуазно-уютную, и затѣмъ съ милой дискретностью насъ оставили вдвоемъ, и пока вы перемѣщали кресла, развѣшивали картины, я (пытаясь быть полезнымъ, вбивая какіе-то гвозди) нетерпѣливо и мрачно возмущался этой будто бы ненужной суетой — мнѣ дѣйствительно безразлична всякая обстановка, если она некрикливая и хоть немного удобная, я слѣпъ ко всему, что не волнуетъ, что непосредственно не живетъ, что не люди, не души, не любовь, и (продолжая вамъ помогать) ждалъ одного, когда вы кончите “суетиться”, когда мы усядемся и поговоримъ.

Но квартира мнѣ понравилась больше вашей прежней пансіонской комнаты (хотя и предвидѣлъ ея будущую для меня враждебность), да и то, что вы задумали и выполнили, было, какъ всегда, практически-толково и правильно — вамъ не пришлось изъ вагона переѣхать въ отель, и вы сразу избавились отъ необходимой скучной работы. Порядокъ вы навели по собственному счастливому вкусу: отъ какихъ-то незначительныхъ, произвольно-капризныхъ перемѣщеній все въ квартирѣ словно бы ожило, она потеряла свою “меблированную” безличность, и мнѣ это стало ясно, несмотря на мою неизмѣнную ко виѣшнему слѣпоту. Мы сидѣли въ пріемной (вы ее называете гостиной), я на низкомъ удобномъ креслѣ, какъ-то вытя-

---

нувшись во всю длину, вы — подобравъ ноги — на огромной тахтѣ, окруженная подушками, неподвижно-спокойно-мечтательная, и меня охватило (именно подѣ влияніемъ обстановки) ощущение лѣни, безопасности, полусоннаго благополучія, вопреки дурной очевидности и явнымъ признакамъ бѣды. Ненадолго вернулись иллюзорное равнодушіе, сопровождавшее ваши прежнія возвращенія, появилась и та искусственная неловкая оживленность, которою мы (отъ усилій, отъ нервности, отъ разбѣга) обычно пытались маскировать первоначальное это равнодушіе, были также и случайно произнесенныя слова, ошибочно принимаемыя за нѣчто рѣшающее и нужное, и у меня вылетѣла изъ памяти дальнѣйшая, неизбѣжная и столь мнѣ знакомая послѣдовательность — какъ понемногу возникаетъ намъ свойственная дружеская нестѣснительность, затѣмъ постоянная моя потребность быть около васъ, переходящая въ неистовую жадность ко времени съ вами, въ беззащитную и рабскую зависимость. Но главное, о чемъ я забылъ, себя считая забронированнымъ отъ боли, доврившись неискренней, поверхностной и веселой болтовнѣ — это о темномъ своемъ страхѣ, уже пробудившемъ готовность мучиться и ревновать. Мы ужинали въ низенькой столовой, загроможденной буфетами, столиками, сервизами, привѣтливая морщинистая бретонка намъ подала все что полагается въ добропорядочной французской семьѣ, но я, съ ложнымъ умиленіемъ (однако при вашей поддержкѣ), вспоминалъ и неумѣренно хвалилъ наши “бутербродные” пансіонскіе ужины. Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ скромно-буржуазныхъ парижскихъ квартирахъ, изъ столовой на кухню ведетъ корридоръ, съ дверью въ широкую спальную, гдѣ вы на цѣлый часъ уединились, куда не позвали меня (еще крохотный уколъ) и откуда вышли принаряженной, сіяюще-освѣженной: вечеромъ ожидались гости — ваши “дѣльные мальчишки” (васъ почему-то особенно тронуло, что они позаботились и о прислугѣ) и Рита съ Шурой, недавно поженившіеся.

Шура нашель “командитѣра”, чтобы основать собственное дѣло, небольшой “франко-русскій” ресторанъ — открытіе должно состояться черезъ нѣсколько дней, и сейчасъ у обоихъ супруговъ послѣдніе свободные вечера. Я Шурѣ давно предсказалъ коммерческій успѣхъ, для чего особенной проницательности не требовалось. Разумѣется, и онъ, и Рита поглощены своимъ новымъ предпріятіемъ,

---

говорятъ лишь о цифрахъ, о “конъюнктурѣ”, которая “портится”, съ нами совѣтуются, на какую рассчитывать публику, иностранную или русскую, богатую или среднюю (словно и мы исключительно заняты ихъ судьбой), и въ Шуриномъ покровительственномъ отноше- нии къ женѣ порою чувствуется бережливая, “хозяйственная” нѣж- ность, сознание, что она — его незамѣнимая помощница. Ваши прия- тели, почти не скрывая, надъ ними посмѣиваются, и Шура немедлен- но это уловилъ, но со свойственной ему житейской дальновидно- стью и гибкостью не сталъ возражать вѣроятнымъ будущимъ клі- ентамъ и самъ, примѣнившись, усвоилъ распушенно-шутливый ихъ тонъ. Я началъ къ нимъ присматриваться, пытаюсь угадать, кто изъ нихъ “соперникъ” или даже “похититель” — вѣдь многое отъ меня ускользнуло за мѣсяцы вашего отсутствія. Они старинная неразлуч- ная пара — я смутно, до васъ еще, слыхалъ, что всюду зовутъ ихъ “Павликомъ и Петрикомъ” и что одинъ безъ другого не появляется (имъ приписывали и “порочныя наклонности”, объясняющія непо- нятную ихъ близость, однако теперь эти “модныя” сплетни часто распускаются безъ малѣйшаго основанія). Я такъ и не рѣшилъ, кого мнѣ надо опасаться — вы были съ ними привѣтливо-ровной — а безотчетная моя непріязненность къ Петрику не означаетъ, будто я что-либо угадалъ: просто мнѣ онъ представился насмѣшливымъ до наглости, самонадѣянно-заносчиво-развязнымъ, и я искалъ къ чему бы придраться и чѣмъ бы позлѣе его задѣть, и глухо досадовалъ на свою ненаходчивость. Они пришли, напудренные, во фракахъ (изъ- за какого-то “меценатскаго раута”) и насъ мгновенно подавили бѣ- ло-чернымъ слѣпящимъ блескомъ, фамиллярными сужденіями о зна- менитостяхъ, перескакиваньемъ съ темы на тему, особымъ щеголь- ствомъ цинически-изысканныхъ фразъ, быть-можетъ принятыхъ въ загадочномъ ихъ кругу: во всякой “элитѣ” (истинной и поддѣль- ной), во всякомъ презрительно-замкнутомъ кругу свое разговорное щегольство — отъ церемонной свѣтскости или торжественныхъ вѣ- щаній до намѣренно-издѣвательской грубости — оно оглушаетъ во сторженныхъ новичковъ и кажется недосягаемо-труднымъ, затѣмъ перенимается незамѣтно-легко, придаетъ нашей рѣчи послушную, стройную гладкость и въ сущности ее обезличиваетъ подражатель- ной словесной игрой.

Я понемногу съ вашими пріятелями освоился и молча сидѣлъ,

ихъ разглядывая и сравнивая между собой: мой инстинктъ любознательности пробуждается не отъ перваго знакомства, а отъ внезапного наводящаго толчка, и этимъ неожиданнымъ толчкомъ для сопоставленія вашихъ друзей оказалось одно случайное обстоятельство — насколько до мелочей совпадало парадное ихъ великолѣпіе, невольно отбѣнявшее у обоихъ непохожія, но какъ бы родственныя черты. Меня дѣйствительно въ ихъ внѣшности поразило то неуловимо сближающее несходство, которое бываетъ иногда у супруговъ, у компаньоновъ, у людей почти не расстающихся и постепенно приспособившихся къ совмѣстной жизни или работѣ. Основное у Петрика — удлиненность, облагораживающая худобу, блѣдная яркость, лучистые сѣрые глаза, слишкомъ тонкія, выхоленные руки и вспышками рѣзкій, по дѣтски взвизгивающій смѣхъ. Павликъ обыкновеннѣе — округлое, чуть румяное благообразіе, возможная въ будущемъ полнота при сохранившейся еще пропорціональности линій и упругости, тоже сѣрые, но тускловатомыя мягкіе глаза и пухлыя ручки съ коротенькими безвольными ноготками. Все это сглаживается одинаковостью роста (моего — средне-высокаго) и старательной прилизанной подтянутостью, а также необычайной молодожавостью, хотя Павлику около тридцати лѣтъ и онъ взрослѣе, уравновѣшеннѣе Петрика: я теперь лишь по достоинству оцѣнилъ вашу похвалу — “дѣльные мальчики” — и не безъ горечи припомнилъ равнишее собственное замѣчаніе — послѣ вашего романа съ Бобкой — о “вѣчныхъ мальчикахъ”, вамъ нравящихся (вы улыбаясь тогда возразили, что къ нимъ причисляете и меня).

Новые гости сперва держались презрительно въ сторонѣ, обмѣниваясь чуждыми намъ сенсаціями (и къ намъ ни разу не обратившись, какъ будто мы “не доросли”), говоря о картинахъ, о торговцахъ, о щедромъ лондонскомъ богачѣ: Петрикъ въ свои двадцать четыре года уже нашумѣвшій художникъ, и цвѣтисто-многословные здѣшніе критики считаютъ его надеждой и чудомъ. Мнѣ все менѣе “импонируютъ” успѣхъ и талантъ, а такая наглядная профессиональная беззащитность для меня просто кощунственно-оскорбительна, хотя нерѣдко подъ нею прячется стыдливая одержимость своимъ призваніемъ. Въ этомъ обычно вы со мною сходитесь — вамъ нужно, какъ и мнѣ, таинственное “внутреннее содержаніе”, что пожалуй гадательно и меня возвышаетъ: вѣдь я приписываю себѣ какія-то

непроявленные силы и въ чемъ-то беззащитнѣе, самонадѣяннѣе Петрика. Но ваше недоверіе къ успѣху — признакъ душевной независимости и осторожнаго, справедливаго, неженскаго ума — и если въ данномъ случаѣ вы не останетесь безпристрастной, васъ нетрудно понять (и особенно мнѣ) и найти объясненіе въ любовной вашей слабости. У меня самого стремительно возникаетъ отвѣтное, влюбленное, словно бы женское пристрастіе: я заранѣе осуждаю ваше предполагаемое восхищеніе, его пытаюсь опровергнуть и свою придирчивость обосновать, причѣмъ — не умѣя разбираться въ картинахъ, зная о Петрикѣ изъ газетъ — выискиваю у него человѣческіе недостатки, но это косвенно роняетъ и неизвѣстныя мнѣ картины. Я вамъ хотѣлъ бы доказать, что ваши друзья — карьеристы и снобы, что главная цѣль ихъ — общественно подняться, пролѣзть въ очередной, имъ запретный кругъ (гдѣ, даже сомнительно утвердившись, они забываютъ о предыдущемъ), что ихъ “нуворишское” чванство на васъ предѣльно непохоже и слѣдовательно вамъ съ ними не по пути, при всей вашей упрямой ослѣпленности: вы настолько значительнѣе всякой среды, въ которую нечаянно попадаете, и всякихъ “кастовыхъ” соревнованийъ, что ихъ не видите и не гордитесь какой-либо мѣстнической своей побѣдой и своимъ отраженнымъ, заемнымъ блескомъ — не потому ли со всѣми вы одинаково любезны, съ незнанаемо-скрытымъ оттѣнкомъ превосходства и снисходительности. Впрочемъ нельзя такъ безразсудно поддаваться воображенію — поработенная имъ реальность возстаетъ и метитъ за себя, и это сейчасъ же, неоспоримо, на мнѣ подтвердилось. Быть-можетъ я васъ и не очень перехвалилъ, зато вашихъ пріятелей необоснованно и чрезмерно унижилъ своей, къ нимъ примѣненной теоріей о снобизмѣ, опять-таки непровѣренной и подражательно-безпощадной — и вотъ искусственно получилось огромное неосотвѣтствіе, лишь растравляющее мою обиду назойливой мыслью, что вы предали меня ради недостойныхъ васъ людей. Напротивъ, отрѣшившись отъ предвзятости и негодованія, успокоительно думать, что ваши друзья — со всѣмъ не “высочки”, не “пустозвонные болтуны”, какъ я бы охотно ихъ обозвалъ, при несомнѣнномъ сочувствіи Риты и Шуры (у насъ робкій и молчаливый “тройственный союзъ”). И дѣйствительно Петрикъ добился успѣха — очевидно, какъ другіе — вдохновеніемъ и упорствомъ, онъ естественно увлеченъ профессиональными вопроса-

---

ми, у него изящныя движенія и аристократическое имя (Стеблины — богатая московская знать), Павликъ Ольшевскій, кажется, воспитанъ и образованъ и “на прекрасномъ счету” въ какой-то фильмовой конторѣ (по вашимъ словамъ, намекающимъ на житейскую мою непригодность), а въ дальнѣйшемъ обнаружилось и его неожиданно-милая талантливость.

Вы предложили ему что-либо спѣть. Онъ не ломаясь, немедленно усѣлся за рояль и послушно — вопросительно на васъ посмотрѣлъ — “Для начала спой “Бублички”, это пока не прѣлось, хотя скоро насъ будетъ изводить”, посовѣтовалъ Петрикъ, и вы его радостно поддержали. Павликъ задумчиво, какъ бы разсѣянно заигралъ, и его пухло-вялые, неловкіе пальцы, казалось, любовно гладили каждую ноту, создавая нѣжно-пѣвучіе звуки, не отвѣчавшіе грубому надрыву частушечной жалобы. Онъ и поетъ по своему, чуть-чуть однообразно, однако, проникновенно, голосомъ мягко-высокимъ, печальнымъ, усталымъ, не мѣняя тона, не напрягаясь, не доходя до шопота и лишь осторожно подчеркивая отдѣльныя фразы, какъ ихъ нерѣдко подчеркиваютъ поэты, читающіе свои стихи. Первые звуки у него рождаются словно бы изъ воздуха, и въ комнатѣ что-то непонятное протяжно-долго звенить. Такъ иногда напѣваютъ женщины, еле слышно, про себя, вызывая полувлюбленный таинственный откликъ — эта мысль меня вдругъ жестко и трезво перевела на внезапное подозрѣніе объ истинномъ соперникѣ, но я еще не успѣлъ втянуться въ постоянную о васъ тревогу и безопасно отмахнулся отъ непріятнаго, несноснаго подозрѣнія.

Онъ спѣлъ еще нѣсколько романсовъ, каждому извѣстныхъ, и среди нихъ старинный цыганскій — “разставаясь, она говорила” — котораго я прежде не слыхалъ и въ которомъ почему-то меня тронули слова — “одному лишь тебѣ дозволяла цѣловать мои смуглыя плечи” — и особенно тронуло все заключеніе:

Для тебя одного покраснѣю,
Покраснѣю предъ свѣтомъ суровымъ,
Для тебя поклянусь... и солгу я
И слезой, и улыбкой, и словомъ.

Я порою нахожу неизъяснимую прелесть не только въ цыганской или русской пѣснѣ, но и въ любой мелодической легковѣсной

музыкѣ, прелесть и непосредственную и какого-то косвеннаго воздѣйствія, какой-то нужной помощи извнѣ моему усыпленному вдохновенію: мнѣ представляется, что именно такая, не настоящая, не длительно-властная музыка помогаетъ “пустить на волю” напряженно-скованныя творческія наши силы, какъ и сценическая, однако литературно - плохая пьеса даетъ актеру возможность развернуться, свободно выразить себя и свое — онъ не подавленъ и не стѣсненъ навязчиво-личной авторской волей, и есть канва, есть готовое подталкиваніе и движеніе. Смутно пытаюсь вамъ передать свой внутренній жаръ и вѣроятно полусознательно къ вамъ подлаживаясь, я началъ неумѣренно хвалить выигрышныя мѣста послѣдняго романа (какъ хорошо “дозволяла”, а не “позволяла”, и еще убѣдительнѣе “для тебя поклянусь и солгу я”) и незамѣтно вашу благосклонность “купилъ”: вы дружественно-экзальтированно со мной согласились, причемъ было ясно, что это относится не ко мнѣ, что это лишь признательность за мои похвалы вашему гостю. Вы даже съ мольбой ему сказали подъ-конецъ, когда онъ тихонько опустилъ крышку рояля — “будьте добренькимъ, спойте мнѣ “Бублички”, ну пожалуйста не надо упрямитесь” — и я, возбужденный всѣмъ предыдущимъ, упиваясь текучестью напѣва, на-минуту повѣрилъ далекому видѣнію

Ночь надвигается,
Фонарь шатается,
Свѣтъ проливается
Въ ночную мглу.

.....
И въ ночь ненастную
Меня, несчастную,
Торговку частную,
Ты пожалѣй.

Я поддался, какъ въ пьяномъ забытіи, наивно-мечтательнымъ предположеніямъ, что быть-можетъ теперь “вся Россія” — въ деревняхъ, на городскихъ улицахъ, въ московскихъ пивныхъ — распѣваетъ эти разгульно-тяжелыя слова (пускай фальшиво-простонародныя), которыя съ ней полнѣе отождествляются, чѣмъ газетныя описанія, совѣтскія книги, свидѣтельскіе рассказы, и у меня появилось рѣдкое чувство теплой и сладостной общности съ непостижи-

---

мой, давно меня выбросившей страной. Я это попробовалъ объяснить — конечно, спокойнѣе и суше — неожиданно Павликъ вызывающе, словно поддразнивая, меня прервалъ:

— Видите, тамъ и въ пустякахъ люди умѣютъ создавать новое, а здѣсь ровнымъ счетомъ ничего

Я мгновенно вспыхнулъ отъ его заносчивости: мое неслучайное бѣженство, “кожное” отвращеніе къ большевикамъ по жестокимъ собственнымъ воспоминаніямъ, подогрѣтымъ столькими позднѣйшими событіями, неизбѣжное преувеличеніе европейской добросовѣстности и скромности (въ противоположность “ихъ” шальной самонадѣянности) — все это постепенно укрѣпило эмигрантскую мою непреклонность, но обычно, въ зависимости отъ собесѣдника, я бываю то благодушнѣе, то раздражительнѣе, и Павликъ нечаянно меня оттолкнулъ въ сторону нетерпимости и рѣзкости.

— А что же тамъ еще создаютъ новаго?

— Пятилѣтка — вамъ мало?

— Да, просто удивительно — строятъ фабрики и дома. Но если правда, что цѣлый народъ поклоняется какимъ-то постройкамъ, то ужъ признайтесь, вѣра не возвышенная и народъ скорѣе бездуховный.

— Не забудьте, это — средство, а цѣль высокая и прекрасная..

— Благополучіе, разумѣется, необходимое и котораго пока все меньше. И какъ же хотятъ къ нему придти — людей превращаютъ въ стадо, а для стада подыскиваютъ пастбище.

Внезапно Шура — поблѣднѣвъ и нарушая свою прежнюю осмотрительность — заговорилъ незнакомымъ, глухимъ, ненавидящимъ голосомъ:

— Бросьте спорить, одно правильное рѣшеніе — мое. Большевиковъ я разстрѣливалъ и буду разстрѣливать.

Петрикъ, не вмѣшиваясь въ разговоръ, сокрушенно-злорадно покачалъ головою, и я растерялся, открывъ, что Шура мнѣ такъ же непонятенъ, какъ эти благонамѣрено-буржуазные счастливицы, ради позы и современности притворяющіеся большевиками и кое въ чемъ инстинктивно-прозорливые — наше время дѣйствительно съ Шурой и съ ними, а я и немногіе мои сверстники, мы въ прошломъ или въ далекомъ будущемъ и у младшихъ поддержки не найдемъ.

Даже вы оказались не за меня и послѣ долгаго неучастія въ спорѣ укоризненно прошептали мнѣ — “стыдно!” — какъ будто не Шура, но я собирался кого-то разстрѣливать. Вы и должны были меня осудить, слѣдуя женскимъ своимъ пристрастіямъ и не вникая въ существо расхожденія — и, конечно, любовная обида (а не сознаніе вашей неправоты) вызвала гнѣвный мой внутренній отпоръ, и мнѣ стоило неимовѣрныхъ усилій привести доводы менѣе крайніе, чѣмъ у Шуры, но тонъ запальчивости мои усилія выдавалъ:

— Я вовсе не за кровную месть, но почему “они” первые могутъ убивать. А Шура напрасно себя чернить. Онъ не разстрѣливалъ, онъ только защищался.

— Не знаю, какъ бѣлые, а “они” могутъ и смѣютъ. У нихъ есть, во имя чего...

— Предположимъ, они ведутъ или увѣрены, что ведутъ къ добру. Но развѣ можно идти къ добру черезъ зло. Вѣдь нельзя же количественно измѣрять — меньшее зло ради большаго добра. А главное, нельзя въ то же время любить и ненавидѣть.

Это — мое давнишнее постоянное возраженіе (неотразимо для меня убѣдительно, всякимъ сторонникамъ беспощадной “борьбы за идею” и разумно-полезнаго истребленія побѣжденныхъ. Мнѣ показалось, что “вопросъ исчерпанъ”, но Петрикъ съ нѣжной улыбкой заявилъ (я мелькомъ подумалъ — “иезуитская улыбка”):

— Ваше благородство похвально и достойно, однако, достойнѣе всего простой здравый смыслъ. Количественной разницей не слѣдуетъ пренебрегать, и мы всегда что-то выбираемъ и чѣмъ-то жертвуемъ. Но “тамъ” есть и качество, и духовность, которую вы отрицаете.

Петрикъ назвалъ совѣтскія литературныя имена, и мы опять стали спорить — безтолково и раздраженно — повторяя всѣмъ извѣстныя слова о творчествѣ и свободѣ, о эмигрантской нашей оторванности, причемъ каждый изъ насъ, поневолѣ, отмѣчалъ лишь чужія оплошности и проникался неуваженіемъ къ собесѣднику. Къ намъ присоединился Павликъ, сейчасъ же запутавшійся въ цитатахъ и заглавіяхъ книгъ, и я использовалъ сравнительную свою освѣдомленность, чтобы высмѣять обоихъ своихъ противниковъ и намекнуть на ихъ “комсомольскую” наивность. Петрикъ, нисколько этимъ

не смущаясь, напалъ на меня и на мои “западническія тенденціи” — съ прежней, милой, дѣтской улыбкой:

— Вы, къ сожалѣнію, не единственный, у кого стариковскій испорченный вкусъ Вамъ, конечно, нравится “французская кухня”, ея переутонченные блюда, увы, несвѣжія и не питательныя.

— Что дѣлать, если они разнообразнѣе и лучше нашихъ. Но оставимъ “кулинарный стиль” и постараемся быть серьезнѣе. Мнѣ кажется, отъ революціи мы, русскіе, интеллектуально обнищали, и надо умѣть признаваться въ своемъ паденіи. Неужели вы не видите, что Россія отъ міра наглухо отгорожена и захлебывается въ собственномъ самодовольствѣ. Неужели не ощущаете провинціальной ея слѣпоты.

Я забылъ, какъ меня самого — отъ одной незатѣйливой пѣсенки — въ эту “провинцію” мучительно потянуло, и не безъ грубаго ехидства продолжалъ:

— Боюсь, и вы становитесь на нихъ похожими и защищаете не большевиковъ, а себя.

— Благодарю за любезность и предлагаю эту острую полемику прекратить, не то мы подеремся или усыпимъ нашу бѣдную хозяйку. Да и мнѣ съ Павликомъ пора на балъ.

— Простите за мое негостепріимство, я дѣйствительно очень устала — и вовсе не отъ вашей полемики. Я просто не успѣла отдохнуть послѣ дороги и квартирной возни.

Ваша усталость, обнаружившаяся именно къ уходу обоихъ друзей, мнѣ представилась рѣшающей ихъ побѣдой, и я передъ ними, на улицѣ, стыдился своего пораженія. Шура что-то угадалъ и на прощанье довѣрительно шепнулъ, словно пытаюсь меня утѣшить:

— Вы были молодцомъ, а наша Леля немножко ерундить, но мы еще имъ покажемъ, гдѣ раки зимуютъ.

Петрикъ, быть-можетъ отыскивая общій со мною тонъ, заговорилъ о васъ и о Ритѣ цинически-весело, по мужски — “а стоитъ ли добиваться и терять время?”. Я отнесся безъ должнаго юмора къ его дѣловитому вопросу, анекдотически (но едва ли намѣренно) безтактному, и возмущился до бѣшенства и до боли (“какая наглость — если бы Леля слышала — нѣтъ, ее надо предупредить”) и не сразу подумалъ о томъ, что Петрикъ видимо не влюбленъ, что и я въ подобныхъ обстоятельствахъ разсуждаю такъ же безцеремонно, что

вся моя горечь отъ любви, отъ любовнаго упоенія вашей несправедливостью, и меня даже не обрадовало смягчающее воздѣйствіе Павлика (“брось, это некрасиво, ты не умѣешь себя вести”): оно мнѣ какъ-то помѣшало законно упиваться негодованіемъ.

Дома я понялъ, что снова задѣтъ, обиженъ, ревную, что ваша расхоложенность, наглядно мною увидѣнная, стремительно ускорила любовное мое возвращеніе, что мнѣ предстоятъ борьба и отчаяніе, а пока вплотную подошла эта уединенно-нетерпѣливая ночь. Я съ ужасомъ вспоминаю такія ночи, съ отвратительными до нихъ “последними впечатлѣніями”, съ рядомъ безпомощныхъ попытокъ себя обмануть, съ нарастающимъ сознаніемъ своего безсилія и съ невозможностью благоразумно смириться — у меня изрѣдка бываютъ тяжелые приступы удушья, и вотъ, когда они проходятъ и дышется чарующе-легко, мнѣ страшно думать объ ихъ неизбѣжномъ возобновленіи и нельзя ихъ предусмотрѣть или отвести, и такъ же внезапно, полуслучайно возобновляются безсонно - ревнивыя мои ночи, съ которыми я долженъ — отъ природной сопротивляемости — бороться, хотя и знаю свою, передъ ними доказанную слабость. И сейчасъ, въ изнуряющемъ одиночествѣ, какъ бы испытывая тошноту отъ физической боли, какъ бы стараясь — пускай ненадолго — ее унять, я безъ конца ворочался на жесткой отельной кровати и перепробовалъ, одинъ за другимъ, всѣ старые, наивно-жалкіе способы освобожденія. Есть, напримѣръ, давно мнѣ извѣстная и порою спасительная поза — лежать съ закрытыми глазами на спинѣ, опираясь головой о плоскую подушку — тогда невольно могутъ совмѣститься тѣлесное удобство, отсутствіе желаній и пріятныя мысли о прошломъ (разумѣется, вашемъ и моемъ), мысли, заглаживающія теперешнюю безнадежность, однако, искусственное это спокойствіе исчезаетъ (словно его “сдунули”) отъ нечаяннаго движенія, отъ малѣйшей внутренней перемѣны, и пожалуй неясно, что лучше и что хуже: вѣдь меня тянетъ къ отдыху и неподвижности огрубляющей инстинктъ душевнаго здоровья, и въ стремленіи укрыться отъ бѣды, отъ навязчивыхъ воображаемыхъ упрековъ, мнѣ столько разъ помогавшихъ судить о себѣ, о людяхъ и чувствахъ, въ подобномъ стремленіи больше трусости, чѣмъ силы, моя же подлинная сила и призваніе — безбоязненное любопытство ко всему неуловимо-запретному, не отравленное ни склонностью себя мучить, ни корист-

---

ными описательскими цѣлями, но эта безпримѣсная, живая любознательность, единственный источникъ плодотворной моей зрячести, убивается вотъ именно такими намѣренно-успокоительными, удобными “позами”, и развѣ не вмѣшательство судьбы, что каждая изъ нихъ — ошибка или миражъ — и что я, даже противъ воли, не опускаюсь. И еще одна завѣдомо напрасная иллюзія — сначала вами привычно-возбужденный, я умышленно свое влеченіе переношу на какую-либо другую, мелькнувшую въ памяти женщину (вчера, кажется, впервые — на Риту), и мнѣ становится вдвойнѣ и стыдно и грустно, оттого-что и “она”, вслѣдъ за вами, не раздѣляетъ унизительно-нѣжной, моей чувственности или завистливыхъ, необузданныхъ желаній — и это обостренно сознаю, но долженъ какъ-то провести часы до утра и какъ-то вынужденъ себя утвердить, наперекоръ убогой, отвергающей меня реальности.

Вѣроятно самое несносное — мнѣ надо ускорить теченіе времени, отъ него оторваться, его “перехитрить” и “перегнуть” (погрузившись въ полуобморочную дремоту), а время изводитъ меня, какъ изводитъ школьника на урокъ, ненавистно-унылой своей размѣренностью, и каждая минута на счету: поэтому ночная моя лихорадка становится замедленной, неестественно-удлиненной, и жестокое непрерывное ея сверленіе словно бы состоитъ изъ тысячи размножившихся частицъ. Нѣтъ потребности, да и нужно ли сосредоточиться — я только послушно отмѣчаю, какъ безсвязно чередуются обрывки надежды, слова оскорбленной и не прощающей гордости, смутныя поползновенія васъ оправдать (тѣмъ, что мы не выбираемъ своей любви и нелюбви, что и я бывалъ невольно безпощаденъ). Наряду съ покорной усталостью возникаетъ жажда подвига, славы и денегъ, настойчивое стремленіе, передъ вами, безобразно и мстительно чваниться, создаются ребяческія картины вашего раскаянія, горькой и поздней вашей жалости, но все это не удерживается, куда-то соскальзываетъ, и одно лишь неизмѣнно возвращается — разрывая мнѣ горло и грудь — пониманіе невознаградимой потери. Въ сущности вы себя не выдали, ничего не сказали о своемъ уходѣ, о счастливомъ моемъ преемникѣ — и однако что-то произошло, достаточно ясное для меня и безъ вашихъ “официальныхъ” подтвержденій: я злобно припоминалъ нелѣпыя мелочи и въ нихъ обнаруженную вами ко мнѣ откровенную враждебность, забвеніе прошла-

---

го, нечаянныя обиды (самыя неподдѣльныя и оттого самыя тягостныя), и меня постепенно охватила тоска безповоротности, безутѣшности, преувеличенно — какъ все любовное — распространяясь на цѣлый міръ, гдѣ я мучительно живу, гдѣ нельзя оболящаться и обманываться, гдѣ нѣтъ ни опоры, ни союзниковъ, ни друзей. Заснуть такъ и не удалось, и хмурое раннее утро, нерѣдко сладчайшій, невратически-запоздалый мой отдыхъ, до срока великодушно прекратило бессонную эту ночь, и я торопливо одѣлся, дрожа отъ слабости, потягиваясь и зѣвая, какъ праведный, примѣрный рабочій, который — по фабричному гудку — спѣшитъ, хотя и еле очнулся, на работу.

Обычно я нелегко поддаюсь разнородно-случайнымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ (погоды, улицы, обстановки), и то, чѣмъ я **внутренно** поглощенъ — всегда близоруко-навязчиво — меня словно бы охраняетъ отъ всѣхъ этихъ неисчислимыхъ воздѣйствій, но теперешняя моя поглощенность, дошедшая до одержимости, до тупости (при невозможности чему-либо сопротивляться — изъ-за двойного, тѣлесно-душевнаго гнета), казалось, “окрашивала” и усиливала незамѣтныя прежде вліянія: такъ широкая струя воды въ умывальникѣ, дважды неправильно и судорожно рванувшаяся, мнѣ представилась странно-похожей на ляганье лошади, не подчиняющейся всаднику, а холодный, непріязненный осенній воздухъ меня ошеломилъ на мгновенье, точно звонкій и неожиданно-быстрый ударъ. Затѣмъ — какъ будто опомнившись отъ наркотическаго мутнаго оцѣпенѣнія (съ повышено-болѣзненной воспримчивостью ко внѣшнему) и снова разумно-упорно собою занятый — я внезапно пересталъ ощущать ледяное злобствованіе порывистаго, рѣжущаго вѣтра и еле отмѣтилъ въ Булонскомъ лѣсу, куда меня бессмысленно занесло, столь мнѣ знакомое, столь милое когда-то предзимнее, предсмертное увяданіе. Мое покорное отчаяніе, какъ у многихъ жизненно-цѣпкихъ людей, неосторожно попавшихся въ западню, смѣнилось потребностью немедленно дѣйствовать, и вотъ я рѣшилъ, при вашей помощи, устранить назойливыя темныя догадки и съ вами сейчасъ же договориться — скорѣе отъ смѣлости передъ грозной и безутѣшной правдой, чѣмъ отъ малодушія, подавленнаго тяжестью незнанія, и ужъ вовсе не отъ чрезмѣрной, просительно-смиренной болтливости, какою довольствуется отвергнутый поклонникъ. У васъ я раз-

---

сѣянно оглядѣлся, и меня — въ изступленной моей тревогѣ — не поразила ваша ранняя привычная аккуратность (блузка и юбка, а не халатикъ, гладкіе волосы, убранная спальная, изъ которой поспѣшно вы со мной перешли въ “гостиную”), не поразило меня и то, что вы не удивились моему приходу: ваши ласково поощряющіе глаза словно тихонько шептали — “въ чемъ дѣло?” — я же, волнуясь, какъ передъ экзаменомъ или въ концѣ увлекательной книги, со страхомъ, съ отѣнкомъ фаталистическаго безсилія, съ любопытствомъ посторонняго свидѣтеля, я себя убѣждалъ — “скоро все будетъ ясно, еще минута спокойной выдержки”. Слова находились цѣлосообразно-простыя, безъ неминуемаго косноязычнаго стыда (за насильственное вторженіе и допрашиванье) — я напомнилъ о нашемъ далекомъ прощаніи, о тогдашней взаимной искренности, о своихъ надеждахъ и правахъ. Вы сидѣли въ креслѣ, напротивъ меня, привѣтливо-добрая, съ выжидательной улыбкой, и пытались — отвѣчая — подбирать необходія, смягчающія выраженія, но была въ васъ какая-то стальная непреклонность, мнѣ извѣстная по прежнимъ разговорамъ, какая-то несокрушимая власть надъ собой, какой-то испугъ и дрожащая ярость самозащиты, и сразу — до смысла вашихъ словъ — стало очевидно, что я проигралъ. При этомъ бережная ваша осмотрительность не искупала, не могла измѣнить всего мной услышаннаго и понятаго, и мелькомъ я грубо о васъ подумалъ — впервые за послѣдніе мѣсяцы въ третьемъ лицѣ — “мягко стелеть”, и “здорово ее прибрали къ рукамъ” — и невольно подумалъ, что я бы не сумѣлъ такъ хладнокровно сообщить о разрывѣ, такъ безжалостно ловко “поставить на мѣсто” влюбленнаго, который еще надѣется, который связанъ столькими обѣщаніями и годами плѣнительной дружбы, если бы меня все время не поддерживало неотразимое чужое внушеніе, болѣе крѣпкое и нужное, чѣмъ эта, имъ вытѣсненная близость. Я пожалуй неточно передалъ и какъ-либо долженъ соединить разрозненныя ваши заявленія, но ложно - уступчивый ихъ тонъ, ихъ гибкая, “дипломатическая” твердость останутся въ моей памяти навсегда. Вы сказали приблизительно слѣдующее:

— Я все чаще размышляю о нашемъ “романѣ”, и печальный выводъ — мы съ вами въ тупикѣ. Мы начинаемъ старѣть, и необходимо честно и трезво оглядѣться. Наша идиллія — трусливая, легкомысленная и безъ будущаго, и это, къ сожалѣнію, непоправимо

— не по моей и не по вашей винѣ. Вы меня опoэтизировали, я даже повѣрила въ собственную воздушность и поэтичность, но по существу я благоразумная и дальновидная. Представьте себѣ, милый другъ, еще нѣсколько лѣтъ подобной безопасности, а затѣмъ, что насъ обоихъ ожидаетъ, передъ чѣмъ мы оба съ вами окажемся? Нѣтъ, мнѣ надо какъ-то устраивать свою жизнь, да и вамъ я помѣха и обуза. Не спорьте, вамъ трудно со мной, я нелѣпо-требовательная, вздорная женщина и за вами неискренне, жалко и скучно тянусь, не давая вамъ по настоящему развернуться. Вы одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, какихъ я встрѣчала, вы созданы для упорныхъ усилій и для успѣха, для безоговорочной, безкорыстной поддержки, а я черезчуръ занята собой, своими постыдно-мелкими побѣдами неуверенной, старѣющей “донъ-жуанессы”, но моя величайшая радость — если бы вы нашли достойную васъ подругу и если бы она убѣдилась, что должна во всемъ передъ вами стираться. О, тогда бы я добровольно ей уступила, не безъ зависти, однако съ тайной за васъ признательностью. Не хочу язвительныхъ упрековъ, будто я искусственно ухожу отъ любви и дано ли намъ въ себѣ ее уничтожить. Ничего серьезнаго и новаго не произошло, и не толкуйте ничего превратно — мое отношеніе прежнее, но измѣнилось “отношеніе къ отношенію”.

Я понялъ одно, что по этимъ причинамъ (не очень вѣскимъ или попросту выдуманнѣмъ), я безповоротно лишаюсь чарующей вашей близости — голоса, кожи, родного, привычнаго колдовства пальцевъ, ладоней и обнаженныхъ плечъ — лишаюсь бодрящихъ милыхъ вашихъ объятій, порою неистово - повелительныхъ, и вашихъ неутомляемыхъ, неотрывающихся губъ, всей трепетно - тонкой, доступной и щедрой вашей стройности, и что все это достанется или досталось уже мной угаданному случайному сопернику, и къ нему оскорбленно-упрямая ненависть явилась первымъ моимъ безразсуднымъ побужденіемъ. Потомъ незамѣтно возникла удивительная работа приспособленія, попытка примириться съ неизбѣжностью, съ которой, казалось бы, примириться нельзя, попытка хоть что-нибудь спасти, пускай даже унизиться, но васъ не потерять, и въ первыя, еле осознанныя мои старанія влилась разѣдающей отравой та же неотвязная мысль о соперникѣ, до васъ произвольно, почти немедленно доведенная:

— Я не спорю и заранее согласен на все, только скажите, что не будет другого.

Вы улыбнулись успокоительно-нѣжно, быть-можетъ обрадованная послушной и быстрой моей сдачей, и я вашу благосклонность использовалъ, притворившись недоумѣнно - несчастнымъ — не безъ глухого, инстинктивного расчета:

— Но какъ же дальше? Мнѣ къ вамъ не приходитъ? Неужели вы рѣшили, что лучше не видѣться?

Мой расчетъ полусознательно “строился” на вашей дружеской улыбкѣ, и оказалось, что я не ошибся — вы мнѣ поспѣшно, съ горячностью, возразили (не знаю, изъ жалости или наивно-опрометчиво):

— Приходите, какъ раньше, какъ всегда — мнѣ никого не надо, если вы не отвыкли отъ меня, если попрежнему намъ вмѣстѣ хорошо.

Вы пересѣли, волнуясь, на диванъ и очутились рядомъ со мной, до осязательности, до сладости близко, и у меня, побѣдившаго въ чемъ-то основномъ (не разставаться, имѣть къ вамъ доступъ), у меня сразу повысилась требовательность — и отъ вашего головкружительнаго сосѣдства, и отъ несомнѣнности будущихъ нашихъ встрѣчъ, отъ еле оправданной и уже капризной избалованности — я смущенно-лукаво спросилъ (все въ той же роли искусснаго притворщика), исполните ли вы “последнее пожеланіе разлюбленнаго”, и, услышавъ торопливое “да, конечно”, какъ бы шутя, какъ бы подражая модной пѣсенкѣ, театрално произнесъ: — **Un baiser !**

Кажется, поводомъ для несвойственной мнѣ развязности было представленіе, будто ваша нога поощрительно-долго прижимается къ моей, но позже выяснилось, что я толкаю ножку стола и что именно это и вызвало какую-то чувственную безстыдную мою смѣлость, нелѣпую вспышку ребяческихъ надеждъ, и лишній разъ подтвердился старый законъ — что для насъ реальность обманчиво сливается съ иллюзіей, и значить суть въ нашемъ головномъ воспріятіи, а не въ самой внѣшне-предметной сути. Все же и такой унижительный поводъ меня привелъ къ успѣху, безъ него недостижимому, зато и соотвѣтственно призрачному и жалкому: въ одномъ изъ позабытыхъ своихъ дневниковъ недавно я съ горечью отмѣтилъ выраженіе “неубѣдительный поцѣлуй” (какъ неизмѣнно у каждого изъ

насъ повторяются одинаковые или сходные случаи, какъ мало дѣйственной пользы даетъ нашъ многотрудный, неимовѣрно печальный опытъ), и вотъ обидное это выраженіе примѣнимо къ сегодняшнему единственному поцѣлюю — вы до брезгливости равнодушно мнѣ сбоку подставили скупыя, сжатыя губы, и я имъ завѣдомо-ложно приписалъ мягкость, женственность, умиленность, прелесть вернувшейся и ликующей отвѣтственности, все мной утерянное, предназначенное другому и въ чемъ я завистливо нуждался. Если бы тотъ, кому вы меня предали, кому вѣроятно обѣщали со мною порвать, ощутилъ вашъ сегодняшній поцѣлуй, онъ къ вамъ едва ли смогъ бы придратъся и счесть нарушеннымъ жестокой вашъ уговоръ. Я васъ покинулъ неподвижно-сиротливой, приросшей къ дивану, усталой, поколебленной (хотя мнѣ еще передавалась какая-то враждебная упрямая сила) — и эта необычная ваша раздвоенность немного меня обнадежила смутной возможностью борьбы.

Я потомъ еле разбирался въ техническихъ своихъ переводахъ, навязчиво пытаюсь разрѣшить бесполезный и страшный вопросъ — почему вы меня удерживаете, вопреки очевидности конца, и на чемъ основана такая очевидность — и не впервые мнѣ только мѣшало все о васъ достовѣрно извѣстное, всѣ кровно-памятныя ваши противорѣчія. Я себя доказывалъ, что съ вами неизбежны, пока вы не разлюбили (а какъ это безошибочно распознать), счастливые дни послѣ тяжелыхъ и безысходныхъ, и значить надѣяться правильно и умно — точно такъ же, среди ослѣпляющей радости, я готовился къ несомнѣнному удару. Теперь мнѣ былъ нуженъ утѣшительный примѣръ, и я, сосредоточенно вспоминая нашъ суровый прошлогодній разрывъ, смѣнившійся недѣлями безукоризненнаго согласія, невольно открылъ одну изъ причинъ постоянныхъ вашихъ колебаній — что вы бываете по-дѣтски безпечной, недалъновидно и забывчиво легкомысленной, съ необъяснимой увѣренностью въ обратномъ: вы не разъ мнѣ искренно жаловались, какъ васъ удивляли разставанія и ссоры, на васъ будто бы “валившіяся съ неба” и, конечно, вами же безсознательно вызванныя. Но въ самой правдивой своей глубинѣ я понималъ, что себя напрасно подбадриваю, что это расхождение непоправимѣ другихъ, какъ непреклоннѣ, чѣмъ когда-либо, ваша твердость (при всей лицемѣрной внѣшней уступчивости), и первоначальная моя цѣль — приспособиться — послѣ упрямыхъ и без-

---

помощныхъ блужданій, меня привела къ наименѣе болѣзненной “идеологіи”: мнѣ захотѣлось, подобно множеству неудачниковъ, смягчить пораженіе, признавъ его заслуженнымъ и предрѣшеннымъ, то-есть, оказаться недостойнымъ вашей любви, и для этого я придумалъ удобное сопоставленіе — вы живете, а я гдѣ-то около жизни, у васъ къ ней жадность, у меня любопытство, и я долженъ, какъ раньше, до васъ, не надѣяться, не бороться, не добиваться, долженъ честно примириться съ относительнымъ.

СЕРГѢЙ ШАРШУНЪ
ДОЛГОЛИКОВЪ

ИЗБИЕНІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ

Бѣдный ребеночекъ! Коровій сыночекъ! За что-же это тебя казнили?..
Какъ смотрять твои мертвые глаза!

(Неужели и здѣсь бываютъ погромы?

Тебя, видно - колотили дубинами).

Какъ выкатился, шишкой, насторону мраморный, парафиновый
языкъ!

Ты весь обмытый, восковой - какъ и фаянсовый гробъ въ которомъ
ты лежишь.

Но, зачѣмъ-же моргъ на самой людной, узкой улицѣ, съ широко раз-
бросанными, разинутыми дверями?

И, зачѣмъ, твоя гильотинированная, сбритая сицилійскимъ парик-
махеромъ голова, выставлена на блюдѣ, такъ отвратительно, откровенно-
напоказъ!

Капризь, игрушка и ярость какихъ Саломей?!

Или можетъ-быть, ты всего резиновый мячъ регбистовъ — сфабрико-
ванный въ Германіи!?!

Но нѣтъ — твои мутнѣющіе глаза (последнія искры жизни) вдохно-
венны!

И пожалуй, еще сегодня утромъ ты самъ, весело игралъ въ регби,
на лугу.

Твой лобъ, нисколько не менѣе пригоденъ — пырять мячъ; и лега-
ешься и скачешь, ты, не менѣе рѣзво и весело, ты — четырехногій вегета-
ріанецъ, чѣмъ твои побѣдители - двуногіе людодѣды. (Вѣдь съѣсть тебя лю-
додѣдство!).

Да, да, да! Ты убитъ канибалами на съѣденье!

(Какъ страшно за свою голову!.. Чьихъ головъ больше катится — те-
лячьихъ или человѣчьихъ?)

Какъ соблазнительное, лакомое, расписанное пирожное-ты въ бумаж-
ныхъ, кружевныхъ воротничкахъ, и, на средиземноморскій манеръ, зеленый
листь за ухомъ. (Подлецы глумятся надъ смертью!).

Ты зазывало! Ты премированный красавец мертвых убиенных! Заманивальщикъ въ (публичный) домъ, зарѣзанныхъ при погромѣ.

Чудовищнымъ, хаотическимъ, пьянымъ, сумасшедшимъ букетомъ — выброшенныхъ въ оркестръ языковъ смерти (смерди, тлѣнья) запаховъ, переливающихся рвотной, заразной, глетворной радугой переходовъ отъ пепелящаго пламени огненного вина, многоуханно тающаго меда, терпкаго шоколада, сахарныхъ гранатъ, банановъ и винограда, зелено - жилыхъ сыровъ, колющаго зельтерской водой, скипидара, усыпляющимъ бархатомъ разложенія и ледянымъ мигреньштифтомъ: заклинаешь на пожраніе себя, твоихъ матери и отца и всего твоего несчастнаго рода!

Ты играешь первую скрипку! Ты первый министръ, канцлеръ своего народа!

Ты удачливъ! Твоя жизнь удалась! Ты талантливъ! Ты гениаленъ! Вотъ что значить - не пропустить случая! Не пронести ложки мимо рта! Вотъ что значить новая, молодая, свѣжая, здоровая, спортивная жизнь!

О, въ какіе сонеты приправъ, въ какія богатя изысканныя деликатесныя, острыя, пряныя фирмы, уберуть тебя теплокровноѣды!!!

С В. М И Ш Е Н Ь К А

«Что-же это ты, Мишенька не приходишь никогда; забылъ совсѣмъ своихъ родныхъ!» сказала тетя Соня, зайдя въ магазинъ.

Миша, не нашелся, не умѣеть, что отвѣтить, но черезъ нѣсколько дней, оторвавшись отъ декадентскихъ книгъ (которыя читалъ никогда не задумываясь, понимая не все, но любя, тяготѣя интуитивно) отъ живописи или «пробы пера» — пошелъ черезъ дорогу, къ тетѣ Сонѣ, «чайпить»; во флигель на высококомъ фундаментѣ, крашенный въ синюю краску; 3 окна и парадное на улицу.

(Миша помнилъ, когда флигелекъ былъ о 2 окна, — но подросла дочь и его расширили — «привѣчать жениховъ» — студентовъ, семинаристовъ, даже дворянъ).

Пришелъ Миша, въ сумерки, часовъ послѣ 4.

Чай еще не былъ готовъ и онъ перелистывалъ «Огонекъ».

Передъ нимъ крутилась жизнь большихъ городовъ, тропическія страны, войны, дредноуты, Эдиссонъ.

Каждый номеръ кончался статьей о художникѣ, — пера Брешко - Брешковского.

Въ одной говорилось, что Перовъ потому великій художникъ, что у него лобъ съ зализанами... («эхъ, значить я не буду великимъ художникомъ!»).

Кнаусъ сообщилъ русскому интервьюеру, что ихъ, нѣмцевъ — трудно чѣмъ — нибудь удивить, но все-же, кажется онъ помнитъ картину Рѣпина «Запорожцы».

Потомъ, Миша наткнулся на статью о Диффенбахѣ.

Художникъ рассказывалъ, какъ любить животныхъ, какъ стыдно и вредно употреблять ихъ въ пищу, что онъ вегетарианецъ.

Миша узналъ объ этомъ въ первый разъ, и не раздумывая, устыдившись за прошлое, заявилъ тетѣ, что «чайпить» будетъ безъ молока, и не ѣсть больше ни мяса, ни яицъ.

«Что ты Мишенька, Христось съ тобой, ты умрешь съ голода!» всполошилась тетка, «какъ это можно!».

Отецъ, немножко философъ и свободомыслящій, бѣжавшій въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ изъ дому, сказалъ раздраженно (какъ всегда). «дѣлай что хочешь, самъ не маленькій, только не околѣй съ голоду!».

Бабушка и тетки разкудахтались, уговаривая на перебой — какъ можно скорѣе начать ѣсть мясо, «что это ты, Мишенька, выдумалъ, или у васъ ѣсть нечего!» заботясь о воспитаніи дѣтей умершей Мишиной матери.

Онѣ пытались оскоромить, соблазнить его, заставляя экономку подмѣшивать мясное въ пищу.

Но понемногу успокоились. Миша не умеръ, едва-ли похудѣлъ (и безъ того нежиренъ, въ отца), а больше всего по религиознымъ соображеніямъ: «пусть постится, если есть охота! Въдѣ жили — же святые угодники десятки лѣтъ, питаюсь хлѣбомъ и водой. Не умираемъ-же мы, когда постимся. А много-ли видятъ мяса крестьяне, а вонъ какіе здоровые!»

«Просто прочель, что это полезно вотъ и все!» говорила тетя Таня, бывшая въ молодости первой красавицей въ городѣ («мы Мишенька изъ поляковъ, нашъ родитель былъ хоть и не дворянинъ, но былъ съ благородными» — говорила бабушка. Она выросла въ помѣщицкѣй семьѣ и умѣла читать псалтырь) — была выдана замужъ за пьяницу штабсъ — капитана, единственнаго офицера въ городѣ («папашина амбиція»), промотавшаго приданое и бросившаго ее. Съ тѣхъ поръ, она разъѣзжала по клиникамъ, изгоняя женскую болѣзнь; а лѣтомъ перебирались въ лѣсъ, на гору, на дачу. Побывала даже въ Крыму. Мѣсяцами не вставая съ постели — былъ досугъ почитать: «Рай безъ Адама», «Одна за многихъ»; откровеніемъ-же ея жизни и девизомъ были: «Записки врача».

«Ты бы пришел нынче къ намъ Мишенька, пельмешковъ поѣсть, вкусные — вѣдь хочется небось?», соблазняла бабушка.

«Можетъ-быть иногда и хочется, да совѣстно ѣсть мясное», отвѣчалъ Миша.

Межь криковъ, сплетенъ и ругани объявилъ Петриха, на кухнѣ, внучка своего, Мишу — святымъ.

Тетя Таня не вѣрила въ его святость, и сидя на крыльцѣ, выходящемъ на главную Дворянскую улицу, видѣла Мишу съ пріятелями революціонерами; не разъ говорила, чтобъ пересталъ знаться съ ними, а лучше бы женился на какой хочется: на купеческой дочери — тогда еще откроютъ магазины, или на бѣдной учительницѣ — у отца денегъ много, или даже на еврейкѣ, она образованная, отецъ противиться не будетъ — теперь не тѣ времена.

Въ одинъ изъ такихъ разговоровъ, тетя Таня, всплакнувъ, отъ чувствительности — повторяя, что поклялась воспитать сестриныхъ дѣтей — сказала мелькомъ, что его отецъ любилъ ее, а мама — Ивана Петровича Вѣрнова.

Рисуя, читая, нудно влюбляясь, помогая (но стараясь поменьше, пассивно защищаясь) отцу торговать, принимая (однимъ бокомъ) участіе въ организаціи социалистическихъ кружковъ, дичая отъ одиночества, неудовлетворенности, никчемности — чтобы поставить крестъ надъ очереднымъ платоническимъ увлеченьемъ — изрѣдка хаживалъ Миша къ горничнымъ (добиваясь, чего нужно, деспотически безъ предупрежденья не проронивъ слова, безъ одинаго поцѣлуя, «вотъ такъ монахъ - размонашил!»).

Просидѣвъ со жвачными, года 2-3, приучивъ окружающихъ, уже давно продѣлывая это — механически, безразлично, въ одно воскресенье, когда были гости (горничную посылали въ колбасную) Миша, равнодушно (спокойствіемъ не оставивъ мѣста удивленью) — безъ жадности, безъ смаку — началъ ѣсть колбасу.

Но, не сталъ отъ этого ни здоровѣй, ни жизнеспособнѣй.

POPAUL ET «SON RUSSE»

Вотъ онъ, передъ глазами, этотъ прекраснѣйшій Пополь (или, какъ его еще зовутъ — Поло), на порогѣ своей комнаты, стоящей въ уровень со дворомъ.

«Его Русскій» — сидитъ между бугорчатымъ, шершавымъ столомъ, покрытымъ войлокомъ изъ склеившихся отъ грязи газетъ и занимающимъ почти полстѣны — окномъ, — поставивъ лѣвую ногу на выступъ печки — кухни.

Вотъ они — лицомъ къ лицу.

Дѣйствіе крутится, развертывается.

Воскресное утро (и, рѣдкое явленіе) — солнечно, тепло.

...Полѣ только-что отхлесталъ шестилѣтнюю дѣвочку, сестру жены, живущую у нихъ. Ея «воспитаніе» началось уже при Д., (онъ смотритъ на жизнь, изъ этого окна — третье лѣто). Ребенокъ уже успѣлъ притерпѣться... (а, также и ожесточиться, по отношенію къ сверстникамъ — стать лгуньей), и нездоровая отъ рожденія (съ годъ назадъ — дѣлали операцію, ей трудно было мочиться), она похожа на встрепаннаго, мокраго, хвораго цыпленка... (Сегодня папа «отдыхаетъ») — она бита, если и первый-то, вѣроятно не послѣдній разъ.

Раньше (всего прошлое лѣто), Пополь ловилъ-бы, при данной обстановкѣ — воробьевъ (которымъ сосѣди, какъ и весь Парижъ — крошать съ любовью, хлѣбъ на подоконникахъ, растроганно кормятъ въ садахъ изъ рукъ)... теперь его дѣла (здоровье) — хуже, не до того.

Охота состояла въ слѣдующемъ: на кругло - обструганный конецъ лучинки — надѣвалъ скатанный хлѣбный мякишъ, а другой конецъ плоскій и легкій — намазывалъ незастывающимъ, липкимъ клеємъ. Воробей, клая хлѣбъ, трепалъ лучинку, которая коснувшись перышекъ — прилипала, лишая его возможности расправить крылья, улетѣть, совершенно терроризуя, парализуя его морально.

Полё поджидалъ такой моментъ, чтобы схватить истерически пищащую, катающуюся по двору, птичку... иначе, черезъ нѣсколько секундъ — умный и сильный воробей изловчался взлетѣть на деревцѣ палисадника (но и оттуда, охотникъ старался стряхнуть его) и, опаматовавшись, черезъ минутку, таща на себѣ силокъ, добирался до черепичной крыши, одноэтажнаго корпуса (въ которомъ живетъ удачливый охотникъ)... О, садъ пытокъ! Д. случалось видѣть одновременно троихъ, сходящихъ съ ума, скатывающихся внизъ, подпрыгивающихъ, подлетающихъ воробьевъ.

«Что это за птичка была у васъ въ клѣткѣ?», спросилъ Д. Одѣтту, жену Пополя, уборщицу отеля, по водвореніи, еще не зная, не имѣвъ случая наблюдать охоты.

«О, какая-то птичка, хозяйва ее съѣли!», отвѣтила она, не совсѣмъ довольнымъ тономъ).

«Господи! Какъ-то пройдетъ этотъ день, для Мадлены и Одѣтты — Пополь цѣлый день дома!?!», вздыхаетъ Д.

Хотя, вчера, какими-то судьбами, Полё и не напился... но развѣ не было, что онъ ударилъ жену по лицу, въ трезвомъ видѣ, (недѣли полторы ходила съ фонаремъ), днемъ, по срединѣ двора, (на глазахъ у Д., за то, что очевидно не найдя папирсъ въ ближней табачной лавкѣ, бѣгала въ другую (Д. возвращался изъ Ротонды — замѣтилъ ее на своей улицѣ и, поднявшись къ себѣ — былъ свидѣтелемъ сцены), заставила ждать дольше чѣмъ предполагалъ.

Исторія «вольнаго» обращенія съ женой — началась тоже при Д.

Черезъ нѣсколько недѣль по переселеніи съ перваго этажа, этой же самой пристройки, изъ комнаты, расположенной по другую сторону коридора, не выходящей окномъ во дворъ (а въ небо, въ крышу), вотъ въ эту самую комнату № 32, «Его русскій», засыпая услышалъ: урчащій, хорьковый, сдавленный, бронхитный, сыпящій дробью — голосокъ Пополя, потомъ 2-3 хлещущихъ удара ремешкомъ и вопль — возгласы, немедленно перешедшіе въ хрипъ — шопотъ (что съ ней бываетъ и при разговорѣ) — уязвленной Одѣтты, (укладывались спать, вернувшись изъ кино).

Потомъ началъ приходить, и особенно подъ праздники, сѣдой богатырь, не парижской хватки, очевидно родственникъ.

Каждое посѣщеніе: оргія — пѣнье, смѣхъ, крикъ до слѣдующаго дня. («Ночи безсонныя», для Д.).

Старикъ изъяснялся только обрывками пѣсенъ (старыхъ, болѣе подходящихъ подъ эту категорію, чѣмъ современные скороговорки). «Эй, ой, а!» слышался — гудѣлъ полминутно, сильный шопотный голосъ — смѣхъ стари-

---

ка, (восхвалялось вино, или приглашеніе приступить, женщины, галантныя продѣлки; подчеркивалось чье нибудь вырвавшееся словечко).

О «градусѣ» Пополя можно было всегда знать по пѣсенѣ, въ которой — присущая ему скачущая бойкость (солдатская, зуавская), дробная скороговорка, пересыпалась четырьмя строчками припѣва.

Пѣсня, какъ часы отсчитываютъ 12 — пѣлась, когда онъ пьянѣлъ:

Талля ляаа ля ля ля ля ляаа ляа ляа ля
та ля ляаа ля ля ля ля ляа ляа

Попойки не прекращались, Поло кашлялъ сильнѣе, становился раздражительнѣй... и нарывъ открылся, конечно — срывалъ злобу на ребенка.

Жена пробовала заступаться (мягко, сдержанно, вмѣру)... и м-б. заодно, сторяча, «воспитывая» дѣвочку, Пополь угодилъ и по ней... (такъ зараза леченья массажемъ — перебросилась и на Одэтту)... и, по ночамъ, вернувшись изъ «бистро» — придирался, бросалъ предметы, бормоталъ, сопѣлъ — потомъ, по двору хлопали плески по тѣлу, и переходили въ короткіе, сдержанные, хриплые (отъ боли и неврастеніи) возгласы — вопли.

(Какъ начинало биться — заячье, декадентское сердце «Его Русскаго»: убить жену или ребенка?! дворъ спитъ, сосѣди, черезъ стѣнки — терпѣливо, привычно молчатъ, а м.-б., по рабочему, но животнo - усталому, здоровому — не слышать).

Лишь вспыхнетъ электричество въ окнѣ плохо спящаго, бронхитика (gazé).

Иногда, послѣ попойки Полё не могъ идти на работу.

(«Ты развѣ сегодня не ходила въ школу?», спросилъ однажды дѣвочку, Д. — «Мама меня оставила дома, потому - что папа не пошелъ на работу»).

Одинъ разъ, онъ исчезъ недѣли на 2-3... въ госпиталь.... удостоившись отъѣзда, что ему тамъ дѣлать нечего: нуженъ санаторіумъ. (Супруга, какъ и всю жизнь, ни на минуту не прекратила горланить и свистѣть модныя пѣсенки, всѣ рабочіе часы).

«По излеченіи», мѣсяца 2 прошло «благородно», заходила фельдшерца — монахиня... но, всему - же конецъ бываетъ... пополеву терпѣнью, воздержанью — тоже.

Первое - же появленіе старика — возобновило традицію.

(Сознавали-ли Одэтта и Полё — какую роль играетъ онъ въ ихъ жизни?!). Поутру, Пополу какъ-то сладко лежалось и весело, могуче - кашля-

---

лось. И, конечно, вслѣдъ за проявленіемъ такого могущества — показать свое величіе жепѣ и ребенку — дѣло само собой подразумеваемое!

Въ одинъ прекрасный день — «на глазахъ», такъ сказать, (на ухахъ) «Его Русскаго» — Одѣтта заявила, что первое же рукоприкладство — повлечетъ за собой разводъ.

...Ага-га, это протрезвило мѣсяца на 3!

...Но, увы — контрактъ уже нарушенъ!.. и, основательно (такъ, что, даже раздались голоса, требующіе прекращенія шума), услышали хозяева (дошло, наконецъ, и до ихъ Высокаго слуха) и дочка (мужчины въ отъѣздѣ) нѣсколько разъ воскликнула: « Chchite ! assez de comédie ! » на этотъ разъ, даже и Маделена проснулась (до сихъ поръ, когда дѣло не касалось лично ее — спала, не слышала) и плача, заступалась за сестру-мать, крича: « Fara, maman ! »

Даже и сосѣдъ справа — подошелъ къ ихъ двери и спросилъ:

« mais qu'est-ce que tu as donc Paulo ? ! »

и на какой-то отвѣтъ, произнесъ вѣско: « sois donc logique ! »

Разбойникъ (а также и сама избиваемая), обрушились насчетъ вмѣшавшагося... тогда сосѣдъ выскочилъ рѣшительный: «да ты это все — мнѣ, что-ли говоришь?!»

«Нѣтъ, нѣтъ!», попятился Пополь.

«А то смотри!.. и на всякій случай — ты вѣдь знаешь, гдѣ я нахожусь». «Его Русскому» это «самообладаніе» — понравилось: не будетъ - ли, этотъ прихрамывающій, виляющій на задъ поджидающій его, волочащій по лисьему — воевода: шакаломъ, гіеной - тигромъ межъ овецъ?!

На слѣдующій день (послѣ нарушенія контракта) не слыша пѣнья и свиста уборщицы, Д. принялъ это какъ должное, — слава Богу — конецъ пыткамъ! (конечно его: «Его Русскаго»), прекраснѣйшая пара уже больше не мужъ и жена! Пополь, по всей вѣроятности, куда-нибудь провалится (и, конечно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — сопьется и канетъ въ вѣчность).

Но, даже, когда послѣ полуденнаго перерыва, она и заглѣла — «Его Русскому» показалось, что поетъ по другому — рѣшительно, непреклонно, свободно — по новому, что это лишнее доказательство, подтверждающее, что она, наконецъ, почувствовала себя человѣкомъ.

...Но, слѣдующіе дни показали, что очевидно, она, послѣ побоевъ, такъ сладко спала, что забыла о происшедшемъ, или приняла за страшный сонъ.

«Ну, матушка моя — это не рѣшеніе вопроса!.. и пеняй на себя, если украшеніемъ, достойнымъ завершеніемъ одной изъ ближайшихъ субботъ, у

тебя будутъ выпущены кишки, или разможжена голова, а Маделена — измочалена о косякъ или мостовую двора!».

(Дай Богъ, чтобы въ смѣтахъ Долголикова оказались какіе нибудь недочеты, и все возведенное имъ, живописное сооруженіе вышло карточнымъ замкомъ, домомъ на цескѣ!.. допустимъ, что онъ преувеличиваетъ великія способности Пополя, что онъ окажется сыномъ своей страны: воспитаннымъ, вышколеннымъ французомъ, и что онъ до битья дошелъ только по ступенямъ термометра, поднимающагося въ немъ туберкулеза, заглушая боль — но все-же понимая, что ему выгоднѣе, во всѣхъ отношеніяхъ — жить съ работающей женой.

Будетъ проживать около нея, сколько ему отпущено лѣтъ, напиваясь елико возможно, отводя душу, поколачивая ее съ умомъ).

Нечего и говорить, что судьба Маделены, такъ или иначе — «живописна», благодаря «воспитанію» Пополя... а, такъ же, съ недавняго времени... и сестрицы — маман на придачу, — сыпящей колотушки, со своей стороны (ежедневныя, почти безъ единого пропуска)... но все-же болѣе «материнскія», (не до крови, какъ однажды, въ отвѣтъ на «*bonjour papa !*» — тычкомъ, концами пальцевъ, по губамъ). Ея хлестки соединяють, вѣроятно, три добродѣтели: безапелляціонная, выработанная вѣками, — система французскаго воспитанія; потомъ, м.-б., для смягченья, массажа папиной системы (противоядіе); ну, а въ третьихъ... и она человѣкъ! — убавить пылъ собственныхъ настроеній, самочувствія.

...Итакъ, возможно, что Полё выработалъ себѣ правило: «пей и бей, но послѣднюю ума не прошивай»... (какъ это ни печально, ни досадно!).

Пополь, владыко-повелитель отпустилъ и себѣ и женѣ (и дѣвочкѣ) по нѣсколько лѣтъ жизни!!!... но, тутъ-то вотъ, доллоликовская рубашка, (которая ближе всего къ тѣлу)... и начинаетъ коробиться; ...онъ «Его Русскій», правильно (даже не слишкомъ-ли четко!) видитъ, чувствуетъ свое положеніе (роль)—третьяго лица, въ этомъ пріятнѣйшемъ изъ пріятнѣйшихъ положеній... Поло (хозяинъ), взялъ себя въ руки, по отношенію къ женѣ... но, это со-всѣмъ не значить, что онъ излѣчился, отказался (сложилъ полномочія) отъ своихъ преимуществъ «прерогативъ власти» — ...накопляющимъ парамъ нуженъ выходъ (живущій въ немъ дьяволъ не изгнанъ)... онъ, конечно, будетъ найденъ! (по предположеніямъ Д. онъ давно найденъ!).

...Нѣтъ, все-таки Полё, даже до странности не ревнивъ! (...ну, да, конечно-же клананъ — ревность!!!... и объектъ — ну, конечно-же «Его Русскій», единственный въ отелѣ «буржуй», не работающій на фабрикѣ! цѣлый день дома... одинъ пѣтухъ на весь дворъ — курятникъ), и если не отъ жены,

---

опасающейся дать поводъ съ какими-бы то ни было недоразумѣніемъ, то отъ другихъ узналъ (за 2-то съ лишнимъ года!), что соперникъ - художникъ, рисующій никому не понятную белиберду; одѣтъ не по ихнему (откуда Пополоу знать, что почти все это «съ царскаго плеча»... вѣдь онъ, французскій черно-рабочій, вѣроятно за всю жизнь недонашивалъ ничего чужого!), что у него привычки не рабочаго (приходитъ домой и въ полночь, и въ часъ и въ два, спать до 8-9 и даже больше), въ бистро отеля не выпилъ ни съ кѣмъ ни разу и т. д., и т. д., — словомъ человѣкъ другого круга, держащійся особнякомъ (свысока) — какъ разъ способный побѣдить, завладѣть женскимъ воображеніемъ; что въ томъ, что у него не видѣли женщинъ!.. (да, и на что онъ ему!.. Одѣтта убираетъ комнату каждый день!.. и если вспомнить какъ вяло она отдалась послѣднюю субботу... всякія сомнѣнія должны разсѣяться!).

Конечно, это формула «Его Русскаго», сидящаго по ночамъ за шторой освѣщеннаго окна, или уже лежащаго въ кровати, съ ужасомъ слышащаго: удары, вопли, звонъ посуды, лисій, кабаній, хрюкающій, мрачный, громокипящій, атакующій, пепелящій голосокъ, — и ожидающаго каждую минуту услышать, выплывшее на поверхность его имя, угрозы, и вслѣдъ затѣмъ запущенный въ окно стулъ, бутылку, — бѣгъ черезъ дворъ, съ воемъ, по лѣстницѣ, по коридору, къ его двери сбѣсившагося Полѣ.

«Боже мой, какъ его встрѣтить?! кричать, звать на помощь хозяевъ (а онъ, за это время, можетъ выломать дверь, ворваться!) ...или — открывъ потихоньку — ударить его съ размаху: кастрюлей, подрамкомъ?!.. а, вдругъ онъ окажется проворнѣй (да, навѣрное, даже ...привычнѣй!)... и вотъ я съ раскрытой головой, съ растоптаннымъ каблуками лицомъ, съ 20 ножевыми дырами на тѣлѣ, разрѣзанный, по апашеской модѣ — на куски!..

...Нѣтъ!

Все произойдетъ по другому!»

Опять-таки, нѣсколько «удачныхъ» выпивокъ... кровь горломъ и врачъ произнесетъ приговоръ; или, на нѣсколько дней лишится работы (онъ вспомнилъ 8 безработныхъ дней, битые кулакомъ по столу и «ученье уроковъ» съ Маделеной!).

«Это ты все надѣлала, ты этого хотѣла, избавиться отъ меня, чтобы жить безъ опаски съ этимъ *salaud d'enjôleur* ! Не бываетъ этому. А moi le russe ! «и будучи совершенно не пьянымъ (но и не трезвымъ, конечно), м.-б. закричитъ мнѣ вызовъ изъ своей комнаты, ползетъ по водосточной трубѣ, въ окно.

...Или, будетъ ждать около отеля (убѣдившись, что ключъ виситъ въ

быстро), и завидѣвъ — дать поровняться съ собой, и вдругъ — продавить лицо кулакомъ, бѣшено, угрюмо хрюкая.

...Что сдѣлаю я?!... какъ поступлю!?

Выну-ли изъ кармана грошевый, разслабленный перочинный ножичекъ и полѣзу съ нимъ на Полё... или начну имъ ковырять себя (вѣдь оскорбленіе - то уже получено и жить, все равно — больше нельзя!), или — зная давно, безошибочно, что покончить съ собой не смогу ни въ коемъ случаѣ, отъ безвыходности, безысходности (вѣдь ужъ оскорбленъ!) — буду стоять передъ нимъ, опустивъ руки и голову... и, онъ, мой хозяинъ, Пополь — пораженный (и благодарный): дать еще нѣсколько пощечинъ (но уже почти играя, глядя), показать окружающимъ — славу свою и величіе, хмурясь, жмурясь, мыча и сладко облизываясь — отойдетъ.

(Конечно не надолго; «ласки - допросы» возобновятся при первой встрѣчѣ... онъ уже будетъ искать ихъ, а нѣтъ — явится сюда, — ему будетъ хотѣться, чтобы это повторялось также часто, какъ, допустимъ, посѣщеніе быстро).

И такъ мы и будемъ жить «Хозяинъ и работникъ», каждый при своихъ обязанностяхъ, во вѣки вѣковъ!

Какъ все это произойдетъ?! Скоро-ли?!

Если-бы успѣть выбраться отсюда! Если-бы можно было уѣхать изъ Парижа!

...Но, уже просроченъ платежъ за комнату, не выкуплено у прачки бѣлье... двѣ недѣли на пустой овсянкѣ (даже безъ растительнаго масла, послѣдніе дни), а тамъ еще — картъ д-идантитѣ!..., какъ прожить 4 лѣтнихъ мѣсяца, мертвого сезона?!

...Сегодня уже, должно-быть, 290 фр. — почтальонъ не принесетъ!

...Придетъ-ли картиноторговецъ?!

...Боже мой — спасай!!!, вопить Д., не чувствуя солнечнаго тепла.

П. БИЦИЛЛИ ГОГОЛЬ И КЛАССИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Гоголевская комедія восходитъ къ классической комедіи, какъ «Мертвыя Души» восходятъ къ сюжетно и композиціонно связанному съ классической комедіей плутовскому роману; гоголевскіе персонажи — персонажи классической комедіи, *personae*, т. е. маски. Это извѣстно. Но если не ошибаюсь, до сихъ поръ не было прослѣжено, какъ шаблонныя комедійныя *personae* были использованы Гоголемъ, какъ были имъ видоизмѣнены ихъ взаимоотношенія и какъ, въ силу этого, быта имъ преобразована классическая комедія. Вотъ нѣскольکو примѣровъ:

1) **Посредникъ.** Слуга или наперсникъ, Фигаро и др. — *cheville ouvrière* «интриги», помогающій влюбленному хозяину (или другу) преодолѣть препятствія для соединенія съ возлюбленной, отдѣлаться отъ соискатель и «увѣнчать свой пламень». У Гоголя это Кочкаревъ, котораго никто ни о чемъ не проситъ, который, по собственному почину возводитъ Подколесина и Агаею Тихоновну въ званіе «любовниковъ» и берется «устроить ихъ счастье», — отстраняя настоящаго **посредника**, сваху. Зачѣмъ, для чего онъ за это взялся, онъ самъ не знаетъ.

2) **Любовники.** О нихъ сейчасъ было сказано. Развязка ихъ романа совершенно неожиданна: ускользнувъ изъ подъ надзора наперсника, любовникъ убѣгаетъ. Зачѣмъ? онъ не могъ бы самъ объяснить. Просто потому, что увидѣлъ, что убѣжать — можно.

3) **Miles gloriosus** и 4) **Нѣкто выдающій себя за другого**, — такъ сказать, — «нейтральный типъ», вѣрнѣе, не типъ, а роль: Хлестаковъ. Онъ не собирается играть роли другого, не надѣваетъ чужой маски — ее на него напялили. Но едва очутившись подъ нею, онъ **входитъ въ роль** — и вотъ уже онъ то, чѣмъ онъ и не думалъ быть: *miles gloriosus*. Его постепенное вхожденіе въ роль изображено на сценѣ: его вранье развивается прогрессируя, подчиняясь закону инерціи. Полная аналогія съ этимъ — какъ онъ занимаетъ деньги. Онъ видитъ бумажку, выпавшую изъ рукъ судьи — и пробуетъ попросить взаймы. Съ другими онъ уже смѣлѣе. Къ Бобчинскому и Добчинскому, которыхъ принимаетъ послѣдними, приступаетъ сразу: «Деньги у васъ есть?»

5) **Менѣхмы — близнецы.** Въ классической комедіи они нужны для усложненія интриги, для «*qui pro quo*». Одинъ выступаетъ, когда другого нѣтъ на сценѣ. Въ «Ревизорѣ» они появляются вмѣстѣ. Суть дѣла здѣсь не въ томъ, что одинъ замѣщаетъ другого, а въ томъ, что оба домогаются играть ту роль, для которой достаточно одного, роль «вѣстника» или «вѣстовщика». Они перебиваютъ ее другъ у друга — «Позвольте, Петръ Ивановичъ, я первый сказалъ: э...» Можно вообразить двухъ людей, у которыхъ единственнымъ *principium individuationis* будетъ начальная буква фамилии. Одинъ изъ нихъ, очевидно, лишній.

Человѣкъ Гоголя — идеальный актеръ, «чистая идея» актера. Такому актеру не приходится перевоплощаться въ персонажа, потому что самъ по себѣ онъ ничто. Только получивши роль, онъ становится тѣмъ, чего хотѣлъ Сіесъ для tiers-état, — «чѣмъ-нибудь». Только надѣвши **харю**, онъ пріобрѣтаетъ **характеръ**.

Каждому истинно-художественному произведенію присущъ извѣстный **стиль**, обусловленный художественной идеей, въ конечномъ счету — интуиціей жизни его создателя. И каждое отличается особой **манерой**, совокупностью пріемовъ, лишь отчасти требуемыхъ стилемъ, потому что эволюція жизни и эволюція искусства никогда не совпадаютъ нацѣло. Шекспировская «Комедія Ошибокъ» написана въ манерѣ традиціонной классической комедіи, но стиль ея — чисто шекспировскій, тотъ же, что стиль «Макбета» или «Сна въ лѣтнюю ночь». Въ традиціонной классической комедіи центр тяжести во внѣшнемъ комизмѣ. Внутренніе конфликты лишь поводъ для созданія внѣшнихъ. Скупецъ, ревнивецъ, хвастунъ, сводня, влюбленный старикъ, педантъ требуются для «плетенія» интриги. Но когда мы читаемъ «Мандрагору» Макьявелли, «Комедию Ошибокъ», комедіи Мольера, мы чувствуемъ, что классическіе каноны столько же облегчаютъ эгимъ гениямъ ихъ работу, сколько стѣсняють ихъ. У нихъ какъ бы два плана, двѣ сѣтки — внутреннихъ конфликтовъ и внѣшнихъ, и имъ приходится прилаживать первую сѣтку ко второй, такъ чтобы ихъ узлы совпали.

Гоголь переноситъ въ планъ жизни одинъ изъ элементовъ театральнаго ремесла: механика жизни у него сводится къ **распределенію ролей**. Жизнь, какъ ее видитъ Гоголь, сама есть сплошная *comedia dell'arte*, этотъ исходный и вмѣстѣ конечный этапъ классической комедіи. Показывая, какъ сборище близкихъ лицъ, по гучившихъ роли и маски, начинаетъ лицедѣйствовать, обнажая сущность работы составителя «libretto» и театральнаго режиссера, Гоголь раскрываетъ свое нигилистическое пониманіе жизни. Обезсмысливъ жизнь, онъ тѣмъ самымъ осмысливаетъ классическую комедию, дѣлаетъ ея форму, для своей комедіи, внутренне-необходимой. Въ полномъ соотвѣтствіи съ интуиціей изъ которой возникла гоголевская комедія, находится использование мотива *qui pro quo* на которомъ зиждится ея комизмъ. Комическій эффектъ состоитъ въ раскрытіи глупости и бездарности либретиста и режиссера: они все время теряють нить интриги, путають роли, выталкивають на подмостки жизни двоихъ вмѣсто одного, одного вмѣсто другого. Классическая комедія хотѣла быть пародіей жизни. У Гоголя сама жизнь представлена какъ пародія балаганной комедіи.

Н. ОЦУПЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА

Дѣло не въ читателѣ и не въ стихахъ, дѣло — въ идеѣ.

Въ идеѣ, будто искусство — вѣнецъ творенія. Будто служить ему надо любой цѣной. Будто собой поэтъ долженъ дорожить не какъ человѣкомъ, а какъ священнымъ сосудомъ, случайнымъ вмѣстилищемъ небесной влаги — поэзій.

Идея эта безсмертна, но производитъ она особенно страшныя опустошенія въ еще не закаленныхъ сердцахъ.

Едва написавъ книжечку стиховъ, новый мученикъ по всѣмъ правиламъ начинаетъ «гибнуть», увы, не только въ салонѣ *Madame Verdurin*, (гдѣ ему легко чувствовать себя единицей, но гдѣ попробуй онъ пропустить нѣсколько четверговъ или воскресеній, — и сразу изъ будущаго генія обратятъ его въ ничтожество). Нѣтъ, гибнетъ онъ и по настоящему отъ лишеній и оттого, что лелѣя въ себѣ поэта, слабѣетъ волей и убѣждаетъ себя, что дѣлать ничего другого не въ силахъ, и умиляясь собой пишетъ стихи о собственной гибели.

***

Читатель здѣсь не причемъ. Зачѣмъ его трогать? «Онъ глухъ и слѣпъ, невнимателенъ къ жизни поэтовъ». Допустимъ. Но во-первыхъ, «не такое нынче время, чтобы нянчиться съ тобой». Это навѣрно читатель имѣетъ право отвѣтить поэту. Затѣмъ благотворительность — вещь невѣрная и унижительная Бѣлый почти требовалъ, чтобы его опекали общество или государство. И даже онъ вызвать сочувствія не могъ.

Не требуютъ награды за подвигъ, иначе — какая въ немъ заслуга.

Вотъ только нуженъ ли этотъ подвигъ, эта жертва. Не хочу утверждать, что никогда не нуженъ. Но знаю, что есть и другой подвигъ — отказъ отъ искусства навсегда или на время, если то, во имя чего отказался, — можетъ быть названо «жизнью» или «волей къ жизни».

***

Ужасно, что Рембо, поэтъ почти геніальный, бросилъ писать стихи. Но — праведно, потому что быть поэтомъ (нищенство, попрошайничество) былъ невыносимъ для его гордости.

Вовсе это не примѣръ, достойный подражанія, но **для него** это вѣроятно былъ лучший выходъ.

Ужасно для поэзій, что Пушкинъ стрѣлялся съ Дантесомъ. Но — праведно, потому что для него честь не могла не быть важнѣе заботы о будущихъ читателяхъ и пушкинистахъ.

Жена NN (я знаю хорошо обоих) талантливѣй и лучше и безкорыстнѣй своего мужа-художника.

Если бы на вѣсахъ справедливости взвѣсить, кто большего стоитъ, — ему бы не сдобровать.

Но онъ «сдѣлалъ себѣ имя». Гипнозъ служенія искусству дѣйствуетъ на нихъ обоихъ. Она вся — въ самопожертвованіи. Она — кухарка, она иногда и деньги зарабатываетъ на обоихъ.

А онъ спросилъ ли себя когда-нибудь, не естественнѣ ли было бы обратное. Вѣдь даже искусству, разъ ужъ оно домашній идолъ, она служить могла бы не хуже, чѣмъ онъ.

Она училась музыкѣ. Могла бы, если бы дальше училась, давать концерты...

Кажется, что и просто такъ безъ всякихъ ея художественныхъ заслугъ было бы лучше, если бы онъ на нее работалъ.

Но она благороднѣе, лучше, и оттого принесена въ жертву искусству мужа.

***

«Пишите прозу, господа».

Нѣтъ, ничего не пишите, — ни прозы, ни стиховъ. Или будьте готовы ничего не писать. Если это нужно. Поэзія безъ васъ не погибнетъ, будь вы даже замѣчательнѣйшимъ поэтомъ. А себя и человѣка, отъ васъ зависящего, ради поэзіи вы можете погубить, сами того не замѣтивъ.

И въ этомъ смыслѣ прозу писать вмѣсто стиховъ — значитъ только перемѣнить средства выраженія, чтобы вновь войти въ тотъ же кругъ (чуть-чуть расширенный, но довольно узкій, чтобы продолжать въ немъ задыхаться и благополучно задохнуться, «сдохнуть»).

Стихи нынѣшнихъ поэтовъ плохи? Но зная, что за нихъ, за преданность имъ плачено страшными лишеніями, бессознательно усиливаешь къ нимъ требованія.

Стоило ради этого губить жизнь, отказываться отъ пробы силъ на другомъ поприщѣ.

Современные стихотворцы могутъ утѣшиться — нѣтъ такой поэзіи, за которую стоило бы запечатить жизнью.

***

Человѣкъ, дневникъ котораго попалъ въ мои руки, застрѣлился. Онъ былъ художникомъ. Его случай не совсѣмъ обычный: соединеніе въ одинъ клубокъ любви къ женщинѣ, преданности искусству и требовательности къ себѣ.

Выписываю двѣ страницы его записей:

«Какъ это бываетъ съ людьми, непримиримыми въ восемнадцать лѣтъ и умѣвными даже рисковать собой въ случаяхъ, требующихъ героизма, но сдавшимися какъ бы между прочимъ по пустякамъ, — я, грустный; самъ надъ собой иронизирующий, «всезнающій», — долго угадывалъ и наблюдалъ что то неизмѣримо болѣе совершенное въ женщинѣ, ни въ какой мѣрѣ на меня непохожей, но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше объясняющей мнѣ, какимъ я самъ могъ бы быть, если бы не растерялъ — когда и гдѣ? — то, чѣмъ владѣлъ въ молодости.

Все равно жить не стоило и не стоитъ

У меня какъ бы нѣсколько существованій и я чувствую съ особенной остротой ея душевную цѣльность и такъ полюбилъ ее въ ней, что и самъ въ ея присутствіи невольно становлюсь на нее похожимъ. Это не подражаніе и не утрата себя, скорѣе наоборотъ нахожденіе себя съ ея помощью, чтобы тѣмъ явственнѣе ощутить разрывы своего утраченнаго единства, которое такъ ослѣпительно и несравненно сіяетъ въ ней.

И все таки жить не стоило и не стоитъ. Потому что на плась Пигаль подь фонарями въ глазахъ накрашенныхъ проститутокъ такая же бездомная, голодная и суетливая тревога, какъ въ одномъ изъ моихъ существованій и потому что въ жалкихъ, тщеславныхъ и героически и завистливо преданныхъ искусству коллегахъ моихъ съ Монпарнасса, я тоже узнаю себя. Ничего изъ этой растеряннo-вдохновенной жизни у меня не получилось, кромѣ глубочайшаго равнодушія ко всему на землѣ, такого, что я самъ себя иногда спрашиваю съ недоумѣніемъ: какъ же произошло, что я полюбилъ и такъ полюбилъ?

Иногда вечеромъ въ туманѣ, гдѣ чѣмъ выше, тѣмъ блѣднѣе брежутъ лампочки рекламы на Эйфелевой башнѣ, такъ что самыя высокія напоминаютъ почти не видный огонь маяка въ бурю, — я чувствую себя какъ бы на палубѣ парохода, когда уже нѣтъ надежды на помощь и отъ послѣдней усталости есть даже чувство благодарности къ близкому и послѣднему отдыху въ смерти. И въ эти минуты, какъ тонущій матросъ невѣсту на берегу, я вижу даже не всю ее, а навсегда меня порази́вший блѣдно-молочный свѣтъ, обозначающій для меня во всемъ огромномъ мірѣ то мѣсто, гдѣ она находится.

Но что дѣлать? Картины мои не продаются, бѣгать по маршанамъ я не въ состояніи, потому что слишкомъ боюсь обидѣ и никому сейчасъ все, что дѣлаю, не нужно. Пробовалъ усилить еще одно свое существованіе, но оно — въ невыносимо терпѣливомъ трудолюбіи приказчиковъ, мелкихъ лавочниковъ, конторщиковъ и всѣхъ непростительно выносливыхъ людей, съ которыми тягаться мнѣ не подь силу. Что же мнѣ дѣлать?

Вяло и безъ вдохновенія мажу, дописываю картины, на которыя она смотритъ съ кроткой нѣжностью и восхищеніемъ, поражающими меня въ самое сердце. Мнѣ нѣтъ возможности когда-нибудь стать однимъ изъ тѣхъ настоящихъ мужчинъ, ситыхъ, заботливыхъ, тѣхъ, которые такъ были бы счастливы быть на моемъ мѣстѣ.

Ужаснѣе всего, что безъ упрека съ радостью работаетъ она на насъ обоихъ.

Все чаще, несмотря на такую благодарную для зрительной памяти прелесть лица и пальцевъ руки и всей фигуры, превращается она для меня въ какое то свѣтовое пятно, похожее на планету. Но это постоянное вознесеніе ея надъ жизнью, это естественное перемѣщеніе куда то въ эфиръ, эта утрата ею прекраснѣйшей тѣлесной оболочки, это развоплощеніе и какъ бы торжествующій ея возвратъ въ какіе то не эти міры, тоже и все слаще и слаще увѣряютъ меня, что жить не стоило и не стоитъ».

***

Эти страницы, быть можетъ, не имѣютъ прямого отношенія къ моей темѣ. Привожу ихъ по внутреннему для меня созвучію съ тѣмъ, о чемъ здѣсь пишу.

Я вѣдь не говорю о грубыхъ случаяхъ, когда просто человѣкъ невыгодное ремесло мѣняетъ на выгодное. Все въ этомъ вопросѣ запутаннѣй, тоньше, сложнѣе.

Въ самой эпохѣ нашей для гибели и беззащитности немало есть объясненій и оправданій.

Быть можетъ, близкая гибель капиталистическаго строя — тоже одно изъ нихъ. Нѣтъ желанія надолго устраиваться въ домѣ, который вотъ-вотъ рухнетъ. Предпочтительнѣй тратить силы (и щедро) когда переѣдешь куда то на болѣе долгій срокъ.

Ждутъ, конечно, не большевизма и не всегда фашизма, ждутъ чего-то третьяго. Надѣются, что оно-то излѣчитъ сразу отъ всѣхъ бѣдъ. Но жизнь уходитъ.

Такъ было всегда въ русской культурѣ. Такъ будетъ навѣрно и впредь..

Думаль — вѣка измѣрилъ,
А жизнь прожить не сумѣлъ.

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ ВОКРУГЪ «ЧИСЕЛЬ»

Трудно написать о насъ самихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мы сами это единственная тема — реальность, которую знаешь, на которую хочется писать, подобно тому какъ «я самъ» единственная тема стиховъ.

Символисты и сюрреалисты безконечно много написали о себѣ. Новая эмигрантская литература — почти ничего. Попробую описать то, что вижу за тысячей недостатковъ. Но вѣдь будете хвалить?.. Да и это естественно, какъ не хвалить то, что любишь, даже стараясь только объяснять...

Новая эмигрантская литература, та, что сложилась въ изгнаніи, честно сознаетъ, что ничего иного и не знаетъ и что ея лучшіе годы, годы наиболѣе интенсивнаго отзвука на окружающее проходятъ здѣсь въ Парижѣ. Не Россія и не Франція, а Парижъ (или Прага, Ревель и т. д.) ея родина, съ какой-то только отдаленной проекціей на русскую безконечность, какъ Афины или Іосъ были родиною пишущаго грека съ второстепенной проекціей на огромный античный міръ. Эмигрантской критикѣ это кажется наивностью, она еще зачастую загипнотизирована старой Атлантидой — Россіей символизма, которая для насъ все больше туманная «священная исторія».

«Числа», какъ феноменъ эмигрантскаго духа, суть тотъ журналъ, гдѣ онъ впервые посмѣлъ прійти въ себя за границей. Отдать себѣ отчетъ въ томъ, что въ Россіи, или въ эмиграціи, въ Берлинѣ или на Монпарнасѣ, человѣческая жизнь продолжается съ вѣчными ея полюсами, счастливой личной судьбой и одиночествомъ, но не въ отвратительномъ, скрежещущемъ, жалкомъ Чеховскомъ стилѣ; что молъ «Личная жизнь все равно подлая продолжается, ничего съ ней не подѣлаешь», а личная жизнь съ большой буквы, по западному, съ искреннимъ уваженіемъ къ ней, какъ средоточію всего содержанія, всей глубины жизни вообще, только избытокъ которой, какъ сбѣгающее молоко, перекипаетъ, проливается, заемно и временно въ общественную сферу, въ сущности по неволѣ; ибо настоящая общественность есть тоже форма «частнаго дѣла», форма дружбы и товарищества между чловѣкомъ и его знакомыми.

Въ «Числахъ» впервые кончился политиканскій терроръ эмигрантщины и поэтому новая литература вздохнула свободнѣе, освободившись отъ невыносимаго тицемерія общественниковъ, не достаивавшихъ вниманія личную жизнь, надъ которыми такъ горько смѣялся Розановъ, говоря что они «при свѣтѣ огарка не разглядѣли святого православнаго брака».

Наша жизнь здѣсь создалась; она здѣсь мучается, прозябаетъ, радуется, торжествуетъ, разрушается. Въ этомъ впервые посмѣли себѣ сознаться «Числа» къ громкому возмущенію иныхъ: «Значить вы не русскіе» (Какъ будто русскимъ или негромъ можно перестать быть). — «Тогда пишите по-французски».

Но о Россіи и не по французски, а какъ и о чемъ хотимъ, безо всякаго разрѣшенія, но съ западной откровенностью и нѣкой религіозной обреченностью самому себѣ и своему національному происхожденію. Мы литература правды о сегодняшнемъ днѣ, которая какъ вѣчная музыка голода и счастья звучитъ для насъ на Монпарнасскомъ бульварѣ какъ звучала бы на Кузнецкомъ мосту, только что здѣсь въ ней больше религіозныхъ мотивовъ и меньше легкихъ халтурныхъ денегъ, меньше юбилеевъ, авансовъ, меценатовъ и, слава Богу, меньше литераторовъ, но зато больше мужества, высокоумія и стоической суровости.

Что бы не говорили литераторы со слезой, какъ бы ни заполняли своими безконечными описаніями березокъ эмигрантскія газеты, литераторы «поколѣнія преступленія» (то есть потери Россіи) все больше теряютъ почву подъ ногами, люди же поколѣнія наказанія (то есть сформировавшіеся въ желѣзномъ вѣкѣ расплаты за неудачу - вину отцовъ) выжили, приспособились къ жизни и принялись за работу. Такъ что даже внѣшне бросается въ глаза фальшивое добродушіе и велерѣчивая растерянность однихъ и высокоумная суровость, мужественная четкость, спортивная подтянутость другихъ. «Числа» журналъ авангардистовъ новой послѣвоенной формации, это не формальное течене, а новое совмѣстное открытіе, касательное метафизики «темной русской личности», слѣдственно метафизики счастья, ибо личность — свобода и жизнь — счастье равнозначныя понятія. Они авангардъ русскаго западничества и какъ таковыя имѣютъ за собой долгую культурную традицію, но они метафизически непримиримы, и если Россія все таки пройдетъ мимо личности и свободы (то-есть мимо христіанства съ Богомъ, или безъ Бога), мы никогда не вернемся въ Россію и вѣчная любовь къ Россіи будетъ тогда заключаться въ вѣчной ссорѣ съ Россіей.. Ибо думаю, что откинувъ личность и ея свободу, организовавъ, наконецъ, обезличенныя массы людей-инструментовъ, государство, не разбивая большаго усилія, побѣдить матеріальный міръ и достигнетъ можетъ быть грандіозныхъ Вавилонскихъ масштабовъ своихъ техническихъ осуществленій, но паденіе его будетъ также молниеносно, какъ паденіе Ассирійскихъ царствъ, изобрѣтателей организованнаго рабскаго труда, которыхъ скучно и некому было защищать, ибо некому было любить, не было человѣка, личностей, кромѣ мифологическихъ личностей царей.

Россія искони имѣетъ склонность къ этому Вавилонскому принципу управленія, и все-таки грустна историческая очевидность, что до сихъ поръ только деспотическія правительства въ ней относительно долговѣчны. Видимо это не простая случайность и что то соотвѣтствуетъ этому и въ діалектикѣ русскаго духа, въ смыслѣ знаменитой и сколь, увы, глубокой пессимистической фразы о томъ, что каждый народъ достоинъ своего правительства.

Новая эмигрантская литература... Что это скажутъ, вы вывѣску перемѣнили, вчера еще была только молодая эмигрантская литература..

Да... Эмигрантская литература засидѣлась въ молодыхъ. Иные молодые люди дожили до сѣдыхъ волосъ, но это не страдающіе юноши съ иконописными лицами, а скорѣе, стадо наэлектризованныхъ одиночествомъ, лопающихся отъ темперамента, сходящихъ съ ума отъ полнокровія жеребцовъ. Потому что эмиграція есть раньше всего несчастіе холостой жизни, крови, не имѣющей примѣненія, кипящей безъ исхо-

---

да, потому что эмиграція есть разлука съ любимой, а жена — публика — аудиторія въ Россіи, то есть сама Россія жена, разошедшаяся со своимъ мужемъ, разлучница, измѣнившая съ талантливымъ проходимцемъ, но все же любимая. Продолжительными, вынужденный аскетизмъ есть отецъ сумасшествія, манія величія и манія преслѣдованія, но отъ него происходитъ и возможность горячей романтической любви къ жизни, которую я явственно чувствую за каторжной мрачностью Шаршунскаго героя, лишь на минуту, какъ левъ изъ звѣринца, сумѣвшего сбѣжать изъ своей тѣсной клѣтки. Даже въ его срывающейся, огрывленной, рубленной рѣчи чувствуется ошалѣлый отъ воздуха варнакъ, драматизирующий всякую встрѣчу, всякій ничтожный разговоръ съ Наденькой, потому что чувствительность его гипертрофирована, экзальтирована до вопля, и одиночество сводитъ его съ ума.

Его постоянно взрываетъ и разрываетъ тревога въ ухахъ, безъ перерыва тарыхтитъ пожарный колоколь, потому что сейчасъ, если Наденька не такъ отвѣтитъ на поклонъ, опять надъ нимъ захлопнется желѣзная яма одиночнаго заключенія, и это сдавленное кипѣніе жизни ничего, рѣшительно ничего общаго не имѣетъ съ декаденствомъ, съ душами, не лишеными проявленія, а сами по себѣ растратившими жизненный пылъ.

Тоже и у Фельзена, у котораго личныя отношенія, своя любовь отъ всечаснаго сосредоточенья надъ ней, отъ вѣчнаго форте и драматизаціи каждой минуты отношеній *est transposée dans le plan religieux*. Обликъ героини распаивается, заземляется, превращается въ какое то древнее божество, тѣмъ болѣе таинственное и очаровательно болѣзнетворное, что оно не знаетъ, чего оно хочетъ. Здѣсь такъ же, какъ и у Шаршуна, кипѣніе, мученіе, но ни одной ошибки жизненнаго инстинкта, скорѣе живое сознаніе опасности за жизнь и отчаянная ставка на Россію, потому что въ эмиграціи Россія есть Русская женщина. И весь бесполезный пылъ, въ рацвѣтѣ силъ, вырваннаго изъ почвы существа переносится на воплощенную родину, ходящую и говорящую, которая больше знаетъ, какъ Россія спасетъ міръ, чѣмъ сто тысячъ книгъ, потому что она спасаетъ эмигрантскаго молодого челоуѣка отъ холоднаго люцеферическаго ада, который книги только увеличиваютъ. Значеніе любимаго существа сразу удесятерится и отношенія переносятся въ религиозный планъ. Читатель не сразу поддается, но скоро понимаетъ тревогу послѣдняго уходящаго поѣзда, понимаетъ, почему такъ важно, чтобы Леля не измѣняла съ Шуркой, потому что исторія произвела на ней *un simul de valeurs inouïes*, и Леля мифологическое существо, потому что она магическій кристалъ родины и жизни.

Ту же жизнь, по звѣриному воющую отъ разлуки съ самой собой, слышу я и въ героинѣ «Тѣла» Бакуиной, которой все кругомъ чуждо, что отрѣзано отъ жизни и отъ ея проявленія. Жизнь всегда есть открытое электрическое поле, витальный континуумъ съ двумя полюсами мужчиной и женщиной, писателемъ и публикой, женщиной и семьей, элитой и народомъ. Выключенная судьбою изъ кровнаго общенія съ подобающими формами — социальными и семейными и физически, физиологически не могучи питаться суррогатами сексуальными и социальными — она уже не говоритъ, а по лѣсному голосить, вопить отъ голода—избытка. Здѣсь тоже пылъ бесполезно кипящаго сердца, безъ родины, среды, безъ личной достойной участи, гдѣ бы силушкѣ развернуться, боль одиночества, но ни капли усталости и де-

---

каденства. Жаркій день, раскаленное солнце жизни, каменная пустыя неволи чужбины «Говорила сыну мать, не водись съ ворами, будешь по полю гулять, скуютъ кандалами» (Розановъ говорилъ Россіи: не водись съ тѣми, кто не цѣнятъ родовой національной православной жизни, съ верхоглядами въ желѣзныхъ очкахъ).

*
**

Часто слышатся сѣтованія. Нѣтъ статей, нѣтъ людей новой формациі, пишушихъ статьи. Дѣйствительно всѣ безнадежно пожимаютъ плечами, отказываются, не считаютъ нужнымъ быть откровенными. Паника отцовъ захлестываетъ сыновей и всѣмъ намъ знакомъ типъ молодого эмигрантскаго человѣка, съ ѣденнаго перманентной растерянностью бывшихъ людей Писать . спрашиваетъ онъ; но для кого, къ чему, зачѣмъ, и въ глазахъ дочитываешь продолженіе... Развѣ не провалилось не полетѣло все къ черту..

Этотъ молодой, интегрально сбитый съ толку эмигрантъ возмущаетъ меня, какъ нѣкое униженіе вѣчнаго внѣнаціональнаго, внѣрасоваго, человѣческаго достоинства, въ ней я узнаю мертвые глаза мертвыхъ (отъ скуки) Чеховскихъ героевъ по заслугамъ воспѣтыхъ Донъ-Аминадо. Это мертвая пыль печали на живомъ тѣлѣ, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ самоувѣренности, самолюбія, самомнѣнія, высокомѣрія — нѣтъ и жизни, ибо жизнь рѣдко ошибается относительно самой себя, и чаще всего человѣкъ стоитъ ровно столько, восколько онъ самъ себя цѣнитъ, если онъ не абсолютный дуракъ, и тогда всѣ надъ нимъ смѣются въ его же кругу. Нѣтъ, не самомнѣніе, увы, а самоуниженіе, недооцѣниваніе себя есть національная болѣзнь русской личности, сточь же тяжелая и мучительная, какъ и навязчивое самопревозношеніе себя, Россіи въ цѣломъ, въ стилѣ Россія-Мессія и т. д. хочется крикнуть: развѣ вы не знаете, что за васъ лично Христосъ умеръ... или въ отчаяннѣ «хоть бы вы спортомъ занялись, или влюбились». Стыдно за стыдъ самого себя, доходящій у иныхъ русскихъ до того, что они, какъ то стыдятся даже и ходить по улицамъ, вѣчно какъ то растерянно, жуликовато улыбаются. Рѣдко, необычайно рѣдко, встрѣтишь нормально поднятую голову, суровое, въ мѣру высокомѣрное лицо. И вмѣстѣ съ тѣмъ, за каждаго изъ нихъ умеръ Христосъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ бездна, чудо, тайна творенія, абсолютъ боли, величія, содержанія, тайной, одному любящему человѣку раскрывающейя, красоты Но какъ рассказать, какъ объяснить каждому человѣку, что каждый человѣкъ единосущенъ Абсолюту, какъ вдохнуть въ нихъ чувство ихъ неизвѣстнаго имъ величія, чувство античной вѣчной красоты каждаго движенія, каждаго человѣка..

Единственный способъ это понять, объяснить, раскрыть свою неповторимость, свою божественную непостижимую отвратительность, нищету, измѣну. Это и есть чудо подпольнаго человѣка, что въ немъ посмѣло раскрыться все величіе ничтожества, вся мистическая необычайность обыденности.

Новая, субъективная, дневниковая литература учитъ человѣка какъ можно большшему уваженію къ самому себѣ, къ вѣчной своей любви, вѣчной разлукѣ, вѣчной вѣрности, вѣчной измѣнѣ Богу совершенно личной. Эта новая литература спасаетъ человѣка отъ смертельнаго для всякой жизни русскаго самоуниженія. Но нужно

во-первыхъ .. умѣть себя видѣть. Во-вторыхъ, умѣть описать то, что увидѣлъ. Въ третьихъ, смѣть это описать, а послѣднее самое трудное.

Мы собрались въ «Числахъ» не выть и не стонать, а прийти въ себя, отгрести разбитую посуду и признаться другъ другу, что жизнь продолжается.

Мы собрались посмѣяться надъ тѣми, кто думаютъ, что если нѣтъ Земско-Городскаго Союза, березокъ за окномъ и «Русскихъ Вѣдомостей» — счастье и любовь больше не возможны, и также надъ тѣми, которые считаютъ, что ничего не случилось особеннаго, что Русскій Земско-Городскій Союзъ, березки и «Русскія Вѣдомости», не были феноменами Русской Платоновской Идеи, такъ же какъ Пушкинъ и Рублевъ, и что они не соотвѣтствуютъ Русскому моральному здоровью такъ же, какъ и въ одномъ организмѣ цвѣтъ глазъ соотвѣтствуетъ цвѣту волосъ, а величина и форма ноги величинѣ и формѣ уха.

Но больше всего насъ интересуеетъ тайное величїе жизни во всемъ, ибо счетъ каждаго человѣка долженъ былъ бы начинаться съ миллиононь, но кто видитъ эти золотые запасы; увы, они за словесными стѣнами, за сотней рѣшетокъ самонепониманья и косноязычья и только въ себѣ ихъ можно увидѣть и только въ томъ человѣкѣ, котораго лично, любовно любишь. Все остальное, или почти все есть китайская грамота. Слушай и удивляйся, но не только толковать и судить, а и мечтать, что какимъ бы то ни было безумїемъ морали, внѣ чуда, Христа и благодати, сможешь увидѣть хоть хвостикъ ризы, въ которой всякая душа щеголяетъ передъ Богомъ.

Мы собрались посмѣяться надъ тѣми, кто плачутъ, потому что ничего не потеряно, даже когда потеряно все, и посмѣяться также и надъ тѣми (но по другому и зло), которое скучающе смѣются надъ всѣмъ, заживо разлагаясь среди крестословницъ и бриджевыхъ чемпионатовъ. Мы не преувеличиваемъ биологической опасности русскому духу, по Бергсоновски непоправимо ошибаться дорогой и запутаться, но и скрываемъ ее, ибо она реальна хоть даже формы апокалипсиса Россїи не лишены библейской величественности, античной грандіозности, которая есть и въ большевикахъ (хоть только «Числа» настоящїе культурные антибольшевики, ибо только они физически ощущаютъ «вкусъ» личности и безграничной свободы). Величїе силы хотя бы и ошибшейся адресомъ, иначе они были бы свергнуты (или тогда Русскій народъ ничего не стоитъ если и гнилой комаръ можетъ его осѣдлать). Я же считаю большевиковъ грандіозной болѣзью русскаго духа, но не новой болѣзью, а вѣчной болѣзью русской діалектики цѣнности личности, ибо для меня истинные вдохновители пятилѣтки не Молотовъ и Кагановичъ, а ненавистные Розанову Иванъ Грозный и Писаревъ съ Добролюбовымъ

Хотите — читайте, хотите — не читайте, но мы пишемъ о своемъ, ни на кого не похожемъ, не русскомъ и французскомъ, а Парижскомъ опытѣ и онъ также, какъ опытъ всякаго человѣка во всякой странѣ, такъ же совершенно цѣненъ, неповторимъ и всему міру важенъ, ибо я знаю, что у каждаго абсолютно каждаго человѣка есть свой неповторимый личный заговоръ съ Богомъ, свои физическія сексуальныя отношенїя съ нимъ и отъ нихъ, въ каждой душѣ, во-первыхъ, нѣкая неповторимая красота, понятная лишь тому, кто по настоящему любилъ эту душу, во-вторыхъ, какое то неповторимое единственное въ творенїи безобразїе, какъ бы

личная его сексуальная измѣна Богу (и если первое причина его безсмертія, отъ второго онъ физически умереть, второе есть неповторимый грѣхъ каждаго человѣка), а между свѣтомъ и тьмою въ немъ, въ неустойчивомъ равновѣсіи единственное въ мірѣ индивидуальное мученіе души немогущаго осуществить свое добро-безсмертіе.

Не любя, не уважая самага себя, (то есть любви Божей къ себѣ), человѣкъ по моему органически не способенъ ни любить, ни понимать никого другого, ни писать, ни читать ничьихъ произведеній.

Мы на западѣ научились уваженію, французскому уваженію къ себѣ, и къ своей личной жизни, мы смѣемъ ее описывать, точно, откровенно, подробно, серьезно и вокругъ «полноцѣнности личнаго опыта», мы сговорились въ «Числахъ».

Такіе люди, какъ Шаршунъ, Фельзень, Бакунина, суть не обѣщанія, а результаты «серьезнаго отношенія къ дѣлу», и всѣ они благодаря своему индивидуальному искусству нигдѣ не могли начать печататься, кромѣ «Чиселъ», ибо русское ухо настолько не привыкло къ уваженію къ личному опыту, что ихъ вещи внушали просто недоумѣніе «среднему русскому редактору». Поэтому «Числа» уже сдѣлали свое дѣло, самое большое культурное дѣло, которое сдѣлано послѣ революціи, въ то время, какъ совѣтская литература, несмотря на обиліе талантовъ и на грандіозность масштабовъ, все болѣе погружается въ официальную мертвечину и астрономическое подхалимство; причемъ, увы: искреннее подхалимство, не только власти, но и вообще эпохѣ, классу, человѣку улицы, типичный феноменъ продолжающейся русской болѣзни цѣнности: неуваженія къ самому себѣ и къ своему личному неповторимому опыту, отъ которой: скука, пустота, фальшь, потеря жизни.

Журналъ не есть механическое соединеніе людей и талантовъ, людей даже самыхъ крупныхъ, талантливыхъ, даже первоклассныхъ. Журналъ есть идеологія или инициатива идеологіи. И хотя нѣкоторые критики «Чиселъ» писали о № 1, что журналъ построенъ на надеждахъ, а не на реальностяхъ, — смутное, музыкальное вѣяніе было предугадано редакторомъ правильно.

Все это создалось, скристаллизовалось, выявилось, сговорилось вокругъ правильно понятаго направленія самоутвержденія «эмигрантскаго духа», изъ за отсутствія котораго погибло столько газетъ и журналовъ.

«Числа» есть атмосферическое явленіе, почти единственная «атмосфера безграничной свободы», гдѣ можетъ дышать новый человѣкъ и онъ не забудетъ ее даже въ Россіи.

Ю. ТЕРАПІАНО ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГЛУБЬ НОЧИ

Замѣчательная книга Селина своимъ названьемъ: «Путешествіе въ глубь ночи» какъ бы очерчиваетъ предѣлы того порочнаго круга, въ которомъ, волей - неволей, должны жить послѣвоенныя поколѣнія.

И то, что въ глазъ Селину, подобно герою Андерсеновской сказки, попалъ осколокъ дьявольскаго зеркала, благодаря которому онъ все видитъ только въ отрицательномъ свѣтѣ, дѣла не мѣняетъ. Послѣвоенные люди не могутъ закрыть глаза на зіяющую передъ ними пустоту; никакое благополучіе невозможно въ современномъ мірѣ.

Путешествіе въ глубь ночи — нашъ путь. Быть можетъ, гонимому жизнью существу міръ только кажется такимъ безблагодатнымъ, — однако немногимъ бы разнилась отъ книги Селина современная русская книга, если бы она была написана.

Такой русской книги еще нѣтъ; нѣтъ, вѣроятно, потому, что сознанье новыхъ русскихъ писателей еще не окончательно утвердилось въ настоящемъ. Но въ статьяхъ, въ стихахъ и особенно въ высказываньяхъ съ глазу на глазъ, въ разговорахъ, многихъ нашихъ молодыхъ авторовъ даны всѣ составные элементы того чувства, которое дѣлаетъ героя Селина — Бардамю, если не героемъ, то демономъ нашего времени.

Замѣчательнень процессъ разслоенія русской послѣреволюціонной литературы. Одни — и это, какъ будто наиболѣе успѣвающіе и здѣсь и тамъ, склонны безмысленно вливаться въ готовыя формы, будь то «воскресающій» романтизмъ, блестящая словесность или ударничество. Тѣ же, кто неспособны безъ сопротивленія уступить себя, погружены въ ночь. Все острѣй у нихъ ощущенье пустоты, одиночества: по обѣ стороны рубежа человѣкъ униженъ и никому не нуженъ.

Есть эпохи, когда передовая линія искусства должна быть замѣщена второстепенными боевыми единицами (Шолоховъ, Сиринъ). «Необщее выраженье» — сейчасъ особо неблагоприятная задача, воля быть личностью — непосильное бремя.

Почему же такъ возненавидѣли въ наши дни внутренняго человѣка? Въ СССР — причины общеизвѣстны; въ эмиграціи потому, что читатель не хочетъ себя тревожить. Каждый слишкомъ много пережилъ и по себѣ знаетъ, насколько темна внутренняя ночь. Эмигрантскому читателю нужны: поэзія съ легкимъ вздохомъ по прекрасной странѣ, романъ-модернъ или *biographie romanesque* — видимость искусства.

Совсѣмъ не случайно въ нашей читательской средѣ («на верхахъ») развился спросъ на литературный монтажъ, бездушный, но плѣнительный, какъ бенгальскій огонь.

А тѣмъ писателямъ, которые ощущаютъ себя людьми, что дѣлать? Гибель, катастрофа, тема смерти — прошлое. За эти страшные годы пройденъ очень важный внутренний путь, но горе тому, кто изъ пребыванья въ катастрофѣ не выйдетъ преображеннымъ.

Демонъ вѣка, разрушившій иллюзіи громкихъ словъ, которыми много вѣковъ жило человѣчество, вскрывшій тупики и провалы — въ нѣкоторомъ родѣ «совлекшійся всего» Бардаму, повернуть назадъ, даже къ прекрасному девятнадцатому вѣку, не можетъ. Современный человѣкъ приобрѣлъ пробужденное сознание, со-вѣсть, въ словахъ ему нѣтъ спасенья. Онъ увидѣлъ европейскую цивилизацію въ ея дѣйствительной сущности, узналъ въ человѣкообразномъ себя, прежняго автохтона, онъ стоитъ въ пустотѣ.

Пустота должна быть заполнена. Нужна идея — въ смыслѣ ли новаго озаренья, какъ молнія отъ востока до запада, нужно болѣе полное знанье о себѣ, иначе Бардаму останется только **негодяемъ**, или.. повѣсится.

Путешествіе въ глубь ночи! Эта ночь на Западѣ пока — безъ исхода. Какъ на двери ада, надъ западнымъ человѣчествомъ надпись: «оставь надежду», и эту надпись нечѣмъ стереть. Ни цитатами изъ Евангелія на случай, какъ А. Жидь, ни болѣе сердечнымъ, но въ существѣ своемъ узко-конфессіональнымъ католицизмомъ Моріака, нельзя заполнить пропасть, образовавшуюся въ западномъ сознаниі, утратившемъ Христа. Утратившемъ, конечно, не имя Его, не мораль, а самое существо Евангелій — іудейское безчиніе личности, дикую мечту о всеобщей любви и объ одуховленіи міра.

Западъ, какъ эллины, услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, разразится хохотомъ. Да и какъ можетъ современный культурный міръ принять динамику паде-нья и искупленья, идею ущербленности отпавшаго отъ Бога сознания, и неарійское изступленное биење себя въ грудь — до тѣхъ поръ, пока Богъ вновь не соеди-^{*}нится со мною и не попацить во мнѣ мое одиночество и отчаянье? Какъ прежде Римъ, Западный міръ создалъ свое царство и своего царя - автохтона, трехмѣр-наго человѣка. Этотъ автохтонъ можетъ всячески себя познавать — что еще можно прибавить къ анализу Пруста? Онъ можетъ измѣрять вдоль и поперекъ свой *Orbis terrarum* какъ Бардаму. Но откуда возьметъ онъ силу для того, чтобъ изъ себя выйти, познать себя — въ четвертомъ измѣреніи?

Нужно молиться, чтобы скорѣе явился на Западѣ писатель, способный по настоящему свернуть шею западной культурѣ — изъ іудеевъ іудей.

Все забыто. Но изъ того, о чемъ говорилъ Христось, наиболѣе забыта любовь. Европейскій человѣкъ - автохтонъ оказался на плоскости плоскаго. Чтобы выйти изъ себя, ему нужно понять, что Лазарь важнѣе Кесаря. Погруженный въ самосозерцаніе видитъ свое, а не себя. Для того, чтобъ увидѣть себя, необходима любовь, сила, способная разомкнуть порочный кругъ «волчьяго» отношенія къ людямъ.

Если то, что насъ окружаетъ — темная ночь, если наше знанье о себѣ — успокоенье невѣждъ, то Христова тревога, Христовъ, разрушающій внутреннее благополучіе, мечъ — выходъ изъ ночи, потому, что эта тревога — изъ-за большой любви и изъ за большаго, чѣмъ намъ видимое, значенія cadaго человѣка.

МАРИНА ЦВѢТАЕВА
ДВА ЛЬСНЫХЪ ЦАРЯ

Дословный переводъ Лѣснаго Царя Гете.

Кто такъ поздно скачетъ сквозь вѣтеръ и ночь? Это отецъ съ ребенкомъ. Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ мальчика, ребенку у отца покойно, ребенку у отца тепло. — Мой сынъ, что ты такъ робко прячешь лицо? — Отецъ, ты не видишь Лѣснаго Царя? Лѣснаго Царя въ коронѣ и съ хвостомъ? — Мой сынъ, это полоса тумана! — Милое дитя, иди ко мнѣ, иди со мной! Я буду играть съ тобой въ чудныя игры. На побережьи моемъ — много пестрыхъ цвѣтовъ, у моей матери — много золотыхъ одеждъ! — Отецъ, отецъ, неужели ты не слышишь, что Лѣсной Царь мнѣ шепотомъ общается? — Успокойся, мой сынъ, не бойся, мой сынъ, въ сухой листьѣ — вѣтеръ шуршитъ. — Хочешь, нѣжный мальчикъ, идти со мной? Мои дочери чудно тебя будутъ няньчить, мои дочери ведутъ ночной хороводъ, — убаюкають, у п л я ш у т ь, у п о ю т ь тебя. — Отецъ, отецъ неужели ты не видишь — тамъ, въ этой мрачной тѣмѣ, Лѣснаго Царя дочерей? — Мой сынъ, мой сынъ, я въ гочности вижу: то старыя ивы такъ сѣро свѣтятся.. — Я люблю тебя, меня уязвляетъ твоя красота! Не хочешь охотой — силой возьму! — Отецъ, отецъ, вотъ онъ меня схватилъ! Лѣсной Царь мнѣ сдѣлалъ больно! — Отцу жутко, онъ быстро скачетъ, онъ держитъ въ объятыхъ стонущее дитя, доскакалъ до двора съ трудомъ, черезъ силу — ребенкокъ въ его рукахъ былъ мертвъ.

Знаю, что неблагодарная задача послѣ гениальнаго и вольнаго поэтического перевода давать дословный прозаическій подневольный, но это мнѣ для моей нынѣшней задачи необходимо.

Остановимся сначала на непереводаемыхъ словахъ, слѣдовательно — непередаваемыхъ понятыхъ. Ихъ цѣлый рядъ. Начнемъ съ перваго: хвостъ. Хвостъ, по-нѣмецки, и Schwanz и Schweif; напрымѣръ — у собаки, Schwanz и Schweif — у льда, у дьявола, у кометы — и у Лѣснаго Царя. Поэтому моимъ «хвостатымъ» и «съ хвостомъ» хвостъ Лѣснаго Царя приниженъ, униженъ. Второе слово — *fein*, переведенное у меня «нѣжный», и плохо переведенное, ибо оно, прежде всего, означаетъ высокое качество: избранность, неподдѣтность, изящество, благородство, благородственность вещи или человѣка. Здѣсь оно и благородный, и знатный, и нѣжный, и рѣдкостный. Третье слово: глаголь *reizt. reizen* — въ первичномъ смыслѣ — раздражать, возбуждать, вызывать на, доводить до (неизмѣнно дурного: гнѣва, бѣды и т. д.). И только во вторичномъ — очаровывать. Слово, здѣсь, ни полностью, ни въ первичномъ смыслѣ не переводимое. Ближе остальныхъ по корню будетъ: Я раздраженъ (раздраженъ) твоей красотой, по смыслу: уязвленъ. Четвер-

---

тое въ этой же строкѣ: Gestalt — фигура, тѣлосложеніе, внѣшній видъ, форма. Облиціе, распространенное на всего человѣка. То, какъ человѣкъ внѣшне явленъ. Пятое — *scheinen*, по нѣмецки: и казаться и свѣтиться, и мерцать и мерещиться. Шестое неперебиваемое: «Leids». «Мнѣ сдѣлалъ больно» меньше, чѣмъ *Leids gethan*, одинаково и одновременно означающее и боль, и вредъ, и порчу, въ данномъ гетевскомъ случаѣ непоправимую порчу — смерть.

Перечисливъ все, чего не могъ или только съ большимъ, а можетъ-быть и неоправданнымъ трудомъ могъ бы передать Жуковскій, обратимся къ тому, что онъ самовольно (поскольку это слово въ стихахъ примѣнимо) замѣнилъ. Уже съ первой строфы мы видимъ то, чего у Гете не видимъ: ѣздокъ данъ старикомъ, ребенокъ издрогшимъ, до перваго видѣнія Лѣснаго Царя — уже издрогшимъ, что сразу наводитъ насъ на мысль, что самъ Лѣсной Царь бредъ, чего нѣтъ у Гете, у котораго ребенокъ дрожить отъ достовѣрности Лѣснаго Царя. (Увидѣлъ оттого, что дрожить — задрожалъ оттого, что увидѣлъ). Такъ же измѣненъ и жестъ отца, у Гете ребенка держащаго крѣпко и въ теплѣ, у Жуковскаго согрѣвающего его въ отвѣтъ на дрожь. Поэтому пропадаетъ и удивленіе отца: «Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?» удивленіе, оправданное и усиленное у Гете прекраснымъ самочувствіемъ ребенка до видѣнія. Вторая строфа видоизмѣнена въ каждой строкѣ. Первое видѣніе Лѣснаго Царя, изъ устъ ребенка, описательно: «Родимый! Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ!» тогда какъ у Гете (Развѣ ты не видишь Лѣснаго Царя?) — императивно, гипнотично, — ребенокъ не можетъ себѣ представить, чтобы этого можно было не видѣть, внушаетъ Царя отцу. Вся разница между: «Вижу» и «Неужто ты не видишь?» Обратимся къ самому видѣнію. У Жуковскаго мы видимъ старика, величественнаго, «въ темной коронѣ, съ густой бородой», вродѣ о м р а ч е н н а г о Царя - Саула очами пастуха Давида. Намъ отъ него, какъ отъ всякой царственности, вопреки всему все-таки спокойно. У Гете — неопредѣленное - неопредѣлимое! — неизвѣстно какого возраста, безъ возраста, существо, сплошь изъ лъвиного хвоста и короны, — д е м о н а, хвостагоги котораго вплотную соотвѣтствуетъ «полоса» (лоскутъ, отрѣзокъ, обрывокъ, Streif) тумана, ровно какъ бородѣ Жуковскаго вообще - туманъ надъ вообще - водой.

Каковы же соблазны, коими прельщаетъ Лѣсной Царь ребенка? Скажемъ сразу, что гетевскій Лѣсной Царь дѣтское сердце — лучше зналъ. Чудесныя игры, въ которыя онъ будетъ съ ребенкомъ играть — заманчивѣе неопредѣленнаго «веселаго много въ моей сторонѣ», равно какъ и золотая одежда, въ которую его нарядитъ его, Лѣснаго Царя, мать — соблазнительнѣе холодныхъ золотыхъ чертоговъ. Еще болѣе расходятся четвертыя строфы. Перечисленіе ребенкомъ соблазновъ Лѣснаго Царя (да и какихъ соблазновъ, — «золото, перлы, радость...» Точно паша — турчанкѣ.) несравненно-менѣе волнуетъ насъ, чѣмъ только упоминаніе, указаніе, умолчаніе о нихъ ребенкомъ: «Отецъ, отецъ, неужели, ты не слышишь, что Лѣсной Царь мнѣ тихонько обѣщаетъ?» И это ч т о , усиленное тихостью обѣщанія, неназванностью обѣщаемаго, разыгрывается въ насъ видѣніями такой силы, жути и блаженства, какія и не снились идиллическому автору «перловъ и струй». Таковы же отвѣты отцовъ: безмятежный у Жуковскаго. — «О, нѣтъ, мой младенецъ, слышался ты, — то вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы». И

на-смерть испуганный, пугающий - Гете: «Успокойся, дитя! Не бойся, дитя! Въ су-хой листьѣ — вѣтеръ шуршитъ». Отвѣтъ, каждымъ словомъ бьющій тревогу — сердца. Отвѣтъ, однимъ словомъ дающій намъ время года, столь же важное и не-избѣжное здѣсь, какъ часъ сутокъ, богатѣйшее возможностями и невозможностями — изъ всѣхъ его временъ.

Мы подошли къ самой вершинѣ соблазна и баллады, къ мѣсту, гдѣ Лѣсной Царь, неистовство обуздавъ, находитъ интонаціи глубже, чѣмъ отцовскія - материнскія, проводить насъ черезъ всю скалу женскаго воздѣйствія, всю гамму женской интонаціи: отъ женской вкрадчивости до материнской нѣжности, мы подошли къ строфѣ, которая помимо смысла, уже однимъ своимъ звучаніемъ есть колыбельная. И, опять-таки, наскотько гетевскій Лѣсной Царь интимнѣе и подробнѣе Жуковскаго, хотя бы ужъ одно старинное и простонародное *warten* (нянчить, болѣшинствомъ русскихъ читателей переводимое — ждать), у Жуковскаго совсѣмъ олущенное, замѣненное: «узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей», у Жуковскаго — прекрасныхъ, у Гете — просто дочерей, ибо его, гетевскій, Лѣсной Царь ни о чьей прекрасности, кромѣ мальчиковой, сейчасъ не можетъ помнить. У Жуковскаго прекрасныя д о ч е р и, у Гете — дочери прекрасно будутъ нянчить.

И снова, уже бывшее, у Жуковскаго пересказъ видѣніе, у Гете — оно само. — «Родимый, Лѣсной Царь созвалъ дочерей! Мнѣ, вижу киваютъ изъ темныхъ вѣтвей..» (Хотя - бы «видишь?» — и: «Отецъ, отецъ, неужто ты не видишь — тамъ, въ этой страшной тѣмѣ, Лѣснаго Царя дочерей?» Интонація, въ которой мы узнаемъ собственное нетерпѣніе, когда мы видимъ, а другой — не видитъ. И такіе разные, такіе соответственные вопросамъ отвѣты. олимпійскій — Жуковскаго: «О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ. То ветлы сѣ дья стоятъ въ сторонѣ», отвѣтъ даже ивовыхъ взмаховъ, т. е. иллюзіи видимости не дающій! И потрясенный, сердцебиенный отвѣтъ Гете: «Мой сынъ, мой сынъ, я въ точности вижу»... — отвѣтъ человѣка умоляющаго, закливающаго другого повѣрить, чтобы повѣрить самому, этой точностью видимыхъ ивъ еще болѣе убѣждающаго насъ въ обратномъ видѣніи.

И, наконецъ, конецъ — взрывъ, открытыя карты, сорванная маска, угроза, ультиматумъ: — «Я люблю тебя! Меня уязвила твоя красота! Не хочешь охотой — силой возьму!» и жуковское пассивное: «Дитя! Я плѣнился твоей красотой!» — точно избалованный паша рабынѣ, паша, самъ взятый въ плѣнъ, тотъ самый паша бирюзового и жемчужнаго посула. Или семидесятилѣтній Гете отъ созерцанія римскихъ гравюръ, переходящій къ созерцанію пятнадцатилѣтней дѣвушки. Повѣствовательно, созерцательно, живописующе — какъ на живопись... И даже гениальная передача — формула — послѣдующей строки: «неволей иль волей, а будешь ты мой!» слабѣе гетевскаго: «не хочешь охотой — силой возьму!» какъ сама форма «будешь мною взять» меньше б е р е т ь, — чѣмъ «возьму», ослабляетъ и отдаляетъ захватъ — руки Лѣснаго Царя, уже хватающей, и отъ когорой до дѣтскаго крика «болжно», меньше чѣмъ шагъ, меньше, чѣмъ скокъ коня. У Жуковскаго этого крика нѣтъ: «Родимый! Лѣсной Царь насъ хочетъ догнать! Ужъ вотъ онъ, мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать» У Гете между крикомъ Лѣснаго Царя — «силой возьму!» — и крикомъ ребенка — «мнѣ болжно!» — ничего, кромѣ дважды повтореннаго: «отецъ, отецъ» и

самого задыханія захвата, у Жуковского же — все отстояніе намѣренія. У Жуковского Лѣсной Царь на загривкѣ.

И — послѣсловіе (ибо вещь кончается здѣсь), то, что мы всѣ уже, съ первой строки второй строфы уже, знали — смерть, единственное почти дословно у Жуковского совпадающее, ибо динамика вещи уже позади.

Повторяю: неблагодарная задача сопоставлять мой придирчивый дословный аритмическій вѣхудожественный переводъ съ гениальной вольной передачей Жуковского. Хорошіе стихи всегда лучше прозы — даже лучшей, и преимущество Жуковского надо мной слишкомъ очевидно. Но я не прозу со стихами сравнивала, а точный текстъ подлинника съ точнымъ текстомъ перевода: Лѣсного Царя Гете съ Лѣснымъ Царемъ Жуковского.

И вотъ, выводы.

Вещи равновелики. Лучше перевести Лѣсного Царя, чѣмъ это сдѣлалъ Жуковский — нельзя. И не должно пытаться. За столѣтіе давности это уже не переводъ, а подлинникъ. Это просто другой Лѣсной Царь. Русскій Лѣсной Царь — изъ хрестоматіи и страшныхъ дѣтскихъ сновъ.

Вещи равновелики. И совершенно разны. Два Лѣсныхъ Царя.

Но не только два «Лѣсныхъ Царя» — и два Лѣсныхъ Царя: безвозрастный жгучій демонъ и величественный старикъ, но не только Лѣсныхъ Царя — два, и отца — два: молодой ѣздокъ и, опять-таки, старикъ (у Жуковского два старика, у Гете — ни одного), сохранено только единство ребенка.

Двѣ вариации на одну тему, два видѣнія одной вещи, два свидѣтельства одного видѣнія.

Каждый вещь увидѣлъ изъ собственныхъ глазъ.

Гете, изъ черноты своихъ огненныхъ — у в и д ѣ л ь , и мы съ нимъ. Наше чувство за сновидѣнный срокъ Лѣсного Царя: — какъ это отецъ не видитъ?

Жуковский, изъ глади своихъ карихъ, добрыхъ, разумныхъ — не увидѣлъ, не увидѣли и мы съ нимъ. Повѣрилъ въ туманъ и ивы. Наше чувство втеченіе Лѣсного Царя: — какъ это ребенокъ не видитъ, что это — ветлы?

У Жуковского ребенокъ погибаетъ отъ страха.

У Гете отъ Лѣсного Царя.

У Жуковского — просто. Ребенокъ испугался, отецъ не сумѣлъ успокоить, ребенку показалось, что его схватили (можетъ-быть вѣтка хлестнула) и изъ-за всего этого показавшагося ребенку, достоверно умеръ. Какъ тотъ безумецъ, мнившій себя стекляннымъ и на разубѣдительный толчекъ здраваго смысла отвѣтившій разрывомъ сердца и звукомъ: дзинь... (Подобіе далеко заводящее).

Одинъ только разъ, въ самомъ концѣ, точно усумнившись, Жуковский предаеть свое благоразуміе, однимъ только словомъ: «ѣздокъ о р о б ѣ л ы й»... но тутъ же, самъ оробѣвъ, минуетъ.

Лѣсной Царь Жуковского (самъ Жуковский) безконечно — добрѣе: къ ребенку добрѣе, — ребенку у него не больно, а только душно, къ отцу добрѣе — горестная, но все же естественная смерть, къ намъ добрѣе — ненарушенный порядокъ вещей. Ибо допустить хотя бы на секунду, что Лѣсной Царь есть — смѣстить нась со всѣхъ нашихъ мѣсть. Такъ, же, — прискорбный, но бывалый, случай. И само ви-

---

дѣніе добрѣе: старикъ съ бородой, дѣдушка, «бирзовы струи»... Даже удивляешься, чего ребенокъ испугался?

(Развѣ-что темной короны, развѣ-что силы любви?). Страшная сказка на-ночь. Страшная, но сказка. Страшная сказка нестрашного дѣдушки. Послѣ страшной сказки все-таки можно спать.

Странная сказка совсѣмъ не дѣдушки. Послѣ страшной гетевской не-сказки жить нельзя — такъ, какъ жили (въ тотъ лѣсъ! Домой!).

...Добрѣе, холоднѣе, величественнѣе, ирреальнѣе. Борода величественнѣе хвоста, дочери, узрѣнныя, и величественнѣе и холоднѣе и ирреальнѣе, чѣмъ дочери няньчащія, вся вещь Жуковского на порогѣ жизни и сна.

Видѣніе Гете цѣликомъ жизнь или цѣликомъ сонъ, все равно, какъ это называется, разъ одно страшнѣе другого и дѣло не въ названіи, а въ захватѣ дыханія.

Что больше — искусство? Спорно.

Но есть вещи больше, чѣмъ искусство.

Страшнѣе, чѣмъ искусство.

Ноябрь, 1933 г.

Л. ЧЕРВИНСКАЯ

МЫ

Все началось съ возникшаго изъ забвенія (въ дѣтствѣ было — потомъ утеряю всѣми) слова: мы. Коротенькаго, будничнаго, единственно-важнаго, если вслушаться. Мы, наше, нами. И все равно, кто и что слышится въ немъ.

Я — и мѣръ.

Я — и онъ (она).

Я — и мои (классъ, друзья, единомышленники, сотрудники — мой партнеръ въ игрѣ).

Мы помнимъ. Мы играемъ. Мы простили. Мы живемъ. Умремъ — тоже мы. Наша судьба, наша жизнь (радость горе) — даже: наши деньги, комнаты, враги, стулья, знакомые...

Страшно, бѣдно, грустно — грустно звучить: я.

Моя личность, мое творчество — смѣшно.

Моя жизнь — скучно.

Мое безсмертіе — жалко и неубѣдительно.

Я — вопросъ: зачѣмъ? отвѣтить только смерть.

Мое сознание это ощущеніе низко — низко висящаго надъ головой неба, сквозь которое нельзя прорваться.

Я — тѣснота въ груди — (любовь).

Я — связанныя, сильныя руки — (бездѣтельность).

Я — точка.

«Мы» — не всегда было со мною. Молодость его отрицала. Но молодость — всегда пробѣлъ. Если начать съ дѣтства, которое не только начало, а какъ-бы первый набросокъ жизни человѣка во всей ея сложности и яркости, то ясно вспоминается это чувство — тогда сладкое и единственно успокоительное, чувство какъ-бы «Мы — тства», не объединенія, не только общенія, не сліянія, а с л и т н о с т и.

Кромѣ него, въ дѣтствѣ помню только страхъ. Днемъ — наказанія, отнятой радости, несправедливости, нищихъ на улицѣ. Ночью — тѣ-же нищие, лунатики, сумасшедшіе, во снѣ, и (тоже во снѣ) черти (много, много), которыхъ запрещалось бояться.

Даже любопытства не было — только страхъ.

И опять — гордость, радость, успокоеніе, оттого, что насъ много (дѣтей въ школѣ, сестеръ дома), оттого-что въ нашемъ домѣ гости (взрослые и скучные), но сидящіе за общимъ столомъ, подъ одной лампой. Помню, въ тревожныя времена революціи — счастье оттого, что поздно не расходились, часто оставаясь ночевать. Можно было (сонно и уютно) сидѣть со всѣми вмѣсто того, чтобы уходить въ темную дѣтскую къ ночнымъ, тоскливымъ страхамъ.

Что было передъ этой жутью (въ которой страшно было признаться) всѣ

ви́шніе ужасы міра... голодь, обыски, болѣзни (даже домашнихъ), разстрѣлы (даже близкихъ).

Позднѣе, когда глубже обозначилась черта между замкнутымъ въ нелюбимомъ тѣлѣ «я» и недоступно — прекраснымъ міромъ — страхъ вообще вылился въ почти физическое ощущение неизбѣжной и невѣроятно — близкой (не во времени, а по степени осознанности) смерти. Ночью пробужденіе отъ какъ-бы толчка: умру.

Даже не «умру», а «перестану быть». Къ «умру» есть любопытство — къ «перестану быть» только страхъ. Это ощущение неврастенически обострялось съ годами по мѣрѣ того, какъ жизнь становилась выпуклѣе, ярче, по мѣрѣ того, какъ чувство «я» росло — ревнивое и мучительное. Хотѣлось крикнуть: «Вотъ я всѣмъ, кто сквозь меня видѣлъ стѣнку или другого, всѣмъ, кто любилъ какъ-бы мимо меня. Хотѣлось крикомъ этимъ остановить не только жизнь — равнодушно уходящую, но и бѣгущую на меня (какъ поѣздъ на экранѣ) смерть».

Въ тѣ годы, лучшіе, молодости, постепенно засыпала радость отъ сознанія своей общности съ міромъ.

Были попытки любви, т. е. повтореніе неповторимаго, забвеніе незабвеннаго. Теперь отрицаю ее (сознаніемъ, волей). Если было и кончилось, если кончилось и повторилось — значить не нужно.

Въ любви (почти всегда платонической, похожей на экзальтированную дружбу, въ очень юные годы, не разбирающей пола), мучительно хотѣлось и подчиненія (взгляду, слову, какъ-бы ритму другого) и утвержденія — этимъ другимъ — моего «я». Но «другой» оставался непроницаемъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ (то, что собственно «счастливая») былъ на половину покрытъ для меня (какъ и для него) тѣнью нашего отношенія, нами созданнаго третьяго существа, капризнаго и настойчиваго, мѣшающаго пронинювенію и ясности. Любви не было, а въ тѣлѣ, въ мірѣ чувствовалась какая-то любовная насыщенность, вдохновенная напряженность — пустота на кончикахъ пальцевъ, которыя не могутъ прикоснуться..

Было еще одно магическое и мучительное — красота. Но чувство, которое она вызывала, какъ-бы не соответствовало понятію о ней. Красота для меня поводъ къ безпокойству, движенію, даже разрушенію. Люблю цвѣты, срѣзанные, въ вазѣ («природы» почти не замѣчаю).

Но не могу на нихъ долго смотрѣть.

Нестерпимое желаніе переставить вазу, повернуть головку на стеблѣ. Потомъ — почти неудержимо — смять, сломать, разбить...

Въ красотѣ нѣтъ успокоенія, нѣтъ полноты — значить не нужно. Постепенно изъ этихъ двухъ линій (гдѣ-то скрещивающихся и расходящихся вновь) — неудовлетворенности въ легкой любви и созерцанія все-таки прекрасно-созданнаго міра родилась потребность къ движенію, необходимость какъ-бы думать вслухъ. Ви́шній — жуткій и красивый міръ превратился въ ритмичное звученіе — настойчивое и монотонное... «Такъ начинаютъ жить стихомъ»... Казалось, что сокровенная мысль, подхваченная такой ритмической волной (стихи) — разрѣшеніе загадки одиночества.

Больше всего на свѣтѣ хотѣлось, чтобы услышали мой голосъ. Нравилось

(и въ своемъ, и въ чужомъ) только личное, неповторимо — личное, отличающее меня отъ другого. А «личнымъ» оставался только, все тотъ-же страхъ.

.. въ сердцѣ сознание глубоко,
Что съ нимъ родился только страхъ
Что въ мирѣ оно одиноко,
Какъ старая кукла въ волнахъ.

Изъ этого сознанія своего недосказаннаго одиночества появился какой — то «двуликий» нарциссизмъ. «Я» стало видно и судимо — какъ-бы раздвоилось. Отъ этого съ одной стороны стыдъ, что кто-нибудь проникнетъ и узнаетъ о тайныхъ сдѣлкахъ съ совѣстью (все оправдано и допустимо — если почему-либо нужно мнѣ) отъ этого-же любованіе собой (дѣйствительно со стороны), когда «удавались» слова, жесты, даже чувства.

Здѣсь порочный кругъ. Какъ не знать того, что знаешь, не видѣть того, что видишь въ себѣ?

Наконецъ — какъ не думать того, что говоришь — если уже говоришь (пишешь) то, что думаешь? Слова «подуманная» (возможно думанье и безъ словъ) также стыдно произнести, какъ разъ найденное въ творческомъ разговорѣ невозможно повторить или записать. Если слова неповторимы, то приходится говорить и писать какъ-бы «не своими словами». Отсюда вопросъ — къ чему всякое высказываніе, если и здѣсь необходима фальшь?

На этомъ вопросѣ: зачѣмъ? какъ-бы застыла жизнь.

Очертанія, смѣлыя въ молодости, стерлись, не хаосъ, не сумракъ, а ровное, сѣрое полотно накинута на все...

Оставались стихи. Но — пишу брезгливо и застѣнчиво, какъ любятъ некрасиваго, недостойнаго..

Оставалась не любовь — а, любовность, вѣчная возможность, вѣчная обреченность.

Осталась благодарность. Пожалуй изъ всего, что было тогда, сохраню, передамъ (если сумѣю) это: Спасибо за то, что сказанное или написанное в ъ р и о. Спасибо за жуткое совпаденіе Вашего и моего опыта. «Вѣрно» — лучшее, что можно сказать о прочитанномъ или услышанномъ. Бываетъ радостная, почти физическая боль отъ поразившей (не откровеніемъ, а узнаваніемъ) фразы. Боль, которую мучительно вынести въ одиночествѣ...

Но — вторая встрѣча, вторая страница всегда разочаровывали, а казалось, что человѣкъ такъ близко-думающій, долженъ навсегда слиться съ моею судьбой

Но — любовь (въ началѣ — все-же конкретная, хотя и «скользящая» по модамъ) окончательно заблудилась, продолжая жить призракомъ, все снижающимъ, во всемъ разочаровывающимъ и ни къ чему не приводящимъ.

Но — стихи всегда «обращенные» (собственно это — столько то несказанныхъ словъ, непролитыхъ слезъ) — возвращались ко мнѣ — же, какой-то нѣжной влагой (какъ капли дождя падающія на протянутую, ладонью вверхъ, руку).

И то, и другое, и третье оставалось внѣ жизни, около.

Все кончалось на разсвѣтѣ... Днемъ все та-же незащищенность и скука. Ровная, сѣрая, ясная.

Потомъ, не помню когда, еще не понимаю зачѣмъ, откуда-то прозвучаль (какъ-бы кто-то произнесъ вслухъ) коротенькое, привычное слово: Мы. Разумъ ничего не постигъ, но въ душѣ какъ-бы лампочку зажгли, маленькій свѣтъ и тепло — какъ въ дѣтствѣ. Къ этому слову, какъ иголки къ магниту, потянулись разбросанные чувства, мысли, догадки, утверждения. Повторяю, ничего не стало ясно, «Рисунка» не получилось. Стала только возможна возможность когда-нибудь **увидѣть** то, что раньше **слышалось**, нарастая, замирая, волнуя и разочаровывая.

Новаго ничего не прибавилось, но знакомое, привычное вновь потребовало вниманія.

Возникло «отношеніе внѣ отношенія». Вернулась радость отъ тождественности опытовъ, раздѣленности мысли и жизни.

И это ощущеніе не оставалось тайной моей, оно нащупывалось, подхватывалось всѣми кругомъ. Появилось чувство **нашего** города, **нашей** «компаніи» и гордость, дѣтская какая-то.

Слова эти произносятся не безъ смущенія — какъ имя любимаго человѣка. Если раньше необходимымъ казался выборъ между личной жизнью и общественной (человѣкъ или человѣчество), то теперь смутно сознается возможность третьяго понятія — среды, семьи (конечно не новаго въ исторіи человѣчества).

Слово «братство» утеряло какую то стыдность. Возможна любовь, если не къ ближнимъ, то къ ближайшимъ (что одно и то же, если кругъ расширяется изнутри). Отсюда интересъ къ прежде скучнымъ социальнымъ вопросамъ (политика, деньги), къ прежде мертвымъ словамъ (кончающимся на ость, измъ, ство).

Отсюда мысль — не въ этомъ ли (спасеніе въ слитности) корни коммунизма. Кто-то полусутиа напѣваетъ пѣсню. Можетъ быть помогло настроеніе отъ «гитарной» музыки, но вдругъ поразило «Братскій союзъ и свобода» — не то-же-ли это, что и у насъ? Тамъ искаженіе, конечно, но то-же по существу и въ идеалѣ. — И легкость оттого, что «я» растворяется въ обществѣ, и тяжесть отвѣтственности оттого, что общество какъ-бы входитъ въ «я», тоже растворяясь въ немъ.

Не миражъ ли это, существованіе здѣсь въ эмиграціи такой среды? Не думаю. Несмотря на защиту кажтымъ своей индивидуальности (благодаря ей) родилась здѣсь жизнь семьи — среды. Отъ общественной она отличается тѣмъ, что каждому оставлено право выбора, капризнаго вкуса, право думать, углубляя, а не расширяя. Отъ личной, замкнутой она отличается тѣмъ, что цѣннымъ оказывается только то, что общее (не то, что для **всѣхъ**, а то, что для **каждаго**).

Послѣднее время почти физически ощутимы «идеи въ воздухѣ». Это замѣтно особенно въ поэзіи (всегда передовой по чуткости). Не случайно, почти всѣ стихи написаны какъ бы однимъ поэтомъ — парижскимъ. И не страшно это, хотя отсюда вопросъ, возможны-ли, нужны-ли теперь стихи?

Не страшно потому, что дѣло, конечно, не въ стихахъ, а въ тѣхъ безпріютныхъ чувствахъ, мысляхъ, полустинахъ, полуснахъ, которымъ дано воплотится только въ стихахъ — даже въ нашихъ утомленныхъ и утомительныхъ, невзволнованныхъ и не волнующихъ...

Получается так — каждый отдѣльно почти невозможенъ. Каждый, если вмѣстѣ, нуженъ.

Тоже въ прозѣ (почти всегда автобіографичной). Если дѣло не въ моемъ (по чудному выраженію одного поэта) «безконечно сложномъ и безконечно скучномъ въ своей сложности» я. Если дѣло въ томъ, чтобы разказать объ опытѣ случайно-личномъ, который могъ быть и Вашимъ, то не стыдно и не трудно.

То-же въ разговорахъ, выступленияхъ. Нужно высказаться, чтобы найти оди наковое отношеніе къ «общимъ идеямъ». Спорить можно только согласившись. Тогда возможно движеніе, становится важно «о чемъ», а не только, какъ и съ кѣмъ. Личная взволнованность переходитъ въ вдохновеніе ясности и мысли. «О чемъ», конечно всегда старо. Интересуемся мы тѣмъ-же, чѣмъ другіе — до и послѣ насъ. Но важно — одинаковость, совпаденіе ритмовъ (современность).

Это, конечно литература.

Въ жизни остается вопросъ, можетъ-ли любовь (съ маленькой буквы) замѣнить личную, исключительную, «задѣвающую», даже если первая чище, проникновеннѣе, безкорыстнѣе и безконечнѣе...

Не можетъ. Не должна. Но — благодарно пользуясь выраженіемъ одного писателя «въ любви накопленная доброта», любовное отраженіе отъ любви (луна лучшее отраженіе солнца), является для меня оправданіемъ этой постѣдней — все равно какой, счастливой или несчастной, плотской или платонической, нормальной или извращенной.

Кажется лучше (если до конца честно говорить) — несчастной, платонической, извращенной. Потому-что въ протянутой рукѣ, которой не дано прикоснуться — огромная, напряженная сила...

Тайное участіе въ чужой судьбѣ, недосказанное и недосказуемое..

Слѣды на снѣгу. Зигзагъ, проведенный человѣкомъ, невнимательнымъ къ землѣ, на которой онъ бредеть. Кто-то шельъ впереди, кто-то слѣдуетъ. Нельзя не оклинуть, не оглянуться...

Можетъ быть, только сонъ. Только намекъ. Возможность возможнаго. Но сонъ, отъ котораго не хочешь проснуться для того, чтобы додумать, дочувствовать. Устало бодрствуютъ (всегда) сознаніе и совѣсть. Хорошо было-бы и этимъ уснуть, окрѣпнуть во снѣ.

Если проснусь, то къ новой, единственно - важной мысли: «что дѣлать съ тяжестью этого «мы?»»

ИГОРЬ ЧИННОВЪ
« О Т Р Ы В О К Ъ   И З Ъ   Ч Е Р Н О В И К А »

Я чувствую отвращеніе отъ смерти, потому что смерть не уничтожаетъ ничего вполне, не уничтожаетъ несовершенства, не совершенно уничтожаетъ несовершенное, — что смерть несовершенна и недостаточна, какъ и жизнь. Это — отвращеніе отъ длительности, вѣчности, между прочимъ, отъ такъ называемаго воскресенія, отъ несовершеннаго преображенія — продолженія — отъ неуничтожимости несовершеннаго въ мірѣ и отъ отсутствія совершеннаго въ немъ. Мнѣ неприятно, что совершенное не можетъ существовать во времени, и что несовершенное — вѣчно, то есть, даже больше, чѣмъ во времени, что несовершенное нельзя сдѣлать небывшимъ, что даже самый краткій мигъ моего несовершенства какъ-то, въ какомъ-то смыслѣ, существуетъ вѣчно, и никакое искупленіе, никакое преображеніе не можетъ уничтожить его. Я чувствую, что грязь, чья бы то ни была, ложится на всѣхъ, на все, мельчайшая частица несовершеннаго уничтожаетъ все какое бы то ни было совершенство міра, эстетически все, всѣ несутъ отвѣтственность за всѣхъ, только такъ можетъ быть въ мірѣ. Несовершенство безнадежно; несовершенствомъ этого міра уничтожается для меня совершенство другого, другихъ міровъ и прочаго — всего другого; мнѣ кажется, что совершенство невозможно, если есть несовершенство: одно существуетъ иначе, чѣмъ другое, но все таки и то, и другое — есть, «все» въ какомъ-то смыслѣ едино, и поэтому все, а не часть всего, несовершенно. Я часто забываю о (почти несомнѣнномъ) существованіи другого міра, даже о микро и телескопическомъ въ этомъ мірѣ: я вижу міръ вещей, — въ самомъ «вещественномъ» смыслѣ — міръ «realia», даже обычнаго, кажется, какъ его обыкновенно видятъ. Можетъ быть, если постоянно «видѣть» микро - и телескопическое въ немъ, можно доказать себѣ, что грязи нѣтъ, что грязное подъ микроскопомъ чисто и неотлично отъ чистаго; но, вѣрнѣе, тогда нельзя не видѣть, что все есть грязь, что чистое такъ же несовершенно, какъ грязное. Я не знаю, могъ ли бы я научиться видѣть міръ инымъ, но когда я пробую доказать себѣ, что грязи нѣтъ, у меня сходство съ тѣми, кто собирается покончить съ собой, чтобы кому-то доказать что-нибудь, точно будетъ «смѣяться послѣднимъ», не умереть, доказавъ, а только докажетъ. Я боюсь учиться видѣть иначе и часто — дѣйствительно щурю глаза, чтобы не замѣчать грязи — на улицахъ, лѣстницахъ — до блестящаго помутнѣнія въ глазахъ, до затуманивающаго и лучистаго больного свѣта. Я представляю себѣ совершенное, какъ исходящій отъ далекой, блѣдной, сѣровато - жемчужной точки безцвѣтный - безсвѣтный — незримый свѣтъ, — почти такъ, это сравненіе, эти слова тоже плохи; ни для чего нѣтъ точныхъ словъ, для этого тоже. Теперь мнѣ неприятны всякія слова, потому что всѣ они говорились когда-нибудь по дурнымъ поводамъ и дурными людьми и дурно, и стали грязны, даже самые звуки. Я любилъ прежде выражать для себя

мысли словами, неслышными, только «подуманными», — просто и бережно — или даже только усиливать мысли до блестящих штриховъ, контуровъ прекраснаго выраженія, во всякомъ случаѣ до ощущенія чистаго облика этихъ мыслей; я дѣлалъ чистой, почти прекрасной самую ткань мысли, хотя мысль могла быть пустяковая или даже, традиціонно - эстетически, некрасивая. Теперь я чувствую, что это самообманъ, что грязь и въ этомъ, какъ и во всякомъ воплощеніи, во всякомъ выраженіи чего бы то ни было, какъ и во всемъ. Мнѣ всякій стиль, всякій слогъ теперь кажется некрасивымъ, всякій тонъ рѣчи, всякая рѣчь, всякое и «что», и особенно «какъ» — и какъ я теперь пишу — тоже: надо писать блѣднѣе, чище, незамѣтнѣе — это менѣе некрасиво. Мнѣ непріятна рѣзкость моей внутренней темы, вещность этого сюжета; въ немъ есть что-то дурное, безвкусно, напимѣръ, соединять правду съ выдумкой, безвкусна нѣкоторая, какъ и всякая, необыкновенность — какъ, впрочемъ, и обыкновенность; безвкусно и оговаривать это, защищаться и притворяться спокойнымъ. Безвкусно выражать свою жизненную — бессмысленную — тему; все написанное вызываетъ неловкость, все похоже на дурное и дурно, конечно, все кажется невѣрнымъ въ немногихъ ощущеніяхъ, только для меня, послѣ всего доступнаго мнѣ чужого и моего опыта, еще своихъ и не легкихъ.

Т. ШАРШУНЪ
ХВАЛЕБНОЕ СЛОВО И. А. БУНИНУ

Съ радостью и удовлетвореніемъ встрѣтилъ я присужденіе Нобелевской преміи И. А. Бунину, ибо — останови шведская академія свой выборъ допустимъ на М. Горькомъ, и все вышло бы по другому.

«Босяковъ и Буревѣстника» — я знаю съ пеленокъ, и если въ русской литературѣ, все еще нѣтъ ничего болѣе значительнаго, то бесполезно и возлагать на нее слишкомъ большія надежды! сказалъ - бы каждый читающій.

Правъ оказался-бы и Г.-Д. Уэлсъ, давно заявившій, что: «русская литература отдыхаетъ послѣ Толстыхъ и Достовскихъ».

Творчество - же Бунина — разрастается и углубляется до сихъ поръ.

42 страницы «Господина изъ Санъ - Франциско», лучшія за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій, написанныхъ на нашемъ языкѣ, и въ придачу къ нему «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» — выравниваютъ русскій литературный уровень, — мы сдѣлали шагъ впередъ, проснулись отъ спячки.

Послѣ Пушкина и Толстого, онъ — самый дневной, солнечный, олимпійски цѣломудренный русскій писатель.

Чеховская преемственность, конечно, на-лицо, но то, что у этого импрессионистическая стилизація, у Бунина — мѣдный звонъ.

Чеховъ во власти горечи и сарказма, Бунинъ — бѣса полуденна.

Напрашивается параллелизмъ Мопассанъ - Флоберъ.

«Мужики» равноцѣнны «Суходолу» и «Деревнѣ», остальное, лучшее у Бунина — выше.

Я чувствую его связь и съ нѣкоторыми писателями половины прошлаго вѣка: Помяловскимъ и Слѣпцовымъ, напр., съ которыми его роднитъ — знаніе русской деревни, присущая имъ всѣмъ трезвость, и, какими - то судьбами «одинаковая социальная атмосфера».

Различіе-же ихъ въ томъ, что — тѣ писали «примѣнительно къ партійнымъ лозунгамъ», — основная же тема Бунина «Смерть Ив. Ильича» и «Гильгамешъ», — «гражданиномъ-же ему можно и не быть!».

(Поэтому, «Жизнь Арсеньева» — полнозвучный гимнъ русскому нормальному росту).

И, конечно, тема «Любви сильнѣе смерти», тургеневская традиція «Первой любви»: «Сонъ», «Корнетъ Елагинъ», «Солнечный ударъ», «Митина любовь».

Хотя герои его и менѣе романтичны.

Чаще, въ нихъ преобладаетъ, все тотъ-же бронзовый гулъ, столь свойственный его другому предшественнику — Толстому, растерянность передъ неисповѣдимыми путями матери природы, — тѣлесное сгораніе, а иногда и слѣдующая ступень: за разряженной до конца чувственностью — еще большая взыскуемость.

Даже преисполненная радостью, упоением жизнью — описания путешествий, а также и некоторые его беллетристические афоризмы — потрясают русским отчаянием, трагизмом, а иногда, в придачу и торжественностью.

Отсюда, как обратная сторона медали, на первый взгляд неожиданная — мир Э. По.

«Воды многія» характерны для первой категории, «Петлистая уши» и «Страшный рассказ» — для второй, а «Господинъ изъ Санъ - Франциско» для смешанной, переходной.

В. ВЕЙДЕ
НАДЪ ВЫМЫСЛОМЪ СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ...

Нельзя размышлять о настоящемъ, отказавшись гадать о будущемъ. Настоящее состоитъ изъ будущихъ, заложенныхъ въ него прошлымъ; эти будущія различимы для пристального взгляда; наблюдателю остается выдѣлить то изъ нихъ, что соотвѣтствуетъ не какимъ -нибудь второстепеннымъ теченіямъ настоящаго, а основному руслу, гдѣ протекаетъ главный его потокъ. Осуществится-ли именно это будущее, онъ не знаетъ. Завтра, быть можетъ, широкое русло засыпетъ песокъ, и боковой рукавъ потечетъ полноводною рѣкою, но и въ этомъ случаѣ познаніе того, что казалось будущимъ сегодня, не потеряетъ смысла и цѣны. Критикъ не пророкъ: онъ гадаетъ о будущемъ лишь для того, чтобы разобраться въ настоящемъ; онъ видитъ знаменія, но выбираетъ среди нихъ не онъ

Въ современной литературѣ, въ современномъ искусствѣ происходятъ огромныя перемѣны, частью очевидныя для всѣхъ, частью скрытыя и тѣмъ болѣе глубокия. Перемѣны эти не отмѣняютъ національныхъ особенностей, но распространяются на всю Европу, включая, разумѣется, и Россію, и болѣе или менѣе равномерно сказываются на всѣхъ искусствахъ, хотя однѣ улавливаются легче въ искусствѣ слова, другія въ живописи или музыкѣ. Мѣсто встрѣчи и пересѣченія всѣхъ этихъ перемѣнъ и есть будущее, уже угадываемое въ настоящемъ. Оно можетъ не осуществиться, но его нельзя считать несуществующимъ, съ нимъ можно бороться, но устранить его безъ борьбы нельзя. Если перемѣны, подготавливающія его, намѣтились весьма давно — иногда больше ста лѣтъ назадъ, — то это не только не умаляетъ ихъ значенія, но какъ разъ подчеркиваетъ ихъ глубину и силу. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что угроза культурнаго разложенія, пугавшая многихъ уже въ началѣ прошлаго или въ концѣ восемнадцатаго вѣка, не сразу, а лишь постепенно разрослась до нынѣшнихъ своихъ размѣровъ, проникла всюду, отравила самыя родники искусства и прежде всего источники поэтическаго вымысла.

***

Знанія, опытъ, умѣние строить и наблюдать, все это еще не вымыселъ. Э. М. Форстеръ воспользовался формой романа, чтобы написать замѣчательную книгу о современной Индіи. Настроенія англійскаго образованнаго общества послѣ войны ни гдѣ лучше не изображены, какъ въ «Контрапунктѣ» Ольдуса Гексли. О совѣтской Россіи многое можно узнать изъ любого романа, независимо отъ его качества, и почти всѣ совѣтскія книги, даже лучшія — прежде всего, если не только, документы «Волшебная гора» Томаса Манна, «Человѣкъ безъ качествъ» Роберта Музиля — цѣлыя энциклопедіи, посвященныя распаду германской мысли, германской жизни въ преддверіи войны и революціи. Къ социологическимъ трактатамъ приближа-

---

ются и французския эпопеи Роже Мартенъ дю Гара и Жюля Ромэна «Фал шивомонетчики» Андрэ Жида — авторская исповѣдь плюсъ размышления о томъ, какъ пишется романъ Книги Мориака — куски живой ткани, вырванной изъ души самоулюбленемъ одинокой совѣсти Вымыселъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ и въ безцѣленныхъ другихъ, играетъ чисто служебную роль, единство его нарушено, и тѣмъ самымъ повреждено единство современнаго романа. Во Франци, въ Англии, въ Итали онъ превращается чаще всего въ схематическую постройку, лишенную живого содержанія Въ Германіи, въ Америкѣ, въ совѣтской Россіи, наоборотъ, онъ перегруженъ беспорядочно наваленнымъ разношерстнымъ матеріаломъ ему грозитъ безформенное разбуханье, водянка отъ неумѣреннаго потребления перепереработаннаго, недоусвоеннаго сырья.

Давленіе матеріала, механизация формы вступаютъ иногда въ невиданный еще союзъ. Въ Германіи и Америкѣ изобрѣтены новые способы повѣствованія. Если Дрейзеръ и Льюисъ, отчасти Вассерманъ, только непомѣрно отяжелели старую натуралистическую формулу, съ романомъ соединяя репортажную записку и судебный протоколъ, то у коммунистически настроеннаго Досъ Пассоса (какъ у Деблина въ «Берлинъ - Александерплатцъ») появляются новые приемы. монтажъ вклинивается въ романъ, романъ становится монтажемъ Въ «42-ой параллели», въ «1919» повѣствованіе разрублено на куски, исторіи отдѣльныхъ героевъ книги не связаны одна съ другой, каждому куску предпослана страница или двѣ, составленныя изъ газетныхъ вырѣзковъ, затѣмъ отрывковъ, изображающій клочекъ дѣйствительности, схваченный какъ-бы объективомъ фотографическаго аппарата, а иногда еще и краткая біографія какого нибудь большей частью реально существующаго лица. Получается нѣчто весьма пестрое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣрое, какъ сама дѣйствительность, — но вовсе не какъ живая жизнь Характерно, что и «Сонамбулы» Германа Блоха, трагическая трилогія нашего времени, безконечно превышающая художественный уровень Досъ Пассоса и по значительности превосходящая, быть можетъ, все, что появилось въ формѣ романа, не только въ Германіи, но и въ Европѣ за послѣдніе десять лѣтъ, примѣняетъ въ третьемъ томѣ, гдѣ дѣйствие происходитъ въ 1918 г., аналогичный приемъ разрубленнаго повѣствованія Первый томъ отнесенъ къ 1888 г. и построенъ въ формѣ традиціоннаго романа, второй — къ 1903-му, и форма его гораздо неустойчивѣй и безпокойнѣй, но въ послѣднемъ томѣ авторъ почувствовалъ необходимость окончательно порвать съ традиціей, — иначе не передалъ бы онъ того общаго распада, который съ такой исключительной силой имъ изображенъ Здѣсь не только романъ, здѣсь какъ-бы самое воображеніе романиста разорвано въ клочки, разбито на отдѣльные проблески, озаренія, вспыхиванія молній. Человѣческія судьбы раздроблены войной, человѣческія души потеряны въ опустошенномъ мірѣ, и такой же надтреснутой, разъятой, какъ они, стала художественная форма, призванная ихъ выразить.

Брохъ свою книгу оправдалъ, но такъ же парадоксально, въ порядкѣ такого же единичнаго чуда, какъ Прусть свою соотвѣтствіемъ до послѣдней возможности напряженной формы такому же предѣльно давящему на эту форму идейному (а не психологическому, какъ у Пруста) содержанію. Прусть весь въ осознаніи самого себя, Брохъ — въ осознаніи своего времени; одинъ такъ же центростремителенъ, какъ другой, въ извѣстномъ смыслѣ, центробѣженъ; однако оба подрываютъ виут-

---

ренный законъ искусства и достигаютъ противоположныхъ, но одинаково опасныхъ его границъ. Вымысль у обоихъ на ущербѣ, у обоихъ замѣненъ познаниемъ. Геній Пруста, великія творческія силы, отпущенныя Броху, позволили тому и другому одержать рѣшающую — для нихъ побѣду, но вторично, въ тѣхъ же условіяхъ, уже побѣдить нельзя. Можно быть великимъ художникомъ — Монтэнемъ, Паскалемъ, Томасомъ Броуномъ, — и не прибѣгать къ вымыслу въ обычномъ смыслѣ слова и все же, когда силы вымысла въ мірѣ изсякаютъ, сквозь поэзію начинаетъ проступать разохщійся костякъ литературы и писатель возстаетъ противъ собственнаго призванія. Въ вымыслѣ сливалось чужое и свое, изобрѣтеніе и наитіе, стоитъ волшебству его ослабѣть, и уже писателю противостоятъ чловѣкъ, личности — стѣсняющее, ограничивающее ее искусство. Надъ вымысломъ можно было обливаться счастливыми слезами, но горькія слезы прольетъ художникъ надъ его меркнувшей, уходящей тѣнью и надъ своимъ безснтіемъ облечь ее снова въ живую плоть.

*

. Знатоковъ своего дѣла, мастеровъ литературной техники (особенно среди французовъ и англичанъ) — сколько угодно; но, читая ихъ, вспоминаешь слова Достоевскаго объ одномъ изъ героевъ «Подрустка» (Крафтѣ): «Что то было такое въ его лицѣ, чего бы я не захотѣлъ въ своемъ, что то такое слишкомъ ужъ спокойное въ нравственномъ смыслѣ, что-то въ родѣ какой то тайной, себѣ невѣдомой гордости». Гордость, впрочемъ, не такая ужъ и тайная, зато спокойствіе и въ самомъ дѣлѣ чрезмѣрно. Такъ и чувствуется, что писатель никогда не подумаетъ и даже не испытаетъ ничего, что онъ не сумѣлъ бы вполне исчерпывающе и безъ затрудненія выразить. Вездѣ умѣніе ограничиться и выбрать, обходясь безъ всякой борьбы; нѣтъ слабости, но нѣтъ и малѣйшаго избытка. Вездѣ нескрываемое любованіе собой, своимъ чувствомъ мѣры, обузданнымъ воображеніемъ, знаніемъ законъ и границъ, отсутствіемъ колебаній, за исключеніемъ развѣ колебаній грамматическихъ. Какъ будто ничего въ мірѣ не должно вызвать у писателя любви, кромѣ того, что можетъ безпрепятственно войти въ его искусство, что заранѣе предназначено выставить въ наилучшемъ свѣтѣ его талантъ. Не искусство расширено до міра, а міръ суженъ до искусства, приготовленъ, препарированъ, нужнымъ образомъ окрашенъ; онъ уже не душа, не природа, а нѣкій полуфабрикатъ: для того, чтобы сдѣлать изъ него искусство не нужно подлиннаго творчества. Но, конечно, на такомъ пути не обрести и полнаго искусства. вмѣсто него — въ стихахъ или въ прозѣ — только умѣлья, гладкія, стройныя, но все же развоплощенныя и потому безсильныя слова.

Что такое марево литературы, оторвавшейся отъ жизни, что такое литературная жизнь, это всѣ знаютъ, это зналъ Блокъ («Друзьямъ» и «Поэты»), это знаетъ Клодель, у котораго есть стихъ «*l'homme de lettres, l'assassin et la fille de bordel*», это можно узнать, если заглянуть въ сплетническія записи Гонкуровъ, въ многотомную пустыню дневниковъ Жюль Ренара, въ посмертно изданныя записки Арнольда Беннета, гдѣ даже нѣтъ и литературы, а есть карьера и гонораръ, всего же проще — въ литературное кафѣ, гдѣ литераторы говорятъ о литературѣ. Живому чловѣку все это трудно перенести. Читатель потому и обращается къ біо-

---

графіямъ и прочимъ «документамъ», что жизнь и человѣка онъ находитъ только въ нихъ. Движимый тѣмъ же отвращеніемъ и той же потребностью, «документы» начинаетъ предлагать ему и самъ писатель. Въмѣсто романа или драмы, пишетъ онъ воспоминанія, исповѣдь, психоаналитическія признанія, вродѣ тѣхъ, какія требуются отъ пациентовъ Фрейда. Въ худшемъ случаѣ, излагаетъ нормальную или клиническую біографію своихъ знакомыхъ; въ лучшемъ (все-таки, въ лучшемъ) рассказываетъ о себѣ, выворачивается наизнанку, по возможности полиѣе, чѣмъ кому либо удалось вывернуться до него. Иные авторы пишутъ нарочито наперекоръ литературѣ: въ беспорядкѣ, уличнымъ языкомъ, не сводя никакихъ концовъ съ концами; въ Германіи ихъ расплодилось множество за послѣдніе годы; французовъ менѣе привычныхъ, тѣмъ же способомъ напугалъ или восхитилъ Селинь. Всѣ эти писатели отрекающіеся отъ писательства и видящіе въ безстыдствѣ патентъ на благородство забываютъ, что правда, та правда съ которой имѣеть дѣло искусство вообще не высказываема иначе, какъ въ преломленіи, въ иносказаніи, въ вымыслѣ. Они только и хотятъ уничтожить условности, сорвать литературные покровы, хотя-бы для того, чтобы обнаружить подъ ними одно лишь голое, жалкое ничто.

Потребность эта понятна; но разоблаченіе ведетъ къ развоплощенію. Безблагодатная исповѣдь никого не излѣчила и не излѣчитъ. Разоблаченное нутро такая же ложь, какъ и гремучія слова. Безформенность и формализмъ, документы и пустая техника — явленія соотносительныя и равнозначныя, симптомы того же самого распада. Распадъ можно лишь ускорить, если усилить удареніе на одной изъ распавшихся сторонъ. Предметъ «человѣческаго документа», только человѣкъ, есть умаленіе подлиннаго человѣка. Тамъ, гдѣ, «уже не голосъ, только стонъ», недалеко и крикъ животного, а то и скрипъ плохо смазанной машины. Искусство безъ человѣка — не вполне искусство, но и человѣкъ, въ существѣ своемъ отторгнутый отъ искусства, — не весь, не полный человѣкъ. Дѣло тутъ совсѣмъ не въ обязательномъ для всякой эпохи и для всякаго искусства требованіи единства формы и содержания, и не въ возможномъ въ любыя времена нарушеніи этого требованія, всѣмъ извѣстнаго, банальнаго, но тѣмъ самымъ отнюдь еще не отмѣненнаго, дѣло въ разрывѣ, ведущемъ начало съ эпохи романтизма, но съ полной силой ощущаемомъ лишь сейчасъ, между искусствомъ вообще, т. е. всякой возможной художественной формой и человѣческимъ содержаніемъ, человѣческой душой самого художника. Важны не отдѣльныя удачи или неудачи, зависящія отъ степени личной одаренности, важно, что даже самымъ одареннымъ людямъ становится все труднѣй воплотить себя въ искусствѣ, и значить самую свою личность цѣлостно построить и понять. Художникъ познавалъ себя и выражалъ свой внутренній міръ въ вольной стихіи вымысла, но въ этомъ творческомъ актѣ онъ одновременно отдавалъ себя, ибо внутренній міръ его принадлежалъ не только ему и его вымыселъ не былъ чистымъ произволомъ. Утративъ вымыселъ, онъ забылъ о самоотдачѣ, потерялъ способность себя терять. Онъ замкнулся въ себя, заперся въ свою нору, въ свой склепъ, оградилъ колыями свой міръ отъ чужого міра. Онъ уже отпугнулъ и искусство, потому что и отъ искусства хочетъ только самого себя. Онъ не знаетъ, что сосредотачиваніе на обнаженномъ «я» не только не строитъ личность, но ее разрушаетъ; онъ не видитъ, что даже у Пруста самое блѣдное дѣйствующее лицо — онъ самъ, Марсель, жизнечувствительная плазма, не обладающая даже и той сте-

---

пенью личного бытія, какая присуща воспринимаемому ею (и только въ этомъ воспріятіи даннымъ) чужимъ индивидуальностямъ. Глубочайшая истина религіи и этики, заключающаяся въ словахъ о томъ, что лишь потерявъ свою душу, можно ее спасти есть необходимое условіе всякаго творчества, самый непререкаемый законъ искусства.

Этотъ законъ, Гете его зналъ, въ собственной жизни его открылъ; въ неустанномъ построении самого себя какъ послѣднюю тайну и высочайшее откровение обрѣлъ это евангельское слово «*stirb und werde*». Именно потому и называлъ онъ книгу, гдѣ рассказываетъ о становлении и ростѣ своей личности, а не просто о переменныхъ состояніяхъ своего «я» мудрымъ именемъ. «*Dichtung und Wahrheit*»: Поэзія и Правда, Вымыселъ и Дѣйствительность. Сочетаніе этихъ словъ означаетъ не только сляніе въ лицѣ автора историка, излагающаго и поясняющаго факты, съ поэтомъ, придающимъ имъ одному ему доступную сверхфактическую цѣлостность; она говоритъ еще и о томъ, что всякая правда о человѣкѣ — полуправда, если она не включаетъ въ себя ту высшую правду, что мы называемъ вымысломъ. Старѣющей французскій писатель недавно сказалъ: «Правдиво рассказать можно лишь о томъ, чего не было»; слегка измѣнивъ его, можно придать этому скептическому изрѣченію болѣе точный смыслъ: правдиво рассказать можно лишь о томъ, что не просто «было». Вымыселъ совсѣмъ не есть выдумка, басня, произвольное измышленіе; нѣмецкое слово *Dichtung* гораздо лучше отвѣчаетъ его существу, чѣмъ наше или чѣмъ англійское и французское обозначеніе его, которое пришлось бы передать словомъ фикція. Его нельзя назвать ни былью, ни небылицей, ибо въ немъ таинственно познается не преходящее бваніе, а образъ подлиннаго бытія. Поэтический вымыселъ есть мифотвореніе, безъ котораго не можетъ обойтись искусство и котораго нельзя замѣнить дискурсивно логическимъ познаніемъ... «*Nous ne concervons plus une littérature romanesque détournée de sa fin propre qui est la connaissance de l'homme*».

Пусть такъ, но въ этихъ словахъ Франсуа Моріака остается неяснымъ, о какомъ познаніи идетъ рѣчь, остается не сказаннымъ, что лишь мифотворящій вымыселъ сливаетъ познаніе и творчество въ одно, умѣетъ проникнуть въ тайну личности и передать цѣлостный образъ человѣка. Именно въ силу этой сверхразсудочной своей природы вымыселъ такъ необходимъ искусству и угасаніе его такъ быстро приводитъ къ разрыву между личностью художника и жизненнымъ ея дѣломъ, къ неисцѣлимому одиночеству творческой души. Искусство не есть дѣло расчленяющаго знанія, но цѣлостнаго прозрѣнія и недѣлимой вѣры. Ущербъ вымысла означаетъ ослабленіе этой вѣры и разрушеніе одной изъ вѣчныхъ основъ художественнаго творчества.

СЕРГѢИ ЛИФАРЬ **ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ**

Классическій танецъ достигъ совершенства. Чистѣйшимъ воплощеніемъ его была гениальная Анна Павлова.

Самое слово «совершенство» указываетъ, что классическій танецъ теперь — отправная точка для эволюціи. Это — необходимый фундаментъ, не менѣе, но и не болѣе того

Музыка и танецъ вполнѣ самостоятельны Ихъ надо поженить. Но они не должны «иллюстрировать» другъ друга.

Я работаю почти всегда одинъ передъ зеркаломъ Я ищу жестъ, движеніе и сочетаю его съ другимъ или останавливаю, превращая — въ позу.

Какъ другія искусства, танецъ требуетъ уединеннаго созерцанія.

Но мысль танцующаго находитъ средство и цѣль въ его же тѣлѣ Это самое свободное, человѣчное и таинственное изъ созерцаній.

Когда въ Кіевѣ, сопровождая друзей, я случайно попалъ на урокъ классическаго танца, сразу мнѣ стало понятно, что ни занятія, ни семья — ничто не сможетъ меня удержать. И когда Дягилевъ написалъ въ школу, предлагая прислать ему нѣсколько учениковъ, ничто не могло остановить меня: арестъ, тюрьма, угроза разстрѣла, — я все перенесъ, но 5 января 1923 года все же я былъ въ Парижѣ.

Лишь здѣсь работа моя начала приносить плоды. Учителями моими были — Нижинская, Чеккети, Легать

Имъ обязанъ я знаніемъ классическаго танца, изъ котораго самъ Дягилевъ извлекалъ всегда что либо для новыхъ своихъ балетовъ.

Я былъ тогда лишь исполнителемъ, но за годъ до его смерти я сталъ хореографомъ.

Движенія и жесты, которыхъ я искалъ для себя, сталъ я искать и для другихъ. Соединяя и приводя въ гармонію разрозненныя идеи, я поставилъ балетъ.

Танецъ — слишкомъ универсальное искусство, чтобы нельзя было надѣяться добиться отъ другихъ національностей того, чего Дягилевъ могъ добиться отъ русскихъ.

Для этого надо видѣть въ танцѣ именно универсальное искусство.
У нѣмцевъ школы Айседоры Дунканъ, сегодня — Вигмана или Юоса, танецъ приближается къ жанру Далькроза.

Съ точки зрѣнія классическаго танца это — гимнастика, гдѣ сила замѣнена гибкостью, техника — мягкостью движеній.

Съ точки зрѣнія вдохновенія это — идеологія, литература.

Испанскій танецъ кажется мнѣ весьма поучительнымъ: онъ одинъ изъ всѣхъ національныхъ танцевъ выработался въ классическій.

Воля къ техникѣ, столь характерная для нашей эпохи, находитъ свое отрицаніе и въ искусствѣ танца. Пока — это только конструктивизмъ, доведенный до предѣла, который, чаще всего, стремится лишь къ чисто внѣшнему построенію, конструктивизмъ спекулятивный, мозговой, превращающійся въ какую то математику.

Вѣрно, начало построенія необходимо для танца; но внѣшній конструктивизмъ можетъ лишь убить его въ будущемъ. Я хочу сказать, что конструктивная простота можетъ быть вѣчной только въ томъ случаѣ, когда въ ней выражается не утилитарный расчетъ, но самая душа человѣка, народа, расы, какъ, на примѣръ, въ архитектурѣ Акрополя.

Архитектура танца не должна быть плѣнницей музыки. Она должна обладать собственной душой, собственной жизнью. Она должна идти рука объ руку съ ритмической и выразительной композиціей музыки, — это и есть полетъ тѣла въ танцѣ. По слову Пушкина, танецъ есть «душой исполненный полетъ». Въ опредѣленіи поэта техника тѣла какъ бы исчезаетъ; такъ у Павловой, въ ея знаменитой «смерти лебедя», тѣло и душа сливались въ одно совершенное цѣлое — чувства, движенія и звука.

То, чего я хочу, то, чего я ишу въ моемъ искусствѣ, это именно такого сліянія техники тѣла съ движеніемъ души, гармоніи двигательной архитектуры тѣла со звучащей двигательной архитектурой музыки.

Это единство для меня и есть истинная красота въ искусствѣ танца.

- «Новь», сборникъ № 6.
Изд. Комитета Русской Культуры.
Эстонія. 1934.
- «Журналъ Содружества», № 3.
Финляндія. 1934.
- «Чураевка», литературная газета
№-ра 3-4-6-7-8. Изд. Кружка
искусства, науки и литературы
Х.С.М.Л. въ Харбинѣ.
- «Калифорнійскій Альманахъ»,
Санъ-Франциско. Изд. Литературно-Художественнаго Кружка 1934.

Сборникъ «Новь», хорошо и тщательно изданъ. Въ немъ 75 страницъ печатнаго текста — стихи, проза, статьи на литературныя темы, інформаціонный матеріалъ. Среди другихъ «заграничныхъ» для Парижа сборниковъ, «Новь», въ смыслѣ общаго уровня свидѣтельствуея участниковъ. Лучшее въ «Нови» — статьи: «Бѣлый» и «Цвѣтаева» Юрія Иваска, затѣмъ — вдумчивая и четкая статья К. Гершельмана «О современной поэзии». Съ его опредѣленіемъ задачъ современной поэзии можно согласиться: «Результаты работы послѣднихъ десятилѣтій велики: преобразования въ области метровъ, рифмъ (аллитерации и ассонансы), композиции (пользованіе рѣдкими формами строфъ) и другія дѣйствительно очень существенныя ново-

введенія. Что же, можетъ быть предпринято путешествіе, ради котораго велась вся работа (цѣль искусства въ конечномъ счетѣ, говоритъ К. Гершельманъ, — воздѣйствіе на жизнь). Могутъ быть реабилитированы понятія темы, содержания и творческое вниманіе поэзии перенесено на нихъ». Далѣе, переходя къ современной поэзии, К. Гершельманъ находитъ, что «поэзія» «Чиселъ» даетъ примѣръ осуществленія этого принципа. «Числами» явлено вполне выраженное поэтическое лицо. Общій идеологическій кризисъ требовалъ пересмотра всѣхъ основныхъ культурныхъ, философскихъ, религиозныхъ цѣнностей. Отсюда темы «Чиселъ» — смысловая оцѣнка жизни, личности, міра; индивидуальная смерть, какъ центральная тема; темы религиозно-философскія. Формальныя исканія отодвинуты въ «Числахъ» на второй планъ. Требуется, конечно, поэтическая культура — каждый современный поэтъ долженъ такъ или иначе пройти сквозь учебу техническихъ достижений предшествующаго періода, но дальнѣйшая активность въ этомъ направленіи не обязательна. И поразительно, что несмотря на отсутствіе подобной активности, или можетъ быть именно въ силу этого, «Числами» дано уже новое формальное направленіе: своеобразный «аскетизмъ формы». Четкость и чистота ея, разгрузка отъ всего лишняго, внѣшняго, мало-существеннаго».

Интересна статья М. Россъ «О женской поэзии» въ эмиграции (Л. Червинская, Е. Бакунина, С. Прегель, А. Головина, Т. Ратгаузъ и др.). Нѣсколько спорна статья Б. Нарциссова объ И. А. Буининѣ: поэтический даръ Бунина именно въ прозѣ, а не въ стихахъ находитъ полное свое выраженіе.

Отмѣтимъ среди поэтовъ «Нови» Ю. Иваска, К. Гершельмана, Мету Россъ, въ прозѣ П. Иртель и Б. Назаревского.

Ежемѣсячный «Журналъ Содружества» свидѣтельствуеетъ о серьезной культурной работѣ, ведущейся въ Финляндіи. И то, что журналъ принужденный печатать свой текстъ (кромѣ обложки) на ротаторѣ, вступаетъ уже во второй годъ изданія, подчеркиваетъ нужность и важность его для русской колоніи въ Финляндіи.

Въ подотчетномъ № 3 данъ разнообразный матеріаль: окончаніе интересной статьи Семенова Тянь-Шанскаго объ опасности искаженія русскаго языка, інформаціонный матеріаль о совѣтской Россіи, разсказъ Ф. Пульмана «Шаги», стихотворенія югославскаго поэта Ивана Шайковича въ переводѣ К. Д. Бальмонта и рядъ замѣтокъ, посвященныхъ мѣстной жизни. Въ библиографическомъ отдѣлѣ много вниманія удѣлено очередному № журнала «Современныя Записки» и новому парижскому журналу «Встрѣчи».

«Чураевка», харбинская литературная газета, издающаяся кружкомъ «Чураевка» (о которомъ въ этомъ же номерѣ у насъ отдѣльная статья) даетъ много литературнаго матеріала. Въ стихахъ «чураевцевъ» чувствуется, главнымъ образомъ, вліяніе поэтовъ петербургскаго

періода 20 вѣка, а такъ же нѣкоторыхъ современныхъ. Слѣдуетъ отмѣтить стихи Н. Щербакова, С. Сергина, В. Волина (несмотря на очевидную юношескую незрѣлость), В. Перелѣшина, В. Слободчикова и особенно Н. Птереца. Его стихи въ номерѣ 7 «Чураевки»: «Нѣтъ, не Москва, гдѣ каждый палисадникъ» совсѣмъ хороши. Въ «Чураевкѣ» много статей («Мысли о Лермонтовѣ» Н. Щербакова, «О Тютчевѣ»—Н. Птереца). Проза чураевцевъ слабѣ стиховъ, чувствуется, что «Чураевка» — объединеніе по этому по преимуществу.

Въ номерѣ 4 помѣщена большая статья о девятой книгѣ «Чисель». Привожу изъ нея цитату, показывающую, что единство атмосферы «Чисель» ощущается и вдали отъ Парижа: «Съ перваго номера «Числа» заставили смотрѣть на себя, какъ на нѣкоторое единство — до такой степени всѣ участники журнала охвачены общимъ вѣяніемъ, еще не могущимъ быть формулированнымъ въ точныхъ понятіяхъ, но уже достаточно опредѣленнымъ. Теперь — уже девять номеровъ вышли въ свѣтъ. Единство по прежнему остается, но, если участники по первымъ номерамъ какъ то не отдѣлялись для насъ одинъ отъ другого, теперь многіе изъ нихъ уже имѣютъ лицо».

«Калифорнійскій Альманахъ», изданный литературно - художественнымъ кружкомъ въ Санъ-Франциско, — въ немъ 173 страницы печатнаго текста большого формата, не производитъ, однако, того впечатлѣнія организованности и сработанности, какое осталось у насъ отъ другихъ сборниковъ. «Калифорнійскій Альманахъ» — только сборникъ, объединившій подъ своей обложкой самый разноцѣнный матеріаль, по-

рой — интересный (анкеты писателей, нѣкоторыя статьи: «Объ американскомъ фольклорѣ» проф. А. Корри, «Объ испанской литературѣ» — Е. Г., «Духъ крестьянской поэзіи» — проф. Г. З. Патрика и нѣкоторыя другія). Значительно слабѣе проза и, особенно — стихи. Поэтамъ, проживающимъ въ Америкѣ, слѣдуетъ серьезно задуматься надъ вопросомъ, что такое поэзія. Условно ровныя, въ лучшемъ случаѣ «подъ Ахматову» или «подъ Гумилева» строфы, примитивная стилистика и стремленіе къ внѣшней красотѣ — недостатокъ почти всѣхъ напечатанныхъ въ сборникѣ стихотвореній.

Въ статьѣ объ эмигрантской литературѣ Петръ Балакшинъ справедливо беретъ ее подъ защиту отъ «критиковъ, облеченныхъ въ траурныя одежды съ погребальнымъ факеломъ» — «говорить о молодой эмигрантской литературѣ — значитъ говорить о «Числахъ», прекрасномъ журналѣ, нисколько не уступающемъ по внѣшнему виду первокласснымъ заграничнымъ журналамъ» Но въ дальнѣйшемъ нападки на талантливыхъ молодыхъ писателей — Варшавскаго и Поплавскаго — нѣсколько неожиданны; нельзя согласиться и съ оцѣнкой романа Е. Бакуниной «Гѣло»

Ю. Т.

Андрей Бѣлый.

О мертвыхъ ничего, кромѣ хорошаго. Правилу этому пріятно слѣдовать. Но Бѣлый въ жизни и литературѣ «страшныхъ лѣтъ Россіи» — явленіе столь сложное и крупное, что лучше не опускать ничего, что думаешь и помнишь о немъ. Печатаемая ниже строчки написаны пять лѣтъ назадъ. Въ существеномъ и главномъ — смерть Бѣлаго

не измѣнила отношенія къ нему тѣхъ, кто зналъ его при жизни.

Онъ вызывалъ и продолжаетъ вызывать и преклоненіе и недоумѣніе.

***

— Что побѣдило въ Россіи? Не будемъ ломать голову надъ этимъ. Позвольте лучше сымпровизировать мифъ

Сначала поднялось чувство — Керенский, и бездна прогрохотала: нѣтъ.

Потомъ воля — Корниловъ, и бездна прогрохотала: нѣтъ.

Наконецъ поднялось иѣчто третье — сила жизни, и бездна прогрохотала: да!

Такъ какъ подъ силой жизни Андрей Бѣлый разумѣетъ большевиковъ, аудиторія Дома Искусствъ безмолвствуетъ. Для присутствующихъ въ залѣ коммунистовъ образы знаменитаго символиста слишкомъ темны и сложны, для некоммунистовъ — чужды.

Предсѣдатель объявляетъ прерывъ.

Бѣлый искательно устремляется къ Блоку

— Ну какъ, Саша, очень плохо?

Рядомъ съ чуть чуть деревяннымъ, спокойнымъ и отсутствующимъ лицомъ Блока еще рѣзче выступаетъ нервное, страстно оживленное и безпокойно пылкое лицо Бѣлаго. Какъ не выдѣлить изъ тысячи страстную фигуру лектора съ растрепанными сѣдѣющими волосами вокругъ плѣши, прикрытой черной ермолкой, съ разлетающимися фалдами сюртука и съ широко отставленными отъ туловища руками.

Бѣлый держится, наклоняясь впередъ, подъ угломъ, какъ будто сейчасъ побѣжить на собесѣдника.

Если бы скулыгоръ хотѣлъ создать аллегорическую фигуру подъ названіемъ «Безпокойство», онъ могъ бы, ничего не прибавляя, лѣпить Бѣлаго.

Во всемъ, въ каждомъ жестѣ, въ интонаціяхъ, въ выборѣ словъ, въ дѣятельности писательской и научной, во всемъ рѣшительно Бѣлый былъ всегда и сейчасъ остался безпокойнѣйшимъ изъ земныхъ существъ.

— Святое безпокойство — говорилъ Гете.

Безпокойство болѣзненное — можно сказать о Бѣломъ.

Вчитываясь въ то, что создано этимъ блестящимъ и плодовитымъ писателемъ, кажется, не трудно понять въ чемъ его несчастье.

По Бѣлому всякое человѣческое «я» заключаетъ въ себѣ все многообразіе земной жизни. Мудрено ли, что собственное я, сложное и очень разностороннее, заслонило отъ Бѣлаго все живущее

«Есть въ развитіи такой мигъ, когда Я сознаетъ себя господиномъ міра... Я, я, я, я, я, я прогудѣло по мощнымъ всетеннымъ» (Записки чудака).

Бѣлый никогда никого не слушаетъ, онъ удваиваетъ свое «я», утысачеряетъ его, созерцаетъ и слушаетъ въ себѣ самомъ и себя и собесѣдника и толпу и цѣлый народъ.

✽

Впервые я увидѣлъ Бѣлаго у З. Н. Гиппіусъ въ «Зеленомъ Кольцѣ», гдѣ собиралась очень зеленая петербургская молодежь.

Были среди юныхъ посѣтителей «Кольца» и такіе, которымъ больше подходило играть въ жмурки и кататься на конькахъ, чѣмъ бесѣдовать о Кантѣ и Соловьевѣ

Я былъ въ «Зеленомъ Кольцѣ» всего три-четыре раза. Въ одно изъ посѣщеній мнѣ привелось впервые увидѣть и наблюдать Бѣлаго

Онъ только что пріѣхалъ изъ Москвы, куда то спѣшилъ, кого то долженъ былъ

срочно увидѣть, кому то что-то срочно повѣдать, съ кѣмъ то открыть кампанію противъ кого-то. Все это онъ за чаемъ говорилъ, захлебываясь, сладко и ядовито улыбаясь, наклоняясь впередъ, откидываясь назадъ и поминутно увлекая за собой скатерть со всѣми чашками чая и печеньемъ.

Питомцевъ «Зеленаго Кольца» все это очень забавляло. Послѣ чая одна изъ Вѣрочекъ или Лелечекъ повела съ Бѣлымъ сепаратный разговоръ.

До меня изъ за шума голосовъ доносились только отдѣльныя восклицанія Бѣлаго, приблизительно такіа:

— Но Софія — Премудрость! Логось — это ножъ, духъ — это крылья!

Какъ могла собесѣдница Бѣлаго, пустенная гимназисточка, исторгнуть у знаменитаго символиста эти восклицанія, долго оставалось для меня загадкой. Сейчасъ мнѣ кажется, что объясненіе этому найти не трудно

Вѣдь живой гимназисточки, вздохавшей о конькахъ и явно потѣшавшейся надъ своимъ собесѣдникомъ, Бѣлый не видѣлъ и видѣть не могъ. Его всеобъемлющее «я» мгновенно заслонило собой живое, глупенькое и хорошенькое лицо питомицы «Зеленаго Кольца».

Бѣлый бросалъ ей восклицанія, занимавшія его самого. О томъ, кто его слушаетъ и какъ понимаетъ, писатель не успѣвалъ и подумать.

Тѣмъ, кто видѣлъ и зналъ автора «Символизма», вѣроятно, ясно, что этого писателя большую часть жизни проводитъ въ мірѣ идей, а не въ мірѣ реальномъ. Натыкаясь на дѣйствительность, Бѣлый неясно видитъ, что его толкнуло. Бесѣдуя, онъ представляетъ себѣ слушателей и собесѣдниковъ не такими, каковы они на дѣлѣ, а такими, какими ему хочется видѣть ихъ. Нагляднѣйшій

примѣръ этому лекціи Бѣлаго въ различныхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ въ годы военного коммунизма

Прочитавъ лекцію, Бѣлый обращается къ матросу:

— Вотъ вы, товарищъ, что вы, напри-
мѣръ, думаете о звукѣ?

— М-м-мъ, отвѣчаетъ товарищъ.

— Ну, конечно, вы думаете, что звукъ
— строитель. Помните, я вамъ цитиро-
вать строчки Есенина:

На крѣпкихъ сгибахъ воздѣтыхъ рукъ
Возводитъ церковь строитель звукъ

— Это мы точно помнимъ, товарищъ
лекторъ, это вы въ самомъ дѣлѣ гово-
рили.

— Ну, вотъ видите, восхищается лек-
торъ, видите, какъ мы легко понимаемъ
другъ друга

Послѣ лекціи, Бѣлый беретъ подъ ру-
ку одного изъ своихъ коллегъ, какъ и
онъ читающаго ради пайка лекціи негра-
мотнымъ людямъ.

— Это поразительно, говоритъ писа-
тель, сладко и ядовито улыбаясь, неслы-
ханно, какъ легко съ простымъ наро-
домъ, какое - то пониманіе, какое - то
поверхъ словъ согла-со-ваніе, со-юзъ

Изъ аудиторіи слышенъ сдержанный
смѣхъ. Смѣются тамъ надъ чудакомъ
писателемъ, говорившимъ битый часъ
непонятныя вещи на непонятномъ язы-
кѣ.

Но «чудакъ», при всемъ своемъ умѣ,
никогда не узнаетъ, что никто изъ слу-
шателей не понялъ его. Вѣдь «я» раз-
вѣтвляется. «Я» въ самомъ себѣ содер-
житъ аудиторію матросовъ и само себя
за нихъ слушаетъ...

Мы очень мало знаемъ о доисториче-
ской эпохѣ символизма. Многимъ-ли из-
вѣстно, что одной изъ выдающихся фи-

гуръ самага ранняго періода символиз-
ма былъ нѣкій. Лялечкинъ? «Лялечкинъ
находить, что». . «Ссылаясь на Лялечки-
на». . Приблизительно такія фразы мо-
жно встрѣтить въ письмахъ Брюсова къ
Перцову.

Но что же это за Лялечкинъ? Только
тщательныя раскопки могли бы объяс-
нить значеніе этого имени

Бѣлый выдвинулся въ литературѣ уже
въ ту пору, когда имена и цѣнности сим-
волизма болѣе или менѣе опредѣлились

Въ поэзіи царили Брюсовъ и Баль-
монтъ.

Не обладая чарами автора «Горящихъ
зданій», Брюсовъ былъ зато человѣкомъ
и поэтомъ желѣзной воли и суровой
дисциплины. Власть его надъ молодыми
поэтами была почти неограниченной. По
словамъ Блока, Брюсовъ могъ въ ту по-
ру опрокинуть чернильницу на любую
поэтическую репутацию. Въ своихъ во-
споминаніяхъ о Блокѣ Бѣлый признает-
ся, что, какъ онъ ни бунтовалъ, ему дол-
гое время не удавалось освободиться
отъ властной опеки Брюсова

Очевидцы рассказываютъ о той порѣ
вещи довольно курьезныя. Одинъ изъ
нихъ какъ-то встрѣтилъ Бѣлаго на ули-
цѣ, пальто его было распахнуто, волосы
растрепаны; глаза поражали смѣшан-
нымъ выраженіемъ тревоги и лукавства
Поэтъ былъ въ состояніи невмѣняе-
момъ.

Увидѣвъ своего знакомаго, Бѣлыми
бросился къ нему и, оглядываясь по сто-
ронамъ, зашепталъ:

— Валерій Яковлевичъ (Брюсовъ)
злоумышляетъ противъ меня. Да-съ,
зло-у-мы-шляетъ. Сидитъ у себя колду-
номъ и насылаетъ на меня злыхъ ду-
ховъ. Какъ онъ вчера поглядѣлъ на ме-
ня, думаетъ, я не замѣтилъ... Нѣтъ-съ,
все вижу, насквозь вижу-съ...

Всѣ эти особенности полугениальнаго «чудака» не мѣшаютъ ему быть однимъ изъ самыхъ значительныхъ писателей нашего времени.

Главная сила Бѣлаго, мнѣ кажется, въ томъ, что каждое его слово и каждый жестъ ежесекундно напоминаютъ о «бездонномъ провалѣ въ вѣчность».

Все у него на сквознякѣ, все угрожаетъ рухнуть куда-то. По своему Бѣлый громче кого бы то ни было кричить: «помни о смерти».

Если у читателя хватить терпѣнія добраться хотя бы до середины одной изъ «Симфоній» или «Серебрянаго голубя» или даже «Москвы подъ ударомъ» — у него начинается кружиться голова

Самые устойчивые предметы, самыя тяжеловѣсныя понятія, подхваченные какимъ то вихремъ, начинаютъ кружиться въ пространствѣ.

Среди современниковъ Бѣлаго мало кто, говоря о немъ, не обмолвится: «чудакъ». Скажетъ и не это «фальшивый человѣкъ», «фигляръ» и еще болѣе неприятныя клички нерѣдко сосѣдствуютъ съ именемъ Бѣлаго.

Но почти каждый изъ его ругателей неизмѣнно добавляетъ: «а все-таки это писатель почти гениальный» Строгий и сухой на похвалу Гумилевъ говаривалъ о Бѣломъ:

«Этому писателю данъ гений».

И всегда при этомъ добавлялъ:

«Но гений свой онъ умудрился погубить».

Вдохновенныя писанія Бѣлаго въ самомъ дѣлѣ — свидѣтельство какой-то катастрофы; несмотря на всѣ свои достоинства, они всегда поражаютъ какимъ либо изъяномъ.

Блестящія, но математически отвлеченныя схемы, замѣчательная, но утоми-

тельная игра словъ и созвучій и, главное, рѣдкое по силѣ чувство неустойчивости и относительности всего на свѣтѣ — вотъ приблизительно главныя слабаемыя сочиненія этого писателя.

Въ суммѣ получается нѣкая очень значительная дробь, но не цѣлое число. Какого то слагаемаго Бѣлому не хватаетъ.

Какого?

Вѣроятнѣе всего вниманія къ реальности.

Часто «презрѣннымъ» бытовикамъ удается уловить и запечатлѣть простѣйшее дыханіе жизни.

Бѣлому это удается очень рѣдко. Только говоря о Россіи, онъ почти всегда находитъ слова, «ударяющія по сердцамъ».

Поѣздъ плачетъ: въ дали родныя

Телеграфная тянется сѣтъ,

Пролетаютъ поля росыныя,

Пролетаю въ поля: умереть

Пролетаю: такъ пусто, такъ голо!

Пролетаютъ — вонъ тамъ, и вотъ здѣсь

Пролетаютъ, за селами села...

Пролетаютъ: за всями весь...

Удивительна для Бѣлаго простота этихъ строчекъ. Обыкновенно у него все сложно и вычурно. Играющій на роялѣ, — яркаетъ граціей, яркой градаціей, сумасшествіе для Бѣлаго «съ ума шествіе» «нисхождение голубя Я на безумное».

Но приводить примѣры, подобные этимъ, значило бы выписать почти всю прозу этого сложнаго и подчасъ утомительнаго писателя.

Мучительно было встрѣчаться съ Бѣлымъ въ Берлинѣ. По многимъ причинамъ, онъ былъ еще растеряннѣе, чѣмъ обычно. Чтобы заглушить очень слож-

ныя и мучительныя огорченія и сомнѣнія, Бѣлый пустился плясать фокстроты. Причины этихъ его увлеченій танцами были многимъ понятны, и никому не приходило бы въ голову смѣяться, если бы онъ не пытался объяснить свое «веселье» какими-то высшими соображеніями.

По словамъ Блока, Вячеславъ Ивановъ, чтобы вернуться на стулъ, долженъ былъ обязательно какъ-то по особому объяснить свое движеніе.

О Бѣломъ сказать то же самое было бы еще справедливѣе. Въ этомъ мнѣ пришлось удостовѣриться въ Берлинѣ.

Кафе на Victoria Luise Platz.

Въ двухъ залахъ танцуютъ. За грохотомъ джазбанды едва слышишь слова собесѣдника.

Мелькаютъ лица солидныхъ толстяковъ, оттанцовывающихъ фокстротъ, проносятся фигуры женщинъ, типичныя берлинскія фигуры могучихъ Амалий и Марихень.

Внезапно въ толпу танцующихъ изъ сосѣдняго маленькаго зала входитъ, почти вбѣгаетъ странный человекъ съ лицомъ безумнымъ и вдохновеннымъ. Его длинныя полусѣдые волосы вьются вокругъ большой лысины, онъ разгоряченъ и бѣжитъ къ буфету, наклоняясь впередъ всѣмъ тѣломъ и головой и улыбаясь своей медовой чуть-чуть сумасшедшей улыбкой.

Не успѣваетъ онъ пристроиться къ буфетной стойкѣ, какъ рядомъ съ нимъ появляются двѣ Марихень. Онѣ хватаютъ его съ двухъ сторонъ за руки и кричатъ:

— Herr Professor, Herr Professor, aber kommen sie doch tanzen...

Бѣлый (это онъ), не успѣвая освѣтиться лимонадомъ, вновь бѣжитъ танцовать.

По дорогѣ онъ замѣчаетъ нашъ сто-

ликъ и, на минуту оставивъ Марихень, присаживается къ намъ.

— Удивляетесь, что я танцую? — спрашиваетъ:

— Да нѣтъ, нисколько, это вполне естественно.

— Можетъ быть, но я полюбилъ эти танцы потому что въ нихъ дикій зовъ древности, разрывы времени, вы понимаете?

Ничего у Бѣлаго не просто. Въ самомъ дѣлѣ и на стулъ не можетъ вернуться просто такъ, чтобы вернуться. Непремѣнно по самымъ высокимъ соображеніямъ.

Бѣлаго можно бы назвать олицетвореніемъ переходной эпохи. Онъ успѣваетъ всего коснуться, но не успѣваетъ быть хозяиномъ одной какой либо идеи, одного чувства.

Все мелькаетъ передъ нимъ и въ немъ. Онъ слишкомъ многихъ понимаетъ, слишкомъ многому сочувствуетъ, всюду умѣетъ оставить частицу своего «я», но собрать въ одно цѣлое разбросанныя и разрозненные частицы этого «я» ему не удается.

Онъ мѣняется быстрѣе событій, смѣняющихъ другъ друга и измѣнившихъ лицо Россіи. Противорѣчія постоянно раздражаютъ его.

Какъ онъ мучился, какъ былъ несчастенъ въ совѣтской Россіи въ годы военнаго коммунизма, какъ хотѣлось ему вырваться въ Европу на вольный воздухъ, но вотъ онъ въ Берлинѣ, и сейчасъ же ему начинаетъ казаться, что безъ Москвы онъ не проживетъ. Недолго помучившись за-границей, онъ снова возвращается въ совѣтскую Россію.

Жизнь и творчество Бѣлаго одинаково трагичны. Писатель, озаренный, какъ можетъ быть никто изъ современниковъ — онъ въ концѣ концовъ «нерукотворнаго памятника себѣ не воздвигъ», Бѣ-

тый самъ это чувствуетъ и говоритъ объ этомъ въ формѣ иногда не очень скромной.

Вспоминается одно его выступленіе въ Петербургѣ въ годы военного коммунизма.

Въ просторномъ залѣ Вольфилы (вольно-философскаго общества) движеніе и оживленіе. Кромѣ самихъ членовъ Вольфилы: Иванова - Разумника, Эрберга, Штейнберга и др., въ залѣ много писателей, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей всяческихъ оттѣнковъ.

Ждутъ Аидрея Бѣлаго. Онъ по слухамъ долженъ прочесть замѣчательный отрывокъ изъ своей эпопеи «Я».

Бѣлый — чтець исключительный, слушать его, если онъ въ ударѣ, истинное наслажденіе. Его встрѣчаютъ аплодисментами, возгласами.

По убѣжденію лектора, каждое слово, каждый звукъ заключаютъ въ себѣ нѣкій жестъ, и каждый жестъ въ свою очередь можетъ быть выраженъ звукомъ и словомъ.

Поэтому, читая, Бѣлый повышеніемъ и пониженіемъ голоса, движеніемъ руки и пальцевъ, наклономъ головы и выраженіемъ лица подчеркиваетъ смыслъ и ритмъ читаемаго текста.

Отрывокъ изъ эпопеи, читавшійся Бѣлымъ въ Вольфилѣ, въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ лучшимъ его страницамъ. Бѣлый здѣсь съ большимъ подъемомъ сказалъ нескромную правду о самомъ себѣ.

Силы, въ немъ заложенныя, Бѣлый называлъ (и не безъ основанія) огромнымъ запасомъ динамита.

Въ концѣ патетическаго отрывка поднялъ руки, повысилъ голосъ и почти прокричалъ:

«Я могъ бы стать бомбой, способной разорвать міръ!».

Послѣ очень трагической паузы, Бѣлый весь какъ бы обмякъ, отчаянно развелъ руками и кончилъ потухшимъ голосомъ:

«Но этого не случилось, мальчишки подбираютъ мои осколки». Если эти слова и не скромны, въ устахъ самого писателя, все же въ нихъ есть большая доля правды.

Сколько литераторовъ въ самомъ дѣлѣ подбирали и подбираютъ «его осколки».

Футуристы учились у Бѣлаго.

Формалисты обязаны ему своимъ существованіемъ.

Стилистическія новшества нынѣшнихъ Пильняковъ — подражаніе Бѣлому.

Но развѣ не трагична судьба очень большого писателя, творчество котораго стало лишь матеріаломъ для новыхъ поколѣній?

Николай Оцунъ.

О послѣднемъ стихотвореніи Есенина.

У вузовца Виты было тонкое лицо аристократа, что какъ-то не вязалось съ рабоче-крестьянской республикой, гражданиномъ которой онъ былъ. Въ настоящее время это уже не милый мальчикъ Витя, а Викторъ Андрониковичъ Мануйловъ, славистъ и поэтъ.

Но я звалъ его еще мальчикомъ — гимназистомъ, въ Новочеркасскомъ двухэтажномъ родительскомъ домикѣ на Ермаковскомъ проспектѣ, бѣгавшимъ съ сестрой Ниной въ частную гимназію Петровой. Витя и тогда уже любилъ литературу, какъ, въ общемъ, любилъ все живое. будь то наука, искусство или спортъ.

Отець его Андроникъ Семеновичъ Мануйловъ, профессоръ и директоръ санаторіи для туберкулезныхъ.

Отъ своего отца Викторъ унаслѣдовалъ кипучій нравъ, отъ матери — пламенную любовь къ литературѣ и къ переходящимъ отрывкамъ отъ слишкомъ одуообразной степной почвы.

Уйдя въ эмиграцію, я не порвалъ сношеній съ Витей — при содѣйствіи его матери, съ которой переписывался до 1928 года. Отъ Ольги Викторовны я знаю, что ея сынъ, какъ поэтъ, мало плодовитъ, все свое время и всѣ свои силы отдавая преподаванію словесности. Знаю такъ же и то, что, живя въ Баку, онъ подружился съ Сергѣемъ Есенинымъ, а потомъ былъ любимымъ ученикомъ и личнымъ секретаремъ Вячеслава Иванова.

Вплоть до «Есенинской развязки» прекрасныя отношенія между двумя поэтами не прекращались. Но вотъ — не стало Есенина. Мнѣ писала О. В., что накануне своей смерти Есенинъ все время говорить о Викторѣ, вспоминалъ встрѣчи съ нимъ и чуть ли не тосковалъ по немъ. И что извѣстные предсмертные стихи, написанные кровью:

«До свиданья, другъ мой, до свиданья» —

относятся именно къ нему, къ Виктору Мануйлову.

А Дехтеревъ

Рожденіе стиха.

Все чаще и чаще приходится слышать о кризисѣ, если не гибели, стиха. Уже давно эта тема беспокоитъ зарубежнаго критика. Въ мартовскомъ же, 3-мъ номерѣ «Встрѣчъ» помѣщена статья В. В. Вейдле, краснорѣчиво названная — «Смерть стиха».

Все это странно и неправдоподобно. Не можетъ быть, чтобы въ наше время, насыщенное, какъ никогда, драматиз-

момъ и поэзіей, время необычайной творческой напряженности, стихи не только не звучали заповѣдями новыхъ завѣтовъ (вѣдь поэты — «непризнанные законодатели міра» (Шелли), а сейчасъ пора какъ разъ «законодагельная», идущая на смѣну отзвучавшаго блоковскаго «пророческаго» періода —

Я безумецъ! Мнѣ въ сердце вонзили
красноватый уголь пророка
. Да, былъ я пророкомъ (Блокъ),
не только не вели, но оказались лишними, умерли.

какъ умираютъ птицы и цвѣты.
Все протестуетъ, все возстаетъ противъ этого утвержденія. Нѣтъ.

Не въ гибели стиха совсѣмъ дѣло. Стихи не гибнуть.

Стихи чаютъ революціи.

Революція, прошедшая по нашимъ душамъ, должна пройти и по стихамъ, не оставивъ въ нихъ камня на камнѣ. Какъ души наши не могли остаться сторомодными шкатулками для сувенировъ прошлаго благополучія, не могутъ оставаться ими и стихи. Невозможна и оскорбительна теперь въ стихахъ не только бальмонтовская сладкопѣвность

Я — прозрачный ручей,
Я — для всѣхъ и ничей.

но даже блоковское напряженное сладкогласіе —

И напѣвъ заглушенный и юный,
Въ затаенной затронетъ тиши
Усыпленныя жизнью струны
Напряженной, какъ арфа, души.

Каждый новый періодъ историческихъ перестроекъ, ломокъ душъ и сознаний сопровождался неизбѣжно и перестройкой, ломкой формъ въ искусствѣ. Такъ ростокъ дерева, пробивающійся изъ

подъ могильнаго камня, крушить, взрываетъ мертвый камень и, прочно, глубоко утверждаясь своими корнями въ почву, заполняетъ міръ живымъ шумомъ.

Новый человѣкъ, народившійся въ зарубежьи, принесъ съ собою новыя впечатлѣнія, новыя темы и открылъ въ себѣ новыя слова для ихъ выраженія.

Слова выговариваются съ трудомъ, цѣною большихъ нравственныхъ усилій, трудныя и отвѣтственныя, и ищутъ такой же отвѣтственной формы, но ея нѣтъ и тяжкое, «каменное» слово попадаетъ въ латанные ветхія мѣха... Въмѣсто эпопеи, вмѣсто молитвеннаго распѣвнаго склада (что единственно соотвѣтствовало - бы напряженію роста молодого творческаго вліянія) новыя слова направляютъ по старому руслу хрупкой упадочной лирики, рожденной дореволюціонной эпохой, когда все рушилось, все колебалось, все вокругъ было призрачно и невѣрно.

Невозможно же потенциальному творцу новой Магабгараты выявлять себя въ триолетахъ...

И получается такъ, что слова новыя найдены — они трудны и отвѣтственны, а форма осталась пока еще старой — легкой и безотвѣтственной (для насъ). Тяжкіе удары падаютъ въ пустоту. Получается впечатлѣніе глубокаго кризиса, гибели.

Да, моментъ серьезенъ своей отвѣтственностью, но совѣмъ не о гибели свидѣтельствуешь онъ, а о возможномъ и близкомъ возрожденіи, если только... мы поймемъ, чего онъ отъ насъ требуетъ. Иначе мы рискуемъ не найти для себя выраженія, остаться нѣмыми, невоплощенными.

Путь же одинъ.

Тотъ же, какой мы прошли, ища самихъ себя, блуждая среди опустошеній, произведенныхъ революцій. Въ области

версификаціи намъ также надо остаться на «голомъ мѣстѣ». Забыть всѣ хитроумныя теоріи, начиная со «Способовъ къ сложенію російскихъ стиховъ» и кончая изслѣдованіями четырехстопнаго ямба, забыть о существованіи самого ямба и разучиться отличать его отъ дактиля, освободиться отъ всѣхъ техническихъ изощренностей и достижений (лучшія достижения въ прошломъ, гениальныя изобрѣтенія и открытія старыхъ мастеровъ — для насъ могутъ быть только губительными) и тогда... окруживъ себя этой пустотой, углубиться въ себя, прислушиваясь, какъ звучатъ новыя слова. Изъ этого звучанія и рождаются новыя нужные, насущныя для всѣхъ насъ стихи.

И мнѣ кажется, что это уже совершается. Въ то время, какъ говорится о сумеркахъ стиха, происходитъ какъ разъ обратное — его рожденіе. Происходитъ въ суровой молитвенной обстановкѣ, въ большой скупиости словъ, въ многозначительномъ молчаніи.

Л. Гоголицкій.

Литературныя собранія.

Сезонъ 1933 - 34 г. г. въ смыслѣ литературныхъ вечеровъ самъ по себѣ оживленнымъ не былъ, но все же можно отмѣтить нѣкоторое оживленіе по сравненію съ прошлымъ годомъ, бывшимъ годомъ почти полнаго затишья.

«Зеленая Лампа», начавшая свою дѣятельность значительно позже обычнаго, устроила всего два вечера. Первый былъ посвященъ темѣ: «Деньги, деньги, деньги», вступительное слово произнесъ В.С. Варшавскій, опредѣлившій деньги, какъ форму борьбы за существованіе. З. Н. Гиппиусъ отмѣтила, что важны не сами деньги, а отношеніе къ нимъ. Г. В. Ада-

мовичъ выступилъ въ защиту денегъ, какъ «иллюзіи счастья». Н. А. Оцупъ высказалъ мысль, что пренебреженіе къ деньгамъ есть и пренебреженіе къ чето-вѣческому труду. Д. С. Мережковскій поддержалъ положенія докладчика. Второй вечеръ «Зеленой Лампы» принялъ форму собесѣдованія на тему: «отчего зависитъ возрожденіе эмиграціи», (по поводу статьи Д. В. Философова). «Числа» устроили одинъ вечеръ: «Вѣрность Россіи» Докладъ сдѣлалъ Г. В. Адамовичъ, поставившій вопросъ какой Россіи мы должны быть вѣрны. Въ преніяхъ приняли участіе: В. В. Вейдле, Г. П. Федотовъ и др.

«Объединеніе Писателей и Поэтовъ» организовало два вечера съ литературной программой, нѣсколько вечеровъ чтенія и разбора стиховъ и двѣ дискуссіи. Одна изъ нихъ — на тему: «Кризисъ поэзіи» — была открыта В. В. Адамовичемъ, которому возражали В. В. Вейдле, М. Л. Слонимъ и др. Другая дискуссія состоялась на французскомъ языкѣ. Темой ея была «Личность въ современномъ обществѣ». Докладчикомъ былъ М. Л. Слонимъ, въ собесѣдованіи выступали нѣмецкій романистъ и критикъ Альфредъ Дѣбтэнъ, франц публицистъ Рейнакъ, итальянскій писатель Антонини и др.

«Перекрестокъ» устроилъ два вечера. «Воспоминанія объ А. Бѣломъ» В. Ф. Ходасевича и докладъ З. Н. Гиппиусъ: «Поэзія и политика». На второмъ вечерѣ, послѣ доклада читались стихи. «Кочевьямъ» были устроены три вечера о Селингѣ, объ А. Бѣломъ и о Сиринѣ

Изъ индивидуальныхъ вечеровъ, кроме ежегоднаго вечера А. М. Ремизова, слѣдуетъ отмѣтить вечера Георгія Иванова, В. Смоленскаго, Ант. Ладинскаго и Д. Кнута

ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОДРУЖЕСТВА.

Въ главныхъ центрахъ русской эмиграціи, не говоря уже о такихъ, какъ Парижъ, Прага, Берлинъ, возникаютъ литературныя объединенія, задачи и работа которыхъ достигаютъ иногда высокаго уровня. Таковы кружки въ Ригѣ, Ревелѣ, Варшавѣ, Шанхаѣ («Чураевка»), Гельсингфорсѣ и др. Редакция «Чисеть» проситъ организаторовъ всѣхъ подобныхъ объединеній присылать свѣдѣнія о своей работѣ, краткіе протоколы важнѣйшихъ собраній, имена участниковъ и литературный матерьялъ.

Литературное содружество въ Варшавѣ.

24 февраля и 3 марта этого года въ Варшавѣ состоялись два интересныхъ выступленія варшавскаго Литературнаго Содружества, посвященныя освѣщенію положенія и задачъ театра и литературы за рубежомъ. На собраніи 24 февраля по этимъ вопросамъ были прочитаны доклады С. Е. Киндяковой, Г. С. Гуляницкой, Л. Н. Гомолицкимъ и Е. С. Веберъ.

С. Е. Киндякова говорила о задачахъ Содружества. Содружество существуетъ въ Варшавѣ съ 1929 года. Формально это — варшавская литературная секція Союза русскихъ писателей и журналистовъ въ Польшѣ. По существу же Содружество объединяютъ не профессиональныя задачи. Главная его цѣль — созданіе и поддержаніе литературной элиты. Принципъ Содружества — свобода творчества, внимательное отношеніе къ передовымъ литературнымъ теченіямъ. Вокругъ Содружества объединены всѣ культурныя силы варшавской русской колоніи. Другихъ литературныхъ кружковъ въ Варшавѣ нѣтъ. Почетнымъ председателемъ Содружества состоитъ Д. В. Философовъ.

Г. С. Гуляницкая сдѣлала сообщеніе о русскомъ театрѣ за рубежомъ. Г. С. Гуляницкая — руководительница русской драматической студіи въ Варшавѣ, основанной ею и артистомъ МХГ В. И. Васильевымъ. Драматическая студія — первая попытка создать постоянный русский театръ въ Варшавѣ. За немѣнѣемъ здѣсь артистовъ — профессионаловъ, отвѣчающихъ серьезнымъ требованіямъ, руководители студіи рѣшили сами подготовить молодые артистическіе кадры.

До сихъ поръ этии молодыми силами подъ руководствомъ В. И. Васильева и Г. С. Гуляницкой были поставлены «Зеленое Кольцо» З. Н. Гиппіусъ и собственная инсценировка «Дядюшкина сна» Достоевскаго.

Казалось бы въ Варшавѣ, гдѣ русскую колонію составляетъ не только эмиграція, но и русское меньшинство, и гдѣ польское мѣстное населеніе понимаетъ по русски, передъ молодымъ театромъ открыты широкія возможности. Но съ первыхъ же шаговъ нарождающийся театръ встрѣтился съ двумя трудностями: отсутствіе новыхъ русскихъ пьесъ (руководителямъ студіи представляется невозможнымъ посвятить свою работу исключительно классическому и довоенному репертуару) и равнодушіе зрителя. Докладъ Г. С. Гуляницкой былъ вопросомъ, обращеннымъ къ слушателямъ — зрителямъ. У нихъ просила она указаній и совѣта въ дѣлѣ борьбы театра съ двумя главными трудностями.

Л. Н. Гомолицкій прочелъ о «работѣ» русскихъ писателей въ изгнаніи. Дѣятельный содружникъ и одновременно секретарь Союза русскихъ писателей и журналистовъ въ Польшѣ Л. Н. Гомолицкій познакомилъ собравшихся съ результатами предпринятаго

Союзомъ опроса зарубежныхъ писателей о ихъ работѣ и жизни въ эмиграции. Изъ ряда отвѣтовъ молодыхъ и старыхъ писателей можно сдѣлать не мало печальныхъ выводовъ: о кризисѣ, а можетъ быть и «гибели» русской книги за рубежомъ, объ исчезновеніи въ зарубежьи литературы, какъ профессіи, что самымъ тяжелымъ образомъ отразилось на жизни писателей въ изгнаніи. Особенно печальна судьба молодого писателя. Напомнивъ о гибели Бориса Буткевича, сломеннаго непосильной для него жизнью черноработаго, Л. Н. Гомолицкій назвалъ судьбу его характерной для большинства писателей молодого поколѣнія въ зарубежьи. Въ настоящемъ грузчики, кухонные мужики, дровосѣки и проч. они сохранили отъ прошлаго жестока впечатлѣнія войны и революціи, которая не могутъ быть творчески изжиты въ условіяхъ ихъ трудовой повседневнои жизни. Кризисъ книги загналъ таланты въ подполье. Но грудность момента благоприятна для созданія той атмосферы, въ которой формируется элита. Это залогъ будущаго и, можетъ быть, близкаго расцвѣта.

Докладъ Е. С. Веберъ былъ посвященъ молодой эмигрантской литературѣ. Существованіе молодой эмигрантской литературы связано съ приходомъ къ сознательной жизни новыхъ людей. Въ условіяхъ чуждаго быта, въ атмосферѣ чужой культуры преодолѣвали они хаосъ — наслѣдіе войны и революціи — впечатлѣнія своего дѣтства и своей юности. Новое міропониманіе требуетъ новыхъ художественныхъ формъ. Его нельзя вложить въ самыя совершенныя старыя формы, обреченныя на вымирание или вырожденіе послѣ того, какъ ихъ творческая роль сыграна до конца. Новое слово всегда рождается трудно и боѣзненно. Оно неиз-

мѣнно наталкивается на недовѣріе, непониманіе читателя, воспитаннаго на старыхъ образцахъ. И теперь, когда черезъ всю толщу нужды, равнодушія, непониманія, косности, изъ мистическаго подполья, гдѣ пребываетъ молодая эмигрантская литература, пробиваются на поверхность ея трудныя и отвѣтственныя слова, своевременно спросить новаго эмигрантскаго читателя: нужна - ли ему литература вообще и если нужна, то какая? Что говорить ему эти голоса изъ подполья? На скорое признаніе рассчитывать нельзя, но недаромъ говорилъ Достоевскій, что слишкомъ легко понимаемое и усваиваемое — не долговѣчно и слѣдовъ не оставляетъ. Одиночество молодой эмигрантской литературы быть можетъ утѣшительнѣе, чѣмъ была бы ея побѣда, ея «успѣхъ» у толпы.

Въ виду поздняго времени, такъ какъ доклады и вступительное слово Д. В. Философова, предсѣдательствовавшаго на собраніи, затянулись, обсужденіе докладовъ было перенесено на 3 марта. Главными направляющими тезисами обмѣна мнѣній второго собранія были

1. Литература и театр за рубежомъ
  - а) театръ безъ зрителей,
  - б) исчезновеніе читателя
2. Причины кризиса, переживаемаго литературой и театромъ
  - а) нужда,
  - б) уходъ въ обывательщину;
  - в) пониженіе культурнаго уровня
3. Пути преодоленія кризиса.
  - а) созданіе и поддержка элиты,
  - б) новые люди.
4. Задачи театра за рубежомъ
  - а) театръ, какъ хранитель русскаго слова;
  - б) значеніе театра для русской молодежи;

в) національная и воспитательная роль театра

5. Новая литература въ эмиграціи
  - а) писатель и читатель;
  - б) новыя формы,
  - в) право творческой свободы
6. Задачи Содружества

«Чураевка».

Основной задачей «Чураевки» было — объединить литераторствующую молодежь и литературную братію во-едино, чтобы чувствовать за собою какое-то продолженіе и имѣть опредѣленную аудиторию, болѣе или менѣе подготовленную.

За періодъ протекшаго времени этого сезона удалось не пропустить ни одной пятницы (собранія по пятницамъ). Каждую пятницу устраиваются доклады на различныя литературныя темы. Конечно, чаще всего приходится выступать опредѣленной активной группѣ (около 10 человекъ), разбирающейся въ литературу. Мы допускаемъ на свои собранія не только пишущую, но и слушающую молодежь.

За истекающій сезонъ было прочтено около 20 докладовъ, среди которыхъ назову по памяти слѣдующія темы: — Борисъ Пастернакъ, — Илья Сельвинскій, — Андрей Бѣлый, — Минцловъ, — Саша Черный, — Числа ном. 7-8-9, — Атексѣй Толстой, — Тютчевъ и современность — Ив Бунинъ, — и др

Кромѣ литературной секціи была организована научно - техническая секція, которая также собирается еженедѣльно. На ней собираются главнымъ образомъ, молодые инженеры мѣстной или Харбинской продукціи. Читаются очень часто доклады, которые интересуютъ и литераторовъ: напр., — Конечность и безконечность, — Составъ атома, —

Менделѣвъ и его таблица періодичности, — и т. д

Въ Шанхаѣ въ настоящій моментъ можно наблюдать интересное явленіе. Существуетъ три литературныхъ объединенія, ведущихъ самостоятельную работу. Если считать еврейскій литературный кружокъ — тоже литературнымъ объединеніемъ, то въ Шанхаѣ существуетъ 4 лит. — кружка.

Работа «Понедѣльника», заключается въ томъ, что работники пера вынимаютъ изъ пыльных своихъ архивовъ чистые труды своихъ молодыхъ — юныхъ лѣтъ и зачитываютъ ихъ передъ восторженной аудиторіей. Послѣ этого устраивается музыкально - вокальная программа, подъ которую такъ хорошо, вспомнить свои молодые годы. Издается также ими журналъ

Вотъ наудачу имена мѣстныхъ литераторовъ: Н. Петерець, («Чураевка»), П. Свѣтловъ («Чураевка»), М. Щербаковъ («Востокъ»), О Скопиченко («Чураевка»), В. Померанцевъ («Чураевка»), А. Пантелѣвъ («Понедѣльникъ»)

Н. С.

Русская литературная Рига.

Русскій Исходъ, русское эмигрантское движеніе не прошли, конечно, мимо Риги. Она была по пути — изъ Питера, изъ Москвы на Западъ. Въ ней осѣло — и такъ или иначе «устроилось» — нѣсколько ученыхъ съ довольно крупными именами, нѣсколько извѣстныхъ художниковъ, довольно большая группа хорошихъ русскихъ актеровъ и музыкантовъ. Менѣе значительна, пожалуй, — качественно и количественно — ея русская литературная среда

Вокругъ крупной рижской и олень

распространенной русской газеты «Сегодня», собралось, правда, нѣсколько журналистовъ съ широко извѣстными (какъ въ прежней Россіи, такъ и въ эмиграціи) именами — конечно, и они относятся къ «литературной средѣ», и они выпускаютъ книги. Но они пишутъ о прошломъ по преимуществу, они, въ большинствѣ, принадлежатъ къ плеядѣ «вспоминателей» — едва-ли они могутъ отразить бытовые и психологическія особенности рижской русской литературной молодежи — если мы примемъ за аксіому, что таковая существуетъ

Да, она существуетъ, конечно. Но, когда пишешь о ней, приходится сразу-же и почти безоговорочно констатировать печальное почнуо ея дезорганизацию, чтобы не сказать распадъ. Было — и еще года полтора тому назадъ собиралось, заставляло о себѣ говорить и, какъ-никакъ, «кипѣло» — нѣкое такое сплоченіе, называвшееся, по примѣру многихъ другихъ подобныхъ организаций, Содружествомъ молодыхъ писателей и поэтовъ. Было тамъ все, что полагается: свое клубное помѣщеніе (очень, по эмигрантскимъ понятіямъ, неплохое), были семинары, авторскія чтенія, ожесточенные споры, были закрытые и открытые литературные вечера — эти послѣдніе въ русскомъ, еврейскомъ и отчасти даже латышскомъ обществѣ пользовались неизмѣннымъ успѣхомъ. Былъ даже свой ежемѣсячникъ — правда, жиденькій и достаточно неудачный. Приходили гости, такъ или иначе напоминавшие о нѣкой живой связи съ болѣе крупными центрами русскаго литературнаго дѣланія, — Георгій Ивановъ, Юрій Фельзенъ, Николай Бѣлоцвѣтовъ.

Но потомъ — прекратился ежемѣсячникъ, начали хирѣть семинары, начало хирѣть все это маленькое, но десяткомъ-

другимъ лицъ любовно лелѣемое дѣло. Какъ - же это случилось — и почему должно было случиться. Вѣроятно, можно было-бы назвать цѣлый рядъ причинъ — и среди нихъ, увы, нѣсколько достаточно обывательскихъ потуханіе писательскаго «хотѣнія» (можетъ быть, впрочемъ, и изъ-за невозможности печататься), всякія перемѣны въ личной жизни, просто самое обыкновенное угасаніе интереса — вотъ какъ къ извѣстнымъ годамъ жизни прекращаютъ свою дѣятельность футболисты. Но были, конечно, и причины боѣе высокаго порядка.

Кажется, одна изъ нихъ — именно эта, ставшая уже какъ-бы пресловутой для Риги, близость къ Россіи и — вѣрнѣе, къ СССР. Нашлись «содружественники», которые сказали: Только оттуда свѣтъ, которые съ пѣною у рта доказывали надо читать Леонова, Бабеля, даже Эренбурга — намъ уже ничего больше не можетъ дать Бунинъ. Которые, вообще, на все эмигрантское писательство, на всѣ «западнорусскія» литературныя устремленія — въ выборѣ сюжета, въ формѣ, въ самомъ подходѣ къ творчеству — начали смотрѣть почти свысока, какъ на плоды самаго явнаго и недвусмысленнаго декаданса. Откошенія, несогласія, отходы были неминуемы. Они вылились, наконецъ, въ полное прекращеніе какой-бы то ни было связи — литературной — между отдѣльными членами былой организациі рижской русской литературной молодежи. Это, конечно, печально — и, безусловно, многими изъ группъ, «западной»-ли или «восточной» ориентаций, переживается тяжело. Требуется выходъ — найдется-ли онъ и во что выльется, сказать трудно. Надо сказать правду — въ данную минуту онъ не виденъ (хотя-бы въ самыхъ туманныхъ очертаніяхъ), ибо пе-

реживается еще тотъ острый періодъ послѣ распада, когда въ большинствѣ изъ тѣхъ, что раньше «сходились, спорили, кипѣли» — еще живетъ безнадежность.

Въ заключеніе, не могу обойти молчаніемъ одного пункта. Не берясь судить о томъ, какая изъ группировокъ или «оріентаций» въ литературномъ отношеніи цѣннѣе или жизнеспособнѣе, долженъ, однако, сказать, что тѣ, которые какъ-бы «отвернулись отъ запада» — не дали еще ни одного, хотя-бы скромнаго, имени. Въ другомъ лагерѣ (если уже, по-инерци, мы будемъ продолжать это прискробное дѣленіе...) — все-же имѣется нѣсколько человѣкъ, которые такъ или иначе выявили себя. Для интересующихся именами, могу назвать и ихъ. Изъ прозаиковъ назову Андрея Задонскаго — двѣ его книги были отмѣчены также во вѣнѣтатвійской прессѣ; — изъ поэтовъ: Игоря Чиннова, уже знакомаго читателямъ «Чисель», а также покинувшаго теперь Берлинъ и переселившагося въ Ригу Николая Бѣлоцвѣтова.

Рижская литературная молодежь не велика количественно — но качественно въ ней все-же, кажется, таится нѣчто, что — при болѣе дѣйственномъ контактѣ съ крупными центрами русскаго литературнаго Запада, въ первую очередь, конечно, съ Парижемъ, — можно было-бы и расширить, и оживить.

Это желаніе cadaго, кто къ этой группѣ принадлежитъ.

А Д.

Эмигрантская Литературная Академья

Д В Философовъ въ варшавской «Молвѣ» выдвинулъ проэктъ, практически неосуществимый, но все же весьма

любопытный — прозекъ «Литературной Академіи русскаго зарубежья». Цѣлью академіи должно было бы явиться объединеніе и отборъ эмигрантскихъ писателей. Д. В. Философовъ предполагалъ ихъ раздѣлить на три возрастныхъ группы — въ зависимости отъ литературнаго стажа. Въ первую должны были войти «старшіе писатели» — Амфитеатровъ, Бальмонтъ, Бунинъ, Гиппіусъ, Зайцевъ, Вяч Ивановъ, Купринъ, Мерельковскій, Немировичъ-Данченко, Ремизовъ, А Федоровъ, Тэффи, Шмелевъ. Они и составили бы «зарубежную академию» «Кандидатами» въ нее предполагались писатели, дебютировавшіе въ Россіи, но опредѣлившіеся уже въ эмиграціи, среди нихъ Адамовичъ, Алдановъ, Берберова, Георгій Ивановъ, Осоргинъ, Оцупъ, Степунъ, Мих Струве, Иг. Сьверянинъ, Ходасевичъ, Цвѣтаева. И наконецъ около академіи должна была бы группироваться «молодая поросль», въ томъ числѣ Алферовъ, Буровъ, Варшавскій, Газдановъ, Гомолицкій, Зуровъ, Довидъ Кнутъ, Кузнецова, Ладинскій, Вяч Лебедевъ, Мандельштамъ, Поплавскій, Сиринъ, Смоленскій, Терепіано, В. Федоровъ Фельзенъ, Шаршунъ.

Увы, какъ далеки отъ жизни эти «небыточные мечтанія»

М. И. Ганфманъ.

Недавно въ Ригѣ праздновался 35 лѣтній юбилей литературной дѣятельности М. И. Ганфмана. М. И., редактировавшій въ свое время литературный отдѣлъ «Рѣчи», сейчасъ редактируетъ «Сегодня». Живой, безпристрастный умъ, твердость въ отстаиваніи своихъ взглядовъ и большая эрудиція выдвинули Ганфмана въ рядъ наиболѣе видныхъ журналистовъ русской современности.

Отклики отовсюду.

Въ «Числа» поступаетъ множество писемъ отъ читателей съ разныхъ концовъ эмигрантской Россіи. Мы выбрали нѣсколько наиболѣе характерныхъ, цѣнныхъ для «Чиселъ» еще тѣмъ, что авторы этихъ писемъ — начинающіе литераторы.

***

«Чистами» вполне выявлено определенное поэтическое и культурное лицо (стихи и статьи, меньше художественная проза)

Лицо это опредѣляется переносомъ активности писателя отъ формы къ содержанию (отсюда — аскетизмъ формы, своеобразное формальное направленіе) и углубленіемъ самого содержания

Поводъ къ такому углубленію: относительная изолированность писателя (эмигрантскаго и вообще современнаго) отъ читателя (въ силу условій экономическихъ и психологическихъ), заставляющая писать только «самое важное», «для себя».

Причины углубленія идеологическаго кризиса революціи, войны, современной культуры вообще. Необходимость пересмотра основныхъ идейныхъ цѣнностей. Углубленіе выражается въ поэзии переходомъ къ интимнѣйшей лирике (напр темы смерти, метафизической неполноты и одиночества, темы бессмысленности и призрачности міра и др.).

Въ статьяхъ — переходомъ отъ политики и публицистики къ философіи, религиозной философіи, даже къ мистикѣ. «Числа» отрѣзаны отъ коммунистически-фашистской современности, пробующей строиться безъ достаточной религиозно-идейной базы. Необходимость

базы рано или поздно скажется, тогда «Числа» откроются и для массъ.

«Числа» не даютъ разрѣшеній, ихъ заслуга — постановка темъ. Смѣлое прикосновеніе къ «самымъ чернымъ язвамъ» Такое прикосновеніе необходимо, какъ первый шагъ къ исцѣленію

К. Гершеъманъ.

***

Для «Чиселъ», характерно подозрѣніе ко всякимъ вообще авторитетамъ и пышнымъ инсценировкамъ идей «Не сотвори себѣ кумира» — ихъ первая заповѣдь Въ этомъ — особая «Числовская» мудрость Слишкомъ много «идеологій» и «завѣтовъ» потерпѣло крушеніе, чтобы снова утверждать ихъ — вотъ, думается, «числовскій» ходъ мышленія. «Числа» — цѣломудрены, и очень дорожатъ этимъ своимъ качествомъ, но слѣдуетъ имѣть ввиду, что всякая дѣятельность, вообще активность, предполагается не только **растрату**, но и **потерию**, «грѣхъ» противъ самого себя»

Ю. Иваскъ

***

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, все какъ будто шло изъ Берлина. Потомъ все затихло, и вотъ — «Числа» — черезъ сѣренькую, безталанную Ригу, черезъ безнадежно-зеленую Прагу — протянулъ руку Парижъ, и — оказалось: да, литература! да, русская литература! «Числа» — еще не воздухъ, которымъ можно дышать, отъ «Чиселъ» задыхаешься, но гдѣ то въ глубинѣ уже знаешь — будетъ воздухъ — свѣжій воздухъ

С. Шлифштейнъ

Р. Уо.

Одухотворенному, мучительному, недоуверчивому къ себѣ и къ міру, **покаянному** искусству. Руо ни корней, ни сколько нибудь родственныхъ побѣговъ не найти въ современной французской живописи. Онъ учился когда-то — вмѣстѣ съ Матиссомъ — у Гюстава Моро (состоитъ и сейчасъ хранителемъ его музея) и связь съ учителемъ, въ отличіе отъ Матисса, у него не совсѣмъ порвана. Однако все, что оставалось у Моро намѣреніемъ, замысломъ — большей частью чисто литературнымъ — у Руо сдѣлалось формой, стало искусствомъ до конца, и этого достаточно, чтобы между ними пролегла пропасть Руо одинокъ, его живопись дышетъ одиночествомъ Раннія картины его еще довольно академичны по техническимъ приемамъ, но единственность и какая то трагическая замурованность, отрѣшенность авторской личности чувствуется уже и въ нихъ Нерѣдко онѣ касаются религиозныхъ темъ и трактуютъ ихъ не безъ готовыхъ формулъ, наввно, буквально, но все же съ боязнью и трепетомъ, какихъ въ современномъ искусствѣ больше ни у кого найти нельзя. Позже, чтобы найти въ себѣ силы вновь вернуться къ этимъ темамъ — и не только къ темамъ — на долгіе годы нужно было погрузиться ему въ дико размалеванный страшный міръ клоуновъ, судей и проституттокъ, утонуть въ немъ такъ же, какъ когда то въ парижскомъ сплинѣ утонулъ Бодлеръ — самая родственная ему душа въ искусствѣ, — утонуть, исчезнуть и опять ожить, чтобы стать единственнымъ религиознымъ живописцемъ современной Франци.

Выразительная сила живописи Руо истиннѣ необычайна Рядомъ съ нимъ, какъ немощны, какъ смѣшны мелодра-

матическія потуги нѣмецкихъ экспрессионистовъ — судороги Бекмана, неврастения Кокоски, истерическія злоство-вания Гроса и другихъ! Не хуже ихъ, онъ умѣетъ исказить, сломать, если нужно, форму, но онъ дѣлаетъ это съ чувствомъ монументальной карри-катуры, грандіозности жалкаго и смѣшного напоминающими Домье Руо не подчер-киваетъ ясной и безъ того, разсудочно анализируемой, «актерской» мимики, не пользуется никогда эффектами «пос-тановки». Онъ выражаетъ то, что ему на-до выразить самымъ движеніемъ мазка, отношеніемъ чернаго къ бѣлому или краски къ краскѣ, сосредоточеніемъ формы, нагроможденіемъ могучихъ массъ. Въ офортѣ, названномъ Ката-комбы» первенствуетъ не сюжетъ и свя-занныя съ нимъ ассоціаціи, не черепа, не тяжелая дверь съ широкимъ крестомъ, на ней, но трагическая музыкальность свѣтовыхъ (по существу красочныхъ) отношеній. Точно также и въ человѣче-скомъ лицѣ, въ портретѣ, дѣло не въ пересказываемомъ словами «выраженіи», но въ выразительности другой, болѣе глубокой и духовной, выходящей уже за преѣлы простой «мимики». Такая выра-зительность — по ту сторону тѣлеснаго и даже душевнаго — подобная той, что свойственна средневѣковому искусству, какъ разъ и позволяетъ Руо правдиво передать Крещеніе или Распятіе. Ему одному изъ современныхъ живописцевъ дано не только быть вѣрующимъ чело-вѣкомъ, но и вѣрующимъ художникомъ. Ни одинъ французскій художникъ на-шего времени писать Христа не смѣетъ, а если смѣетъ, то не можетъ. Только суровый Христосъ Руо — подлинный, и подлинно имъ увидѣнный Христосъ, — не бездушное подражанье и не ко-щунственная выдумка Уже это одно по-казываетъ обособленность и величіе ста-

раго отшельника, чудака, пронзеннаго и жаждущаго чуда живописца. Картины его возвращаютъ насъ къ самымъ даль-нимъ воспоминаніямъ христіанскаго ис-кусства — сквозь цвѣтныя стекла собо-ровъ и мерцанія мозаикъ къ поздне-египетскимъ надгробнымъ портретамъ, пращурамъ иконы, съ потусторонней за-стытостью взгляда въ огромныхъ непод-вижно — раскрытыхъ глазахъ .

Этимъ сказано не все. Руо — живопи-сець не до конца понятный современни-камъ Зато и не однимъ современникамъ придется вглядываться въ его творенія и разгадывать его тайны

В. Вейдле.

ХРОНИКА.

Парижскія выставки.

Моральный и матеріальный кризисъ, переживаемый такъ называемой Ecole de Paris объясняетъ почти полное от-сутствіе сколько нибудь значительныхъ манифестацій современнаго искусства въ первые мѣсяцы 34 года. Это, къ счастью, не значитъ, что въ Парижѣ умеръ инте-ресъ къ искусству вообще. Наоборотъ, все чаще устраиваются исключительныя по интересу выставки, посвященныя ис-кусству прошлаго — съ явной тенден-ціей способствовать переоцѣнкѣ эстетич-ескихъ цѣнностей, пересмотру ходя-чихъ сужденій Показательна въ этомъ смыслѣ устроенная газ. «Beaux-Arts» выставка произведеній, фигурирова-вшихъ съ успѣхомъ въ официальныхъ Салонахъ конца прошлаго вѣка Это вы-ставка мастеровъ «du genre rompiеr» Здѣсь и Бугро, и Жеромъ, и Бонна, и Карольюсъ Дюранъ — словомъ, всѣ ко-риффеи «помпьеризма», всѣ тѣ, кто въ періодъ борьбы съ новымъ искусствомъ были по «ту» сторону баррикады — и

оказаться побѣжденнымъ. Естественно, что въ моментъ, когда побѣдившее «новое искусство» сильно закачалось на своемъ пьедесталѣ, появляются надежды на реваншъ побѣжденныхъ Надежды, нужно признаться, напрасныя. Даже будучи совсѣмъ свободнымъ отъ предрасудковъ «модерна» трудно измѣнить свое отношение къ официальной живописи начала Третьей Республики. Дѣло здѣсь не въ эстетикѣ, а въ какой то специфической фальши этого искусства. Въ жанрѣ классическомъ Жеромъ и Бугро опошляютъ Энгра, дѣлая его манеру болѣе «правдоподобной», въ жанрѣ романтическомъ Кормонъ и другіе побиваютъ рекорды оперности въ самомъ халтурномъ смыслѣ слова. Съ попытками въ «новомъ духѣ» — то же явленіе. Пародіи на Энгра и Делакруа просто замѣняются пародіями на Манэ и Ренуара. Шагъ назадъ необходимъ современному искусству, если оно хочетъ жить — но шагъ болѣе широкий, на цѣлый вѣкъ назадъ, къ послѣднимъ хранителямъ традицій и «школы». То, что эта истина уже осознана многими, доказывается чрезвычайнымъ интересомъ къ Энгру: выставка «Портреты Энгра и его учениковъ» у Селигманна, «Энгръ, Давидъ, Жерино» въ академіи *Beaux-Arts*, наконецъ, выставка «Французскіе художники въ Италіи» *Pavillon de Marsan* гдѣ особенно хорошо представленъ тотъ же Энгръ своей удивительной Брюссельской «Энеидой». Если прибавить къ этому Луврскую коллекцію вещей мастера, то можно съ увѣренностью сказать, что въ настоящій моментъ въ Парижѣ нетрудно составить себѣ довольно полное представленіе объ этомъ очень сложномъ и очень крупномъ мастерѣ. Оцѣнка такого огромнаго явленія, какъ Энгръ, увлекла бы насъ далеко за предѣлы настоящей хроники.

Ограничимся краткими замѣчаніями Энгръ послѣдній достойный представитель Рафаэлевской линіи въ европейскомъ искусствѣ — черезъ него многія явленія въ современной живописи связываются съ этой линіей и, можетъ быть, именно въ силу этого выдержать испытаніе глубокаго и страшнаго кризиса нашихъ дней. А кто изъ насъ ожидалъ найти у Энгра столько свѣжей, «Бошановской» наивности? Его большая темпера — «Ромуль побѣдитель Акрона» — чрезвычайно занимательна съ этой точки зрѣнія.

Что Энгръ, писавшій на сюжеты «возвышенные», продолжаетъ линію Рафаэля, мы знали и раньше — хорошо было не только узнать, но и почувствовать это. Но что сатарикъ Домье — продолжалъ линію Микель - Анджело, объ этомъ говорилъ одинъ только провиндецъ — Бальзакъ, и потому выставка живописи Домье въ «*Orangerie*» потрясла и изумила даже тѣхъ, кто согласенъ былъ вѣрить Бальзаку на слово Это неловко, дилетантски написанныя небольшія картинки — и притомъ на самыя не микель-анджеловскіе сюжеты (кто-уны, буржуа за шахматами или пивомъ, вагоны желѣзной дороги и т. д.) — полны такой пластической мощи, такого пафоса формъ и массъ, что нельзя не придти къ вогнующему заключенію. изъ всѣхъ художниковъ 19 вѣка Домье единственный духовный сынъ создателя «Страшнаго Суда». Чтобы сдѣлать Домье, если бы эпоха, въ которой онъ жилъ была «созвучна» его титаническому дару? Своего Микель-Анджело 19-ый вѣкъ заставилъ рисовать каррикатуры для юмористическихъ журналовъ! Выставка въ «*Orangerie*» глубоко трагична.

Рольфъ де Марэ, директоръ «*Archives Internationales de la Danse*» устроитъ

выставку современных картин на определенном сюжете. «Танец» Эта интересная инициатива превратилась в весьма курьезный экзамен. Танцующий человек — есть ли более живая, более волнующая тема для скульптора и художника? Сто лет назад художники принялись бы с энтузиазмом изучать игру мускулов на пляшущем теле, их мускулов, которые Энгр называл «своими дорогими друзьями». Человек, его образ, его тело — были тогда еще центром, базой искусства. Традиции античности и Возрождения еще были живы. Выставка у де-Марэ показывает, как далеко ушли мы от этих традиций.

Из 125 выставленных вещей едва десятая часть изображает собственно танец и уже совсем мало-танцующия «тела». Современный художник свел всю живопись к приятной или пикантной игре пятен. Танец для него — повод разодеть персонажи в «пикантескные» сценические костюмы, чтобы писать их потом, как все тот же вечный натюр морт, либо повод для того, чтобы заставить плясать на холсте абстрактные пятна (что он делал бы и без этого повода). Танец — одна из основных задач пластического искусства — явно находится за пределами кругозора огромного большинства современных художников, в том числе и самых крупных. Это не может не навести на грустные, но полезные размышления.

Ceci dit, на выставке много просто удачных вещей и несколько исключений — серьезных попыток разрешить поставленную организатором задачу. К первым относится очаровательная «Балерина» Дерэна, забавные марионетки Де-Кирико, «Балерина в студии» Флоха, очень красивый этюд Челисе-

ва в серых тонах, приятные вещи З Готье, Пикельнаго, Терешковича. К исключениям — рисунки Зака и Бермана. Удивительная игра нервной линии и пятенных «акцентов» дает Заку возможность передать самую эссенцию балета (для него танец — прежде всего «балет») При всей эскизности исполнения рисунки полны редкого чувства формы — и, что еще реже, чувства формы в движении. «Тарантелла», Бермана — подлинный танец, переданный с благородной простотой и убедительностью, что приятно поражает у художника, столь увлеченного статикой. Отличную работу выставил Ф Г Гонзасонь.

A P.

Дерэн и Сегонзакъ.

В течение долгих лет мастерская Дерэна и Сегонзака помещалась рядом но против ворот «Ecole des Beaux-Arts». Этот случайный факт полон символического смысла, как это, впрочем, часто бывает в Париже. Присутствие Дерэна и Сегонзака — двух самых крупных и самых исконно французских вождей «живого искусства» — превращало узкий и высокий, чуть провинциальный дом в одну из тех построек, которая в древности возводились осаждающими у стн вражеской крепости. Устроившись на самом верху, оба мастера гнвно «таранили» дряхляющие устои противотечащей академии.

Работая под одной, типично французской, крышей Дерэн и Сегонзак не встречались, не обмывались впечатлениями и мыслями, шти разными, как будто даже противоположными путями.

Въ ихъ сосѣдствѣ было что-то отъ специфической сосѣдской вражды. И это символично. Въ художественномъ геніи Франціи живутъ съ покономъ вѣковъ — въ посюстороннемъ «враждебномъ сосѣдствѣ» — два, какъ будто непримиримыхъ элемента: натурализмъ и классицизмъ. Вспомнимъ борьбу Пуссенистовъ и Рубенсистовъ, классиковъ и романтиковъ (эти послѣдніе были въ сущности, за немногими блестящими исключеніями, скрытыми, не познавшими себя натуралистами).

Дерэнь и Сегонзакъ воплощаютъ съ исключительной полнотой и яркостью эти вѣчно враждующіе элементы французской традиціи. Сегонзакъ видитъ задачу живописи въ чисто — чувственной обработкѣ поверхности, въ томъ, чтобы матіёге картины переливалась свѣтомъ, дышала воздухомъ, включала въ себѣ всю мощную трепетность жизни. Онъ исключаетъ изъ живописи всякій намекъ на интеллектуальность — всякіе поиски стіля, игру фантази и т. п. Какъ характерно, что при этомъ онъ сводитъ на нѣтъ форму, замѣнивъ рисунокъ общими, не всегда ясными схемами! Природа въ картинахъ Сегонзака кажется хаотической, какой-то косматой, первобытной — точно художникъ не знаетъ упорядочивающей, уясняющей функции разума, воспринимая природу одними глазами, одними легкими. Онъ передаетъ ее такой, какой воспринялъ, со всей свѣжестью непосредственности. Онъ пишетъ ножомъ, тяжелыми пластами красокъ совершенно исключительными по глубинѣ тона. Творчество Сегонзака — блестящее доказательство «почвенности» французскаго искусства, которое иностранцы такъ часто обвиняютъ въ отсуствии инстинктивной силы, въ оторванности отъ земли. Дерэнь — полная противоположность Сегонзаку. Живопись

для него, прежде всего, тонкая и таинственная игра интеллекта. Это безусловно самый «готовной» изъ французскихъ художниковъ. Отъ первыхъ опытовъ, навѣянныхъ неграми, архаиками и готической скульптурой, до своего теперешняго классицизма Дерэнь былъ и остается типичнымъ для нашего времени искателемъ стіля. Это не значитъ, однако, что Дерэнь лишень непосредственного чувства жизни, что искусство его — сухое мозглячество. Наоборотъ: чувственная прелесть Дерэновской живописи очень велика, часто неотразима. Но всегда знаешь, что не угожденіе чувствомъ руководило мастеромъ при созданіи картины — что эта *sensibilité* лишь одинъ изъ инструментовъ (и при томъ не самый важный) въ сложномъ оркестрѣ, управляемомъ Дерэномъ. По мановенію дирижерской палочки краски могутъ заиграть горячимъ золотымъ свѣтомъ, поверхность стать живой и теплой; новый жестъ дирижера — и краски меркнутъ, поверхность становится сухой, безразличной. Дерэнь ищетъ стіля — стройнаго, продуманнаго метода «возсоздать» природу на нашъ особый ладъ. Инстинктивная непосредственная передача видимаго никогда не привлекала его, какъ не привлекалъ и уходъ въ абстракцію въ неизвѣстность. Этимъ объясняется центральность его положенія между кубистами и ихъ антиподами. Въ этомъ секретъ его исключительности. Онъ одинъ сумѣлъ пройти между Сциллой и Харибдой, сохранивъ душевное равновѣсіе. И по той же причинѣ онъ — первый изъ мастеровъ, своего поколѣнія — нашелъ путь къ музею. Онъ первый уразумѣлъ забытый языкъ старыхъ мастеровъ и — что едва-ли не важнѣе — понялъ необходимость для искусства глубоко продуманнаго, стройнаго въ своей условности языка: стіля.

Возвращаясь къ образу, которымъ начинается настоящая замѣтка, скажемъ. Дерэнь и Сегонзакъ дружно «таранили» академію, но цѣли у нихъ при этомъ были разныя. Въ то время какъ Сегонзакъ стремился уничтожить академію, какъ таковую, съ ея ненужными для передачи жизненнаго хаоса грамматикой и риторикой (нечленораздѣльная рѣчь, быть можетъ, съ большей силой выразить «крикъ земли»), Дерэнь боролся лишь противъ выродившейся, павшей академии нашихъ дней. Цѣлью его исканій было и остается созданіе другой академіи, способной сохранить во всей ея чистотѣ стройный и глубокий языкъ классиковъ, приноровивъ его къ духовнымъ нуждамъ нашего времени.

Какъ подлинный представитель Расиновской линіи французской культуры. Дерэнь увѣренъ, что на классическомъ языкѣ можно сказать все, что угодно — нужно только научиться; и только то, что сказано на классическомъ языкѣ, — переживетъ вѣка

А. Верингъ.

Ретроспективная выставка М. Шагала.

Устроители этой выставки сдѣлали большое усиліе, собравъ со всего міра въ *Kunsthalle* въ Базелѣ работы всѣхъ періодовъ М. Шагала.

Предисловіе къ каталогу выставки было написано *Gilles de la Tourette*.

Собраны были работы отъ 1908 до 1933 г.г.

До этой выставки та же группа, являющаяся одной изъ важнѣйшихъ художественныхъ организаций въ Европѣ, устраивала выставки Ванъ-Гога, Гогена, Руссо, Матрисса, Пикассо, Брака, Майоля.

Н.

О Сергѣи Лифарѣ.

*(Къ пятилѣтію его работъ
въ Парижской Оперѣ).*

Сергѣй Лифаръ вступилъ въ труппу Дягилева въ эпоху «*sturm und Drang*» періода, когда покойный основатель знаменитыхъ «Русск. Балетовъ», пронесшихъ славу нашего искусства по всему міру, сталъ ежегодно проводить «новыя теченія» и «новыя тенденціи». Я лично не вѣрю въ эти «ежегодныя революціи», якобы разрушающія старое и, будто бы создающія новыя цѣнности. Не могутъ логически существовать ежегодныя «эпохи» или «стили», которыя создаются долгимъ накопчиванемъ и постепеннымъ отхоженіемъ новыхъ элементовъ, ассимилируемыхъ старымъ основнымъ искусствомъ, медленно мѣняющимъ свой ликъ съ измѣненіемъ быта, экономического и политическаго положенія страны. Съ этой точки зрѣнія такое напр., названіе какъ «Балеты 1933» является парадоксомъ или нелѣпостью, потому что за 1933 г. не могло окристаллизоваться столько отличительныхъ признаковъ, чтобы выдѣлить 1933 годъ изъ сосѣднихъ его годовъ 1932 или 1934. Для опредѣленія стиля, необходимо болѣе или менѣе длительный періодъ. Стиль дягилевскаго балета послѣдняго десятилѣтія вызвалъ нѣсколько суровыхъ (только отчасти пріемлемыхъ) осужденій выдающихся французскихъ критиковъ.

Лифаръ работалъ, неустанно совершенствовался въ технику танца у лучшихъ учителей, понимая все значеніе классическаго танца, который создалъ дѣйствительную «школу» русской хореографіи. Онъ зорко присматривался къ новымъ «геометрическимъ» постановкамъ и къ старымъ шедеврамъ класси-

ческаго балета. Въ нашъ дѣловитый, механизированный вѣкъ «школы» смѣняются «школами», «приходы» «приходами», отличить которыя другъ отъ друга даже очень опытному глазу почти невозможно. Нѣсколькимъ художникамъ журналъ «L'Effort Moderne» задалъ когда то вопросъ: «Куда идетъ современная живопись?» Многие отвѣтили: «Совершенно не знаемъ». А одинъ сказалъ. «Ести бы я зналъ, то перестану бы писать». Отвѣтъ глубокой.

Не можетъ художникъ зворить «новое» или «старое», а только то, что властно требуетъ отъ него его созидательный духъ.

«Пробой пера» для молодого Лифаря, какъ балетмейстера, была новая версія «Лисички», которую поручить ему Дягилевъ незадолго до своей смерти, съ проникновенной наблюдательностью учувавший въ немъ талантъ хореографа. По этой первой, небольшой вещицѣ трудно было бы опредѣлить свойства и степень этого таланта. Но вотъ, внезапный, неожиданный скачокъ въ неизвѣстность: приглашеніе на парижскую оперную сцену для постановки «Прометей» Вигано и Бетховена. Отъ такой грандіозной задачи пришелъ бы въ священнѣйшій трепетъ всякій опытный балетмейстеръ. Лифарь съ свойственной молодости храбростью взялся за это дѣло.

Теперь въ его распоряженіи труппа, повѣрившая въ авторитетъ реформатора ея артистической психологіи; пятилѣтній балетмейстерскій опытъ, способствовавшій выработкѣ методовъ и техники постановокъ и прибрѣтенная, наконецъ, свобода творчества.

На балетмейстерской палитрѣ Лифаря много красокъ и онъ умѣло ими распоряжается. Освободившись отъ навязаннаго ему «Прометей», онъ сталъ тво-

рить свободнѣе. Въ «Воскресномъ Прелюдѣ» Ги Ропартца онъ взялъ именно тѣ краски, которыя нужны. «Пиррический танецъ» съ его широкими скачками, комическими ситуаціями и намеками на акрабагику очень каторитенъ и модернистическіе приемы въ немъ совершенно умѣстны. Наоборотъ, къ адажіо («Четвергъ») балерины съ двойными пируэтами на изнанкахъ, на фонѣ изящныхъ пластическихъ группъ, имъ примѣнены методы классической хореографіи.

Лифарю, который мужественно борется съ консерватизмомъ опернаго кордебалета и одолѣлъ его, приходится еще бороться — эта борьба еще труднѣе! — съ «модернизмомъ» композиторовъ, съ тѣми «музыкальными бухгалтерами», сочиняющими «безкровную и безполую» музыку, о которой говорить французскій критикъ Meinsieux. Такова напр., музыка П. О. Ферру къ прелестно поставленной Лифаремъ «Юности». Удивительно, какъ ему удалось преодолѣть какъ-бы нарочно нагроможденныя композиторомъ препятствія для балетмейстера!

Въ прежнія времена, такіе композиторы, какъ П. Чайковскій и А. Глазуновъ не считали для себя унизительнымъ соувѣтоваться съ М. Петица, когда они писали партитуры для своихъ безсмертныхъ балетовъ. Оба автора — хореографъ и композиторъ — шли на взаимныя уступки: въ результатъ получались шедевры. Теперь балетмейстеру даютъ готовую партитуру, написанную съ полнымъ незнаніемъ и игнорированіемъ природы танца и не разрѣшаютъ ему дѣлать въ ней ни малѣйшихъ измѣненій.

Лифарь — балетмейстеръ новой эпохи хореографіи, эпохи трансформации танца изъ минора эллиптическихъ формъ

въ мажоръ кубистическихъ. Трансформация эта не завершилась вполне и врядъ ли найдеть свое окончательное оформленіе, потому что уже раздается зовъ къ возрожденію классическаго танца, видоизмѣннаго или дополненнаго въ духъ времени. Не чужды этихъ зововъ и Лифарь; онъ слышитъ ихъ, а можетъ быть они и звучатъ въ глубинѣ его артистическаго сознанія. По многимъ даннымъ можно думать, что имъ владѣтъ «влеченіе, родъ недуга» къ этой на время покинутой традиціи балета. «Вакхъ и Аріадна» свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ этомъ балетѣ онъ пробуетъ объединить двѣ концепціи танца: античный и классическій; второй вѣдь рожденъ первымъ. Но еще виднѣе это влеченіе изъ ряда постановокъ, проведенныхъ имъ съ большой любовью, на сцену Оперы. Это — уже цыклъ классическихъ произведеній чистой воды «Жизель», «Видѣніе Розы», «Дивертисментъ» (изъ «Спящей Красавицы»), «Дафнисъ и Хлоя».

Въ мою задачу не входитъ дать подробный критическій анализъ всѣмъ постановкамъ Лифаря. Я хотѣлъ лишь указать на этапы творчества этого молодого балетмейстера. Самъ прекрасный классическій танцовщикъ, Лифарь не можетъ не понимать доминирующаго значенія танца въ балетѣ. Поэтому я вѣрю въ его дальнѣйшую эволюцію; въ его творчествѣ есть индивидуальность и молодая убѣжденность. Кроме того, онъ обладаетъ сильной волей, давшей ему возможность въ короткій пятилѣтній срокъ до неузнаваемости реформировать труппу и репертуаръ первой балетной сцены Франціи. Пожелаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ на этомъ славномъ и трудномъ пути.

Валеранъ Святловъ

Послѣднія постановки

М. Фокина.

Передъ самымъ выходомъ настоящей книги въ свѣтъ мнѣ удалось приобщиться къ явленію въ высшей степени знаменательному и значительному въ области балетнаго искусства, о которомъ по недостатку времени и мѣста приходится ограничиться нѣсколькими суммарными строками. М. М. Фокинъ послѣ безконечно долгаго перерыва поставилъ въ томъ же самомъ Парижѣ, гдѣ зародилась его всемірная и неувыдаемая слава балетмейстера, нѣсколько новыхъ балетовъ въ орѣга на заданія, предложенныя ему И. Рубинштейнъ. Парижская пресса, отдавая должную дань всей внѣшней значительности этого театральнаго предпріятія, критикуя, или привѣтствуя всѣ достижения прославленныхъ сотрудниковъ этого меценатскаго фестиваля въ лицѣ Стравинскаго, Раваля, Оннегера, Ибера, Вачери, Жида, А. Бенуа и Яковлева, съ какой то непонятной дискретностью умолчала о результатахъ новоявленныхъ Фокинскихъ откровеній въ хореографіи. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе необъяснимъ, что эволюція творчества всѣхъ остальныхъ вышеперечисленныхъ художественныхъ силъ проходила все время на нашихъ глазахъ, и не могла слѣдовательно представить того волнующаго, глубоко напряженнаго интереса, какъ возрожденіе творчества Фокина, отъ котораго у насъ за послѣднее десятилѣтіе осталась только легенда о тѣхъ давнишнихъ художественныхъ интуицияхъ, которыми донинѣ питается весь балетный міръ.

Можно было предположить, что немилосердное время наложило свою разрушающую руку на это неповторное русское дарованіе, что адепты, поклонники

и эпигоны его изъ чувства пѣтета не хотятъ касаться печали его увяданія и нарушать обаянне его памяти словами осужденія

Глубокая, истинная радость и національная гордость охватили меня поэтому на спектакль, въ которомъ показаны были поставленныя имъ Діана Пуатье, Семирамида и Болеро

Необычайная творческая изобразительность, юный, нетронутый годами темпераментъ, гармоничное согласованіе съ ритмомъ музыки, проникновеніе въ скрытую для другихъ балетмейстеровъ тайнопись балетной эрудиціи умиляли и трогали. Съ необычайнымъ художественнымъ чутьемъ, съ исключительнымъ тактомъ онъ вышелъ побѣдителемъ изъ тѣхъ почти трагическихъ испытаній, которыя были передъ нимъ поставлены всей структурой самого дѣла. Невольно хотѣлось мечтать о томъ, чего бы онъ могъ достигнуть, если бы сейчасъ, какъ когда то въ лицѣ Павловой, или Карсавиной, онъ могъ бы найти для своихъ танцевальныхъ пѣснопѣній исполнительницу съ яркой, горячей и вдохновенной душой. Хотя — бы это былъ Фрейшицъ, разыгранный перстами робкихъ ученицъ. Эта иллюзія была получена отъ хорошо сложенного, крѣпкаго, стройнаго кордебалета. Радостно и пріятно, было на него смотреть. Даровитый виртуозный Вильтзакъ оправдывалъ, поясняя всѣ надежды балетмейстера, выявляя ихъ въ богатомъ и яркомъ перевоплощеніи.

И почти не грустно было, что когда то тѣмъ же самымъ Фокинымъ созданная обаятельная легенда о Клеопатрѣ и Шехерезадѣ въ лицѣ И Рубинштейнъ тускнѣла въ риторическихъ никого не волнующихъ декламацияхъ Семирамиды и меркла въ чрезмѣрно пышныхъ склад-

кахъ, затканныхъ золотомъ покрываль, лишенныхъ элевации и подъема.

Напротивъ, съ чувствомъ искренней признательности публика привѣтствовала ту, которая подарила путемъ большого напряженія и большихъ матеріальныхъ жертвъ увѣренность въ свѣжести и неувядаемости творца русскаго современнаго искусства

А. Ш.

В. Г. Базиль.

Отмѣтивъ въ моей статьѣ «Наслѣдіе Дягилева» ту выдающуюся роль, которую въ развитіи современнаго балетнаго искусства играютъ «Монтекарловскіе балеты», я въ отчетѣ объ ихъ достиженіяхъ, посвященномъ, главнымъ образомъ, идеологическому анализу, не коснулся того реальнаго фактора, той личной инициативы, которая ихъ вызвала къ жизни.

И, если въ своевременной оцѣнкѣ Дягилевскихъ балетовъ не было нужды специально отмѣчать волевой пафосъ ихъ создателя, ибо само ихъ названіе его поясняло, то въ почти анонимной, чисто локальной фирмѣ Монтекарловскихъ балетовъ не выявлена та упорная творческая и организаторская работа, которая въ противоположность большинству рускихъ театральныхъ начинаній въ эмиграціи, боролась съ горячимъ энтузіазмомъ и съ чеканнымъ ритмомъ духовной дисциплины за достиженіе поставленныхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ задачъ. Работа эта всецѣло соединена съ именемъ В. Г. Базиля, являющимся въ настоящее время однимъ изъ самыхъ дѣйственныхъ разсадниковъ традицій прославленнаго русскаго балета и, сумѣвшимъ въ эпоху его сумерекъ заставить засіять новымъ блескомъ огни его ramпы.

А. Ш.

Международный архив танца.

Открытие М. А. Т. (Международного Архива Танца), было встречено во всем хореографическом мире с сочувствием и глубоким удовлетворением.

Слишком долго уже длилось то неестественное положение, при котором балет до сих пор не имел ни собственной организации ни даже просто своего угла.

Не имел он до сих пор и своей истории.

Как это ни странно, но одними из первых бытописателей балета были аббаты, сочинителями балетных либретто — королевские интенданты и камергеры, а роль настоящего балетного артиста в балетных же постановках еще недавно сводилась к наблюдению за выходами на сцену и за исполнением высоких предначертаний королевских вельмож и финансовых гениев.

И самая память о великих артистах и артистках балета быстро покрывалась забвением.

Достаточно простой попытки узнать какая-либо свѣдѣнія изъ биографіи артистовъ балета, найти ихъ портреты, — и сразу выяснится вся огромная трудность работы по истории танца.

Имѣющіяся данныя часто противорѣчатъ другъ другу, даты рожденія и смерти и даже самыя имена артистовъ и хореографовъ точно не установлены и часто, слишкомъ часто, приходится узнавать, что карьера нѣкогда славныхъ артистовъ, любимцевъ публики, заканчивалась на одинокой скамьѣ пустыннаго бульвара или холодной койкѣ госпиталя.

Кому изъ знакомыхъ хотя бы съ нѣкоторыми данными изъ исторіи танца

18-го вѣка не извѣстно имя Вестриса — одного изъ величайшихъ танцовщиковъ этой эпохи блестящаго расцвѣта балета.

Вестрисъ.., передъ которымъ почти гнѣвно склонялись юныя головки начинавшихъ мировыхъ звѣздъ балета...

Вестрисъ.., чести пройти съ которымъ по сценѣ большой парижской оперы хотя бы на одно мгновение, добивались даже уже вѣнчанныя славой, лучшія артистки балетнаго міра.

И вотъ этотъ самый Вестрисъ не только почти забыть, но и самую могилу его на одномъ изъ парижскихъ кладбищъ трудно разыскать, такъ она запущена, такъ разрушена могильная плита, такъ трудно читается полуистертая вѣковая надпись.

И никто изъ тѣхъ, кто обязанъ ему и школой, и наслѣдіемъ высокихъ достижений хореографіи, никто не помнитъ о немъ, не хранить его памяти.

Собирание цѣнныхъ документовъ по исторіи танца также въ довольно печальномъ положеніи.

Архивъ парижской Большой Оперы крайне бѣденъ предметами отпускаемыми на его храненіе. Большая часть документовъ просто отправлена въ кладовыя Національнаго Архива. Поиски необходимыхъ свѣдѣній въ связкахъ неразобранныхъ бумагъ требуютъ чрезвычайно трудныхъ и длительныхъ усилий.

Даже немногіе оставшіеся въ библиотекѣ Оперы наиболѣе цѣнные рукописные документы часто оказываются лишь переплетенными въ толстыя тетради безъ всякой системы, какъ хронологической, такъ и сюжетной. То же можно сказать и о портретахъ, хранящихся въ Архивѣ Парижской Оперы.

Трудности другого рода встрѣчаютъ изслѣдователя при поискахъ нужныхъ

документовъ въ частныхъ коллекціяхъ или у торговцевъ эстампами и антикваровъ.

И однимъ изъ главныхъ препятствій, конечно, является весьма поверхностное знаніе, а иногда и полное незнаніе исторіи танца.

Весь театръ въ папкахъ съ документами такъ основательно перемѣшанъ, что нужны долгія и долгія усилія, чтобы выдѣлить, хотя бы небольшую группу того, что имѣетъ отношеніе къ танцу.

Цѣннѣйшіе документы изъ области народнаго творчества — народныя картинки, лубки, можно считать почти погибшими въ виду сквернаго качества бумаги и красокъ.

Что же касается документовъ, относящихся къ болѣе раннимъ эпохамъ исторіи — Египту, Іудеѣ, Вавилону, Ассиріи, то они вообще представляютъ исключительную цѣнность и рѣдкость.

Даже тѣ немногіе барельефы и росписи вазъ, что хранятся въ наиболѣе крупныхъ міровыхъ музеяхъ еще не вполне воспроизведены, разработаны и изучены.

Отсутствіе стройной системы въ исторіи танца, крайняя бѣдность библіографіи, зачаточное состояніе теоріи, отрывочность и противорѣчивость біографическихъ данныхъ вмѣстѣ съ чисто беллетристической, далекой отъ специализаціи критикой танца — вотъ тѣ недочеты, съ которыми до сихъ поръ приходится встрѣчаться всякому серьезному изслѣдователю танца.

Съ первыхъ же шаговъ М. А. Т. пришлось взять на себя трудную работу по выработкѣ еще не существовавшей системы классификаціи для справочно-документальнаго отдѣла бібліотеки, предоставленнаго М. А. Т. въ распоряженіе изслѣдователей и ученыхъ.

Но заботясь о собираніи и храненіи документовъ прошлаго, нельзя было забывать и о текущей работѣ хореографовъ, необходимо было отмѣчать важнѣйшія событія современности, комментировать ихъ.

Для этой цѣли М. А. Т. былъ созданъ живой и вмѣстѣ серьезный журналъ, въ которомъ находитъ свое отраженіе картина современнаго состоянія балета.

Естественно, что организація лекцій и выставокъ являлась логическимъ дополненіемъ дѣятельности М. А. Т.

Исторія танца, техника танца, музыка и танецъ, школы танца и новыя тенденціи — вотъ темы ближайшихъ докладовъ, намѣченныхъ М. А. Т.

Всѣ данныя, появляющіяся въ печати о карьерѣ любого артиста танцора, вырѣзки, отражающія всю совокупность жизни мірового балета, словомъ все, что появляется въ современной печати о танцѣ хранится въ систематизированномъ видѣ. Альбомы съ вырѣзками строго классифицированы и къ нимъ имѣются алфавитные указатели.

Единодушнымъ одобреніемъ хореографическаго міра была встрѣчена уже первая попытка М. А. Т. устроить международный конкурсъ танца.

Не увлекаясь чемпионатами, далекий отъ всякихъ «марафоновъ танца», конкурсъ поставилъ себѣ цѣлью выявить наиболѣе талантливыя достиженія молодыхъ балетныхъ группъ и школъ и помочь имъ выдвинуться въ трудныхъ условіяхъ современности.

Цѣль эта была блестяще достигнута. Результаты конкурса были признаны весьма значительными печатью всего міра.

Достаточно указать на такое «открытіе» конкурса, какъ балетная группа

Юсса съ его «Зеленымъ столомъ», чтобы подтвердить это положеніе.

Но конечно, несмотря на всѣ затраченныя усилія, еще слишкомъ много остается сдѣлать для того, чтобы достойнымъ образомъ подготовить матеріалы по исторіи танца и направить теченіе современной жизни танца въ правильное русло.

Но всѣ эти трудности не останавливаютъ основателей М. А. Т.

П. Тимковскій.

«Отъ для народа».

Скоро можно будетъ сказать, почти словами Руссо: «Печать родилась свободной, но вездѣ она въ оковахъ». Первые, малоопытные диктаторы, пионеры этого дѣла, еще церемонились съ газетами. Такъ, въ Россіи, оппозиционная пресса продержалась еще нѣкоторое время послѣ октябрьскаго переворота, а Муссолини терпѣлъ строптивый *Corriere della Sera* въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Что подѣлаешь? даже диктаторы не могутъ сразу отдѣлаться отъ либеральныхъ предрасудковъ.

Между тѣмъ печать дѣйствительно «родилась свободной», т. е. въ свободѣ смысла ея существованія. Не нужно быть законнымъ либераломъ, чтобы такъ думать. Отсюда вытекаетъ, казалось бы, что диктаторамъ печать не нужна вовсе, что они должны были просто - на - просто всѣ газеты позакрывать. Ну, оставить тамъ какія нибудь «Губернскія Вѣдомости», часть официальную, чтобы оповѣщать объ очередномъ шествіи, о раскрытіи заговоровъ и т. д.

Между тѣмъ, диктаторы отнюдь не склонны останавливать работу ротационныхъ машинъ. Часто они даже стараются во внѣ сохранить печать въ томъ ви-

дѣ, въ какомъ они ее застали. Мѣняется только направленіе — на всѣ сто семьдесятъ градусовъ — благо, для этого нѣтъ надобности обновлять весь составъ сотрудниковъ. Достаточно поставить новаго дирижера и перемѣнить ноты на пюпитрахъ: хоръ, только что съ чувствомъ пѣвший за упокой, начинаетъ дружно пѣть за здравіе, какъ ни въ чемъ не бывало.

Для чего диктаторамъ газеты? Объясненіе — въ псевдо - демократизмѣ современныхъ авторитарныхъ государствъ. Народъ долженъ думать, что съ нимъ считаются. Коротко говоря, газеты нужны диктаторамъ, чтобы осуществлять весьма важную функцію, именуемую «bourrage de crânes». но спрашивается. почему же народъ даетъ себя обманывать? Онъ вѣдь не можетъ не знать, что подъ видомъ независимаго мнѣнія ему преподносятъ только то, что начальство признаетъ полезнымъ, желательнымъ или необходимымъ. Не проще ли было бы вовсе бросить читать газеты?

Причину этой — на первый взглядъ, непонятной — вѣрности читателя измѣнившей ему газетѣ слѣдуетъ искать въ томъ, что давно уже, задолго до всякихъ диктатуръ, публика перестала смотрѣть на газету только, какъ на способъ освѣдомленія о текущихъ событіяхъ. Читатель просто привыкъ, пристрастился къ ней и уже не можетъ безъ нея обходиться какъ курильщикъ не можетъ жить безъ табаку или пьющій человекъ — безъ вина. Если взять любой номеръ газеты и отжать то, что дѣйствительно можно назвать «новостями дня», то едва ли наберется тридцать - сорокъ строчекъ текста. Между тѣмъ, большія газеты ежедневно проподносятъ читателю цѣлые тома. «Таймсъ», не считая объявленій, даетъ въ каждомъ номерѣ сви-

ше 400 книжныхъ страницъ. Около половины этого даетъ «Танъ». Но и газеты парижской «*presse d'information*» содержатъ въ каждомъ номерѣ текста не многимъ меньше, чѣмъ романъ средней величины. И такихъ газетъ городской читатель проглатываетъ въ день двѣ, три или больше! Нечего и говорить, что газетами зачитываются сплошь да рядомъ люди, которые книгъ и въ руки не берутъ. Да пожалуй, и у самаго искренняго любителя литературы не останется времени на чтеніе книгъ, если онъ вздумаетъ добросовѣстно читать газеты.

Когда вы, находясь въ музеѣ, слышите рожокъ проѣзжающей мимо пожарной команды, вы оставляется картины и бросаетесь къ окну. Предпочтеніе, оказываемое газетѣ, — того же, пожарнаго порядка. Вамъ кажется, что она нужнѣе, ближе, что она непосредственнѣе васъ касается, чѣмъ самая глубокая книга. Конечно, это — самообманъ. То, что есть дѣйствительно нужнаго въ газетѣ, составляетъ чтенія на двѣ - три минуты. Остальное — непомято раздутый «рамплиссажъ». Но, разъ попавшись на удочку злободневности — ее ловко закидываютъ лапидарно - тревожные верхковые заголовки, — вы уже входите въ ложно - значительный, ложно - значительный, ложно - взволновавшій міръ журнальной скороговорки — и вырваться изъ него вамъ не подъ силу. Постепенно привычка къ болтовнѣ о вещахъ несложныхъ, какъ легко усваиваемой умственной пищѣ, къ бойкости, къ хлесткости дѣлаетъ свое дѣло: Газета становится нужной, какъ наркотикъ, и уже совершенно независимо отъ важности содержащихся в-ней сообщеній. Можетъ быть, раскрывая, утромъ или подвѣчеръ, газетный листъ, вы въ первую секунду еще ищете — новостей», но че-

резъ мгновеніе васъ захватываетъ пестрая смѣна вкусно поданныхъ, остро приправленныхъ и абсолютно бесполезныхъ «сообщеній», — больше не хозяинъ своего времени, а рабъ изощренной промышленности, позволяющей людямъ одурманиваться за ничтожную плату и на законномъ основаніи.

Благодаря этимъ своимъ свойствамъ, печать столь легко становится проводникомъ всевозможной лже - информации, любого лже-ученія. Разъ газета людямъ необходима, то ее съ легкостью можно использовать для какихъ угодно цѣлей, для какого угодно одурачиванія публики. Избѣжать этой опасности можно было бы только вернувъ печать къ ея истокамъ, къ тому, что составляло ея первоначальную, ея исконную силу и единственное ея оправданіе — къ освѣдомленію и къ освѣщенію подлинно важныхъ событій. Тогда всякое извращеніе этой задачи, всякое злоупотребленіе печатнымъ словомъ сразу обнаруживалось бы и тѣмъ самымъ было бы обезврежено. Но въ условіяхъ нашего времени можно ли надѣяться на такое возвращеніе къ здравому смыслу?

Д. Озеровъ.

Бабья чорка. Не рассказъ.

Этотъ рубежъ двухъ воскресшихъ послѣ мировой войны государствъ, прежде входившихъ въ составъ Россійской Имперіи, не сталъ, подобно полямъ великихъ битвъ во Франціи, мѣстомъ паломничества оскорбительно зѣвающихъ туристовъ или взволнованныхъ забываемыми переживаниями бывлыхъ соратниковъ.

Почти три года, — 15, 16 и 17-й — держался здѣсь русско - германскій фронтъ. Три года безстрастная метла войны мела эти холмы, пажити и нивы.

Многіе изъ крестьянъ, тѣхъ, кто остался отъ призыва, т. е. старики и подростки, все это время прожили на родной землѣ. Поразительная привязанность. Или просто неодолимая тяга къ своему углу.

Хоть не было. Сгорѣли, заженные снарядомъ или боящимися засады своими же, что еще больнѣй. Фруктовые сады срѣзала, какъ волосы подъ машинку, артиллерія, покончившая и съ лѣсами. Лошадей реквизиовали, а коровъ съѣли. Не оставалось ничего, кромѣ земли, с в о е й земли, но до неузнаваемости перепаханной огнемъ противника.

А крестьяне жили

Жили съ солдатами въ мокрыхъ землянкахъ, жили при госпиталяхъ и штабахъ. Помогали въ дѣлахъ и трудахъ мира и войны тѣмъ, кто былъ сюда пригнанъ помимо воли, кто пришелъ по долгу службы, кто самъ напросился на подвигъ.

Ѣли изъ солдатскихъ котловъ, носили солдатскія обноски, но не покидали родной земли. Земли отцовъ, чьи тѣла покоились тутъ же.

Покоились безпокойно. Ибо всѣ окрестныя кладбища переворошили пушечные залпы.

Они жили.

Умирили старики. Подростки становились юношами. Будни войны были ихъ обычной жизнью. Многіе сложили свои кости вмѣстѣ съ воинами. Остальные выжили. Выждали. Дождались.

Война, и казенная, и гражданская, кончилась.

Откуда - то, изъ глубинъ совѣтчины, черезъ новые рубежи приплутали неузнаваемые бѣженцы. Оставшіеся съ недоумѣніемъ вглядывались въ лица вернувшихся родныхъ, бывлыхъ друзей, бывлыхъ знакомыхъ.

Началось возстановленіе невозстановимаго.

Высокими стогами взгромоздилась на поляхъ скрученная въ гигантскіе мотки колючая проволока. Подобно дровамъ легло въ штабеля слоеное окопное желѣзо. Настоящій плугъ, наконецъ, снова врѣзался въ одичавшую, но жирно удобренную трупами землю.

Заколыхнулась рожь. Зазеленѣли пажити. На южныхъ склонахъ горъ шахматно раскинулись молодые плодовые сады.

Крестьяне, словно гномы, переживавшіе въ землѣ міровую сумятицу, показались снова на свѣтъ Божій и потихоньку занялись своей муравьино - терпѣливой, муравьино - незамѣтной возстановительной работой.

У моего прятеля въ тѣхъ мѣстахъ свой хуторъ. Сейчасъ же у пограничной станціи. Высоко на горѣ, надъ озеромъ, новый домъ, пахнущій тесомъ. Въ домѣ — молодая хозяйка.

Я гошу у него все лѣто, и призраки войны вѣютъ въ моей душѣ днемъ и ночью. Особенно ночью, когда притихаетъ заполняющій землю своей безтолковой сумятицей хлопотунъ - человекъ, и земля царственно - одинока въ лунномъ свѣтѣ. Тогда ея чрево набухаетъ трупами, тяжелый запахъ несетъ по вѣтру, дрожь молодыхъ растений кажется безсильнымъ стремленіемъ ушедшихъ съ земли живыхъ проявить свое бытіе.

Это лѣто было мнѣ не въ отдыхъ.

Попервоначалу воспринималось даже комически военнизированное деревенское житѣе. Ничѣмъ не прикрытая, на пятнадцатомъ году мира, еще шла торговля винтовками, припрятанными съ войны «про запасъ». Германскія цѣнились въ 3 лата, русскія — по два

— Почему?

— Къ русскимъ теперъ патроновъ не достать, а къ германскимъ сколько хошь, — объясняли хозяйственно.

Шли съ пріятелемъ на выгонъ, встрѣтили молодого Нидрюху, сына сосѣда. Обливаясь потомъ, тащитъ передъ собой на груди громадный кругъ чего-то, похожего на жмыхи

— Куда?

— А въ погребъ. Все на чердакѣ ваялось. Надьсь батька говори, не ровень часъ до грѣха. Отъ трубы искра, али спичка. Взорветь!.. Тяжело вотъ только 40 круговъ будетъ.

Оказалось: пироксилинъ.

Перенесли его въ погребъ и живутъ, ничего не опасаясь, словно на пороховой бочкѣ.

У работника Петра только 2 пальца на рукахъ.

— Гдѣ потерялъ?

Разсказываетъ:

— Пахаль это я, какъ надо быть. Снарядовъ въ пашѣ видимо - невидимо, никакъ всѣхъ не выколотать. Наткнулся. Бое-ольшущий! Значить, мое счастье. Выворотилъ остороженько о край поля. Вечеромъ пошелъ разряжать.

— Зачѣмъ? Опасно вѣдь.

— Намъ ничего. Мы привычные Разберемъ, порохъ высыпемъ, потомъ продаемъ. Мѣдь тоже. Вообще заработокъ... Вотъ и пошелъ Сѣлъ на короточки, снарядъ лежалъ промежь ногъ, обхватилъ за головку и давай долбать. Вдругъ какъ ахнетъ! Такъ и поперъ, чортъ, изъ-подъ меня версты на двѣ. И всѣ пальцы на-прочь. Только два осталось. Слава Господу, что всего не разорвало!

Федотъ передаетъ еще болѣе чудной случай. Не знаешь, смѣяться ли вмѣстѣ со слушателями или удивляться героин-

ческой простотѣ сжившагося съ военнымъ наслѣдіемъ землепашца.

Федотъ тоже наткнулся на снарядъ въ полѣ. Отложилъ его къ сараю до поры, до времени. И пролежалъ снарядъ до зимы. Зимой дѣла нѣтъ, а времени много. Отправился Федотъ на разрядку. Открутилъ головку: жидко. Переплеснулось на снѣгъ, задымилось и такое «злое воняніе», по его выраженію, поднялось, что Федотъ не стерпѣлъ, опустил снарядъ на землю, и давай Богъ ноги.

Бѣжить къ избѣ и кричить.

— Бабоньки, не выходите, родныя, не выходите!

Легли на полъ въ избѣ и ждутъ.

Часъ ждутъ, другой. Ничего не слышитъ Федотъ опытенъ. ну, если не взорвало, больше не взорветъ. Подползъ осторожно къ снаряду. шипитъ! Подумалъ, подумалъ и раскупорилъ до конца.

— И знаете что, милые вы мои, — захлебываясь отъ восторга заканчивалъ онъ свой разсказъ: — было въ бомбѣ ровно 8 бутылочекъ жидкости. Розлилъ я ее по бутылкамъ и поставилъ на полку въ кладовку. Тогда только разрѣшилъ своимъ показаться изъ избы.

— Что же это было?

— Удушливая газа.

— И такъ у всѣхъ у нихъ, — сказала мнѣ пріятель. — Спать на порохъ, обложенные нитроглицериномъ. Въ снѣгъ — винтовки. На чердакѣ кой-у-кого пулеметы. Пашутъ по снарядамъ, сѣютъ по трупамъ.

— Знаешь, я не сталъ бы ѣсть ничего, здѣсь выросшаго. Совѣстно какъ-то Людоѣдствомъ отдаеть.

— Пустяки. Сантименты не кстати. Въ концѣ-то концовъ, вся земля одно сплошное кладбище. Мы вѣдь и ходимъ по трупамъ, и живемъ на нихъ. И поло-

ронять насъ тоже надъ кѣмъ - нибудь, во второмъ или пятомъ ярусѣ.

— Всетаки..

— Всетаки, всетаки!.. Прости, но ты, какъ корова, чувствителенъ. Здѣсь, на поляхъ, травы вообще хороши, но есть мѣста, гдѣ онѣ роскошны. Несмотря на это, ни одна корова тамъ травинки не ущипнетъ. Мужики такъ и знаютъ: тамъ, подъ землей, близко, спитъ мертвецъ.

— Мнѣ нравятся коровы.

— Не ожидалъ отъ нихъ такой тонкости?

— Да.

— Можетъ, вы (ты и корова) правы.. Я вотъ тоже все таки радъ, что моя земля не была ареной боевъ. Конечно, была нѣмецкой. Сейчасъ мужики ее зовутъ «Бабя горка».

— Почему?

Причины есть. Было это въ 1917 году. Первый годъ російской свободы. Печальный и тревожный годъ. Три зимы держался здѣсь нашъ фронтъ противъ нѣмцевъ. Даже революція его не пошатнула. Отходъ здѣсь означалъ уходъ всего фронта за Двину. Оставленіе Риги, Двинска, Пскова..

— Такъ въ концѣ концовъ и вышло.

— Да, послѣ Брестъ - Литовска.. Эту исторію рассказывалъ мнѣ очевидецъ, мальчикомъ прожившій всю войну здѣсь, въ окопахъ. Прислали сюда изъ Петрограда женскій ударный батальонъ. Смѣшная и трогательная эта затѣя какой - то Бочкаревой или Кочкаревой, поддержанная нашими ура-патріотами, закончилась здѣсь. Ты можешь себѣ представить, какъ встрѣтили окопники, да еще революціонные, полторы - двѣ сотни ударницъ, пріѣхавшихъ для «подъема настроенія» въ войскахъ. Настроеніе поднялось, только ты знаешь, какое. Ударницъ шпыняли, ругались и

издѣвались всячески. Я не знаю, кто составилъ ихъ кадры. Не думаю, чтобъ жажда приключеній привела ихъ въ окопы. Героизмъ, отвага, примѣръ Дуровой? — можетъ быть. — Интеллигентскій порывъ? — Кто знаетъ.. Вообще ударничество (мужское) сыграло роковую роль въ судьбахъ нашего фронта. Взяли изъ частей лучшихъ воиновъ, лишили отдѣльныя войсковыя единицы стержня, и тѣ поэтому еще скорѣе разсыпались, чѣмъ можно было ожидать.

— Ты началъ объ ударницахъ.

— Да. Въ концѣ концовъ, положеніе ихъ стало невыносимымъ. Проситься въ тылъ было нельзя. Жить съ озвѣрѣвшими окопниками и того невозможно. Тогда онѣ рѣшились на самоубійственный шагъ. Послѣ недолгой артиллерійской подготовки всѣ, какъ одна, выскочили изъ окоповъ и бросились вотъ на ту горку. Какъ видишь, недалеко. Несмотря на убійственный пулеметный огонь, большая часть ихъ добралась до нѣмецкаго окопа. Неожидавшіе стремительнаго удара, нѣмцы отступили. Наши же «сѣряки» озвѣрѣли еще больше. — «Какъ, мы три года сидѣли, только вышей кормили, а бабѣ однимъ махомъ сцапало?.. Не тутъ-то было, такъ ихъ и такъ!» — И ни одинъ изъ окопа не двинулся закрѣпить отнятое. Между тѣмъ нѣмцы подняли тревогу и пустили кавалерійскій отрядъ отбивать потерянное. Ударницы помощи отъ своихъ не получили. Пришлось отступать. За ними погнались нѣмцы. Наши встрѣтили ихъ пулеметнымъ огнемъ. Но стрѣляли, мерзавцы, въ своихъ, въ ударницъ. Ни одна изъ нихъ не вернулась. Всѣ сложили свои кости на этой горѣ.

— Это чудовищно!

— Какъ все. Какъ сама война. Конечно, не всѣ сидѣвшіе въ окопахъ бы-

ли коноводами. Десятокъ - другой отчаянныхъ держалъ въ своихъ рукахъ остальныхъ. Тѣ, совѣстливые, не смѣли пикнуть. А психологія солдата, которому б а б у прислали въ показъ, для примѣра, въ поученіе, — была не за совѣстливыхъ...

Я прервалъ свой отпускъ и вернулся въ городъ ранѣе намѣченнаго срока. Сейчасъ, записывая все это, я снова переживаю унижительное, острое чувство стыда, вины за случившееся, которое овладѣло мной въ деревнѣ, у Бабьей горки.

И записи эти — сырье. Работать надъ этимъ «сюжетомъ» я не могу.

Арсеній Формановъ.

Въ мѣрѣ экзотики.

(Изъ личныхъ впечатлѣній).

Порто-Ново — столица негритянской страны Дагомеи — нынѣ французской колоніи, находится на заливѣ въ 60-ти километрахъ отъ океана. Заливъ пожалуй не шире Волги, кажется рѣкой и тянется далеко на сѣверъ.

Городская жизнь въ Порто-Ново начинается чрезвычайно рано и какъ-то не обычно среди ночи.

Еще свѣтитъ луна, еще звѣзды горятъ, а рыбаки уже большими партіями спѣшатъ къ заливу на рыбную ловлю.

Чтобы тянуть внушительныхъ размѣровъ сѣтъ, надобно 15-20 работниковъ. Рыбаки же одиночки садятся въ пироги и плывутъ далеко — каждый на свое опредѣленное постоянное мѣсто.

Онѣ причаливаютъ въ камышахъ и ожидаетъ проходящаго раннимъ утромъ пароходика. Шумъ колесъ и винта вспугиваетъ рыбу, этого момента рыбакъ долго и терпѣливо ожидаетъ. Быстро закидываетъ сѣтъ и его всегда ждетъ обильный уловъ.

Когда вы проѣзжаете на пароходикѣ, всюду замѣчаете рыбаковъ, расположившихся по обоимъ берегамъ залива, въ почтительномъ отдаленіи другъ отъ друга... Рыбакъ рыбака видитъ издалека. Но здѣсь они избираютъ свои сторожевые посты такъ, чтобы быть непримѣтными другъ другу. Повѣріе у негровъ есть: пойманная рыба, если неподалеку другой ловецъ, своимъ рыбьимъ нѣмымъ языкомъ даетъ вѣсть объ опасности..

Еще въ ночи отправляются большія партіи черныхъ по 50-100 человекъ стлавивать въ воду баржи, которыя чинились на берегу. Или наоборотъ, потерпѣвшія аварію — вытягивать на сушу для ремонта.

Любопытно наблюдать за сей процедурой. Рабочихъ тѣсно устанавливаютъ по обимъ бокамъ баржи. Хозяинъ речитативомъ нараспѣвъ произноситъ какой-то стихъ, рабочіе, глядя ему въ лицо, молча ждутъ.

Хозяинъ взмахиваетъ рукой. Тогда, вся толпа хоромъ, кричитъ троекратно странное гортанное словечко и тянетъ баржу.

Затѣмъ хозяинъ снова напѣваетъ стихъ, а негры неподвижно слушаютъ. Взмахъ руки. Опять троекратный общій крикъ и дружное потягиваніе.

Очевидно, нѣчто вродѣ нашей «Дубинушки» — только примитивное до нельзя. Соло сводится къ повторенію, въ ритмическомъ порядкѣ, какихъ-то фразъ: на одну и ту же ноту, съ постояннымъ одинаковымъ скандированіемъ слоговъ.

«Дѣйство» хозяина и работниковъ продолжается два-три часа, а то и дольше. Пока баржа не будетъ вытащена или спущена на воду.

Первыя минуты вы наблюдаете съ ин-

тересомъ, потомъ начинаете нервничать, черезъ полчаса уже не выносите этого однообразія. Вы чувствуете опасность своего положенія. Вамъ кажется, что скоро вы начнете бѣситься, кусаться, сойдете съ ума.

А компанія невозмутима. Она очевидно слушаетъ съ удовольствіемъ, она своеобразно опьянена, постепенно загорается восторгомъ, входитъ въ экстазъ. Ибо движенія становятся энергичнѣй и настроеніе повышается. Впрямъ: раззуднсь плечо, размахнись рука!.

**

Въ Африкѣ, у экватора, солнце заходитъ круглый годъ въ шесть часовъ вечера. Изсиня черно ночное небо, много ярче, чѣмъ у насъ звѣзды и ночью прохладно, легче дышится, воздухъ свѣжъ и ароматенъ. Пахнутъ экзотическіе цвѣты, унизывающіе макушки диковинныхъ деревьевъ, пахнутъ всякія травы, пахнетъ сама земля — красная, скорѣе похожая на утрамбованный кирпичъ.

Когда солнце уже высоко на небѣ, жара становится нестерпимой. Есть выраженіе «ледяное дыханіе» — здѣсь противоположность. Вамъ представляется, будто всюду и вездѣ понатыканы невидимыя доменные печи съ открытыми жерлами, черезъ которыя льется расплавленный металлъ... Пышетъ жаромъ. Если вы несетесь въ автомобилѣ, васъ хлещетъ къ лицу — точно крапивой обжигаетъ. И съ непривычки кожа зудить.

Жестоко, а не благословенно солнце у экватора, его лучи убиваютъ европейца, забывшаго надѣть специальный пробковый шлемъ. Достаточно нѣсколькихъ минутъ — и солнечный ударъ. Смерть или полная потеря памяти. Шлемъ обтянуть бѣлой парусной, внутрн красной подкладкой, а на козыркѣ зеленой.

Онъ нейтрализуетъ ультра - красные и инфра - фіолетовые невидимые лучи солнечнаго спектра, дѣйствующіе губительно. Вѣчно вы въ плѣну у солнца, вы рабъ, а шлемъ вамъ представляется грей, привязанной къ ногѣ у каторжника.

Человѣкъ существо, одаренное свободной волей. Но у экватора она у васъ ограничена. Вы уже надъ собой не самодержавный монархъ, а примирились съ конституціоннымъ образомъ правленія.

Вы не можете спать свободно, гдѣ хотите. Кровать должна быть снабжена сѣтчатымъ пологомъ, предохраняющимъ отъ укусовъ комаровъ, распространяющихъ болотную малярію, мухи «Це-це», несущей сонную болѣзнь и другихъ страшныхъ тропическихъ насѣкомыхъ.

Возбраняется носить туфли или легкую обувь. Въ раскаленной земляной пыли водится миниатюрный, невидимый простымъ глазомъ клещъ «шикъ». Онъ легко проникаетъ сквозь парусину, носокъ, чулокъ и впивается въ человѣческую подошву. Внѣдрившись подъ кожей «шикъ» начинаетъ расти, достигая величины горошины или вишни и его надо удалять мучительнымъ болѣзненнымъ путемъ.

Вы должны пить только кипяченую или профильтрованную воду — иначе наглотаетесь дизентерійныхъ «амебъ».

Вы обливааетесь нестерпимымъ потомъ, буквально плавааетъ въ собственномъ соку. Утренній и вечерній душъ освѣжаетъ на полчаса. Не скрыться, не убѣжать отъ жары... Вдругъ среди бѣла дня, проходя по улицѣ или по дорогѣ, вы чувствуете дурноту, темнѣетъ въ глазахъ и въ безсиліи опускаетесь на какой -нибудь камень, или прямо на землю. — Не смерть-ли? — мелькаетъ мысль... Ко-

нечно не смерть, но не всегда она мнлуеть.

На каждомъ шагу сторожатъ всяческіе memento mori. Въ лѣсахъ, а лѣсъ тутъ же за чертой города — удавъ — конструкторъ, опоясывающій жертву желѣзными объятіями. Всюду ядовитыя змѣи, отъ укуса которыхъ спасаетъ немедленное впрыскиваніе вакцины. Въ рѣкахъ и озерахъ кишмя кишитъ крокодилами — купаться Боже упаси. Въ океанѣ — акулы. Въ жилищахъ заводятся огромные волосатые пауки, въ нѣскольکو разъ больше тарантулы, подпрыгивающіе на полтора метра отъ земли. Иные пауки безвредны, но пугаютъ европейца, какъ кошмарное страшилище, другіе очень опасны...

И европейецъ, живущій въ тамошнихъ краяхъ — вѣчно на чеку, вѣчно онъ долженъ имѣть при себѣ аллегорически своего рода маску отъ удушливыхъ газовъ, ибо тенета, капканы, западни разставлены на каждомъ шагу...

Природа къ негру сравнительно благоволяетъ. Они ходятъ съ непокрытыми головами, а негрятки часто даже головы бреютъ (мода). Негра не беретъ желтая лихорадка. Чума, сонная болѣзнь, малярія, проказа — его жестокіе враги. Но первобытнаго младенца оберегаетъ бѣлая раса. Наши доктора жертвуютъ своими жизнями за черныхъ людей.

Туземцы, нѣтъ словъ, сущіе младенцы и культуру воспринимаютъ навыворотъ. Привилегированныя профессіи — писаря, больничные служителя, приказчики — въ тропическую жару, не рѣдко носятъ крахмальные воротнички и щеголяютъ въ лакированныхъ туфляхъ на босу ногу. Франты въ медвѣжьихъ угляхъ покупаютъ поношенные фраки — оказьонъ и надѣваютъ ихъ на голое тѣло. Мосье — безъ брюкъ и даже безъ

кальсонъ, но во фракъ — предметъ зависти. Тронутая культурой негрятючка сшила себѣ ситцевую кофточку и юбку, но садясь на скамейку, подкалываетъ юбку булавкой повыше — до пояса. И забываетъ потомъ про булавку, шествуя по улицѣ съ оголенной Мадамъ Сижу.

Не только въ селахъ, деревняхъ, но даже въ городахъ правовѣрные язычники стараются хоронить своихъ мертвецовъ въ своихъ хижинахъ и крадутъ изъ госпиталей трупы, зараженные чумой. Ъдятъ сплошь да рядомъ дохлятину съ большимъ удовольствіемъ. Подавляющій процентъ населенія исповѣдуетъ религію фетиша, т. е. любой вещи. Будто колода, сломанная игрушка европейскаго ребенка, придорожный пенъ. У кумиренъ — жалкихъ глиняныхъ мазанокъ или камышевыхъ шалашей — фетиши понатыканы у входа: камни, облитые желтымъ воскомъ, палки омотанныя соломой, чурбаны, на коихъ вырѣзаны намеки на человѣческую или звѣриную голову.

Когда фетишъ приказываетъ, правовѣрный язычникъ пойдетъ на все. Во французскихъ и бельгійскихъ колоніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ европейскіе суды и законы — существуетъ также свой туземный кодексъ. Негритянскіе короли, предсѣдатели трибуналовъ (есть и такіе) и первые министры — голые люди съ суковатыми палками, — законодательствуютъ по свойски. Подсудимый не долженъ ждать пощады — его казнятъ за проступки, его безчеловѣчно убиваютъ послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ, или обрекаютъ на «судъ фетиша». Заставляютъ выпить ужасающую смѣсь изъ различныхъ ядовъ. Умереть — виновень, выживетъ — невинень.

Негритянскіе короли, а они безчисленны — настоящіе царьки и властители. Они подчинены европейцамъ, но руково-

дять туземцами. Внутренній распорядокъ жизни находится въ ихъ веденіи. Напримѣръ, существуетъ всеобщая трудовая повинность: каждый совершеннолѣтній негръ обязанъ 7 дней въ году работать на колоніальныя нужды. И рѣдкій негръ не старается всячески увильнуть отъ этой повинности. Только короли способны вербовать работниковъ. Только короли поддерживаютъ въ населеніи извѣстную дисциплину. Войско играетъ меньшую роль, ибо войска въ колоніяхъ черныя. Дагомеяцы отправляются въ Сенегалію, а сенегальцы въ Дагомею. Разныя племена враждуютъ между собой, говорятъ на разныхъ языкахъ. И потому дагомеяскіе солдаты въ Сенегалии ненавидятъ мѣстное населеніе и не умѣютъ съ нимъ объясниться. Черное войско всегда чуждо и враждебно населенію — такова система колоніальной политики.

Европейцы насаждаютъ культуру. Идетъ ожесточенная борьба за жизнь.

Осушаются болота, разсадники малярии, истребляются крысы, переносчики чумы, поголовно вакцинируется населеніе противъ сонной болѣзни. По всѣмъ фронтамъ борьба съ желтой лихорадкой, сифилисомъ проказой... Прокладываются черезъ непроходимыя дебри прекрасныя шоссеыныя и желѣзныя дороги, строятся мосты, дамбы, элеваторы, пристани, заводы, города. Голая негрятинская семья иногда въ своей жалкой лагучѣ имѣетъ примусъ, на которомъ варить и жарить ѣду... Населеніе внѣшне восприняло кое-что отъ культуры, сохраняя доисторическіе уклады жизни за 10.000 лѣтъ назадъ.

Только по приказу европейцевъ издревле голые люди надѣваютъ пояски на бедра, а въ дебряхъ ходятъ въ чемъ мать родила, не испытывая ни малѣйшихъ нюансовъ стыда... Дѣти въ горо-

дахъ посѣщаютъ школы, но, окончивши ученіе, — превращаются опять въ первобытныхъ дикарей.

Хотя все постольку — поскольку. Палка о двухъ концахъ. Сотни негровъ уѣзжаютъ въ Европу, слушаютъ лекціи въ Сорбоннѣ, состоятъ студентами Оксфордскаго университета, защищаютъ диссертациі. Негры часто проявляютъ большія способности въ музыкѣ и коммерціи.

Европеецъ, очутившись на экваторѣ среди африканскихъ негровъ, поражается антиподностью понятій и быта. Но присматриваясь внимательно и изучая, мучится сомнѣніями.

— Гдѣ же правда?... Наши достиженія, взлеты къ небесамъ и побѣды?... Или счастье въ первобытности?... Нетронутые культурой негры, пожалуй, прототипы нашихъ прародителей въ раю. Сплошные Адамы и Евы съ ихъ чадами и домочадцами.

**

Чудны тропическія африканскія ночи, когда въ прохладномъ воздухѣ застыли кокосовыя пальмы, а величавый густолиственный баобабъ — царь деревьевъ — смотрится шатрообразной макушкой въ далекія звѣзды... Тьма живетъ. Среди свѣтлячковъ, среди мириадовъ насѣкомыхъ — носятся бабочки съ гигантскими крылышками и жуки, шумящіе, какъ пропеллеръ. Разное ночное играетъ хороводы или охотится на меньшого брата.

Кричатъ диковинныя птицы, шуршатъ крыльями летучія мыши. Писки, вскрики, стрекотанье, звоны, свисты — тьма живетъ. Съ непривычки, пожалуй, жутко, а привыкнешь — упиваешься.

— Тиха украинская ночь! — плѣз Пушкинъ. Въ экваторіальныхъ странахъ

такія слова кажутся парадоксомъ. Шум-на здѣсь ночь.

Но зато днемъ можно наслаждаться идеальнѣйшей тишиной — Европѣ не снившейся и разнящейся отъ европейской такъ, какъ просто пустота не все едино, что «торичелева пустота».

Но негръ ночью спитъ. Вы не встрѣтите любовныхъ парочекъ, скрывающихся въ тайникахъ лѣса отъ людскихъ взоровъ. Первобытный негръ близокъ къ природѣ и не нуждается въ любовныхъ ухищреніяхъ. Онъ любитъ просто, безъ выкрутасъ, какъ пѣтухъ курицу, какъ конь кобылу, слонъ — слоницу, крокодилъ — крокодилицу. Голые люди не знаютъ любовнаго стыда, эмоціи у нихъ совсѣмъ инныя и половое влеченіе построено на иныхъ основаніяхъ. Лицезрѣніе голаго тѣла не внушаетъ имъ вожде-лѣнія. Мы же равнодушно глядимъ на женскія губы. Африканская любовь это — два полюса, два міра, двѣ крайности. Два электричества — положительное и отрицательное.

Спать ночью голые люди въ чемъ мать родила. И въ городахъ, гдѣ по требованію европейцевъ, взрослые опоясываютъ чресла, — во время сна скидываютъ ихъ презрительно. Кожа свободно дышетъ, лунные лучи любовно ее ласкаютъ — вѣдь луна покровительница всякой наготы и вожде-лѣнія. Спать голые люди — мужчины, женщины вмѣстѣ и стыда не знаютъ. Хотя во снѣ чело-вѣкъ не можетъ координировать своихъ движеній и невинно принимаетъ самыя безстыдныя позы.

И только не спятъ негры, когда по какому-нибудь случаю, по какому-нибудь предлогу ради какихъ-нибудь праздниковъ, событій, свадебъ, похоронъ — происходятъ пиршества.

Тогда напролетъ до утра море разливанное. Цѣлый кварталъ пируетъ. Люди

сидятъ прямо на землѣ или на цыновкахъ. Пьютъ одурманивающее туземное вино, пожираютъ мясо - зачастую дохлятину, пляшутъ въ изступленіи подъ звуки «тамъ-тама», или пѣсенъ, сотканыхъ изъ обилія гортанныхъ звуковъ.

Важно, съ библейскимъ достоинствомъ возсѣдаютъ старики, глядящіе не въ будущее, а въ пропасть минувшихъ тысячелѣтій. Дряхлыя матроны щеголяютъ высохшими грудями — треплящимися морщинистыми мѣшками. Ихъ тѣла жалки, безобразны, онѣ худы, какъ скелетъ, кости впавшихъ ягодицъ срамно выступаютъ. Но бабушка пользуется почтеніемъ, какъ у насъ безногій инвалидъ войны. У старухъ не военныя доблести, а свои заслуги: дѣти, внучата, правнучата. Онѣ горды сознаніемъ, что являются родоначальницами поколѣній.

Одинъ музыкантъ бьетъ камнемъ по бутылкѣ, другой колосникомъ по заржавленной кастрюлѣ, найденной на свалочномъ пунктѣ, третій ударяетъ полѣномъ о полѣно... Молодежь неистово пляшетъ «тамъ - тамъ». Мелькаютъ въ молниеносныхъ движеніяхъ черныя тѣла. Упругія женскія груди недвижимы, точно выточенныя изъ мрамора. Въ дикой пляскѣ выбрасываются и разбрасываются во всѣ стороны руки и ноги, голова болтается - мотается, простодушно невинно вытаращиваются голые зады.

Молодые дѣвушки демонстрируютъ танецъ живота, который вокругъ пупка вращается со скоростью многихъ метровъ въ секунду.

И мужчины лицезрѣютъ оголенные пупки такими глазами, какъ мы разсматриваемъ женскія брови.

Взрослые младенцы — какъ завидуешь имъ!.. Да, невинная непосредственная первобытность, пожалуй, и есть древній рай прародителей. А изгнаніе изъ рая — уходъ отъ нея.

Человѣкъ по гласу змія — т. е., культуры — вкусилъ отъ древа познанія добра и зла.

Человѣку открылись глаза и рай кончился.

В. Унковскій.

О Р Ф Е И

ПЕРЕВОЗЪ № 12.

Учредитель С. Шаршунъ

Текстъ Гингера и Шаршуна

ТЕКСТЪ С. Ш.

1) НА ДАЧЬ ВЪ БУЛОНСКОМЪ ЛѢСУ

Жаворонокъ - воспѣваетъ Лоншанскій ипподромъ.

Всѣ авто Булонскаго лѣса «въ женскихъ рукахъ».

Скошенное поле — пахнетъ берегомъ океана.

Пирамидальный тополь — праща, размахнувшаяся птичкой.

Въ самой чащѣ лѣса — табунъ авто.

Нотный листъ, небоскребаго дома, на фонѣ лѣсистой горы.

Оглянулся, стараясь избѣжать велосипедиста, но не найдя его... и слыша, что онъ настигаетъ — испугался еще больше... пока, наконецъ, уже потерявъ чувство ориентации, съ ужасомъ... и одновременно, уже съ появившимся удивлениемъ — не наступилъ на него.

Онъ ѣхалъ подо мной: подземная водосточная труба.

Кусочекъ дубовой коры — оказался съ крылышками и прыгунчикъ.

Птичка — изошла передъ деревомъ въ сальтормотальномъ реверансѣ.

Старается превратить свой авто — въ церковный органъ.

У дуба болитъ голова — повязалъ на лобъ укусную повязку.

Какъ противорѣчатъ эти сплюснутые, вытянутые, сухіе, стрѣляющіе горизонтами — автомобилей: вертикалямъ всего живого, дышащаго, питающагося, тянущагося къ солнцу!

2 растения — въ позѣ дерущихся пѣтуховъ.

Садовникъ — солить молодую зелень.

Дроздъ — разразился поносомъ черезъ гортань.

2) МРАМОРНАЯ ЛѢСТНИЦА СЕНА

Баржа водяной мавзолеей... всплывшій гробъ капитана Немо.

Моторная баржа — мелкими прыжками подымается по хрустальнымъ ступенямъ.

Торжественный, металлическій звонъ — пароходнаго гудка.

Сена: мраморная, парадная лѣстница *Le de France*.

Порожня, моторная барка — безопасно брэнчить на банджо.

Все тѣ-же, вѣчные, неизмѣнные уюты — разглаживающіе Сену.

Гигантъ - невидимка: катится по рѣкѣ на конькахъ Нурмисъ.

Сена сдвинутая, нерасправленная клеенка.

Свѣтовой сталактитъ — по мосту перешелъ рѣку.

Непрерывное слѣдованіе — черныхъ, траурныхъ саркофаговъ по стеклянной, макадамовой дорогѣ, сквозь игольное ушко Сюрэнскихъ шлюзовъ — на кладбище.

Носъ «неналитой» баржи — торчитъ изъ воды, старымъ башмакомъ.

Парусъ — перепонка, съѣденнаго на-сѣкомымн, листа.

Парусъ — золова арфа, ширма ку-пальщицы.

3) ПОПУРРИ

Просморкаинные платки — хрустятъ, какъ повѣшенное на морозъ мокрое бѣлье.

Кукуреку — пропѣлъ водопроводъ.

Очкамы, какъ Архимедъ — возжигаютъ пламена въ небѣ.

Стѣна одиночнозаклученнаго — игральная доска, шашки которой, дырки отъ гвоздей — передвигаются подъ давлениемъ моего взгляда

Апельсиновая корка, изъ подъ ногъ — трусливо юркнула къ стѣнѣ.

Гермафродитъ. у него набухаетъ женский сосокъ на шеѣ.

Отъ испуга — даже не разобралъ слово, пронзенное дверью.

Съ мокротой — выплюнулъ клопа.

Пупыря (упырь), волдырь изъ русскихъ пѣсенъ (пшсемъ):

Но я въ другого влюблена и буду ввѣкъ блѣдна

Тутъ бѣдный нашъ Евгений.

Схвативъ въ охапку

Шапъ и кухавку о сырую землю, — скорѣй безъ памяти домой.

На мгновенье — фонарь сверкнулъ сквозь грудь встрѣчнаго.

Отъ прикосновенья моего тѣла, стѣнка — дверь вагона. конвульсивно сжалась, растянулась, стараясь выскользнуть.

Бритая улица.

ТЕКСТЪ А. Г.

1.

Въ Марселѣ, въ Старомъ Порту
Мы никого не боялись:
Дѣти за насъ держались.
Кто-жъ обидитъ чету
Съ маленькими сынами!
Арабы слѣднили за нами
Глазамн,
Бритва въ карманѣ.
Изъ публичныхъ домовъ
Выходили въ пенюарахъ
Много молодыхъ и старыхъ
Женщинъ безъ сыновъ.
Въ Старомъ Порту, въ Марселѣ
Тебѣ не поможетъ кулакъ,
А пистолеть — еле-еле.
Эхъ, холостякъ..

2.

И какъ бы нѣмо или гугниво
Ни проходила жизнь моя,
Солдата и его огнива
Навѣрно не забуду я.
И помню, были три собакн
Съ глазами разныхъ величинъ.
Передникъ вѣдьминъ у рубакн,
И не бонтя нижній чинъ.

3.

Большую часть моей жизни я трачу на сонъ.
Окружающе говорятъ, что я
Позорно уклоняюсь отъ борьбы.

Они упрекаютъ меня
За крайнюю слабость моей воли
И за мою бездѣйственность.
Меня жалѣютъ и презираютъ.
Но я знаю, что я силенъ.
Я ВИЖУ ТЕБЯ ВО СНѢ
И ТЫ СО МНОЙ.
Мнѣ не надо быть любимымъ тобой,
Но мнѣ надо любить тебя.
Моя любовь къ тебѣ — моя сила.

4.

Мы были смущены до глубины послѣд-
ней
Киргизской пѣсней. Волновались мы.

5.

Намъ говорятъ, что воздухъ городской
Дыханіемъ фабричнымъ отравляемъ,
И мы охотно городъ оставляемъ
Для дивныхъ горъ и свѣжести морской.
И ежегодно скопы богачей
Трехмѣсячный препровождаютъ отдыхъ
Въ цѣлебныхъ грязяхъ и на кислыхъ
водахъ
У лѣкаремъ предписанныхъ ключей.
Надѣявшійся облегчить недугъ
Помогъ ли переутомленнымъ легкимъ
Вмѣшательствомъ поверхностнымъ и
легкимъ
Курортныхъ дней и минеральныхъ
скукъ?

6.

Пишу безошибочно по всѣмъ орфогра-
фіямъ,
По старой, по новой и какъ у эсъ-эровъ:
Съ ятями — съ ерами; безъ еровъ —
безъ ятей;
И съ ятями, но безъ еровъ.

7.

Это стихи безъ метра. Ночью
Я видѣлъ очень хорошей сонъ.

Я сказалъ ей что-то пріятное,
И у нея посвѣтлѣли глаза:
Неужели ты меня такъ любишь?
Жаль, что часто сны лучше яви,
А можетъ быть это хорошо.
Сонъ — сокровенная жизнь,
Святая у человѣка
И недоступная пересказу.
Стихи безъ метра безсильны и блѣдны.
Скупыми словами говорить богатая ду-
ша.

Вѣдь наши дни нищенски трепещутъ,
Въ нихъ есть ритмъ и нѣтъ размѣра,
Точно въ стихахъ безъ метра.

8.

Когда писать о сметри захотимъ,
Тогда вскричить сердечной муки ко-
четь;
Метнется сердце, вѣрять не захочетъ
Что мы и впрямь въ пространства уле-
тимъ.

9.

Насъ поджидаетъ счастье за угломъ.
Туда бы намъ, какъ пчеламъ на пыль-
цу!
Не можемъ знать, что обогнувши домъ
Мы встрѣтились бы съ нимъ лицомъ къ
лицу.

10.

Терапевтическая сила
Стихотвореній, ты меня
На воздухъ часто выносила
Изъ омота или огня.

Китайская поэзія.

Въ предлагаемыхъ вниманію читателя
переводахъ представлены китайскіе по-
эты самыхъ различныхъ эпохъ, начиная
съ XII-го вѣка до Р. Х. Больше другихъ
преставленъ Ли-Тай-Пе, величайшій ки-
тайскій лирический поэтъ, жившій въ

VIII вѣкъ и причисленный по смерти къ сонму боговъ. Пользуясь нѣмецкими, французскими и англійскими подстрочными и поэтическими переводами, я предпочелъ перевести эти стихи въ прозѣ, надѣясь все же сохранить часть ихъ внутренняго дыханія.

Нѣкоторые изъ стиховъ, едва ли не наиболѣе старые, звучатъ, какъ если бы они были написаны въ наши дни. Это и не столь удивительно: настоящая лирика менѣе всѣхъ другихъ видовъ поэзии зависитъ отъ «современности». Она несетъ въ самой себѣ элементы, не разрушающіеся со временемъ.

Г. Р.

Осень.

Въ горахъ уже начинаютъ кружиться мертвые листья.

Проводи меня, поднимаемся на эту башню...

Мы увидимъ сѣрыя тучи съ моря, разорванныя вѣтромъ, и осень опечалитъ насъ.

Татарскія полчища появились на границахъ Гоби.

Вотъ возвращается ханскій посоль...
Вотъ онъ входитъ въ ворота Ю-Мень

Суждено ли намъ увидѣть всѣхъ тѣхъ, кого зоветъ война?

— Зачѣмъ же ты такъ благоухаешь, осенняя роза?

Горный хрусталь.

Если смотрѣть на луну сквозь горный хрусталь, видишь одну только воду.

Кто послалъ намъ этотъ прозрачный камень?

— Но кто далъ тебѣ эти слезы, сквозь которыя ты смотришь на меня, не различая моего смятенія?...

Нанкинъ.

Городъ, видѣвшій зарождеііе, расцвѣтъ и смерть шести царствъ, трижды осушаю я чашу въ твою честь. Эти стихи — во славу тебѣ!

Цвѣтушіе твои сады не столь велики, какъ въ свѣтлой странѣ Тсинъ, но хоты твои нѣжныѣ и округлѣ Лойанскихъ горъ.

Нѣкогда здѣсь возвышался великолѣпный дворець богдыхана V... Теперь на томъ мѣстѣ трава колышется на ровной землѣ.

Что осталось отъ дворца Чинъ, могущественной, грозной династіи?.. Развадины — въ нихъ трещать цикады.

Люди и годы проходятъ, какъ воды Янцекіанга, которыя я созерцаю.

Наводненіе.

Ледяной вѣтеръ съ корнемъ вырываетъ деревья. Вода въ рѣкѣ все подымается. Уже не различить ни горъ, ни равнинъ: все слилось съ водой и туманомъ.

Но у меня еще цвѣтутъ послѣднія ея хризантемы.

Когда ты будешь плыть мимо, другъ, останови лодку, и посмотри на нихъ

Ихъ горячія краски разольются по твоимъ мыслямъ.

Горестная пѣсня.

Государь, ты предлагаешь намъ вина. Но подожди, пусть не тотчасъ разольются его по чашамъ.

Я хочу спѣть тебѣ пѣснь горя.

Вотъ часть, когда пирующіе не такъ веселы, когда смѣхъ звучитъ нерѣшительнѣ, когда танцовщицы шатаются отъ усталости, когда маки роняютъ свои лепестки...

Вотъ единственный часъ, когда мое сердце говоритъ искренне.

Государь, у тебя есть дворцы, доблестные войны и ароматное вино... У меня же только моя лира, которая поетъ горькія пѣсни въ часъ, когда маки роняютъ свои тепестки.

Въ этой жизни у насъ есть одна лишь увѣренность: смерть.

Эти уста, которыя мы цѣлуемъ, будутъ нѣкогда наполнены землей, эта лира, что дрожить подъ моими пальцами, будетъ служить лѣсенкою въ курятникѣ.

Тигръ скачетъ въ долину, гдѣ нѣкогда плавала рыба мангъ, кораллы покрываютъ разсѣлины скалъ, гдѣ расцвѣтали фіалки.

Слышите вы, какъ тамъ, на горахъ, бѣлыхъ отъ луны, слышите вы, какъ плачутъ и воютъ обезьяны, сидя на короткахъ у покинутыхъ могилъ?..

Теперь, государь, прикажи наполнить чаши.

Пѣсня Богомъ.

Всю душу вложилъ я въ пѣсню, которую пѣлъ людямъ, — и они смѣялись!..

Я взялъ лиру, взобрался на самую высокую гору — и спѣлъ богамъ пѣсню, которую не поняли люди.

Солнце садилось. Въ тактъ моей пѣснѣ боги плясали въ красныхъ облакахъ, летящихъ по небу.

Последняя встреча.

Ты уронила въ пыль красный тюльпанъ, который я тебѣ далъ.

Я подобралъ его. Онъ сталъ совсѣмъ бѣлымъ.

Въ это короткое время мгновение снѣгъ выпалъ на нашу любовь.

Времена года.

Весна Въ долину Тсинъ, у звонкаго ручья, дѣвушка собираетъ гранатовые

цвѣты. Ея руки, какъ бабочки, въ зеленыхъ вѣтвяхъ

Всадникъ остановился и смотритъ, она говоритъ ему: «Твой конь слишкомъ долго топчетъ копытами траву».

Лѣто. Озеро Кингъ — Хоу, объемомъ въ триста Ли, — огромная водяная лилія. Въ тѣни ивы сидитъ задумавшись дѣвушка. Возлѣ нея молодой паромщикъ нетерпѣливо ждетъ, чтобы удалились случайные прохожіе.

Осень. Вѣтеръ разноситъ въ желтые сумерки стукъ вальковъ женщинъ, стирающихъ бѣлье въ рѣчкѣ.

Столбъ крутящихся листьевъ заставилъ повернуться спиною идущую женщину. Она идетъ, опустивъ голову.

Я читаю ея мысли: когда-то будетъ миръ? Когда-то вернутся мой мужъ, мой любимый?

Зима. Гонимъ отправляется на границу. Всю ночь ему шили теплыя одежды. Красивые пальцы работали иглой и холодными ножницами, совсѣмъ похолодѣвшими къ разсвѣту.

Долго скакать ему до Линъ — Тао.

Зима.

Эта снѣжинка огромныхъ размѣровъ оказалась бѣлой чайкой, слетѣвшей на синее озеро.

Неподвижная, на самомъ краю песчаной отмели, птица смотритъ на приближеніе зимы.

Повелитель.

Жадный до славы и до завоеваній, полководецъ не слышитъ криковъ народа.

Женщины взялись за мотыгу и плугъ, — но сорныя травы заглушаютъ всходы.

Повсюду война, истребленіе. Солдаты ропщутъ: они дошли до того, что ро-

ждение сына для нихъ — бѣдствіе: они знаютъ, что въ цвѣтѣ юности онъ будетъ убитъ.

На берегу лазурнаго моря, развѣ не видѣлъ ты, повелитель, кости стотысячъ храбрыхъ, оставшихся непогребенными?

Въ вѣтрѣ, летящемъ съ востока, развѣ не слышалъ ты жалобы ихъ безутѣшныхъ душъ?..

Судьба.

На смѣну огненному лѣту приходитъ печаль осени. Снѣжныя поля смѣняются цвѣточными полями.

И только солнце — въ часъ восхода, или въ часъ заката — остается огромной розой.

Смерть дѣлаетъ человѣка горстью земли, которая зарастаетъ травой.

И я знаю, отчего дыханіе наше — одинъ лишь непрерывный вздохъ.

Война.

Снова осень, снова враги спускаются съ плоскогорій, готовясь къ набѣгу на нашу родину.

Прозвучали боевыя трубы, скоро уже наши воины выступятъ за Великую Стѣну и останутся только въ пустынѣ.

Тамъ, вдали, при свѣтѣ равнодушной луны, будутъ они дрожать отъ холода въ часъ, когда роса покрываетъ сабли и доспѣхи.

Женщины, не плачьте!..

Вамъ придется бы плакать слишкомъ долго.

Пѣсня.

Ты говорилъ мнѣ: «Мы состаримся вмѣстѣ. Наши волосы побѣлѣютъ въ одно время, какъ снѣгъ на горахъ».

Но вотъ нынче я узнала, что ты лю-

бишь другую женщину. Я пришла проститься съ тобой. Мнѣ грустно..

Въ послѣдній разъ наполнимъ чаши виномъ. Въ послѣдній разъ пой мнѣ пѣсню о мертвой птицѣ подъ снѣгомъ, а потомъ я уйду и сяду въ лодку на рѣкѣ Ю-Хеу, чьи воды, раздѣляясь, текутъ на востокъ и на западъ.

Зачѣмъ вы плачете, дѣвушки, выходя замужъ?..

Вѣдь можетъ быть вѣрный вашъ мужъ тоже скажетъ вамъ: «мы состаримся вмѣстѣ..»

На отъѣздъ друга.

Я не могъ удержать вчерашней радости, мнѣ не прогнать сегодняшней печали.

Перелетныя птицы пересѣкаютъ небо. Онѣ борются съ осеннимъ вѣтромъ.

Я наполняю стаканъ — и смотрю вдаль.

Я думаю объ ушедшихъ великихъ поэтахъ, я вспоминаю ихъ стихи. Да, и я, быть можетъ, способенъ былъ бы написать высокіе стихи, если бы только могъ парить въ звѣздномъ небѣ.

Напрасно я пью, мнѣ не утопить горечн.

Здѣсь, въ этомъ мірѣ, когда не все идетъ по нашему, надо, какъ ты, броситься въ лодку — волосы по вѣтру, — и отдаться морю.

Пѣсня.

Онъ самый сильный, онъ самый храбрый, онъ самый прекрасный изъ воиновъ, тотъ, кого я люблю.

Но, вотъ армія движется къ востоку.

Я распустила волосы, чтобы вѣтеръ съ востока ласкалъ ихъ.

Мнѣ невыносимо солнце, луна, звѣзды. Я люблю теперь только большіе зимніе

дожди — но напрасно молю я ихъ за-
лить пожирающій меня огонь.

Я знаю, гдѣ могла бы сорвать цвѣ-
токъ, дающій забвеніе... Запахъ его до-
летаетъ ко мнѣ. Но я закрыла двери. —
Я хочу страдать: если бы я такъ не стра-
дала, я была бы дальше отъ любимаго.

Перевелъ Георгій Раевскій.

Дневникъ Аполлона Безобразова.

Посв. Д. и Н. Татищевымъ.

★

Кто твой учитель пѣнія... Тотъ, кто
вращается по эллипсу. Гдѣ ты его уви-
дѣлъ... На границѣ вѣчныхъ снѣговъ.
Почему ты его не разбудишь... Пото-
му что онъ бы умеръ. Почему ты объ
немъ не плачешь... Потому что онъ
это я.

★

Безконечность судебъ облака. Все
легко, что касается звуковъ. Посылаетъ
башня лучи. Ты жъ молчи посылаемый
въ бездну.

Тихо въ сердцѣ воздушныхъ шаровъ.
Солнце грѣетъ открытыя окна. На гра-
ницѣ иныхъ міровъ дирижабль души
скользитъ.

★

Кто тамъ со страннымъ флагомъ? Не-
помнящій. Кто тамъ упавшій навзничъ...
Неслышачій. Кто тамъ напоминающій
зимнее солнце, закутанный въ мысли,
неизвѣстный, не нашедшій себѣ примѣ-
ненія; чего онъ ждетъ... Обратнаго по-
ѣзда... Возвращенія.

★

Голоса медузъ и время, тѣнистые го-
дышумъ водопада и руки въ землѣ по-
гребенныхъ статуй и огромные тѣни

аэростатовъ, все забудется, все позабу-
детъ вернуться... Сонъ... Такъ падаетъ
ручка изъ рукъ.

★

Какъ все это было давно. Какъ все
минуло прежде чѣмъ мысль появилась
сама о себѣ. Птицы падали въ бѣлой
одеждѣ, бесконечно прекрасны и страш-
но покорны судьбѣ.

Эти бѣлые льды появились давно. Мы
не видѣли ихъ, что таились средь розъ.
Это на нихъ пѣлъ тотъ соловей, тотъ
таинственный голосъ за сценой, за ко-
торымъ покинули жизнь наши лучшія
мысли о счастья.

★

Отъ высокой жизни березы только
листья остались въ морѣ. Берега поза-
были воду, пароходъ позабылъ приро-
ду. Дачи хлопаютъ крыльями крышъ.
Птица чайка летитъ на сѣверъ. ПUTE-
шественникъ тамъ замерзъ, можно
съѣсть его нѣжный голосъ... Руки моря
кажутся бѣлыми... они указываютъ въ
воздухъ.

★

Былъ страшный холодъ, Трескались
деревья. Во рту сердце перестало
биться. Луна стояла на краю деревни
лучомъ пытаясь отогрѣть темницы.

Все было дико, фабрики стояли, трам-
ваи шли обледенѣвъ до мачты. Лишь
вдалекѣ на страшномъ разстояніи, взды-
халъ экспрессъ у черной водокачки.

Все было мнѣ знакомо въ черномъ
домѣ. Изобрѣтатели трудились у воро-
нокъ и спалъ одѣтый, въ неземной
истомѣ, въ гусарскомъ кителѣ, боль-
ной орленокъ.

★

Дали спали. Безъ сандалій, крался
нищій въ вѣчный городъ. Въ башняхъ

матери рыдала. Часового жалить холода.

В храмах на ночь запирали отражения планет. Руки жесткие стирали лица дивные монеты.

Чу, вдали сверчек грохочет. У подземных берегов, там Христос купался ночью в море полном рыбаков, и душа легионера поднимаясь к высотам миро льющую Венеру, видела, как Его ногам.

Тихо бронзовые волки смотрят пристально на звезды. В караульном помещении угли тлеют в камельке. А в огромном отдалении к Вифлеему вихомолку поднимается на воздух утро в бронзовом вьнке.

*

Знамя рвется в бой. Человек рвется к Богу. Аэростат золотой самь собою нашел дорогу.

Выше ближе к страшной грозь. Все легко что касается музыки. Ничего земного не жаль. Все равно уходящим в даль. Голоса превращаются в сталь.

*

Погасающее солнце было покрыто мухам и водорослями, и безильные его колесницы не могли уже страшными звуками отогнать полуночных птиц. Все кончалось вечными муками уже потерявшей надежду зари. Тихо в гробы ложились цари. Они читали газеты. Пала молча рука на бумагу. Ноги звезд уходили в подземную тину. (Кто раздавить лягушку, на небе убьет облако). Но если-бы он знал, как сонливость клонить нестерпимо, он бы сам умерь от грусти, в осеннем хрусте.

*

Кромь того, там была еще идея жизни и идея времени (обь столь ужасная, что обь нихь стоит упоминать) и другая подводная анемона окруженная звуками.

Безостановочно скользил водопад зари. Города пьли в сиренях сиренами своих сирень заводов, там были ночь и день и страшно красивая игральная чарта, чудесно забытая в пыли.

А зади нихь стояли колоссы. Золотые колеса вращались за ними. А с моря сияла синева и медленно разстлалась на песок душ горячая волна присутствия..

Все казалось было безучастно и пусто; но в сущности миллионы огромных глаз наполняли воздух и во всех направлениях руки бросали цветы и лили запах лилий из электрических ваз. Но никто не знал, где кончаются метаморфозы и все хранит тайну, которую не понимали, а тайна тоже молчала и только иногда смьялась в отдалении протяжным, протяжным и энигматическим голосом полным слез и ршимости, но может быть она все же говорила во сне.

Тогда железо ударялось о камень, колеса поворачивались и на всех колокольнях мира били часы и становилось понятным, что все может быть легко, хотя все кругом было зрелищем.

Солнечной тяжести...

*

На аэродроме побить рекорд высоты. Воздух полон радостью и ложью. Черная улица, грохот взглядов, удары улыбок, опасность.

А в тьне колокольни бродяга играть на флейте... Тихо тихо, еле слышно.

Онъ разгадалъ крестословицу. Онъ свободень.

*

Мѣдный двигатель Спинозы побивалъ послѣдніе рекорды. Водопады несли цвѣты и иллюстрированные каталоги, а на башнѣ играла электрическая музыка и пѣлъ механической теноръ огромнаго роста.

Кажется утромъ шелъ снѣгъ, только всѣ небоскрѣбы были открыты и студенты слушали время въ кривыя магнитныя трубы.

Приблизительно въ это время, надъ городомъ появился левъ и перчатка, затѣмъ умывальникъ, алхимикъ, черепъ Адама и морская анемона.

Изъ прошлаго подуло Сирроко мертвыхъ газетъ и прошлогоднихъ программъ.

Нищѣ качали головами, они кололи атмосферы деревянными молотками и презрительно посыпали ими улицы, чтобы время не скользило, а медленно поднималось на обсерваторію и оттуда, съ крыши, разомъ огромнымъ парашютомъ, взрывомъ сотни ракетъ падало въ вѣчность, унося съ собою боль пустыхъ воскресеній, дешевизну мороженнаго и огромные корабельные скрипы граммофонныхъ симфоній.

Конечно старое было неповторимо. Умывальникъ былъ полонъ кровью Пилата.

Алхимикъ гордо смѣялся надъ золотомъ.

Черепъ Адама и перчатка относились къ инымъ временамъ.

Что касается морскихъ анемонъ, то онѣ прекрасно росли и даже измѣнились въ цвѣтъ, но трубы ихъ были обращены въ грядущіе годы и дивный запахъ ихъ слышенъ лишь на разстояніи тысячи лѣтъ.

Было отъ чего нищимъ прійти въ отчаянье, или къ водопаду, но все же они не рѣшались остановить двигатель или водопадъ.

И ихъ безконечно выросшія руки только таяли въ воздухѣ, въ синевѣ, какъ праздничный фейерверкъ.

По поводу грандіознаго открытія, Которое все же было отложено До будущей жизни.

*

Эллипсоидальное море цвѣтовъ вращалось на право.

Было свѣтло отъ воздушныхъ шаровъ, гдѣ были заморожены птицы. (Тотъ, кто долго смотрѣлъ въ ихъ сторону, заболѣвалъ ясновидѣньемъ). Лѣвая сторона была вертикальна, она вращательно восходила къ инымъ способамъ существованія, можетъ быть къ инымъ временамъ

Красивые мѣдные двигатели изобрѣтенныя Спинозой, издавали повторныя волны звуковъ, тональность коихъ, замирая, поднималась на баснословную высоту.

Казалось, золотое насѣкомое неутомимо билось въ стекло, за которымъ была синева, синева, си-не-ва.

А въ ней, безконечно отдаваясь и уменьшаясь, безостановочно восходилъ маленькій человѣкъ, освобождаясь отъ земнаго притяженія.

Это и былъ онъ...

*

Аурокарія пѣла въ Мексикѣ: Какъ далеко, какъ далеко до цивилизованнаго міра.

Атлетическій пасторъ молился на границѣ вѣчнаго снѣга, а кинематографическія звѣзды слушали изъ за ширмы и смѣялись отъ жалости.

Огромный муравей стоялъ за его спиной.

Все было также, какъ и до открытiя Америки. На скалистыхъ перевалахъ бандиты читали Спинозу, развѣлясь въ тѣни своего ружья.

Въ болотистыхъ дебряхъ радиостанци окутанныя змѣями, декламировали стихи неизвѣстнаго поэта, а трансатлантическiй летчикъ рѣшилъ вообще не возвращаться на землю, онъ былъ правъ: атмосферическiя условия этого не дозволяли, ибо на солнцѣ было достаточно облаковъ и на истинѣ пятень.

Изнутри во внѣ, все дышало жаромъ сна, а когда гидроаэропланъ началъ падать, онъ такъ и остался въ воздухѣ со странно поднятой рукой и медленно таялъ относимый литературнымъ теченьемъ.

Къ инымъ временамъ.

*

Спать недѣли времена не дышать, будетъ лѣто долгие года. Паровозъ, что на дорогѣ дремлетъ, медленно во снѣ вросаетъ въ землю. Превращаясь падаютъ года... Дышетъ вселенная. Жизнь глубока. Тихая тлѣнная доля легка.. Знамя лазури плыветъ высоко.

*

Душа пуста, часы идутъ назадъ. Съ земли на небо сѣрый снѣгъ несется. Огромные смежаются глаза. Невѣдомо откуда смѣхъ берется.

Все будетъ такъ какъ хочется зимѣ. Большая птица крыльями закрылась. Песокъ въ зубахъ, песокъ въ цвѣтахъ ходныхъ. Сухіе корешки цвѣтовъ голыхъ. Все будетъ такъ, какъ хочется зимѣ. Душа пуста, часы идутъ назадъ. Атласъ въ томлени нестерпимой лѣни, склоняется на грязныя колѣни.

Какъ тяжекъ мiръ, какъ тяжело дышать. Какъ долго ждать.

*

Сѣрые цари сѣли у окна. Смотрятъ въ даль. Улица блеститъ, холодный блескъ дождя. Медленно сіяетъ газъ на сталь.

Сѣрые цари случайно вдругъ проснулись, вдругъ раскрыли миллионы сновъ. Было хмуρο въ комнатѣ, шелъ дождь въ закатахъ улицъ. Не было ни снѣ, ни денегъ, ни словъ.

Сѣрые цари на землю посмотрѣли. Удивились тишинѣ. Отвернулись къ стѣнамъ, постарѣли. Тѣню черною повисли на стѣнѣ... А когда зажгли въ туманѣ свѣтъ, поняли, что ихъ давно ужъ нѣтъ.

*

Колеса все медленнѣй, все неохотнѣй вращались...Тяжесть вселенной.Гдѣ то за завѣсомъ медленно карты сдавались. Одна за другой пролетали тяжелыя доски... Играйте... Ну хоть карты свои посмотрите... Зачѣмъ... Мы мечтаемъ о будущихъ дняхъ.. Тихо подъ снѣгомъ, легко подъ смертью. Спящiй безсмертенъ... Неустрашимъ.

*

Вѣчный воздухъ ночей говоритъ о тебѣ. Будь спокоенъ, какъ ночь. Будь покоренъ судьбѣ. Въ совершенномъ согласьи съ полетомъ камней, съ золотымъ погасаньемъ дней.. Будь спокоенъ въ своей мольбѣ.

*

Беззащитный сонъ глубины отразился въ рукахъ судьбы. Блѣдносѣрою нитью зари превязаны руки царей... Все гото-

во на небесахъ... Ждите... тише... онъ настаегъ, тотъ внезапный трепеть въ часахъ, тотъ ошибочный странный звонъ. Ну, крѣпитесь онъ паль... замрите... Сбылся сонъ ледяной о васъ.

*

На границѣ иныхъ міровъ, на границѣ иныхъ стиховъ. При рожденьи уже не стиховъ, облаковъ иныхъ атмосферъ.

Путь совершенно простъ. Будь на подобье звѣздъ... Раскаленныхъ, тихихъ, еле замѣтныхъ. Отвѣчай имъ огнемъ отвѣтнымъ. Будь молчаливъ и чудовищно гордъ. За сяньемъ пустынь, за предѣломъ снѣговъ, книги твои лежатъ. Тамъ твой! прнзнакъ, твой знакъ, твой прекрасный траурный флагъ, тамъ чайки крнчатъ о твоихъ дѣлахъ.

*

Будь огромень и страшень, въ золотыя цѣпи закованъ какъ сегодняшній день. Тихъ и дивенъ, какъ дальніе годы... Еще не кончился день... Ты не можешь еще уйти на свободу.

*

Случалось дѣвушкамъ играть въ законы птицъ. Случалось фабрикамъ работать безъ рабочихъ. Лицомъ въ песокъ, сходило солнце вннзъ. За сценой, кто то видѣлъ все воочию... Пусть кажется смертеленъ снѣгъ бумаги, на немъ цвѣты ползучіе лишь спать.

*

Надъ краями розовой шляпы было небо, какъ чаша Пнлата, гдѣ всѣ ангелы вымыли руки, нстративъ на это всѣ звуки... Тамъ надъ желтымъ цвѣткомъ

анемоны въ снневъ возносились балки. Деревянные ныли колеса. Что то строили тамъ колоссы... Надъ краями розовой жизни, за желѣзомъ дорогъ бѣлесыхъ, тихо въ полѣ пѣли колосья, васильки наклоняли шляпы, а лягушки сосали лапы... Синева была такъ страшна, что хотѣлось ужасно спать.

*

Города... Вывѣски переулковъ и костюмированныхъ магазиновъ. На рынкахъ свирѣпствуетъ синяя борода. Въ подземельи, гдѣ блещутъ лучи керосина, гдѣ машины свистятъ, въ подземельяхъ Мессины, гдѣ скелеты рабочихъ, свои завернувъ апельсины, ждутъ года и года... Не откроютъ ли имъ, не заплатятъ ли имъ.

*

Ты спустился подъ землю. Ты въ свинцовой одеждѣ во снѣ утонулъ, побѣдитель надежды, весь въ звѣздахъ... Ты качнулся надъ міромъ, какъ царь ты спустился ко дну... Кто подниметъ свинцовую гору со дна океана. Кто посмѣетъ желѣзную руку къ себѣ потянуть. Такъ утонетъ храбрецъ и въ него, какъ въ бутылку стеклянную, сумракъ ночи духовной воляется затмивъ высоту.

Надъ колоссомъ Родосскимъ вѣка кораблей проходили и матросы смотрѣли въ зеленую темную воду. О печаль глубины, тяжесть лучшихъ таинственныхъ жнзней, одиночество снѣжныхъ закатовъ грядущихъ міровъ...

Съ этимъ спящимъ на днѣ спать грядущіе годы и звуки. Спать востокъ и надежда съ своимъ побѣдителемъ чернымъ. Въ башнѣ гордый алхимикъ роняетъ огромныя руки. Будетъ ждать во-

---

скресенья въ своей лабораторіи горной...

Солнце проснись... Встань отъ сна...
Только дыши... Только пши.

★

Отшельникъ пѣлъ подь хлороформомъ. Предъ нимъ вращалсь стеклянная книга. Онъ былъ прикованъ золотою цѣпью ко дну вселенной... Было далеко отъ жизни, но еще не совсѣмъ смерть... Это было предчувствіемъ

страшнаго звука, полусонъ, сквозь который бредитъ разсвѣтъ... Холодъ сонливости, передразвѣтная мука... А на днѣ вселенной качалсь деревья и дождь проходилъ въ блѣдносѣромъ пальто.

★

Будь безстрашенъ и страшень... Огромень, лишенъ очертаній... Въ золотыя цѣпи закованъ... Тнхой флейтой...

Борисъ Поплавскій.

«Земля въ алмазахъ».

Изд. «Парабола», Берлинъ.

Въ этой книгѣ есть одно большое достоинство: она написана страстно. Знаменитый текстъ «о, еслн бы ты былъ холоденъ или горячъ. .», тотъ, который умирая повторяетъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій, вспоминается при ея чтеніи. Книга не «теплая», а горячая. Подъ напоромъ страсти, въ пылу одушевленія, авторъ нарушаетъ литературныя традиціи, насилуетъ языкъ, сбивается съ вымысла на исповѣдь, нерѣдко попадаетъ даже въ смѣшное положеніе. Но оглядываясь ему некогда. Ему надо какъ можно скорѣе разсказать о томъ, что «наболѣло въ груди». Все остальное ему кажется пустяками.

«Наболѣло въ груди»... Выраженіе избитое и тривіальное. Я его употребляю умышленно, — потому что Буровъ такихъ выраженій не только не боится, а наоборотъ, чувствуетъ къ нимъ влеченіе. Онъ непрерывно нажимаетъ педаль, не придавая никакого значенія чистотѣ звука. Порой онъ даже кое-гдѣ сфальшивить, «смажетъ». Но тема у него есть и пишетъ онъ не потому, что на свѣтѣ существуютъ чернила, перья и бумага, а по неодолимой потребности воплотить въ образа смутныя свои надежды и порывы. Бываютъ случаи, когда писателя можно точнѣе охарактеризовать по признаку отрицательному, нежели положи-

тельному. Чего не хватаетъ Бурову? Чувства мѣры, прежде всего. Его книга въ сущности сплошной крикъ, на одной нотѣ, — и отчасти, въ этомъ отношеніи Буровъ напоминаетъ Шмелева, которому родствененъ и крайней насыщенностью стилиа, и чуть - чуть искусственнымъ, буйнымъ, опернымъ ощущеніемъ Россіи. Я не провожу никакой паралели, я только указываю на сходство чертъ. Впрочемъ, для правильной характеристики Бурова надо бы перевести буйно-цветистый, узористый складъ нарочито - народныхъ повѣстей на еще болѣе причудливый складъ русско - еврейскаго быта, съ измельчавшей, но все же «библейской», безбрежной тоской, съ чѣмъ то пѣвуче - рыдательнымъ въ воспріятіи жизни, съ неизгладимыми, вошедшими въ кровь воспоминаніямъ о многовѣковыхъ обидахъ и униженіяхъ. Большинство героев Бурова — евреи. Удивительно, что при этомъ «чувствѣ обиды», они сохранили къ Россіи щедрую стойкую любовь. Объяснить это можно только тѣмъ, что благодарность за бытіе въ человѣческой душѣ превосходить все.

Буровъ часто пишетъ о дружбѣ русскихъ съ евреями. Есть гдѣ-то у Розанова замѣчаніе, которое можно было бы поставить эпиграфомъ къ его книгѣ. Если не ошибаюсь, это въ «Апокалипсисѣ нашего времени». Русскіе — пишетъ Розановъ — только съ евреями и могутъ

по настоящему дружить; и тѣ, и другіе — «задушевные» люди.

— Только русскій — это пьяный задушевный человѣкъ, а еврей — трезвый задушевный человѣкъ

Буровскіе рассказы, «Одинокіе сказочки» или «Пономаренковъ путь» какъ бы въ иллюстрацію къ этой цитатѣ и написана Тяжело жить въ чуждомъ, ко всему безразличномъ мірѣ и зоркому Бирнбауму, и попавшимъ въ бѣду богатырямъ - казакамъ не каждый понялъ бы, почему именно, — но имъ то самимъ, даже и словъ не нужно, чтобы другъ друга понять.

То, что отъ сердца и чувства въ «Землѣ въ алмазахъ» цѣнится на мой взглядъ того, что отъ разума. Пономаренкова роль, Пономаренковъ вызываетъ симпатію, но «путь» его, приводящій къ метанію бомбъ въ Кремль — неубѣдителенъ. Картина, задуманная правдиво, становится размашистымъ лубкомъ. Нѣтъ въ этомъ смыслѣ почти ни одной, «неиспорченной» вещи въ книгѣ Бурова, но зато возможность настоящихъ удачъ есть вездѣ.

Сборнику предпослано курьезное предисловіе подъ названіемъ «Слышишь ли батько?». Герои книги будто бы взываютъ къ отцу - автору, какъ Остапъ къ Тарасу Бульбѣ. Они просятъ защиты отъ пренебреженія и равнодушія критиковъ «Тебѣ батько, за насъ краснѣть не придется, мы далеко не хуже, и уже во всякомъ случаѣ теплѣе, человѣчнѣе многихъ другихъ самоновѣйшихъ героевъ, дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ. Знаемъ мы, батько, сколько горькихъ слезъ пролилъ ты надъ нашей колыбелью...» Авторъ защиту обѣщаетъ, говоритъ о непобѣдномъ праведномъ судѣ будущаго, всячески утѣшаетъ своихъ разволнованныхъ «ребятъ». Тутъ — же намеки, болѣе чѣмъ прозрачные, и

лихорадочная полемика съ какими - то невѣдомыми врагами... Конечно, такихъ предисловіи писать не полагается, — кто этого не знаетъ? Но примѣнять мѣрки добрыхъ литературныхъ нравовъ и добраго вкуса къ странной, многорѣчивой, какой-то неистойвой книгѣ Бурова невозможно. Она отъ такихъ мѣрокъ ускользаетъ, а тѣ, которыя дѣйствительно къ ней подходятъ — совсѣмъ иного порядка.

Георгій Адамовичъ.

Сергій Шаршунъ.

Путь правый. Романъ 1934.

«Жизнь его была пришибленно-дика» — этими суровыми словами какъ нельзя болѣе точно и выразительно опредѣляетъ Сергій Шаршунъ своего героя. Михаилъ Самоѣдовъ (фамилія повидимому символическая) живетъ необыкновенно трудно, возвышенно и страшно, онъ — герой въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Обреченный, въ силу предѣльной своей независимости, на полное одиночество, на жестокую отгороженность отъ міра, онъ постоянно находится въ особой разрѣженной атмосферѣ, гдѣ нѣтъ у него ни утѣшителей, ни друзей, гдѣ онъ всегда наединѣ съ самимъ собой и только передъ собой отвѣчаетъ за свои поступки, рѣшенія и мысли. Но эта отвѣтственность вовсе не пустой звукъ. Самоѣдовъ постепенно осознать свой истинный путь — «путь правый» — духовнаго и творческаго восхожденія

Весь романъ представляется намъ какъ бы подробной, au galant, хроникой внутреннихъ и внѣшнихъ событій, нерѣдко случайныхъ, произвольныхъ, но въ итогѣ послѣдовательныхъ, причинно-обоснованныхъ. Отдѣльныя главы этой удивительной книги органически выте-

каютъ одна изъ другой, между ними непрекращающаяся связь, чего никакъ нельзя было предположить по отрывкамъ, прежде печатавшимся въ «Числахъ». Элементъ фантастики, столь выигрышное свойство Шаршуна, почти исключенъ изъ романа, намѣренно лишеннаго всякихъ хоть немного сомнительныхъ эффектовъ. Остается голая суть, то, что французы называютъ «essence», и въ праведной ея безпощадности, въ ея вѣрной и сложной передачѣ больше поэзіи и душевнаго напряженія, чѣмъ въ рядѣ книгъ, на это именно претендующихъ. Въ «Пути правомъ» отсутствуетъ литературная демагогія — сюжетная увлекательность, дешевая словесная прянность и то нагроможденіе ужасовъ, которымъ злоупотребляютъ иные писатели. Да это автору и не нужно: чувства, переживаемыя глубоко и серьезно, изображенныя съ какой то стыдливо-сдержанной, но убѣдительною остротой, съ какой то нарастающей внутренней горячностью, сами по себѣ задѣваютъ взыскательнаго читателя и невольно претворяются въ искусство.

Основная тема романа — тема «любовнаго креста», впервые, кажется, появившаяся въ русской литературѣ въ необычайномъ Лермонтовскомъ «Валерикѣ».

Мой крестъ несу я безъ роптанья
То иль другое наказанье —
Не все ль одно?...

Любовь Самоѣдова превратилась въ крестную муку не изъ-за ея безотвѣтственности, не изъ-за глупыхъ внѣшнихъ препятствій, а изъ-за страннаго характера героини, Наденьки, одной изъ многихъ теперь опустошенныхъ, призрачныхъ душъ. «Жизни у нея не было,

была лишь — «не смерть»: вотъ краткое опредѣленіе трагической ея сущности. Судя по намекамъ, разбросаннымъ въ книгѣ, между Наденькой и Самоѣдовымъ когда то возникли влюбленно-дружескія отношенія, разнообразныя и порою тяжелыя. Наполовину излѣчившіеся отъ нихъ, Наденька всѣми силами оберегаетъ ледяное, мертвое свое спокойствіе, запрещаетъ Самоѣдову къ ней подходить и ради безопасности окружаетъ себя какими то безразличными ей людьми, едва замѣчая, какъ они другъ друга смѣняютъ. Самоѣдовъ упрямо и безпомощно борется за свое счастье, и у насъ создается впечатлѣніе, будто человекъ съ жаркой и страстной кровью изнемогаетъ въ тщетныхъ попыткахъ оживить манекэнъ. Сцена дѣйствія — Монпарнасскія кафэ, прекрасно описанныя, какъ и безсчетные эпизодическіе персонажи, иногда явно портретизированные. Отдѣльные смѣшные и правдивые штрихи, вродѣ «кокетства новымъ манто изъ сѣраго каракуля», подмѣченнаго у героини за минуту до рѣшающаго съ ней объясненія, окончившагося весьма грустно, такая трогательно-вѣрныя мелочи придаютъ всему повѣствованію особую прелесть и жизненность.

Но какъ бы ни былъ герой, по винѣ своей природы и біографіи, одинокъ и оторванъ отъ міра, онъ не можетъ довольствоваться этой безцѣльной любовью, онъ боится, чтобы его не поглотили «черныя воды индивидуализма», онъ ищетъ выхода, котораго не находитъ. Знаменательно посѣщеніе имъ русской церкви и послѣдующій неожиданный экстазь. «Ему хотѣлось броситься, сказать ей. «Наденька, я прямо изъ церкви — какъ нестерпимо влечетъ въ Россію!» — зарыдать, припасть къ ея ногамъ». Тема Россіи и отчасти религіи, проникнутая благородствомъ и человѣчностью,

неизмѣнно возвращается на протяженіи всей книги. Однако, «выходъ», быть-можетъ, временный, открывается Самоѣдову въ антропософіи, подобно Андрею Бѣлому, съ которымъ автора многое сближаетъ — вѣчные поиски, кажущаяся внутренняя неустойчивость, мѣстами даже строй его фразы. Мнѣ, увы, представляется вѣроятнымъ, что ни Андрей Бѣлый, ни герой романа Шаршуна окончательнаго разрѣшенія въ антропософіи не нашли, и на-лицо то же печальное одиночество.

Первопричина страшной оторванности Самоѣдова — въ его несходствѣ съ другими людьми. Передъ нами рѣдкое сочетаніе челоѣка и не-обыкновеннаго и примѣчательнаго какъ часто существо, ни на кого не похожее, оказывается всего лишь курьезомъ или монстромъ. И самый міръ Шаршуна, отличный отъ всякаго иного, не является чѣмъ-то гротескнымъ или вымышленнымъ. Это міръ живой «теплой» реальности, только преобразованный особенностью, исключительностью автора.

Книга Шаршуна не вполне ровная — нѣкоторыя, наиболѣе слабыя страницы производятъ впечатлѣніе черезчуръ «протокольныхъ» записей, черезчуръ напоминаютъ дневникъ неподдѣльный, а не такой, что является лишь отвѣтственной литературной формой. Искусство у него порой словно бы вытѣсняется жизнью: въ этомъ смыслѣ показательно заглавіе другого произведенія того же автора — «Герой интереснѣе романа». «*Primum vivere*», конечно, основа и начало любого искусства, но тутъ скрывается опасность, которую необходимо преодолѣть. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это Шаршуну удается, и атмосфера, имъ созданная, волнуетъ и заражаетъ также и эстетически.

Мнѣ кажется, писателя надо оцѣни-

вать по его достиженіямъ и «верхушкамъ», по всему лучшему, что онъ далъ, что въ его силахъ продолжать и развивать и за что мы должны быть ему благодарны. И для меня романъ Шаршуна — одна изъ самыхъ значительныхъ русскихъ книгъ за послѣдніе годы.

Юрій Фельзенъ.

Лидія Червинская.

Приближенія. Изд. «Числа». Парижъ 1934.

Читая стихи Л. Червинской, поэзія которой сплеталась въ своемъ развитіи съ жизнью «Чиселъ», я особенно радъ былъ, что могу писать о ней безпристрастнымъ, чѣмъ когда бы то ни было, потому что я уже около года стиховъ не читаю и отъ чтенія ихъ почти отвыкъ.

Прошу простить это упоминаніе о себѣ самомъ, но личное умѣстнѣе всего на этихъ страницахъ, да и то, что мнѣ хотѣлось бы сказать раньше рецензій, поможетъ мнѣ снова профессионально писать о стихахъ.

Я думаю, что вообще профессиональной поэзіи нѣтъ и быть не можетъ. Поэтъ — челоѣкъ не обязательно одного ремесла, но одной, символистъ сказалъ бы — «музыкальной», судьбы.

Въ ней, въ этой судьбѣ, литература — далеко не самое главное.

Мнѣ думается, что даже съ точки зрѣнія улучшенія качества стиховъ, о чемъ профессионально заботятся пишущіе и въ чемъ они профессионально же правы, — школа жизни важнѣе всего.

Оставимъ азбуку искусства. Предположимъ, что первые этапы уже пройдены. Что ремесло въ смыслѣ «Опытовъ» Брюсова уже не представляетъ загадокъ. Но тогда вонъ изъ литературна-

го кружка, союза, содружества, вонь изъ «литературы»!

Можетъ быть это и невѣрно для того типа авторовъ, для которыхъ поэзія — и другъ и жена и религія и политика. Но темпераментъ этихъ людей лично для меня столь загадоченъ, что судить о нихъ я не берусь.

Я говорю о тѣхъ, въ комъ есть хотябы доля Толстовской или Гоголевской жадности къ жизни, этого желанія, этой непреодолимой потребности какъ можно полнѣе, какъ можно разностороннѣй увидѣть и понять жизнь какъ можно болѣе разныхъ ливыхъ существъ. Парижъ и поэзія большинства русскихъ его стихотворцевъ наводятъ на размышленія, не всегда утѣшительныя.

Эти обыватели, эти служащіе разныхъ учреждений, ихъ начальники, ихъ семьи, эти рабочіе, эти нишіе, эти богачи, эти парижане настоящаго французскаго закала, эти пріѣзжіе, весь этотъ грандіозный по разнообразію и сложности міръ — и рядомъ: русскій Монпарнассъ, правда — съ очарованіемъ безпритязательной бѣдности и монашеской вѣрности якобы обѣтамъ искусства, но становящійся понемногу мѣстомъ какихъ то хлыстовскихъ радѣній, гдѣ живыя тѣни, невидящія и неслышащія ничего, кромѣ стиховъ (увы, не всегда и хорошихъ) — окончательно отвыкаютъ отъ реальнаго міра и, сами погибая, губятъ и свою поэзію, такъ какъ нельзя поэзію боготворить: во-первыхъ, она этого не стоитъ, а во-вторыхъ, отъ такого обожанія она неизбѣжно портится. Мнѣ кажется тогда, что лучшимъ у Маяковскаго было его презрѣніе къ поэзіи.

Для эмигрантскаго писателя погруженіе въ среду нелитературную — и необходимость и благо. Я говорю не о томъ высокоомѣрномъ прикосновеніи къ чужой

профессіи, когда литераторъ, возомнившій себя высшимъ существомъ, снисходить до общенія съ шоферами или служащими банка, съ которыми онъ внѣшне смѣшивается изъ за необходимости зарабатывать хлѣбъ. Я говорю о непрерывныхъ открытіяхъ, которыя имѣющій глаза и уши дѣлаетъ, если жаденъ къ душѣ человѣка. Онъ открываетъ ее въ людяхъ не литературы гораздо успѣшнѣй.

Литературная среда кажется ему въ высшей степени не яркой по человѣческому составу. Какъ мало въ ней героизма, смѣлости, упорства, какъ одиобразны даже ея преступленія и пороки. И какъ въ общемъ относительно лишь прекрасны эти выросшіе въ парникахъ однообразно красивые цвѣты.

Съ этимъ чувствомъ сталъ я читать, вѣрнѣе — перечтывать, стихи Червинской.

Это — типичный продуктъ русскаго Монпарнасса. Полужизнь, полусуществованіе, полулюбовь, полуотчаяніе. Литература, литература, литература.

Но сколько при этомъ покорной скромности, вялой и нѣжной вѣрности, вдумчивой и вкрадчивой, полузадушенной правдивости.

Червинская реабилитируетъ Монпарнассъ. Да, въ сторонѣ отъ жизни, почти внѣ ея, во имя искусства и чтобы не прикасаться ни къ чему, — всякое прикосновеніе болѣзненно, — ея душа сгораетъ и стихи ея объ этомъ сгораніи, безъ упрека, почти безъ горечи, потому что иначе она не умѣетъ, не можетъ, не хочетъ.

Многое въ русскомъ Монпарнасѣ надо бы искоренить, уничтожить, — стихи Червинской надо принять и сохранить какъ они есть.

Они переросли Монпарнассъ. Это уже не мѣстное явленіе. Это — вообще: жалоба одиночества, «безъ отзыва призы-

вы», повѣсть о томъ, что все равно никто не услышитъ, да и не надо, чтобы услышалъ. Это — почти физиологическое явленіе, какъ стонъ, какъ шопотъ во снѣ.

По точности и скупости словъ, по сдержанности и чувству мѣры стихи Червинской — продолженіе и развитіе той «петербургской» линіи русской поэзіи, которую можно противопоставить московской, такъ что всѣ поймутъ, что этимъ хочешь сказать.

Характерно между прочимъ, что въ эмиграціи все талантливое и новое развивается въ этой линіи.

Есть у Червинской строчки, по остротѣ и мѣткости не уступающія Ахматовскимъ, и другія (тоже сближающія обѣихъ) очень родственныя Анненскому.

Но главное, что привлекаетъ въ этой поэзіи, конечно, — собственный голосъ, своя печаль, говорящая иногда за многихъ.

— Отъ правды, которой нельзя повто-
рять,

Отъ этого, вотъ, ясновидѣнья скуки...
Такъ жалко опущены сильныя руки,
И нечего, нечего дѣлать опять.

Лирика русской эмиграціи не можетъ похвалиться «бодрыми тонами». Этого и не надо.

Можно быть въ жизни тѣмъ, что французы хорошо называютъ словомъ *batailleur* (боецъ по-русски звучитъ грубо и плоско), но поэзія, царящая въ подсознательномъ и всегда подозрѣвающая, что все-таки все — суета суетъ, — должна говорить о своемъ.

Грустный и «довѣрчиво - страстный» монологъ Лидіи Червинской — подарокъ для всѣхъ, кто не безразличенъ къ поэзіи.

Николай Оцунъ.

В. Сиринъ.

«Камера-Обскура». Изд. Параболы. 1933 г.

Проза В. Сирина вызвала за послѣдніе годы много разговоровъ. Одни — иа нашъ взглядъ преувеличенно, провозглашали Сирина самымъ замѣчательнымъ писателемъ новѣйшаго времени; другіе — его противники, были къ нему порой просто несправедливы. Во всякомъ случаѣ, прошло достаточно времени, Сиринъ, какъ писатель, вполне опредѣлился и пишущій о его новой книгѣ — въ данномъ случаѣ о романѣ «Камера Обскура», печатавшемся въ «Современныхъ Запискахъ» и нынѣ вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ правѣ судить о молодомъ писателѣ, не прибѣгая къ обычнымъ «ожиданьямъ».

Новая книга В. Сирина, особенно послѣдняя ея часть, даетъ возможность лишній разъ полюбоваться свойственнымъ ему даромъ внѣшняго выраженія. Языкъ точенъ, сухъ, энергиченъ, порой блестяще рѣзокъ. Читеніе нѣкоторыхъ страницъ «Камеры Обскуры» доставляетъ какъ бы физическое удовольствіе — движеніе на чистомъ воздухѣ. Хорошо? — Очень хорошо! Блестящая это литература? — Блестящая! И все-таки, какъ послѣ движенія на чистомъ воздухѣ, пріятное ощущеніе только на поверхности; даже досадно, зачѣмъ все это такъ хорошо. Блестяще — но «о понятномъ», слишкомъ о понятномъ — о человѣкѣ, о жизни извнѣ созерцаемыхъ.

Чувство внутренняго измѣренія, внутренній планъ человѣка и міра, лежатъ внѣ воспріятія Сирина. Энергія его все время бьетъ мимо цѣли, замѣчательная способность — тратится лишь на то, чтобы съ какимъ то упоеніемъ силой избразительнаго дара, производить лишь почеркостныя, и потому произвольныя,

комбинаціи. Внутренней необходимости (у Достоевскаго, напримѣръ, мы зара- нѣе чувствуемъ, что Раскольниковъ въ такой то моментъ долженъ неминуемо встрѣтить на мосту Свидригайлова), — чувства, «соединительныхъ швовъ жизни» Сиринъ совершенно лишень. Не мнѣ только будетъ принадлежать это наблю- деніе, когда я скажу, что дѣйствующія лица «Камеры Обскуры» безъ наруше- ния внутренняго строя повѣствованья мо- гутъ быть какъ угодно перетасованы: Кречмара можно безъ ущерба возвра- тить женѣ, дѣвочка ихъ можетъ и не умереть, Горнъ можетъ жениться на Магдѣ и т. д.

Автомобильная катастрофа и связан- ная съ нею для героевъ «Камеры Об- скуры» послѣдствія, столь блестяще из- ложенныя, не обусловлены ничѣмъ дру- гимъ, кромѣ прихоти автора. Въ любую сторону — повѣсть внутренне безотвѣт- ственна. Могутъ возразить: — но вѣдь это и есть камера - обскура. Однако, и въ «Подвигѣ» конецъ романа — поѣзд- ка героя въ совѣтскую Россію, такъ же безотвѣтственень.

Рѣзко обостренное «трехмѣрное» зрѣ- ніе Сирина раздражающе скользитъ ми- мо существа человѣка. Мнѣ кажется я не ошибусь, если скажу, вспомнивъ мелкіе рассказы того же автора печатавшіеся въ «Послѣднихъ Новостяхъ», что склонность къ сомнительному гер- манскому открытію — психоанализу — основной грѣхъ Сирина. Въ его «одер- жимости памятью» (о чемъ недавно пи- салъ одинъ изъ нашихъ критиковъ) больше отъ выдумки, чѣмъ отъ духов- наго видѣнія. То, что по ту сторону па- мяти — внутренній, подлинный чело- вѣкъ, такимъ пріемомъ познанъ быть не можетъ. Герои «Камеры Обскуры», пока мы не хотимъ спротивляться иллюзіи, представляются намъ живыми людьми.

Но принуждающей силы волшебство художника не имѣеть. Это лишь вол- шебство, увлекательное, блестящее, но не магія. Захочешь — и пусто становит- ся отъ внутренней опустошенности — нѣтъ, не героевъ, самаго автора. И то, что отсутствіе человѣка выражается съ такимъ блескомъ, еще усиливаетъ ощу- щеніе разочарованія: чувствуешь то, что Сиринъ, при его большомъ формаль- номъ дарованіи могъ бы дать, если бы., но это «если бы» съ каждой его новой повѣстью дѣлается все болѣе и болѣе проблематическимъ.

Ю. Терапиано.

Б. Темирязевъ.

Повѣсть о пустякахъ.

Изд. Петрополисъ 1934.

Вотъ книга, не похожая ни на что дру- гое въ эмигрантской литературѣ, не при- мыкающая ни къ какимъ ея теченіямъ и движеніямъ. Напротивъ «Повѣсть о пу- стякахъ» слита съ инымъ міромъ, про- тивоположнымъ эмигрантскому, съ ли- тературой совѣтской и еще точнѣе — съ нѣкоторыми романами эпохи нэпа. Принадлежность къ извѣстной школѣ, формальная и внутренняя связь съ ка- кими - либо предшественниками или со- временниками не всегда означаетъ, что авторъ — подражатель, что онъ подъ чьимъ - либо вліяніемъ. Но часто у раз- личныхъ писателей даннаго періода есть какъ бы общая атмосфера, обусловлен- ная общими для нихъ причинами. Пови- димому, творчество Темирязева сложи- лось въ то же время и при тѣхъ же об- стоятельствахъ, какъ и творчество нѣ- которыхъ совѣтскихъ писателей «двад- цатыхъ годовъ», и только позднѣе про- явилось. Надо пояснить, такая «общ- ность» не въ сюжетѣ, не въ мѣстѣ дѣй-

ствія, не въ характерѣ персонажей, а въ чемъ-то болѣе неуловимомъ, что и опредѣляется словомъ «атмосфера» и что находитъ свое выраженіе въ стилѣ.

Основное у Темирязева, сказывающееся и на его стилѣ — безмѣрное удивленіе передъ тѣмъ, что на его глазахъ произошло. Онъ настолько пораженъ случившимися перемѣнами, что не остается мѣста для жалости или восхищенія. Если можно такъ выразиться, онъ почти наслаждается невольной сказочностью біографій, судьбой цѣлыхъ семей, учреждений, городовъ. Отсюда постоянныя, умышленно - пестрыя сопоставленія, которыя у автора естественнѣе, чѣмъ у большинства родственныхъ ему писателей. Темирязевъ, мнѣ кажется, страстно пережилъ эпоху, и его отношеніе къ ней, какъ и все его творчество, достаточно самостоятельно. Къ тому же онъ природно талантливъ.

Но подобно множеству людей, потрясенныхъ своимъ временемъ и внѣшней стороною, а не существомъ человѣческой жизни, онъ обречено поверхностенъ и пожалуй это понимаетъ, судя по заглавію книги. Нѣкоторые отрывки доказываютъ, что онъ способенъ на большее:

— «Господи! Наконецъ то! — бормочетъ она задыхаясь и вдругъ — неудержимо, восторженно, страстно, благодатно, сладостно, удивленно, всепрощающе, съ болью, съ трепетомъ, съ жалостью, въ предѣльной искренности, въ послѣдней душевной раскрытости — раздражается рыданіями».

Послѣ такнхъ, весьма рѣдкнхъ въ книгѣ, строкъ досадуешь на то, что авторъ намѣренно «скользнтъ по поверхностности» и занятъ непрерывнымъ «изобрѣтательствомъ», которое, по собственному его признанію, цѣнитъ въ художникѣ больше всего.

Ю. Ф.

Вѣра Буличъ. «Маятникъ» (стихи).

*Изд. Либрисъ. Гельсингфорсъ
1934.*

Вышедшая въ Гельсингфорсъ книга стиховъ Вѣры Буличъ — «Маятникъ» привлекаетъ къ себѣ вниманіе и запоминается. Несмотря на то, что имя ея автора попадаетъ намъ впервые, новичкомъ его назвать трудно. Книга не только вполне грамотна. Вѣра Буличъ обнаружилла въ ней извѣстное умѣніе Со стихотворнымъ ремесломъ она въ дружбѣ, стихи ея четки и хорошо построены

Не малымъ достоинствомъ представляется мнѣ ихъ разнообразіе, особенно въ наше время, когда однотонность смѣшивается нерѣдко съ однотемностью, и многіе поэты, изъ боязни измѣнить своей темѣ, замыкаются въ узкомъ кругу однихъ и тѣхъ же ритмовъ и образовъ Конечно, Вѣрѣ Буличъ еще далеко до мастерства, но его и нельзя требовать отъ первой книги поэта. Настоящее мастерство развивается одновременно съ созрѣваніемъ темы поэта, въ противномъ же случаѣ оно превращается въ формальную внѣшнюю виртуозность, по существу своему мертвую. Но у Буличъ есть чуть формы и сознание ея неразрывной связи съ содержаніемъ; чувствуется, что къ работѣ надъ стихомъ она привыкла и что работаетъ сознательно и съ любовью.

Невозможно избѣжать въ первой книгѣ и вліяній. Въ «Маятникѣ» они очень замѣтны, имѣются даже прямыя реминисценціи. Тутъ и Пушкинъ, и Анненскій, и Андрей Бѣлый, и нензбѣжная Ахматова и даже Цвѣтаева. Любопытно, что на стихахъ Буличъ не отразилась ни Блокъ, ни Гумилевъ — явленіе въ наши дни рѣдкое и показательное. Выборъ учителей уже свидѣтельствуетъ о личности ученика. Выборъ Буличъ — не окон-

чательный, влияния — противоречивы, но восприняты они ею по своему и не являются простым подражанием.

Въ «Маятникъ» чувствуется свой голось, свое переживание. Не всѣ стихи равноцѣнны, но отдѣльныя строчки и строфы, а порою и цѣлыя стихотворенія по просту хороши. Таковы «Юль», «Безстрастіе», «Весна» (конецъ котораго, къ сожалѣнію, испорченъ ошибкой въ языкѣ: «взаперти» не значитъ «заперто»). Имѣются въ книгѣ и срывы, и безвкусныя, и стихи, перегруженные чужими, непережитыми образами. Но живое чувство неизменно прорывается. Приведу для примѣра послѣднюю строфу стихотворенія «Найденный листокъ»:

Бѣдный мой другъ. Времени нѣтъ.
Есть лишь воля Господня.
Горе твое черезъ семьдесятъ лѣтъ
Стало монмъ сегодня.

Этимъ стихамъ могли бы позавидовать многіе. Въ нихъ звучитъ подлинная, не придуманная и неприкрашенная поэзія.

Юрій Мандельштамъ.

В. Пастернакъ.

«Второе рожденіе». Издательство «Федерация».

В. Пастернакъ — поэтъ, у котораго все — въ силѣ и остротѣ мироощущенія. Поэтъ — «отъ себя въ міръ», а не «отъ міра къ себѣ».

Его раннія строки:

«Люди — тамъ ярость сановнѣйшей,
«Люди — тамъ я преклоняю колѣни,
«Люди — тамъ словно съ полярныхъ
морей
«Дуетъ всю ночь напролетъ съ откровенья».

Въ нихъ опредѣленіе и качества и правды его поэзіи. Хаотичность, ударность, «напоръ» его строкъ — соотвѣтствуютъ «ударности» и перебоямъ психики. Чувства телеграфно запечатлѣваются на бумагѣ.

Въ такой поэзіи самое смѣлое сравненіе, самый невѣроятный образъ оправдывается силой и правдоподобіемъ воспріятія. На психологической оправданности держится все сложное и подчасъ громоздкое зданіе Пастернаковской поэзіи.

Достаточно поблекнуть, замедлиться этому внутреннему потоку чувствъ — блекнуть, странными и неправдоподобными начинаютъ казаться и способы выраженія.

Таково отчасти впечатлѣніе отъ послѣдней книжки Пастернака «Второе рожденіе».

Поэтъ внутренне «переключился», захотѣлъ остановиться, углубиться въ себя.

«О зналъ бы я, что такъ бываетъ,
Когда пускался на дебютъ,
Что строки съ кровью — убиваютъ,
Нахлынуть горломъ и убьютъ».

Эти строки — шагъ впередъ. Это — признакъ внутренняго роста поэта. Но, чтобы создавать новыя строки, «строки съ кровью», Пастернаку нужно будетъ, мнѣ кажется, пересмотрѣть весь тотъ поэтический арсеналъ, при помощи котораго онъ создавалъ до сихъ поръ прекрасныя, но не «убивающія» строки.

Средства не соотвѣтствуютъ больше цѣли. Оттого, напримѣръ, стихотвореніе «Смерть поэта» (Можетъ быть, друга?) — стихотвореніе хотодное и вычурное.

Оттого о мертвомъ поэтѣ (вѣроятно, Маяковскомъ) такъ неуклюже:

«Спнть со всѣхъ ногъ, со всѣхъ лодыгъ» и такъ высокопарно:

«Твой выстрѣлъ былъ подобенъ
Этнѣ,

«Въ предгорье трусовъ и трусихъ».

Оттого, стихи о Кавказѣ — сложныя поэтическія упражненія, гдѣ нѣкоторыя строки мертвы и безпомощны.

Иастернакъ все же большой поэтъ и во «Второмъ рожденіи» есть и прекрасныя стихотворенія.

Думается, онъ не пережилъ себя и въ будущемъ свои средства выраженія и технику перестроить на новый ладъ, соотвѣтственно новому внутреннему ладу.

Это будетъ подлинное «второе рожденіе.»

II. Ставровъ.

Л. Никулнъ.

Время, пространство, движеніе. Томъ первый — Записки спутника, 233 стр. Томъ второй — Молодость героя, 381 стр. Изд. «Сов. литература», Москва, 1933.

Чнтатель устааетъ, чнтатель обезснливаетъ, одолевая этн два тома. Но происходитъ это не потому, чтобы авторъ подавлялъ своей мудростью, приведшей писателя «къ единственно правильному пониманію міра прошлаго и міра настоящаго». И не потому, чтобы авторъ поражалъ своей формальной изощренностью, создавъ «книгу безъ внѣшней привязи, которая держалась бы сама собой, внутренней силой своего стня, книгу, которая не имѣла бы сюжета, или, по меньшей мѣрѣ, сюжетъ былъ бы почти невидимъ». Чнтатель устааетъ отъ другого: отъ постоянной необходимости провѣрять автора, разоблачать его пристрастія,

восполнять недоговоренности, вести съ нимъ не только споръ (это всегда законно и любопытно), но и тяжбу о справедливости. Чнтатель устааетъ, прежде всего, отъ того, что не можетъ до конца довѣрять писателю.

Не надо отрицать (иначе и вообще не стоило бы упоминать объ этнхъ книгахъ), что Никулнъ — талантливый. Можно утверждать, что онъ и хорошій мастеръ своего дѣла: книги его нсколько не напоминаютъ кустарныхъ примитивовъ, столь частыхъ въ современной литературной хроникѣ Россіи, — онѣ организованы съ чувствомъ мѣры, съ полнымъ пониманіемъ секрета заманительнаго повѣствованія, со стремленіемъ быть значительными, съ разноликимъ и обширнымъ матеріаломъ. Самое главное, за что необходимо воздать Никулнну, это — умѣіе найти жанръ: автобіографическая повѣсть, легко принимающая контрабандную нагрузку воспомнаній, трнрой, публицистическими выпадами, философскими отступленіями, могущая выдержать рѣзкія колебанія нтонацій, включать въ себя новеллы, очерки, документы, перемножать до безконечности факты и вымыслы, историческія событія и детали біографіи, — жанръ, не только не губящій себя собственной безпринципностью, но благодаря ей процвѣтающій.

Никулнъ, иногда не безъ блеска, преодолѣлъ композиціонныя трудности: при всей сложности слагаемыхъ цѣлое стройно и дисциплинировано. Пусть въ его книгахъ много риторки, почти митниговой легкости фразы, — онъ повелъ своего героя — «спутника», и въ революціонныя и предреволюціонныя годы, по интересной дорогѣ: Октябрь, Москва и «красный Питеръ», Лариса Рейснеръ, Балтфлотъ, Укранна, Кронштадтское возстаніе, Афганстанъ, «приморскій

ложный городъ Одесса эпохи генерала — майора Толмачева», Ленинъ и Вертинский, «городъ Парижъ эпохи президента Фальсера, «лѣваго берега», антиимпериалистическихъ пѣсенокъ, кубизма, железнодорожныхъ забастовокъ», Блокъ Махно, Маяковский, русский эмигрантский Парижъ разныхъ временъ, парады Ворошилова на Красной площади, парижская хроника, нэпъ, Игорь Съверьянинъ, — реестръ именъ, фактовъ и событий могъ бы быть чрезвычайно длиннымъ.

Но читатель устаеетъ не отъ многообразія матеріала, не отъ, иногда неестественной приподнятости тона, — онъ устаеетъ отъ недовѣрія къ писателю. Конечно, не степень достоверности фактовъ тревожитъ читателя (они — занимательно и убѣдительно рассказаны), — раздражаетъ и вызываетъ на сопротивление вся тенденція повѣствованія, система намековъ, недоговоренностей или рѣшительной стилизации. Никулинь, кажется, черезчуръ «постарался»: неустанно блуждая въ воспоминаніяхъ, пренебрегая послѣдовательностью времени дѣйствія, онъ, въ сущности, уже не движется: «единственно правильное пониманіе міра», оказывается, открывалось ему во всѣ времена и на всѣхъ пространствахъ. Задача писателя — оправдать своей біографіей неотвратимость этой «единственности пониманія».

И читатель принужденъ непрестанно бороться съ этой «школой фальсификацій», знакомство съ которой очень поучительно: «идеологически выдержанное» творчество, даже и при сохраненіи виѣшняго художественнаго благообразія, вызываетъ противоядіе, — по видимому, по закону діалектики.

Ник. Андреевъ.

И. Ильфъ и Е. Петровъ.

Какъ создавался Робинзонъ.

Изд. «Молодая Гвардія».

Москва 1933 г.

«Въ ужасныхъ препирательствахъ прошла молодость. Мы спорили безъ конца. Враги говорили, что юморъ — это низкій жанръ, что онъ вреденъ. Плача, мы возражали. Мы говорили, что юморъ — вродѣ фитинна. Въ небольшихъ дозахъ его можно давать передовому читателю. Лилась блестящая дѣтскія слезы. Кто-то учился на своихъ ошибкахъ (орфографическихъ). Куда-то кого-то бросили».

Ильфъ и Петровъ рассказываютъ въ своей новой книгѣ «Какъ создавался Робинзонъ», что такимъ было отношеніе «руководящихъ группъ» къ юмору въ его недавніе годы. Теперь положеніе (по крайней мѣрѣ, нашихъ авторовъ) измѣнилось: и на официальныхъ пленумахъ ихъ величаютъ «талантливыми», и время отъ времени критики одобрительно отзываються объ нихъ «продукціи», — юморъ признанъ, очевидно, продуктомъ «широкаго потребленія». Радуетъ за авторовъ, но нѣтъ радости за читателя, хотя бы и «передового», Ильфъ и Петровъ — стандартны, какъ и всѣ издѣлія для «широпотреба».

Очень трудно было и прежде раздѣлять восторги, вызванные «Двѣнадцатью стульями» или «Золотымъ телекомъ», — еще меньше оснований для нихъ даетъ «Какъ создавался Робинзонъ»: сборникъ — самыхъ разновременныхъ и разнокачественныхъ юморесокъ, рассказовъ, сатирическихъ очерковъ. Конечно, и рѣчь быть не можетъ о какой то параллели между авторами и Зоценко, Мих. Булгаковымъ, Чехоите или Тэффи (что иногда производится не только неумѣренными энтузіастами изъ

читателей, но даже и критиками московской «Литературной Газеты»).

Ильфъ и Петровъ — поверхностные обличители бытовой мелочи, жизненнаго пустяка. Діалогъ и ироническое описание — ихъ любимыя приемы. Характерно, что герои ихъ лишены конкретной физической воплощенности: они — схематичны, различаются по фамиліямъ и по любимымъ «ударнымъ фразамъ». Авторы всегда исходятъ изъ опредѣленнаго «историческаго» случая, изъ хроники, — и именно съ этой стороны — гиперболическое фотографированіе быта.

Н. А.

Т. А. Бакунина.

«Русскіе вольные каменщики».

Изд. «Свѣча». Домъ Книги.

Парижъ 1934.

Небольшая, тщательно изданная, книга изслѣдовательницы русскаго масонства Т. А. Бакуниной заслуживаетъ быть отмѣченной.

Въ условіяхъ эмиграціи ей пришлось, къ сожалѣнію, ограничить свое изложеніе матеріалами здѣсь доступными.

Интересна мысль автора — составить справочникъ — «словарь русскіхъ вольныхъ каменщиковъ». — «Интересъ таго словаря», говоритъ Т. А. Бакунина, «состоитъ въ томъ, что онъ показываетъ намъ живыхъ людей; ихъ имена даютъ больше, чѣмъ статистическія таблицы. Наблюденія надъ этими живыми людьми, надъ характеромъ и составомъ масонскихъ ложъ, работавшихъ не только въ столицѣ, но раскинувшихся по всей Россіи, даютъ достаточный матеріалъ для того, чтобы мы могли говорить объ этомъ интересномъ явленіи русской культурной жизни безъ обобщеній, и въ то же время не столько о его предста-

вителяхъ — вожакахъ и выдающихся личностяхъ, сколько о масонской массѣ».

Очень любопытенъ, приводимый Т. А. Бакуниной, списокъ русскіхъ масоновъ по классамъ и профессіямъ. Вполнѣ справедливо и ея замѣчаніе о томъ, что масонскіе идеалы, «какъ они ни были отвлечены и неясны», явились для русскаго общества, особенно въ 18 вѣкѣ, почти единственной формой, въ которой могли выразиться едва начинавшіяся тогда первыя исканія освобождавшейся мысли, что не мѣшало тогдашнимъ русскимъ масонамъ оставаться глубоко вѣрующими людьми и сохранять лояльность, подчасъ даже излишнюю (реакціонныя взгляды Поздѣва, Лопухина) къ установленіямъ государственнымъ

«Идея духовнаго строительства», говоритъ авторъ книги, «взаимнаго нравственнаго совершенствованія и поддержки, распространенія началъ религіозной терпимости и проч., попавъ на истронутую почву, получила особенную чистоту въ пониманіи русскіхъ вольныхъ каменщиковъ. И вся ихъ масонская работа, съ первыхъ шаговъ до момента запрещенія въ 1822 г., освѣщена «исканіемъ истины», даже когда дѣло шло лишь о ритуалахъ, степеняхъ или другихъ тайныхъ познаньяхъ».

— «Вступать въ вольные каменщики», вспоминаются миѣ строки изъ катехизиса Елагина, «надо не для пріобрѣтенія добродѣтелей, которыя можно найти черезъ вѣру и гражданскія узаконенія, и не для снисканія премудрости, которую можно найти въ школахъ, но для открытія и преданія потомству нѣкаго важнаго таинства».

Исканіе этого «истиннаго масонства» составляетъ отличительную черту московской группы Новикова. Извѣдавъ многія масонскія системы, они нашли,

наконецъ, «истинное посвященіе» въ системѣ «Теоретическаго градуса наукъ Соломоновыхъ», привезенной Шварцемъ изъ Германіи

Я не согласенъ съ Т. А. Бакуниной, слишкомъ сближающей между собою представителей разныхъ масонскихъ системъ, преувеличивающей цѣлостность русскаго масонства. Не слѣдуетъ забывать о той длительной борьбѣ за вліяніе на російскія масонскія дѣла, которую вели между собою ложи англійскаго, шведскаго и нѣмецкаго происхожденія. Нужно также отмѣтить, что и новиковскія исканія «истиннаго масонства», помимо цѣли усовершенствованія въ масонскихъ наукахъ, имѣли и другую цѣль — добиться признанья Россіи вполнѣ самостоятельной масонской державой.

Этой цѣли новиковская группа достигла на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ въ 1782 г., на которомъ Россія была признана самостоятельной «8-й Великой Провинцией».

Великій Провинциальный Капитулъ былъ основанъ въ Москвѣ въ 1783 г. (Пріоръ — Татищевъ, канцлеръ — Шварцъ, казначей — Новиковъ). При Капитулѣ была учреждена Директорія для управленія провинціальными ложами — предсѣдатель — Новиковъ, члены Шварцъ, Татищевъ, Трубецкой.

Первыя гоненія на Новикова начались въ 1786 г. Арестъ Новикова и запрещеніе собраній — въ 1792 г. Акты новиковской организаціи хранились во время гоненій у Поздѣева и А. Ѳ. Лабзина, который въ 1800 г. возобновилъ тайную работу ложи «Умирающаго Сфинкса» на 13-ой Линіи Васильевскаго Острова въ Петербургѣ.

Въ 1803 г. Лабзинъ учредилъ «послушество тайнаго русскаго масонства», имѣвшее предметомъ изученіе мисти-

ческой традиціи новиковской группы, и поэтому не могущее быть открытымъ для всѣхъ желающихъ.

Когда въ 1810 г. явно-существовавшая ложа образовала «Директорію Св. Владимира къ порядку», Лабзинъ отказался примкнуть къ объединенію и предписалъ братьямъ своего послушества «не объявлять себя даже братьямъ открытыхъ ложъ, въ связи съ Директоріей не входить, ибо мало надежды имѣется, что и дальнѣйшая судьба масонства русскаго не будетъ столь горестной, какъ Новикова».

Существованіе тайныхъ ложъ во второй половинѣ 19 вѣка, ранѣе тщательно отрицавшееся самими ихъ участниками, нынѣ общеизвѣстно. Однако, сейчасъ не время излагать ихъ исторію, надо надѣяться, что со временемъ многіе архивы станутъ доступны для изслѣдователей.

Мнѣ представляется неправильнымъ положеніе Т. А. Бакуниной о масонствѣ XX ст., «которое, какъ извѣстно, было распространено довольно широко, но приобрѣло къ этому времени, въ связи съ политическими условіями страны, характеръ карбонарства».

Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду появленіе въ Россіи въ первые годы XX в. ложъ, работавшихъ по системѣ Grand Orient de France. Но наличіемъ ихъ далеко не исчерпывается русское масонство XX вѣка.

Ложи Лабзино-Новиковскаго послушества, работавшія въ XX вѣкѣ или по старо-русскому семистепенному ритуалу или, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по шотландскому, сохранили прежнія традиціи русскаго масонства — религиозное настроеніе, интересъ къ отвлеченнымъ умо-зрительнымъ исканіямъ истины и къ самоусовершенствованію.

Ю. Терціано.

*Doussia Ergaz. L'echance.
Chez Grasset.*

Госпожа Эргазъ себя до сихъ поръ зарекомендовала, какъ отличная переводчица. Теперь она выпустила книгу своихъ разсказовъ на французскомъ языкѣ, которая рѣзко выдѣляется среди другихъ книгъ, написанныхъ по французски нашими соотечественниками и повѣствующихъ о русской эмиграціи. Эти книги по большей части пишутся дамами, и въ нихъ обычно говорится о загадочной русской женщинѣ, о мятежной «славянской душѣ», способной на самыя противорѣчивыя чувства, толкающей на самыя бессмысленныя поступки. Словомъ, сознательно преподносится всяческая «кляква», неизмѣнно являющаяся приманкой для иностранцевъ и обманувшая иныхъ, даже тонкихъ и проникательныхъ критиковъ

Госпожа Эргазъ передаетъ повседневный бытъ и психологію русскихъ эмигрантовъ правдиво и просто. Ея герои — живые люди, ситуація вѣрна и каждому знакомы. Отношеніе автора проникнуто человѣчностью, налетомъ грусти, жалостью и тревогой за новыхъ «пасынковъ судьбы». Наглядно показано, какъ трудно имъ существовать въ непривычныхъ бѣженскихъ условіяхъ, какъ у многихъ борьба неизбежно превращается въ поражение

Та же тревога, то же ощущеніе неустойчивости перенесены и на ея разсказы о французской жизни, и въ этомъ ихъ неуловимое очарованіе. Особенно удаются ей дѣти. Книга оставляетъ впечатлѣніе какой-то внутренней честности и давшейся тяжело, но тѣмъ болѣе вѣдательной примиренности

С. Т.

*Geneviève Fauconnier : « Claude »,
roman. Librairie Stock 1933.*

« On l'a aidée à se retrouver comme on ranime un supplicié pour qu'il se sente mourir. »

Женская жизнь и женскіе будни. Но женщина въ романѣ Фоконье похожа на неодушевленную стихію. Она какъ земля принимаетъ въ себя то, что на нее падаетъ и какъ земля даетъ плодъ. Все предопредѣлено заранѣе въ той средѣ, гдѣ выросла героиня романа, Клодь. Тамъ же, гдѣ подрастаютъ невѣсты — растутъ женихи. Браки заключаются для того, чтобы сочетавшіяся пары повторяли циклъ, пройденный родителями. Человѣческія жизни похожи на времена года, дни на дождь, а времени нѣтъ вовсе, потому что настоящее непрерывно обращается въ прошедшее и переходитъ въ будущее. Но никто не порывается выйти за черту заранѣе предназначеннаго Французскій провинціальнаго бытъ.

Въ этой схемѣ героиня романа Фоконье съ прелестной изобразительностью отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ — тетради повседневныя событія, осѣдающія на нее какъ пыль и погребавшія ее какъ снѣгъ. Только снѣгъ таетъ подъ солнцемъ, а Клодь навсегда въ состояніи семейнаго анабіоза. Однажды, во время весенняго цвѣтенія, брошенная природой въ объятія случайнаго мужа, какъ животное въ періодъ течки — она не порывается разомкнуть кольцо обязательныхъ объятий тогда даже, когда приходитъ любовь.

« Une grande tâche, un grand amour... Mais si le grand amour manque, la grande tâche n'est qu'une tâche lourde... »

Клодь узнаетъ того, кого ей надле-

жало любить, кого она, оказывается любила раньше, чѣмъ поняла смыслъ слова любовь — тогда, когда жизнь ея загромождена, завалена обрушившимися жизненными событіями и когда между нею и любимымъ человѣкомъ стоитъ цѣлый выводокъ дѣтей, прижитыхъ съ мужемъ, вышедшихъ изъ ея утробы, извергнутыхъ оподотворившимся тѣломъ и соединенныхъ неразрывно съ материнской душой, независимо отъ того, кто отецъ.

« Claude ne sentira plus battre son coeur, qu'au moment où l'atmosphère de l'enfance lui est rendue. Battre — mais comme le coeur d'un pigeon qui croit qu'on le prend pour le caresser et qu'on étouffe... »

Она сама себя душитъ.

Нѣтъ никакихъ трагическихъ столкновений, ни словъ, ни слезъ, ни смертей. Есть только жизнь, которая труднѣе смерти и въ которой liés l'un à l'autre comme boeuf au labour мужъ и жена остаются вмѣстѣ liés et distants sans rien de commun que le joug et ce même sillon que l'on creuse.

Но позволить себѣ погибать и упиваться снобистическимъ непротивленіемъ гибели — имъ невозможно

Пожалуй самое отличительное въ романѣ именно отсутствіе внѣшнихъ драматическихъ эффектовъ. Это самая простая, самая обыкновенная жизнь — бракъ, долгъ, семья. Ничто не опрокинуто, все на своихъ мѣстахъ. (Все хочется опрокинуть и перевернуть вверхъ дномъ!). Все какъ у множества, все какъ было и какъ будетъ. Жюри увѣнчавшее романъ Фоконье преміей, помимо авторскаго таланта, увѣнчало, быть можетъ, именно эту незыблемость долга, неприкосновенность семейныхъ устоевъ, въ прочности которыхъ у Клодь даже не

возникаетъ сомнѣнія. Въ эпоху, когда литература, какъ Самсонъ, съ грохотомъ расшатала и рушить семейное зданіе — Клодь мечтаетъ о починкѣ крыши своего дома старой черепицей.

Она похожа на курицу, которая не умѣетъ уже пользоваться своими крыльями и не въ состояніи взлетѣть выше загородки курятника. Но покорное пріятіе существующаго умалываетъ ея заслугу вѣрности долгу. Смирненіе противоположно возмущенію, но гдѣ нѣтъ бунта, тамъ не смиреніе, а просто смиренность. Клодь и похожа на вьючное домашнее животное безропотно несущее свое ярмо, тяжести котораго она даже не сознаетъ, потому что не знала освобожденія.

Но у читателя остается недоумѣніе и боль за героиню. Неужели удѣлъ женщины неизбѣжность? И что такое женскіе будни — подвигъ или бессмыслица?

Екатерина Бакунина.

Alphonse de Chateaubriant : « La Réponse du Seigneur ». Ed. Bernard Grasset 1933.

Люди очень часто говорятъ о Богѣ, но очень рѣдко о Немъ думаютъ. Если кто - нибудь внимательно прослѣдитъ любой свой день, онъ замѣтитъ, что всѣ часы его посвящены лишь его дѣламъ, мыслямъ, переживаньямъ, Богу же — о Немъ непосредственно, забывъ себя, мы не удѣляемъ ни минуты.

Молитва просительная — за себя, за близкихъ, молитва благодаренія — не мысль о Богѣ; сознанье своей грѣховности, желанье стать лучшимъ — тоже для себя. И лишь тѣ, которые умѣютъ хоть на минуту, совѣмъ забывъ себя, думать только о Немъ, знаютъ, какое невыразимое счастье для твари чувство-

вать Его присутствие. Тогда, и только тогда, молитва никогда не остается безъ отвѣта. Научиться молиться — значитъ постигнуть тайну перехода человѣческаго въ Божеское, преосуществиться, преобразиться; сосредоточеніе всего своего существа на мысли о Богѣ — единственный путь къ счастью, къ любви, къ безсмертію. Такова, въ основныхъ чертахъ, идея новой книги Шатобриана, очень разнящейся отъ другихъ его книгъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ мудрый старецъ разсказалъ свою жизнь нѣсколькимъ молодымъ людямъ въ ту минуту, когда одинъ изъ нихъ, потрясенный обрушившимися на него несчастьями, находился на краю гибели, а другіе были безсильны его утѣшить. «Люди очень рѣдко бываютъ несчастными въ такой степени, чтобы смочь пожелать произвести внутренній переворотъ въ себѣ самомъ». «Вы очень несчастны, но это — большое счастье для васъ», обращается мудрецъ къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ. «Что это — вымыселъ? Дѣйствительно ли это было? могутъ меня спросить», говоритъ авторъ въ послѣсловіи. Онъ писалъ для тѣхъ, кто способенъ созерцать глубину жизни и, вѣроятно, для многихъ разсказъ его такъ и останется лишь повѣствованьемъ. «Однажды, когда мнѣ было 22 года, начинаетъ мудрецъ, «я рѣшилъ совершить пѣшкомъ путешествіе по Бретани». Въ одинъ прекрасный день онъ соблазнился извилинами тропинки среди дремучаго лѣса. И слѣдуя за ея изгибами, послѣ долгаго, утомительнаго пути, оказался вдругъ передъ стариннымъ замкомъ. Не въ силахъ преодолѣть любопытства, юноша входитъ во дворъ, не встрѣчая ни души. Набравшись смѣлости, онъ, черезъ пустой вестибюль проникаетъ въ домъ, идетъ по коридору и,

отворивъ одну изъ дверей, оказавшуюся незапертой, видитъ себя въ огромномъ залѣ съ голыми высокими стѣнами, наполненной народомъ: фермеры, фермерши, крестьяне сосѣднихъ деревень въ траурныхъ одеждахъ. Студентъ попалъ на похороны. Въ глубинѣ зала, у гроба, гдѣ происходило отпѣваніе, стоялъ высокій, очень худой господинъ. Молодой человѣкъ вмѣстѣ съ другими пошелъ за гробомъ; гробъ везли на быкахъ — бретонскій обычай, и онъ по любопытствовалъ видѣть похороны. По окончаніи похоронъ, хозяинъ замка, тотъ самый высокій худой господинъ, котораго онъ замѣтилъ въ залѣ, настойчиво уговариваетъ студента отдохнуть въ замкѣ; пришлось согласиться. Далѣе дѣйствіе развивается, какъ въ старинномъ рыцарскомъ романѣ. Юноша чувствуетъ себя давно ожидаемымъ, какъ бы небомъ посланнымъ гостемъ. Его недоумѣніе, волненіе хозяина и необычная обстановка рыцарскаго стариннаго замка переданы Шатобрианомъ съ большимъ мастерствомъ.

Господинъ де-Моверь — потомокъ древняго рода, предки его принадлежали къ нѣкогда знаменитому рыцарскому ордену тамплиеровъ, иначе Храмовниковъ. Во время гоненья, которому подвергъ орденъ король Флиппъ Красивый, вмѣстѣ съ гротмейстеромъ Яковомъ де Молле, былъ сожженъ предокъ хозяина замка. Де Моверь показываетъ своему молодому гостю тайну замка: въ той самой башнѣ, которая была построена въ XII вѣкѣ его предкомъ, тогда тамплиеромъ, скрытая пружина вдругъ обнаруживаетъ глубокое подземелье и тамъ, на днѣ, по предаію до сихъ поръ хранится огромное количество золота, принадлежавшаго ордену, скрытое здѣсь во время гоненья. Гость, едва сдерживая головокруженіе, видитъ внизу только

темноту, но окрестные крестьяне до сих пор свято вѣрятъ въ преданье о кладѣ тамплиеровъ...

Нужно прочесть эту книгу, чтобы постепенно войти въ тонъ ея и въ чувства ея героевъ. Юноша, подобно Парсифалю, самъ того не зная, приведенъ въ замокъ провидѣньемъ, чтобы принять отъ послѣдняго изъ тамплиеровъ духовное наслѣдіе — идею преосуществленія молитвой. Де-Моверь слишкомъ поздно, послѣ большихъ страданій, достигъ Истины; какъ старецъ въ земкѣ Грааля, онъ молитъ Бога дать ему преемника. И когда, въ первый разъ, на похоронахъ сестры, онъ увидѣлъ вошедшаго незнакомаго юношу, онъ внутреннимъ чувствомъ понялъ, что молитва его, наконецъ, услышана. Молодой человѣкъ не сразу осознаетъ свою миссію. Вначалѣ ему кажется, что владѣлецъ замка хочетъ выдать за него замужъ свою дочь — сонъ о любви влетаетъ въ сонъ дѣйствительности, дѣйствительность похожа на сонъ, ожиданье прекрасной дѣвушки тревожитъ его воображенье. Когда въ заброшенной часовнѣ въ лѣсу онъ находитъ дѣвичью соломенную шляпу, онъ почти увѣренъ, что мечты его — реальность. Но любовь раскрывается ему въ видѣ духовной красоты идеи — истины. Какъ рыцарь на гравюрѣ Дюрера «Рыцарь и смерть», онъ обручается той же высокой мечтѣ, которая вдохновила пушкинскаго рыцаря бѣднаго. Замѣчательна силой и простотой выраженія сценка, когда тамплиеръ показываетъ юношѣ чудесную бабочку, принимающую форму листа, на который устремлено ея вниманіе — чудо сосредоточія во всей природѣ, для человѣка и для насѣкомаго — законъ одинъ. И когда настаетъ моментъ разлуки рыцаря съ его духовнымъ сыномъ, мы чувствуемъ, что юноша дѣйствительно уходитъ въ

міръ преображеннымъ — и, вымыселъ ли это, или дѣйствительно бывшее, — книга для насъ уже иѣчто большее, чѣмъ просто повѣсть, это часть нашего собственного духовнаго переживанія.

Ю. Терениано.

Jean Giraudoux : « *Intermezgo* ». Grasset 1933.

Жанъ Жироду пользуется сейчасъ во Франціи немалой извѣстностью. Слово «извѣстность» въ данномъ случаѣ не преувеличеніе: имя Жироду окружено даже нѣкимъ ореоломъ. Оно нерѣдко приводится въ числѣ нѣсколькихъ именъ первыхъ современныхъ писателей. Недавно — къ моему удивленію — я прочелъ его въ сопоставленіи съ именемъ Марселя Пруста. Въ прошломъ году явился томъ избранныхъ сочиненій Жироду, такъ сказать, прижизненный памятникъ. Наконецъ, наибольшій триумфъ выпалъ на долю пьесы «Интермеццо», представленной прошлой зимой на сценѣ Комедіи Елисейскихъ Полей. Одинъ изъ серьезныхъ театралныхъ критиковъ писалъ, что 1933 годъ войдетъ въ исторію подъ именемъ года «Интермеццо».

За истекшій годъ Жанъ Жироду выпустилъ двѣ новыхъ книги: сборникъ рассказовъ «Сентиментальная Франція» и то же «Интермеццо». Книги эти очень различны — и по жанру и качественно, но въ одномъ онѣ сходны: онѣ полностью разрушаютъ мифъ о Жироду, какъ писателѣ не то, что великомъ, но хотя бы болѣе или менѣе значительномъ. Не то, чтобы Жироду былъ «не подлиннымъ»: ему нельзя отказать ни въ непосредственномъ чувствѣ, ни въ извѣстномъ талантѣ, ни въ особенностяхи — въ умѣ. Но у него слишкомъ много блеска, внѣш-

нихъ эффектовъ и внѣшней виртуозности, чтобы оставалось мѣсто для переживаній глубокихъ и серьезныхъ. Формально многія его страницы граничатъ съ шедеврами; но самое искреннее волненіе представлено имъ до того блестяще и остроумно, что за умомъ и юморомъ исчезаетъ причина самого волненія. А самое тонкое остроуміе, за которымъ ничего не кроется, оказывается утомительной и ненужной игрой.

«Сентиментальная Франція» все же лучшая изъ двухъ книгъ. Юморъ и умъ въ ней подлинныя, и часто остаются на своемъ мѣстѣ, порою чисто служебномъ. Общий тонъ книги — скорѣе лирической, и въ лучшихъ разказахъ («Сигнать», «Серенада 1913») лирическое переживаніе. Это сочетаніе чѣмъ то напоминаетъ Анатоля Франса, хотя Франсъ не въ примѣръ цѣлостнѣе и глубже Жироду. Любопытно, что послѣдній отъ новеллы совсѣмъ отходитъ и посвящаетъ себя почти исключительно театру: не потому-ли, что театральное дѣйствіе больше требуетъ внѣшней эффектности и можетъ оставаться только игрой. Такой игрой безъ настоящаго чувства и является «Интермеццо». Оно могло бы остаться легкой, но занятой комедіей, если бы авторъ не ударился въ символизмъ. Символика его оказалась настолько поверхностной и рабски слѣдующей давно знакомымъ образцамъ, что отталкиваетъ хоть сколько нибудь требовательнаго читателя; всѣ эти Призраки, Контролеры, Инспекторы, олицетворяющіе дѣйствительность земную и потусто-

ронную, внушаютъ глубочайшее отвращеніе. Умъ и юморъ тоже измѣнили Жироду: рѣчь Призрака о смерти мертвыхъ или сравненіе Контролеромъ чиновниковъ съ поэтами настолько претенциозны, что и не умны и не остроумны. Да и простая занимательность пропадаетъ, растворенная въ этомъ киселѣ дешевыхъ символовъ.

Жироду не только не великій писатель; по существу онъ дѣлаетъ дѣло для литературы вредное, подмѣняя ее внѣшнимъ мастерствомъ безъ настоящаго содержанія. Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ кризиса большинства литературныхъ формъ, это вдвойнѣ опасно. Подобно тому, кто обжегшись на молокѣ дуетъ на воду, читатель, неудовлетворенный Жироду, можетъ оттолкнуть и писателя значительнаго (Моріака или Дюамеля) только за то, что и у него «сведены концы съ концами». А это ведетъ уже къ окончательному распаду и формы и содержанія.

Ю. М.

Книги

Е. Бакуниной.

Въ концѣ іюня въ издательствѣ Stock выходитъ на французскомъ языкѣ въ переводѣ И. Эргатъ романъ Е. Бакуниной «Тѣло», начавшійся печатаніемъ въ «Числахъ».

Издательство «Петрополисъ» выпускаетъ въ скоромъ времени новый романъ Е. Бакуниной «Любовь къ шестерымъ».

Оба романа выходятъ и по чешски

ПУШКИНЪ

Путешествіе въ Арзрумъ

съ изданными страницами, фототипическимъ воспроизведеніемъ вновь найденнаго автографа — предисловія къ «Путешествію» (форматъ подлинника) и съ рисунками ПУШКИНА.

Предисловіе СЕРГЪЯ ЛИФАРЯ.

Редакція и пояснительныя примѣчанія Проф. М. Л. ГОФМАНА.

Роскошное изданіе in 4° carré въ 225 нумерованныхъ экземплярахъ, въ томъ числѣ:

20 именныхъ МѢ, на японской бумагѣ по цѣнѣ въ 300 франковъ
20 экземпл. на Голландской бумагѣ по цѣнѣ въ . . . . 150 »
20 экземпл. на «pur fil Lafuma» по цѣнѣ въ . . . . 75 »
10 hors commerce.

Подписку просимъ направлять по адресу:

Mr C. Novosseloff

Hôtel Vouillemont, 15, rue Boissy-d'Anglas

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЧИСЛА“

ПУТЬ ПРАВЫЙ

Романъ.

Въ количествѣ 100 экземпляровъ, изъ нихъ 15 нумерованныхъ по цѣнѣ 20 франковъ и 85 по цѣнѣ 13 франковъ.

Мѣсто продажи:

СЕРГЪЙ ШАРШУНЪ

Лидія Червинская „ПРИБЛИЖЕНІЯ“

стихи . . . . . 6 фр.

„LIBRAIRIE SOUS LA LAMPE“

8, rue de l'Abbaye, PARIS (6°)

КНИЖНОЕ ДѢЛО „ДОМЪ КНИГИ“ ПАРИЖЪ "MAISON DU LIVRE ÉTRANGER" 9, rue de l'Éperon, Paris

«ЧИСЛА», книги 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9-ая	по 25 фр. —
МИХ. ЦЕТЛИНЪ — «ДЕКАБРИСТЫ» (Судьба одного по- колѣнія)	50 фр. —
О. С. ТРАХТЕРЕВЪ — «МЫСЛИ И ТРЕВОГИ». Сборникъ	15 фр. —
И. ЭРЕНБУРГЪ — «ДЕНІ ВТОРОЙ, (романъ (отпеч. въ огран. код.)	65 фр. —
А. СЪДЫХЪ — «ЛЮДИ ЗА БОРТОМЪ»	20 фр. —
М. СЛОНИМЪ — «ПОРТРЕТЫ СОВѢТСКИХЪ ПИСАТЕЛЕИ»	20 фр. —
В. КОРСАКЪ — «ПОДЪ НОНЫМИ ЗВѢЗДАМИ», романъ . . .	33 фр. —
Е. БАКУНИНА — «ТЪЛО», романъ	20 фр. —
ПАВЕЛЬ ТУТКОВСКІЙ — «МОЛОТЬ ВРЕМЕНИ», романъ	20 фр. —
Г. СЛЮЗБЕРГЪ — «ДѢЛА МИНУВШИХЪ ДНЕЙ» (Запи- ски русскаго еврея) т.т 1 и 2 по 30 фр., т. 3-ій . . .	35 фр. —
Г. СЛЮЗБЕРГЪ — «БАРОНЪ Г. О. ГИНЦБУРГЪ, ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТ.»	12 фр. —
Г. СЛЮЗБЕРГЪ — «МЕСТЬ СПИНОЗЫ ЗА «ХВРЕМЪ» . . .	5 фр. —
А. ЧЕРНЫЙ — «СОЛДАТСКІЕ СКАЗКИ»	25 фр. —
ВИКТОРЪ ЭТАРЪ — «НЮДИЗМЪ (освобожденное тѣло), романъ	16 фр. —
Кн. ВОЛКОНСКІЙ — «ГОРЕ ПОВѢЖДЕННЫМЪ». Воспо- минанія	15 фр. —
«ПАМЯТИ РУССКАГО СТУДЕНЧЕСТВА XIX и XX в.в.» сборникъ	20 фр. —
МАРКОВЪ А. — «КРИЗИСЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА СССР»	5 фр. —
ПРОКОПОВИЧЪ — «ИДЕЯ ПЛАНИРОВАНІЯ И ИТОГИ ПЯТИЛѢТКИ»	7 фр. —
Ген. А. ДЕНИКИНЪ — «БРЕСТЬ-ЛИТОВСКЪ»	5 фр. —
Ген. А. ДЕНИКИНЪ — «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕ- НІЕ, РОССІЯ И ЭМИГРАЦІЯ»	3 фр. —
Д. ВАЧНАДЗЕ — «ПРОБЛЕМА КАВКАЗА»	5 фр. —
М. ОСОРГИНЪ — «СВИДѢТЕЛЬ ИСТОРИИ», романъ	20 фр. —
А. БУРОВЪ — «ЗЕМЛЯ ВЪ АЛМАЗАХЪ»	21 фр. —
ТАТЬЯНА А. БАКУНИНА — «РУССКІЕ ВОЛЬНЫЕ КА- МЕНЩИКИ»	7 фр. 50
И. ЭРЕНБУРГЪ — «ИСПАНІЯ» (полное изданіе)	25 фр. —
И. ЭРЕНБУРГЪ — «МОСКВА СЛЕЗАМЪ НЕ ВѢРИТЬ» (полное изданіе)	25 фр. —
Г. СЛЮЗБЕРГЪ — «ДОРЕВОЛЮЦІОННЫЙ СТРОЙ РОС- СИИ»	25 фр. —
Н. ДЕНШЕВОЙ — «ЛИСТОПАДЪ» (Воспоминанія) Цикль стиховъ	12 фр. —

КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

G. Rouault

Figure pour le miserere

G. Rouault

Le jeu de massacre 1905

A. Dupuy de Segonzac

Le golfe de Saint-Tropez 1927

A. Dunoyer de Segonzac

Les trois peupliers 1923

P. Picasso

Portrait d'Ambroise Vollard 1910

(Musée de Moscou)

P. Picasso

Portrait de Madame Picasso 1923

M. Odighiani

Nu couché

Serge Lifar

A. Derain

La fenêtre ouverte 1912

A. Derain

Bateau de pêche à l'Estaque 1906

A. Dunoyer de Segonzac

Le déjeuner sur l'herbe 1913

A. Dumoyet de Segonzac

Les buveurs 1910

A. Derain

Le Samedi 1914 (Musée de Moscou)

A. Derain

Les arlequins (Collection Paul Guillaume) - 1924

N. GONTCHAROVA, « Le Coq d'Or », 1914.

LARIONOV, « Baba-Yega », 1916.